

Ожогимеџка

<https://vk.com/mybookslib>

Ким Холден

Секреты. Они есть у каждого. Большие и маленькие. Иногда раскрытие секретов исцеляет, А иногда губит. Жизнь Кейт Седжвик никак нельзя назвать обычной. Она пережила тяжелые испытания и трагедию, но не смотря на это сохранила веселость и жизнерадостность. (Вот почему лучший друг Гас называет ее Оптимисткой). Кейт — волевая, забавная, умная и музыкально одаренная девушка. Она никогда не верила в любовь. Поэтому, когда Кейт покидает Сан Диего для учебы в колледже, в маленьком городке Грант в Миннесоте, меньше всего она ожидает влюбиться в Келлера Бэнкса. Их тянет друг к другу. Но у обоих есть причины сопротивляться этому. У обоих есть секреты. Иногда раскрытие секретов исцеляет, А иногда губит.

Ким Холден
Оптимистка

Кейт

— Ну как дела, красотка?

— Гм, знаешь, я провела за рулем тридцать часов, или что-то около того. Я сбилась с пути. Я не спала два, а, может, и все три дня. Я залила в себя две дюжины Ред Булов и пятнадцать литров кофе. Так что, все, как всегда.

Он смеется.

— Подруга, наверное, в тебе течет кровь дальнобойщика.

— Сукин сын.

Он снова заливается смехом.

— Потрясающе! Наверное, мне стоит сменить твое прозвище с Оптимистки на Сучку.

Наша беседа течет плавно, так естественно, на что я и надеялась. После того, как мы с Гасом решили пойти разными путями в Сан Диего несколько дней назад, я не знала чего ожидать от этого звонка.

А потом настал черед неловкого молчания.

За все девятнадцать лет, что я его знаю, у нас никогда такого не было.

— Так, что, Миннесота?

— Ага.

— Остановишься у Мэдди?

— Да.

— Как ты? — спрашивает Гас.

— Все путем.

Господи, разговор так и не клеится. Может, в его голосе и чувствуется скука, но я прекрасно понимаю, что он чертовски нервничает. Интересно, почему я еще не слышала, что он прикуривает сигарету. И тут же слышу щелчок зажигалки и такой знакомый звук, издаваемый при первой затяжке.

— Ты бы...

Он обрывает меня на полуслове.

— Мне надо идти, Оптимистка. Я, наконец, добрался до Робби, судя по всему, группа уже собралась. А я как обычно опоздал. Они ждут меня.

Я разочарована, но понимаю, что невозможно остановить жизнь других людей только потому, что этого хочется Кейт. Поэтому натягиваю свою самую лучшую улыбку и отвечаю:

— Да, конечно. Ты будешь свободен завтра вечером? Я позвоню тебе.

— Я планирую покататься на серфе после работы, но все равно звони.

Его дыхание выравнивается благодаря тому, что он так сосредоточенно курит, пытаюсь успокоиться с помощью никотина и сигаретного дыма.

— Хорошо. Я люблю тебя, Гас.

Мы всегда говорим друг другу «Я люблю тебя». Он привык слышать эти слова от своей матери каждые пять минут, просто потому что она все это чувствовала на самом деле. Для нее это было естественно. Я же никогда не слышала ничего подобного от своей матери. Никогда. Для нее было естественно именно это. Ей было безразлично. Я чувствовала это каждый день. Всей своей сущностью. Думаю, поэтому мне так нравилось слышать эти слова от Гаса и его мамы, Одри. Было бы странным закончить разговор с ним и не сказать этой

фразы.

— И я тоже, Оптимистка.

— Пока.

— Пока.

Я собираюсь остановиться у Мэдди. Мэдди — моя тетя, сводная сестра матери, гораздо младше ее. Мать даже не знала о ее существовании, пока они не встретились на похоронах дедушки (их общего отца) три года назад. Дедушка не общался с матерью практически всю ее жизнь. Он ушел из семьи, когда ей было около десяти лет. Просто исчез и, судя по всему, у него была другая семья. Он снова вошел в ее жизнь за несколько лет до смерти. Я встречалась с ним несколько раз, и он мне нравился. Не могу судить его за то, что он сделал, потому что не знаю, на что была похожа его жизнь.

Короче, Мэдди появилась на похоронах, и у моей матери случилась истерика, когда Мэдди объявила, что она ее сводная сестра. Что тут сказать... Моя сестра Грейс и я были поздними детьми. Грейс получилась случайно, а я была лишь слабой попыткой удержать мужчину, который не хотел ни ее, ни нас. Ей было тридцать девять, когда родилась Грейс и сорок, когда подошла моя очередь. Мэдди же двадцать семь, она всего лишь на восемь лет старше меня, что означает, что моя мама на тридцать семь лет ее старше. И если сложить два плюс два, то становится очевидно, что дедушка был тот еще сексуально озабоченный старикашка. Но, повторяюсь, не мне судить.

Теперь у меня есть тетя, о существовании которой я не имела представления и которую едва знаю. Она останавливалась в нашем доме в Сан-Диего на неделю всего лишь раз, и это было два года назад. Поэтому, как только я узнала, что меня приняли (и дали стипендию) в Грант, маленький колледж в крошечном городке с таким же названием, на окраине Миннеаполиса, то позвонила Мэдди и спросила, могу ли я пожить у нее недельку пока не начнутся занятия и можно ли мне не оформлять комнату в общежитии. Она колебалась так, как будто я прошу у нее как минимум почку, но, в конце концов, согласилась. И вот я здесь, в гостевой комнате. Прошел всего лишь час, а я уже ощущаю себя паразиткой, злоупотребляющей ее гостеприимством.

Я распаковываю чемодан и складываю зубную щетку, пасту, шампунь, кондиционер и бритву в огромной гостевой ванной комнате. У Мэдди действительно отличная квартира. Не уверена, каков прожиточный минимум здесь, в Миннеаполисе, но она выглядит дорогой и поражает воображение. Знаю, некоторым людям нравятся все эти полеты дизайнерской мысли, но по мне так это слишком. Мне нравится простота, как в квартире в Сан-Диего, по которой я очень скучаю. Раньше это был гараж, который переделали в жилое помещение. Я арендовала ее у мистера Ямашита, который раньше работал у нас садовником. Он даже умудрился устроить маленькую ванную комнату. Кухня была оборудована мини-холодильником, микроволновкой, варочной панелью. Раковины не было, посуду приходилось мыть в ванной. Квартира была маленькой и темной, поэтому мы поднимали гаражную дверь для дополнительного освещения. Тем не менее, я очень любила ее. Она была простой, без изысков. Настоящий дом. Грейс и я переехали в нее около года назад. Мы искали жилье и мистер Ямашита, будучи очень приятным пожилым мужчиной, предложил нам настолько дешевую арендную плату, что я не могла отказаться. У нас была одна двуспальная кровать, столик для игры в карты и два кресла, которые выполняли функции обеденных, а также стол для настольных игр. В квартире практически не было свободного места, но было очень уютно. Она располагалась на углу, в квартале от океана, поэтому мы

могли любоваться им в любую погоду. Каждый день, после ужина и вечерней ванны Грейс мы поднимали гаражную дверь, садились на край кровати и смотрели на закат. И как только солнце практически совсем уходило из виду, и горизонт окрашивался в оранжевый цвет, Грейс брала меня за руку, поднимала вверх наши переплетенные пальцы и кричала: "Время шоу!". И я вторила ей: "Время шоу!" Она крепко держала мою руку обеими руками, удобно устроив их на своем бедре до поздней ночи. Темнота вызывала у нее чувство радости, она начинала аплодировать, и я присоединялась к ней. Грейс говорила мне: "Это был лучший вечер, ведь так?" Я соглашалась каким-то образом действительно так и считая. Потом я опускала дверь, поднимала ноги Грейс на кровать так, чтобы она могла лежать. Накрывала, целовала ее в лоб и говорила: "Спокойной ночи, Грейси. Я люблю тебя. Крепких снов" А она на это отвечала: "Сладких снов. Я тоже тебя люблю, Кейт", а потом целовала в лоб. Я так скучаю по всему этому.

Разложив вещи в своем временном пристанище, я пошла бродить по квартире. Хотела поговорить с Мэдди, но та висела на телефоне, поэтому я направилась на кухню, предварительно получив от нее рассеянный кивок, разрешающий залезть в холодильник. Она потихоньку хихикает в телефон. На другом конце провода, должно быть, парень. Женщины хихикают подобным образом только при разговоре с тем, с кем спят, или страстно желают.

Ее маленькая собачка, Принцесса, следует за мной повсюду. Не знаю, что за порода, но, если моргнешь, то открыв глаза, с трудом обнаружишь ее, настолько она крохотная. Она очень общительная и нравится мне, но я вынуждена постоянно напоминать себе, куда иду, чтобы не дай бог не оступиться и не раздавить ее как муравья.

Тащусь в кухню, скользя ногами по плитке на полу, не имея никаких сил нормально передвигать ими. Открываю кладовую и обнаруживаю коробку мак энд чиз, банку говяжьего супа и протеиновый батончик настолько твердый, что, скорее всего, его срок годности истек в прошлом веке.

Достаю кастрюлю и начинаю кипятить воду для мак энд чиз. Напеваю себе под нос, пытаюсь тем самым приглушить разговор Мэдди, доносящийся из соседней комнаты. Жаль, что у меня нет с собой iPod, он в спальне, а это целых двадцать шагов. Боюсь, что если я соберусь силами и пойду за ним, то роскошная, манящая кровать все-таки соблазнит меня. А мне надо обязательно поесть. Последний раз я делала это несколько штатов назад, в Небраске, по-моему.

Как только я помешала макароны и начала разрывать пакетик с сыром, Мэдди прекратила телефонный разговор и забрела в кухню.

— Ты голодна, Мэдди? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами. — Думаю, да.

Мы молча едим, ну если не считать ее жалоб на количество жира в мак энд чиз и как они ужасны на вкус. Хотя я обратила внимание на то, что она все съела и практически вылизала свою тарелку. По мне, так они были восхитительны, очень сложно испортить это блюдо.

Я ждала до окончания нашей трапезы, что она как гостеприимная хозяйка начнет беседу, но в итоге поняла, что инициатором буду я.

— Мэдди, как давно ты здесь живешь? Квартира просто отличная.

— Чуть больше года. Да, она нормальная.

Чувствуется, что ей скучно, поддерживать разговор — слишком тяжелая работа для нее.

— Нормальная? Боже, да она великолепная. Многоэтажный дом на окраине города,

модный район, много ресторанов и магазинов. В здании есть подземная парковка и охрана, гимнастический зал и бассейн. Ты должна быть счастлива, Мэдди.

Она пожимает плечами.

— На первое время сойдет. Я подыскиваю квартиру в другом месте. Хочу район получше, чтобы было больше удобств и квадратных метров побольше. Но я только что подписала договор аренды на шесть месяцев, так что, думаю, что мне придется пока остаться здесь.

Она недовольно надувает губы.

Я киваю. Сойдет на первое время? Господи, я стараюсь не судить, но, чем дальше нахожусь рядом с ней, тем больше мне не по себе. Понимаете, людям свойственно чем-то заполнять внутреннюю пустоту, список этих так называемых наполнителей может быть длинным, хорошим или плохим. У меня такое чувство, что для Мэдди — это, прежде всего деньги, одежда, материальные блага. Она все в поисках чего-то лучшего, когда может просто наслаждаться тем, что уже имеет. Грустно. Как в детской сказке о пауке и мухе. Жадность, деньги, накопительство — это паук, а Мэдди — муха. Направляю разговор в другое русло.

— Как твоя работа? Ты ведь юрист? — Пытаюсь откопать в измученной голове воспоминания о ней. Все-таки прошло два года с момента ее единственного визита к нам.

— Да. В Розенштейн и Барклай. В пригороде Миннеаполиса.

— Замечательно, — полагаю, я сама должна поддерживать разговор. — Ты, наверное, очень занята, но все-таки у тебя есть хобби? Что тебе нравится делать в свободное время?

В этот момент в ней как будто загорается лампочка, такое ощущение, что я затронула тему, которая ей действительно интересна.

— Мне нравится ходить по магазинам, делать маникюр, укладывать волосы, еще я хожу в солярий несколько раз в неделю. — Она быстро озвучивает свой список и осматривает меня с ног до головы. Совершенно очевидно, что, по ее мнению, у нас нет ничего общего, так как на голове у меня непонятный узел, ногти обкусаны, а штаны и футболка с надписью Manchester Orchestra застираны до дыр. Я загорелая, но не благодаря солярию, а свежему воздуху, и ей это известно.

— И да, мне приходится тренироваться каждое утро, — выражение, с которым она произносит слово «приходится» немного настораживает.

— Ты тренируешься в гимнастическом зале в холле? Я обратила на него внимание по дороге сюда. Возможно, завтра я тоже загляну туда побегать на дорожке.

Она так вскрикнула, как будто я предложила ей откусить бутерброд с дерьмом.

— Боже, что ты. Это отвратительное место. Я занимаюсь в частном зале недалеко от офиса: Миннеаполис Клуб.

Ну, конечно же, хотелось мне сказать, но я только киваю головой, пока она не успокоилась.

— Отлично, Мэдди, — отодвигаю стул и убираю со стола свою тарелку. — Думаю, мне пора в кровать. Спасибо за мак энд чиз. Завтра я схожу в магазин, а то сегодня слишком измотана.

— Ты могла бы купить мне обезжиренный ежевичный йогурт? — спрашивает она. Я складываю тарелки и кастрюлю в посудомоечную машину. Настоящую посудомоечную машину!

Я в таком восторге от нее, что практически не слышу, что говорит Мэдди. Меня разрывает на части от желания встать на колени и поцеловать ее.

— Да, конечно. А у тебя есть кофейник? Мой не пережил переезд сюда, а я не могу жить без кофе.

Слышу ее "Гм!" из соседней комнаты и у меня такое впечатление, что я каким-то образом оскорбила ее. Когда я прохожу мимо Мэдди по пути в спальню, в которой планирую спать как убитая как минимум семнадцать-восемнадцать часов, она качает головой и смотрит на меня так, как будто у меня появился третий глаз.

— Зачем мне кофейник? В соседнем доме Старбакс.

— Ой, конечно, ты права, — киваю головой и мысленно делаю пометку купить кофейник завтра, когда буду делать покупки. — Спокойной ночи, Мэдди.

— Спокойной ночи? Ты же не собираешься еще спать? Только пять часов вечера, — она уперла руки в бока. — Я думала, что мы пойдем куда-нибудь выпить.

— Как-нибудь в другой раз, дорогая. Можно сходить завтра вечером. Я должна была пожелать себе "сладких снов" еще прошлой ночью, но влила в себя столько кофеина, что не смогла заснуть. Поэтому прямо сейчас собираюсь насладиться крепким сном и за вчера, и за сегодня. Увидимся завтра.

Кейт

Я проснулась в 10.37 утра в чертовски хорошем настроении. В последнее время я могу позволить себе роскошь поспать подольше, что было чуждо мне практически всю жизнь.

Мэдди должна быть на работе, поэтому я вытаскиваю свой ноутбук и пытаюсь найти адрес близлежащего продуктового магазина. Есть один совсем недалеко, я могу дойти до него пешком. Спускаюсь на лифте в гимнастический зал и тридцать минут бегаю на дорожке, потом иду в душ, беру кошелек и телефон и направляюсь за покупками. На выходе из здания обнаруживаю, что вывеска Старбакс тянет меня к себе, как бабочку на огонь. Я не особо люблю все эти модные кофейни. Мне нравятся маленькие, семейные заведения. Тем не менее, я уже в дверях. Заказываю большую кружку черного кофе. Знаю, это раздражает их. Предполагается, что я должна использовать какое-то претенциозное название. Но я вечность не была в подобных местах и отчаянно хочу кофе. У меня нет времени изучать их гигантское меню, чтобы сделать такой заказ, который понравится им.

Мне задают стандартный набор вопросов:

— Молоко, соевое молоко или сливки, не содержащие молока?

— Нет, спасибо.

— Аромат?

— Нет, спасибо. Просто черный кофе.

В ожидании, перекатываю с пяток на носок. Когда мне, наконец, подают кофе, так и хочется сказать «ну, давай, иди к мамочке», но вместо этого говорю:

— Огромное спасибо, — особо выделяя слово «огромное».

Наконец, добираюсь до магазина и покупаю необходимыми продуктами. По счастью, у них оказался маленький кофейник на две чашки, который достался мне со скидкой за пятнадцать долларов. По дороге обратно держу мешок с продуктами в одной руке, а в другой крепко сжимаю кофейник с таким видом, как будто это Святой Грааль.

Вернувшись домой к Мэдди, решаю немного прибраться. Полагаю, она много работает и ей некогда, потому что в квартире чертовски грязно. Я, конечно, тоже не Мисс Чистюля, но думаю, это меньше, что я могу для нее сделать. Прошлась пылесосом и привела в порядок кухню и ванную. Закончила около пяти, как раз, когда Мэдди вернулась с работы.

В пять пятнадцать она заявила, что умирает с голоду, так как у нее с утра не было ни крошки во рту и что я просто обязана попробовать суши в баре, находящимся вниз по улице. Я не фанат суши. Знаю, это святотатство в некоторых кругах, к тому же, я вегетарианка. Этот факт существенно снижает разнообразие выбора, а если принять во внимание и мою нелюбовь к рису, то становится понятно, что делать мне там нечего. Но, естественно, я не хочу выглядеть неблагодарной, все-таки я — гость, поэтому говорю ей:

— Отлично, пойдём.

Ресторан набит под завязку, но Мэдди знает метрдотеля по имени, так что нам быстро находят свободный столик.

— Ты часто сюда приходишь? — спрашиваю, потрясенная от такого обслуживания

— Нет, только два раза в неделю.

Киваю головой. Я уже начинаю привыкать к тому, что просто киваю, будучи в шоке от ее образа жизни. Моя мать прожила так всю свою жизнь, поэтому, полагаю, мне не стоило

бы так удивляться, все-таки они сестры. Должно быть, тяга к роскошной жизни передается по наследству, хотя мы с Грейс определенно избежали этого.

Начинаю изучать меню в поисках чего-нибудь съедобного и вдруг понимаю, что Мэдди заказывает нам мартини. Мои глаза расширились по пять копеек, но она уже устала в меню.

— Что ты будешь заказывать?

Я нагибаюсь и шепчу ей:

— Мэдди, мне всего лишь девятнадцать. Подруга, мне нельзя употреблять спиртное. — Не то, чтобы я совсем не выпиваю, но определенно не настроена на это сегодня. К тому же, у меня даже нет фальшивого удостоверения личности на случай, если официант решит проверить его.

Она прерывает меня взмахом руки.

— Я здесь частый гость.

Это что, типа все объясняет? Я пожимаю плечами и поднимаю брови.

— Хорошо.

Когда принесут выпивку, я отдам ее Мэдди. Что-то подсказывает мне, что она не откажется.

— Ну что, вернемся к еде. Что тебя заинтересовало? — Мэдди радостно пожирает глазами меню.

— Вообще-то, я вегетарианка. Какой у меня есть выбор? — Я быстро пробегаю по ассортименту в попытке найти хоть что-то с овощами.

Она опять отмахивается от меня со словами:

— Я закажу на двоих.

В это время официант приносит наши напитки.

К тому моменту, как официант заканчивает расставлять тарелки с заказанными блюдами на столике, я понимаю, что весь стол заставлен длинными тарелками с разноцветными роллами, ярко-розовой и белой рыбой и кучей васаби. Я в шоке.

— Мэдди, тут какая-то ошибка. Здесь слишком много еды.

— Нет, это все наше.

Я хмурюсь.

— Но здесь как минимум шесть тарелок, а нас только двое.

Она пожимает плечами и смотрит на меня так, как будто я изъясняюсь по-японски.

— В суши мало калорий. К тому же, ты не знала, что выбрать, так попробуй всего понемногу.

Я опять киваю, наверное, уже в сотый раз.

— Хорошо. Мэдди, скажи какие из них без мяса, а то для меня они все одинаковы.

Она начинается смеяться так, как будто я сказала что-то ну очень смешное.

— Думаю, вот эти две тарелки тебе подойдут.

— Ты думаешь или знаешь? Мой желудок не готов к испытаниям.

Она морщит нос.

— Кейт, это отвратительно.

— Извини, я просто говорю, как есть. Если неподходящая еда попадет мне в желудок, реакция будет незамедлительной.

Она все еще морщит нос.

— Просто попробуй суши вот с этих двух тарелок. Все будет в порядке

Я доверяю ее выбору лишь на тридцать процентов. К сожалению, все блюда на столе пахнут для меня рыбой, поэтому я решаю последовать совету Мэдди. Откусываю небольшой кусочек. Непонятный вкус. Я не могу определить, где тут рис, а где рыба. В любом случае, с каждым куском мне приходится сдерживать рвотный рефлекс. Съедаю три куса, запивая каждый большим количеством воды.

Мэдди приканчивает оба мартини и огромное количество суши. Когда нам предлагают взять с собой оставшуюся еду, она отказывается. Я не шучу. Если бы эти суши не пахли так погано, я бы растянула на два дня то, что она сейчас собирается просто выбросить.

Когда приносят чек, она достает кошелек, а потом аккуратно бьется головой о стол. У нее явно тяга к драматизму.

— О боже, я, должно быть, забыла кошелек дома. — Она смотрит на меня щенячьими глазами и становится очевидным, что платить придется мне. — Без проблем. Я заплачу. — Все-таки я ее гостя и это меньшее, что я могу сделать за то, что она позволила мне пожить у нее несколько дней.

Она толкает мне счет. Я в ужасе. Сто семьдесят три доллара! У меня в кошельке только три бакса, поэтому протягиваю свою единственную кредитную карту. Ту, которую берегла на непредвиденный случай. Ту, которую стараюсь вообще не использовать. Я довольно экономна с деньгами, и не потому, что скряга, а потому что каждый месяц мне нужно оплачивать счета. Никто другой за меня этого не сделает.

Я всегда оставляю немного денег на развлечения или чтобы помочь друзьям, попавшим в затруднительное положение. Но вот сейчас я просто выбросила эти деньги на ветер, потратив их на ужин. Убеждаю себя, что все в порядке, так что к моменту возвращения официанта, я примирилась с тем фактом, что эта ситуация — еще один жизненный опыт и когда-нибудь я, скорее всего, просто посмеюсь над этим.

Мэдди извиняется и удаляется в уборную, пока я расписываюсь в квитанции. К моменту ее возвращения, мой желудок начинает издавать булькающие звуки. Это напоминание о том, что очень скоро мне придется платить за то, что я только что съела.

Мы несемся домой, и я едва успеваю дойти до ванной, чтобы не уделать штаны. Кульминационный момент моего суши-опыта носит яростный, взрывной характер.

Закончив тщательно прочищать свой кишечник, решаю просто поваляться в кровати и почитать. С девяти тридцати, начинаю смотреть на часы каждые пять минут. В десять начинаю ходить из угла в угол. К десяти тридцати я практически протерла дорожку на ковре. Руки все мокрые от того, что я вцепилась в телефон мертвой хваткой. Смотрю на него вот уже пятнадцать минут. В Калифорнии все еще рано. Говорю себе, что, скорее всего, он на пляже. Но что, если он пришел домой и просто избегает меня, потому что вчера мы оба чувствовали себя не в своей тарелке. Черт, Кейт, да позвони ты ему и все узнаешь, иначе неизвестность сведет тебя с ума. Нахожу его номер и нажимаю на кнопку вызова.

На экране появляется фотография смеющегося Гаса с длинными, обесцвеченными палящим солнцем волосами, свисающими на один глаз. Второй же, кажется, подмигивает мне. Когда я набираю его номер, то всегда сначала смотрю на снимок, перед тем, как приложить трубку к уху. Таким образом, он вроде как приветствует меня в своей особой, свойственной только ему, манере. Я начинаю улыбаться и расслабляюсь. Раздалось уже четыре гудка, и я ожидаю, что после пятого включится голосовая почта, но он отвечает на звонок.

— Пожарная станция. У телефона Гас. Вы поджигаете, мы тушим. — Он прерывист

ДЫШИТ.

— Эй, чувак, где горит?

Гас делает несколько вдохов, пытаясь успокоить дыхание.

— Прости, выгружал из машины свою доску для серфинга. Я слышал, что звонит телефон, но чертова дверь оказалось заперта.

— Я думала, что на твоей машине сломаны замки.

— Так и было. Но, как видишь, теперь это не так. Не понимаю, что происходит. Наверное, где-то что-то замкнуло.

— Может, тебе стоило бы поменять машину? — вношу свое предложение, только потому, что знаю, оно вызовет дискуссию.

— С чего бы это? — Он притворяется оскорбленным до глубины души. Мы развлекаемся так, по меньшей мере, раз в неделю.

— Ну, не знаю, наверное, потому что твой грузовик 1989 года выпуска. Или потому, что у него на спидометре больше 300000 миль. Или потому, что в нем постоянно что-то ломается. — Я буду безумно расстроена, если он избавится от него. Мне нравится эта машина, главным образом потому, что она представляет из себя кусок дерьма. Но он так печется о ней, что я с наслаждением подшучиваю над ним.

— Подруга, к ней просто нужно приноровиться. У моей малышки есть характер. — Его защитная речь эффектна.

Я смеюсь.

— Знаю. Мне нравится твой грузовик и его нрав. — А потом я меняю тему разговора.

— Как волны?

— Хреново. Полагаю, туристы и все, кому не лень в округе взяли в аренду доски, и пошли покорять волну. Это полный капец. Почему люди думают, что если они посмотрели пару фильмов о серфинге, то уже можно пытаться встать на доску, чтобы поубивать здесь всех. Знаешь, когда мне было шесть лет, и я попал на родео, то мне до ужаса понравился парень, катающийся верхом на быке. Но при всем этом мне же не пришло в голову самому запрыгнуть на животное, чтобы повторить. Ведь есть же какие-то правила, этикет, черт возьми.

— Да.

— Как прошел твой второй день в Миннесоте?

— Неплохо. Вечером мы с Мэдди наелись суши.

— Суши? Ты же терпеть их не можешь. — Как приятно знать, что где-то там есть тот, кто знает о тебе все.

— Ага. Ну не то, чтобы и я им понравилась. Мэгги перепутала, какие из них с рыбой, а какие без.

— Подруга, только не говори, что тебя посетил мясной понос. — В его голосе слышится беспокойство за меня на пару с весельем. Гас, так же, как и я, уже много лет не ест мясо, поэтому прекрасно знает, что может натворить с пищеварительной системой даже маленький кусочек мяса.

— Так и есть. Было просто отвратительно.

— Капец. Мне жаль, — говорит он, сам смеется тем грудным смехом, который мне так нравится.

— Тебе смешно только потому, что не ты был тем, кто практически наделал в штаны перед тетей, которую едва знает. — Я тоже смеюсь, радостная от того, что мы нормально

общаемся, а не молчим как вчера.

Он начинает смеяться еще громче, а потом делает глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Прости, Оптимистка. Мне было необходимо расслабиться.

Гас еще несколько раз хихикает, а потом замолкает. А я опять начинаю нервничать.

— Гас? — Пытаюсь как-то сдержать эмоции, но голос выдает меня с головой.

— Да, — протяжно говорит он, как будто уже зная, о чем пойдет разговор.

— Давай будем честны друг с другом? Это... произошло. Мы не можем делать вид, как будто ничего не случилось. Нам нужно поговорить.

Он громко выдыхает.

— Согласен.

На какое-то время возникает пауза, никто не хочет начинать первым. Наконец, Гас открывает рот.

— Послушай, знаю, мы были пьяны, как бы избито это ни звучало, поэтому произошло то, что произошло. У меня не было грандиозных планов напоить и соблазнить тебя.

Он что, пытается поступить по-рыцарски? Нам все равно нужно обо всем поговорить.

— Я не была пьяна. Я выпила два стакана вина за четыре часа. Ты тоже выпил едва ли больше меня. Ты зол? Я не хочу, чтобы между нами была недосказанность. Знаешь, я тоже этого не планировала.

— Да, я знаю. — Определенно он говорит искренне.

Некоторое время мы молчим.

— Ты еще здесь? — спрашиваю я.

— Ага.

— Так, что мы будем делать? Не думаю, что для таких случаев есть какая-нибудь инструкция. — Мой голос спокоен, но внутри все трясется. Ненавижу это состояние. Обычно, я ничему и никому не позволяю волновать себя. Уже несколько месяцев я не чувствовала себя подобным образом.

А потом он тихо, робко спрашивает:

— Ты сожалеешь?

С шумом выдыхаю воздух из легких. С ним уходит и небольшая часть моей нервозности.

— Ты что, действительно меня об этом спрашиваешь? Гас. Ты же знаешь меня. Мой девиз: — Никаких сожалений. — Сожаление ведет к сомнениям, злости, огорчению, а я не могу себе позволить ничего из этого.

— Да.

Мы опять молчим несколько секунд. Я жду, что он продолжит, но Гас всегда молчалив, когда что-то обдумывает, поэтому я просто даю ему время.

Когда сил терпеть уже не остается, я спрашиваю:

— А ты сожалеешь?

Он фыркает, и мне не понятно, то ли от раздражения, то ли от чего-то еще. Но когда Гас начинает говорить, я понимаю, что ему смешно.

— Оптимистка, мне, черт возьми, двадцать один год. У нас был секс. Как ты думаешь?

Он прав. Но я хочу четких ответов. А не еще больше вопросов.

— Но это был секс со мной!

— Подожди. — Я слышу щелчок зажигалки и то, как он глубоко вдыхает сигаретный дым, делая первую затяжку.

— Тебе нужно бросить курить, — тихо ворчу я. Это привычка. Я постоянно ругаю его за

то, что он курит. Даже, если не вижу и не чувствую запаха табака в воздухе, все равно должна сказать об этом.

Гас делает еще одну затяжку и я слышу, как он выдыхает.

— Я знаю, но давай не будем сейчас об этом. — Неожиданно его голос становится грустным. Я немедленно прекращаю нападки и даю ему возможность докурить, потому что это его успокаивает. Так же, как меня игра на скрипке. На сегодня я прощаю ему эту слабость.

— Прости, — извиняется он. — Я не знаю... это была ты, но это было... То, что случилась несколько дней назад... я не знаю...

Я не произношу ни слова, потому что знаю, что он пытается подобрать правильные слова. Гас всегда был таким. Он — творческий человек и никогда не разбрасывается словами. Поэтому я жду. Я всегда была терпеливой.

— Я могу поговорить с тобой как просто парень, а не друг? Так, как будто ты тут ни при чем? — Сейчас на другом конце трубки спокойный, разумный, честный Гас.

Мой Гас.

— Ну, если так нужно...

— Та ночь была невероятна. — Его голос звучит оживленно. Обычно он говорит так, когда демонстрирует мне новую песню или, когда ловит гигантскую волну, которая несет его до самого берега. — Может, это и звучит слащаво, но ты перевернула мой мир. — Тут он прав, действительно слащаво. Но это же Гас. Я знаю, что это идет от чистого сердца, потому что он никогда не смущался говорить со мной обо всем. — У меня было много, очень много девушек, но эта ночь была другой. Не случайной. Это было... не знаю... единение душ. У меня никогда такого не было. Я не мог насытиться тобой. — Он вздыхает и его голос становится тише. — А потом все закончилось, и ты уехала из города.

— Гас, — говорю я, пытаюсь ободрить его, и себя заодно. Потому что я была согласна со всем, что он только что сказал.

Слышу, как он прикуривает еще одну сигарету.

— Знаю, знаю, — говорит он. Я молча ожидаю, потому что не совсем понимаю, куда ведет нас этот разговор. Но я абсолютно уверена, что человек на другом конце провода, и дружба с ним для меня — весь мир. Он мой лучший друг. Всегда им был. Он все, что у меня есть.

— Оптимистка, я не хочу обманывать тебя. Знаю, мы не можем быть вместе. Черт, я даже не уверен, хочу ли этого вообще. Ты знаешь, я против отношений. Без обид. Не хочу оскорбить тебя. Просто... ты была моей лучшей подругой целую вечность. Мы все делали вместе. Мы вместе прошли через такое дерьмо. А потом... бац! Ты переезжаешь за тысячу километром, меня ожидает непонятно что со звукозаписывающей студией, да еще то, что мы занимались сексом. Лучшим сексом в моей жизни. С тобой, моей лучшей подругой. И я чувствую себя так, будто... не знаю... как будто... всему конец. Но я не могу потерять тебя. Мне нужна моя лучшая подруга.

Он даже не представляет, насколько прав. Иногда я думаю, что он читает мои мысли.

— Проклятье, Гас. И когда ты только успел стать философом?

Я хотела сделать ему комплимент, но он, конечно, все неправильно понял. Ненавижу телефоны. При разговоре необходимо физическое взаимодействие. Мне нужно видеть собеседника, его телодвижения и невербальные сигналы. Мне нужно, чтобы видели меня.

Так же, как и Гасу. Он раздражен, несмотря на то, что выговорился.

— Оптимистка, давай без шуток. Блять, я пытаюсь быть честным с тобой.

— Я не шучу. Я абсолютно серьезно. — Терпеть не могу недопонимания. — Черт, мне бы так хотелось видеть тебя сейчас. Нужно зарегистрироваться в скайпе или чем-то подобном, потому что эта фигня по телефону совсем не то. — Я раздраженно фыркаю. В наших отношениях это в порядке вещей. Мы настолько хорошо друг друга знаем, что можем общаться просто посредством фыркания, вздохов и мычания, передавая, таким образом, сообщения и эмоции, которые большинство людей выражают словами. И мне это очень нравится.

— Я согласна со всем, что ты только что сказал. Уверена и в том, что сказала до этого; я не хочу, чтобы между нами была недосказанность. Я люблю тебя. И ты это знаешь. Я всегда буду любить тебя. Но я не могу потерять тебя. Прямо сейчас мне больше всего нужен лучший друг, так что тут и говорить не о чем. Вспомни, ты разговариваешь с Кейт Седжвик, одиночкой по жизни.

— Не говори так, — обрывает он меня на полуслове.

Он прав.

— Я знаю, прости... Просто даже, несмотря на то, что сейчас мы живем каждый по себе... я хочу знать, мне необходимо знать, что я всегда могу набрать твой номер. Если нужно пожаловаться на учебу.

Он опять прерывает меня.

— Ты никогда не жалуешься, Оптимистка. Даже если бы ты и хотела, то ничего бы не вышло. Ты же отличница, чудо в перьях.

Я смеюсь, потому что он всегда подкалывал меня по поводу оценок, особенно после того, как я закончила школу с отличием. Тем не менее, Гас гордился мной, потому что так поступают лучшие друзья. Он не понял, что я имела в виду отнюдь не учебу. Поэтому продолжаю:

— Ну, а что делать, когда мне жизненно необходимо, чтобы ты погуллил вегетарианский ресторан поблизости, а я сама не могу этого сделать, потому что у меня допотопный телефон без интернета, я не знаю Миннесоты и не хочу опять подхватить мясной понос.

Он еще раз прерывает меня.

— О господи, ты бежишь впереди паровоза. Тебе так не кажется? У них вообще есть вегетарианские рестораны в Миннесоте? Разве там нет своего рода закона против вегетарианства? Это ведь все-таки Средний Запад. Предполагается, что они едят мясо на завтрак, обед и ужин. Ведь так?

Я говорю:

— Или потому что мне просто нужно слышать твой голос, потому что ты мой друг, моя семья, мое прошлое. Потому что ты — это я.

Гас становится серьезным.

— Я всегда рядом. Тебя ждут потрясающие открытия, Оптимистка. Ты будешь самой лучшей в мире учительницей.

Я не напрашиваюсь на комплименты, но мне безумно приятно от этих слов. Я всегда хотела стать преподавателем для детей с ограниченными возможностями.

— Я буду рада стать и просто учителем, не самой лучшей в мире. А вот ты будешь самой яркой рок звездой, которую видел этот мир.

— И я буду давать концерты, чтобы оплатить счета. Звучит? Не думаю, что выдержу еще

шесть месяцев на этой гребаной почте.

Гас, как и я, не напрашивается на комплименты, но мне нравится их делать. Не для того, чтобы подлизаться, а просто высказать то, что идет от самого сердца.

— Ты такой талантливый, ты станешь великим Густав Хосорн. Только не позволяй своему эго взять над тобой верх. Хорошо?

Я пошутила по поводу эго, но Гас серьезно отвечает мне:

— Для этого у меня есть ты, Оптимистка. Просто продолжай напоминать мне, что я просто Гас... и не настолько крут, как твердят все эти лживые ублюдки.

— Заметано. — Не могу удержаться, чтобы не добавить: — Но ты крут. — Он должен это знать. Гас — самый одаренный музыкант, которого я видела, а я встречала многих. До недавних пор музыка была моей жизнью. Мы с Гасом посещали частную музыкальную школу в Сан-Диего, которая называлась «Академия». (Она находилась вниз по улице от того места, где мы оба жили). Гас играл на гитаре, пианино и пел. Я играла на скрипке. В Академию съезжались люди со всей страны. У нас учились до ужаса талантливые дети, но Гас стоял особняком. Он всегда воодушевлял меня.

Последние два года он выступает со своей группой. Гас пишет музыку и стихи. Почти каждые выходные они играют в местных барах по всей южной Калифорнии, Несколько месяцев назад исполнительный директор успешного музыкального лейбла побывал на их концерте в Лос Анджелесе и подписал с ними контракт. Две недели назад они закончили записывать свой первый альбом. Гасу не нравится, когда их музыку как-то классифицируют, но вообще, они играют на гитарах альтернативный рок. Они великолепны, а Гас — их сердце, их лидер. Он станет успешным и знаменитым.

Гасу надоело быть серьезным, и он снова начал шутить.

— Подруга, предполагается, что ты станешь противоядием для моего раздутого эго. Отомри.

Я смеюсь. Похоже, разговор подходит к концу, и я рада, что он заканчивается на хорошей ноте. Мы опять как прежние Кейт и Гас.

Но потом его голос становится серьезным и даже немного нервным.

— Оптимистка?

Я начинаю нервничать.

— Да?

— Я задам один вопрос? И больше никогда не подниму его снова.

— Конечно. — Это больше похоже не на вопрос, а на утверждение.

Он нервно хихикает.

— Я не прошу мне льстить, — говорит Гас спокойно. — Но мне нужно знать, чтобы закрыть эту тему. — Я съезживаюсь, потому что думала, что мы уже все решили.

— Тебе понравилось? Ну, знаешь, у тебя были другие парни и все такое... но со мной... было ли как-то по-другому?

Я молча улыбаюсь, потому что разговор совсем не о том, о чем подумала я. Гас — парень и его эго отчаянно нуждается в похвале. Как уже было сказано, я не расточаю комплименты направо и налево. Они настоящие, искренние. Поэтому я честно отвечаю:

— Ты перевернул мой мир.

— Подруга, только не надо преувеличивать. — Он думает, что я насмехаюсь над ним, копируя его слащавую, но искреннюю фразу.

— Это не так. Как только мы кладем трубки, я немедленно загружаю скайп. Послушай,

Гас, это была лучшая ночь в моей жизни.

— Гм. — Я улавливаю улыбку в его голосе. Его это получило то, чего хотело.

— Только не возгордись, — подшучиваю я над ним.

— Слишком поздно. Я люблю тебя, Оптимистка.

— Я тоже, Гас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

С восстановленным спокойствием духа включаю ноутбук и ищу загрузочный файл для Скайп. Я собираюсь до мельчайшей детали разобраться в программе. А после этого пойду спать.

Кейт

Просыпаюсь лишь в девять утра. Когда я, наконец, покидаю свою «капсулу для заморозки», Мэдди уже нет — ушла на работу. Проклятье, неужели юристы каким-то образом научились закачивать чистый кислород в свои дома? Потому что я сплю без задних ног. Чувствую себя просто ленивой задницей. Я, конечно, помню, что доктор Ридли посоветовал мне больше спать, но за последние два дня в этой квартире я проспала больше времени, чем обычно за целую неделю. Решаю вывести Принцессу на прогулку, а потом спускаюсь в тренажерный зал, чтобы побегать. Я не могу заниматься серфингом, поэтому бегаю. Напоминаю себе, что боль в мышцах — это не боль, это — жизнь. А жизнь прекрасна. Каждый день, каждая минута, каждая секунда.

Принимаю душ, расчесываю влажные волосы и чищу зубы. Через десять минут я одета и готова к выходу. Гас не понимал, как девушка может собраться за такое короткое время. Сам же он прихорашивает свою задницу как минимум сорок пять минут, перед тем как выйти на улицу. Полагаю, общество диктует определенные правила, в которых женщина должна заботиться о том, как выглядит, но мне всегда было наплевать на это. Время — большая ценность. И я не трачу его по пустякам.

Когда я была маленькой, каждое утро проходило в спешке, поэтому мне пришлось научиться делать все быстро. Я никогда не красилась, у меня нет фена или выпрямителя для волос. По правде сказать, я даже не знаю, что делала бы с ними, если бы они у меня были. В средней школе подруга решила, что мне нужно измениться, поэтому нарисовала меня и выпрямила волосы. Из-за всей этой намазанной гадости, мне казалось, что вместо лица у меня маска. Мне не нравится смотреть в зеркало и видеть кого-то незнакомого. Мне нравится видеть обычную старушку Кейт. Одежда — единственное, чему я уделяю внимание и позволяю себе быть придирчивой. Никогда не надеваю то же, что и все. Конечно, большинство времени я хожу в джинсах, но топы у меня всегда оригинальные. Я брожу по комиссионным магазинам, высматривая футболки с интересными рисунками. Я вырезаю их и комбинирую с топами, которые мне всегда покупает Гас. Он называет этот стиль «рокерским бохо». Как бы то ни было, но мне нравится. Я застегиваю свою спортивную сумку и разворачиваю футболку с надписью «Я ♥ Сан Диего», которую подарил Гас перед моим отъездом. Руки так и чешутся сотворить из нее шедевр. Хватаю очки от солнца и иду к машине. На мне майка-алкоголичка с надписью «*Surf or Die*», которую я переделала сама. На улице тепло и сыро. Это напоминает мне о доме. Я ужасно счастлива. Мне нужно съездить в Грант, чтобы посмотреть на свое будущее пристанище и на кампус. Я не имею никакого понятия, чего ожидать, так как видела кампус только на фотографии в брошюре и в интернете.

Квартира Мэдди находится на западной окраине Миннеаполиса, прямо за съездом с шоссе. Грант находится к западу отсюда. Нахожу нужный въезд и выруливаю на автостраду. За несколько секунд я обогнала все машины в пределах видимости. Десять. Я считала. Очень странно, что на шоссе так мало машин. Неужели настал конец света, а мне об этом даже не сообщили? Где все? Я привыкла к пробкам, гудкам и скорости в девяносто миль в час. Что за фигня? Неужели люди здесь реально соблюдают скоростной режим? Чувствую себя какой-то преступницей, обгоняя их с превышением скорости на пятнадцать миль в час. До Гранта я

добралась за 10 минут. Сбавляю скорость на въезде, и вскоре на горизонте появляется Грант Колледж.

Грант — очаровательное, живописное место. Сам кампус маленький, а здания старые, но не какие-то обшарпанные развалюхи, а величественные сооружения, о которых хорошо заботятся. Общежития тоже старые. Четырехэтажные кирпичные строения, увитые плющом и очень притягательные. Я облегченно вздыхаю. Через несколько дней это здание станет моим домом, и я рада, что оно выглядит как дом. Наконец-то я осознаю, что все происходит по-настоящему. Я — студентка колледжа в Миннесоте. И я одна впервые в жизни. И хотя нужно еще ко всему этому привыкнуть, сейчас мне уже не так страшно.

Сразу за общежитиями начинается улица Мейн. Я останавливаюсь на светофоре и осматриваюсь. Здесь располагаются цветочный магазин, вино-водочный, гастроном, маленькие продуктовые магазинчики, аптека и парикмахерская. А потом, в конце квартала я вижу ее — кофейню. И не какую-нибудь сетевую, а настоящую, непритязательную кофейню в кирпичном здании с большими окнами, выходящими на улицу. И, несмотря на то, что я уже выпила утром три чашки кофе, которые заваривала в новеньком «Святом Граале», я не могу пройти мимо. Говорю себе, что просто зайду и представлюсь, но остановившись у обочины, забываю об этом, начиная обдумывать нужно ли взять маленькую кружечку или большую, как обычно. Клянусь, кофе — это наркотик. Я не могу отказаться от него. Не могу сказать нет. Начинаю оправдывать свой визит тем, что им, возможно, нужны работники. А мне определенно нужна работа.

Входная дверь огромна, с замысловатой резьбой. На первый взгляд она должна весить как минимум тонну, поэтому я поворачиваю ручку и толкаю ее со всей силы. И... конечно же, практически падаю на задницу, когда чертова дверь легко открывается, так, будто весит как перышко. Дверной колокольчик извещает о моем приходе. Это неопишимо. С широко открытыми глазами осматриваюсь вокруг. В кресле в углу комнаты сидит парень, уткнувшись в книгу, в другом углу за маленьким столиком расположилась парочка, за стойкой еще один парень и они все поднимают глаза, чтобы посмотреть на источник шума. Инстинктивно я пытаюсь приглушить колокольчик и тем самым избавить себя от излишнего внимания, но когда я вытягиваю руку над головой, то понимаю, что не достаю. Во мне пять футов, а колокольчик подвешен как минимум на фут выше. Я глупо улыбаюсь и когда звон, наконец, стихает практически шепотом объявляю:

— Я здесь!

Темноволосый мужчина за прилавком подтверждает это:

— Определенно. — Он говорит с акцентом, но я пока не поняла каким. Ему около сорока, у него черные как смоль волосы, кожа темно-карамельного цвета и огромные, темные, лучащиеся смехом, глаза. В его голосе нет насмешки, одна доброжелательность. Он мне уже нравится. — Ты новенькая в этом городе? — Он подходит ко мне поближе. — Меня зовут Ромеро. Добро пожаловать в кофейню «Граундс» на улице Мейн. — Он приветствует меня и... это так мило.

Я неуклюже приветствую его в ответ:

— Ага, угу. Я Кейт. — И когда я успела превратиться во что-то бормочущую себе под нос, неспособную к нормальному общению, дурочку? Откашливаюсь и протягиваю ему руку. — Меня зовут Кейт Седжвик, и вы правы, я недавно переехала. — Заливаюсь смехом. — Неужели это так очевидно? Блин, я полностью раскрыла себя. Я пыталась держаться незаметно, но вот переступила порог вашей кофейни и своим приходом могла бы

разбудить мертвого.

Он тепло смеется в ответ.

— Не переживай. У нас маленькая община. Я всех тут знаю. Но тебя никогда не видел, Кейт Седжвик. Ты из Калифорнии? — Когда он произносит Калифорния, такое ощущение, что это пять отдельных слов КАЛ И ФОР НИ Я.

Хмурю брови, пытаюсь понять, как он догадался об этом.

— Да, вы правы.

Он видит мое замешательство и показывает на окно, из которого видно мою машину.

— Твои номера.

Задумчивая складка на моем лбу разглаживается.

— Ой, ну, конечно же. Я родилась и выросла в Сан-Диего.

Его лицо искажает печаль.

— О, Кейт, дорогая, желаю тебе удачи этой зимой. Я родом из Эль Сальвадора и уверяю тебя, что зимы в Миннесоте не для слабонервных. — Миннесота в его исполнении звучит как четыре отдельных слова: МИНН Е СО ТА.

Я фыркаю. Он надавил на мой самый большой мозоль в вопросе переезда сюда — холод.

— Да, я слышала, что здесь сучьи зимы.

Мужчина хихикает, а его глаза начинают оживленно искриться.

Парень в кресле вступает в разговор.

— Они действительно сучьи. — Я оглядываюсь и вижу, что он все еще сидит, уткнувшись в свою книгу, но улыбается. У него рыжие волосы и густая борода. Мне сразу приходит в голову, что ему должно быть ужасно душно при такой жаре и повышенной влажности. На нем большими буквами написано, что он хипстер. Парень больше ничего не говорит, поэтому я поворачиваюсь к Ромеро.

— Так, что же мы можем сделать для тебя, Кейт?

Смотрю на меню на стене позади него. Я уже знаю, что буду здесь постоянной посетительницей, и мне не хочется сразу же оскорблять его несоблюдением протокола. С облегчением вздыхаю, когда обнаруживаю, что в меню указана цена за маленькие, средние и большие чашки кофе.

— Может, я могу что-то порекомендовать? Ты предпочитаешь легкую, среднюю или сильную обжарку? Эспрессо? Капучино? А, может, со льдом, чтобы охладиться?

Я никогда не была кофейным снобом. Кофе — это кофе.

— Гм, на самом деле, я хочу просто большую чашку крепкого кофе.

По-видимому, это был правильный ответ, потому что он дважды потихоньку стучит костяшками пальцев по стойке. Своего рода жест, выражающий радость.

— На сто процентов согласен с тобой, и я знаю, что тебе нужно попробовать наш фирменный кофе.

Да, я просто обязана. Прямо сейчас.

— Отлично.

Ромеро наклоняет голову на бок и с любопытством смотрит на меня.

— Хочешь добавить чего-нибудь помимо кофе?

— Нет, спасибо, просто черный.

Он широко улыбается и переводит взгляд на бородатого парня в кресле, указывая на меня.

— Ты слышал, Дункан? Просто черный кофе.

Дункан улыбается и салютует мне керамической кружкой.

— Я слышал Ром. Добро пожаловать в клуб, новенькая.

На лице Ромеро все еще сияет улыбка, но он понижает голос.

— Никто никогда не хочет просто черный кофе. — У него сильный акцент, поэтому мне приходится внимательно прислушиваться к каждому слову, чтобы ничего не пропустить. — Они губят его всеми этими добавками. — Он подмигивает мне. — И только немногие из нас наслаждаются настоящим черным кофе.

Ромеро наливает кофе и в этот момент у меня возникает чувство, что лед между нами растаял и мы теперь друзья. К тому же, я с недавних пор состою в их клубе. Потому набираюсь смелости и спрашиваю:

— А тебе не нужны работники? Я только что приехала в город и в понедельник начинаю учебу. Как понимаешь, мне нужно срочно подзаработать.

Ромеро вздыхает и вручает мне огромный бумажный стакан.

— Ох, Кейт, к сожалению, нет. Я владею кофейней на пару с моим партнером, Дэном. У нас только один работник, который помогает по утрам. — Он приставляет указательный палец к подбородку, а потом его лицо опять озаряет улыбка. — Но ты можешь попытаться счастья в цветочном магазине «Три Петунии», на углу вниз по улице. Мэри говорила мне вчера, что ей нужен помощник.

Я передаю ему пару банкнот, чтобы заплатить за кофе и чаевые.

— Великолепно. Ты лучший. Спасибо. — Дую на кофе, а потом делаю глоток по пути к входной двери. Кофе на вкус очень насыщенный и крепкий. Именно такой, как я люблю. Уже положив руку на дверную ручку, поворачиваюсь и салютую Ромеро своей чашкой. — Кофе божественный. Отличного дня.

Он салютует мне в ответ.

— И тебе того же, Кейт Седжвик.

Иду вниз по улице к «Трем Петуньям». Жара просто удушающая. А потом до меня доходит, что на улице, похоже, около девяноста пяти градусов при стопроцентной влажности, а я, идиотка, пью обжигающе горячий кофе. Но на моем лице все равно расплзается улыбка, потому что я уже влила в себя дозу кофеина, а в двух кварталах отсюда у меня есть шанс получить работу.

Аккуратно открываю дверь в магазин «Три Петунии». Черт меня возьми, и здесь колокольчик. Непроизвольно выдыхаю неверующе.

— Ну, ребята, вы даете. — Что такое с жителями Миннесоты и их страстью к колокольчикам? Хотя, стоит сказать, что этот не такой громкий. У меня складывается впечатление, что за время, проведенное здесь, я стану знатоком колокольчиков.

Женщина за прилавком определенно хозяйка. На вид она немного старше меня, высокая и фигуристая. Есть девушки очаровательные, есть красивые, а есть сексуальные. Эта сексуальная. У нее черные, до плеч волосы и челка, темные глаза сильно подведены. У девушки мрачный вид, но не в готическом, депрессивном стиле. Скорее ее образ как бы говорит нам «Пленных не беру». Меня не так просто напугать, но она пугает.

— И тебе привет, — говорит девушка в ответ на мою невольную вспышку. У нее грубый голос, как будто она выкуривает по десять пачек сигарет в день с момента рождения, и весь последний год пытается оправиться от простуды. У меня такое чувство, что она может надрать мне задницу всего лишь с помощью голоса. Это типа ее суперсилы.

Не дай ей почуять твой страх, говорю я сама себе.

— Привет, — с беспечным видом отвечаю ей. — Прости за грубость. Но, что у вас в городе за идея фикс с колокольчиками?

Она внимательно осматривает меня, но не свысока, как это делает Мэдди, а с любопытством или интересом. Точно не уверена.

— Колокольчики?

— Да, на дверях. — Я показываю на дверь позади себя.

Она продолжает смотреть на меня, но, тем не менее, отвечает:

— Они дают нам знать, что пришел покупатель.

— Правда, Шерлок? — Слишком поздно я осознаю, что мой комментарий был неуместным. Здесь все не так как дома, а эту впечатляющую и одновременно пугающую женщину я вижу в первый раз.

Девушка издает звук, больше похожий на лай. Не знаю, смешно ли ей или она оскорблена.

— Правда, — подтверждает она. — И на будущее, я Шелли, а не Шерлок.

Думаю, мне нравится эта девушка, даже, несмотря на то, что она меня пугает. Она прямолинейна, а я люблю таких людей, потому что не надо строить предположений. Подхожу и подаю ей руку. Но посмотрев на ее руки, понимаю, что они заняты какими-то сложными манипуляциями с цветами в вазе, стоящей перед ней. Поэтому просто говорю:

— Я Кейт.

— И что, Кейт, привело тебя сюда? — Она опять концентрирует свое внимание на цветочной композиции. Выглядит так, как будто она потеряла ко мне интерес.

— Я только что из кофейни «Граундс». В руках я держу чашку кофе в качестве доказательства. И Ромеро сказал, что Мэри, возможно, нужен помощник.

Шелли сдувает челку с глаз и опять переводит взгляд на меня, как будто пытаюсь решить для себя: стою ли я внимания.

— Мэри — моя мать, она владелица этого места.

— Так вам нужен помощник? — с надеждой спрашиваю ее, неожиданно краснея.

— А ты когда-нибудь работала в цветочном магазине?

Качаю головой.

— Нет. — Это, скорее всего, сильно уменьшает мои шансы, но определенно, я не собираюсь обманывать ее.

— У тебя есть опыт в садоводстве? — Такое ощущение, что я на допросе, а ее напарник наблюдает за нами в стеклянную перегородку.

Пожимаю плечами.

— Мой бывший арендатор, Мистер Ямашита, был садовником. Но, полагаю, это не считается?

Она фыркает. Да. Она фыркает. Я уже ее люблю.

— Ты можешь отличить гвоздику от розы?

— Конечно.

Все с таким же непроницаемым лицом она, к моему удивлению, говорит:

— Можешь тащить свою задницу за этот прилавок и начинать мне помогать. Сегодня утром я завалена заказами. Посмотрим, как ты справишься.

Надеваю фартук.

— Подруга, интервью было просто адским. Я даже вспотела.

В ответ на мой сарказм, она закатывает глаза.

— Как скажешь. Подруга.

Магазин маленький и старомодный. И я совсем не имею в виду, что он устаревший. Он прелестный. Возле прилавка располагается несколько античных столиков, на которых выставлены композиции с цветами и растениями. Здесь очаровательно. И запах... Ох этот запах... Я в раю.

Стоя за прилавком, я замечаю, что все педантично разложено по своим местам. Шелли работает как торнадо. Она одновременно составляет четыре композиции. Я смотрю, слушаю и пытаюсь чем-нибудь помочь, если могу.

Около часа мы работаем в молчании, и это просто пытка для моих ушей.

— А у вас есть радио или что-нибудь подобное? — спрашиваю я.

Она, даже не глядя на меня, показывает на полку в другой стороне комнаты.

Мне кажется, что я должна спросить ее, потому что не уверена, что она дала мне разрешение.

— Ты не возражаешь, если я его включу? Этому месту не помешал бы какой-нибудь шум на заднем плане, а то тишина просто оглушительна.

Она кивает головой.

Подхожу и включаю радио. Мне необходима музыка, когда я работаю. Черт, да она мне постоянно необходима, но особенно во время работы. Музыка для меня все.

Какое-то время ищу подходящую радиостанцию. При звуках музыки Шелли оживает.

— Отличная песня. Ее начали включать лишь с прошлой недели. Гитарист просто неистовствует. Ты уже слышала ее?

Киваю головой и возвращаюсь за прилавок. Я знаю эту песню, и она совершенно права по поводу гитариста. В первый раз я ее услышала четыре или пять месяцев назад, когда они выпустили альбом. Но я не хочу выглядеть всезнайкой, поэтому решаю промолчать.

— Да, хорошая песня. Это местная станция?

Шелли ворчливо отвечает:

— Да, это радиостанция колледжа. Единственное, что можно слушать. Остальные местные станции говно.

Я пихаю ее локтем.

— Только не говори мне, что ты из этих музыкальных снобов, Шелли?

Она поднимает брови, как будто ее взяли с поличным.

— Признаюсь, виновна. Я люблю музыку, а хорошую найти так сложно. — Ее лицо немного смягчается. — Звучит так, как будто я музыкальный наркоман, не правда ли?

Я понимаю, что она чувствует. Мы с Гасом постоянно рыскали в интернете в поисках новинок, как пара наркоманов в поисках очередной дозы. Мы годами обменивались музыкальными коллекциями, и теперь они у нас очень обширные. Мой айпод забит под завязку, остальная музыка храниться на жестком диске в ноутбуке.

— Может, ты просто не там ищешь. Как-нибудь, я принесу свой айпод. У тебя есть док-станция или наушники, чтобы можно было его подключить? — Мне нравится разговаривать с людьми о музыке, особенно когда я могу познакомить их с чем-то новым, чего они никогда раньше не слушали.

Открывать что-то новое — это как волшебство. Музыка существует для того, чтобы ее слушали. Я считаю, что как можно больше людей должны это делать. В идеале все. Потому что музыка — это сила. Она сближает людей.

Шелли колеблется, но потом кивает.

— Хорошо, у меня есть док-станция, которую я могу принести. А что ты слушаешь?

— Да все. Практически все, кроме кантри. Она какая-то искусственная. Не знаю, как объяснить, но от этой музыки у меня сводит зубы. И она депрессивная, даже если, вроде бы, и веселая. — Шелли согласно кивает. — Вообще, я тяготею к менее известным группам. Мне нравится следить за тем, как эти парни добиваются своего. А еще я поддерживаю калифорнийские группы.

Она так широко раскрыла глаза, как будто нашла недостающий кусок пазла.

— Ну, конечно, ты из Калифорнии. Я весь день пытаюсь понять это. Догадалась только, что ты из солнечных краев, потому что загорелая. Но потом подумала, что футболка с надписью «Surf or Die» это как-то уж слишком очевидно. Ты понтуешься или действительно катаешься на серфе?

Смеюсь над явно грубым обвинением.

— Конечно, я катаюсь.

— Правда? — Она все еще сомневается.

— Да.

Она кивает.

— Кстати, где ты откопала эту ужасную футболку?

Пожимаю плечами.

— Сделала.

Опять сомневается.

— Правда?

Но мне все равно.

— Да. Я сама придумываю детали всех своих футболок.

— Угу, — все, что она говорит, хотя видно, что она находится под впечатлением. Судя по ее виду, она скорее умрет, чем признается в этом. Однако Шелли не умеет хорошо прятать свои эмоции, поэтому, если присмотреться по внимательнее, то увидишь, что они проглядывают сквозь ее суровую маску.

Мы продолжаем слушать радиостанцию колледжа, и она действительно очень даже ничего. Практически постоянно, они крутят инди и альтернативный рок. Это настраивает меня на мысли о Гасе. Ему бы понравилась эта станция.

Когда мы все закончили, Шелли хлопает меня по спине.

— Для человека, который не имеет понятия, что делает, ты неплохо справилась.

Я хмурюсь.

— Спасибо... наверное. — А потом я улыбаюсь, так, чтобы она знала, что я подшучиваю над ней.

В ее в глазах появляется намек на веселье, но не больше.

— Как скажешь. Ты можешь выходить после обеда по понедельникам, вторникам и воскресеньям и иногда по субботам?

— Так точно.

— Тогда ты нанята.

Внутри у меня все ходуном ходит, но внешне я остаюсь спокойной.

— Спасибо.

— Полагаю, ты тоже студентка. Я заканчиваю Грант в этом году. Музыкальное отделение, классическое пианино.

— Правда? Классическое пианино? — Знаю, звучит изумленно, но так и есть.

Шелли сурова как скала. Не представляю ее за пианино.

— У меня не хватало нескольких предметов для второго курса, поэтому ты права, я первокурсница. — Съеживаюсь, вспоминая свой непростой путь в колледж.

Полтора года назад я выпустилась с полной стипендией, позволяющей мне обучаться в этом колледже. Но жизнь такая штука... мне пришлось остаться в Сан-Диего. На пару с Гасом я занималась сортировкой писем в рекламной компании его мамы, и училась в местном колледже. Это были счастливые времена. Казалось, что все будет хорошо. А потом, три месяца назад, в июне, случилась еще одна трагедия, которая перевернула мой чертов мир вниз головой. Мне нужно было уехать из Сан-Диего. Даже несмотря на то, что приближался осенний семестр, я опять подала документы в Грант, посчитав, что мне нечего терять. В середине июля я получила письмо, подтверждающее, что они не только зачисляют меня, но и дают мне академическую стипендию, которая оплачивает учебу, комнату и пищу. Я была очень удивлена. Уведомила заранее Мистера Ямашита, съехала в последний день июля и до конца отъезда поселилась в гостевой комнате у Одри Хосорн. Мама Гас одна из моих самых любимых людей на планете. Я знаю ее всю жизнь. Когда я говорю «мать», то подразумеваю Джанис Седжвик, а когда говорю «мама», то думаю об Одри. Гас до сих пор живет с ней. Он такой мамочкин сынок.

Шелли с грустью смотрит на меня.

— Ты будешь жить в общежитии?

— Да, все первокурсники там живут, ведь так?

— Так, — подтверждает она.

— Я вчера проезжала мимо. Они просто великолепны. Я очень воодушевлена.

Она хлопает меня по плечу.

— Надеюсь, что так и останется. Но предупреждаю, это маленькая школа. Здесь учится куча богатенького испорченного отродья. Не позволяй им подшучивать над собой.

Киваю, благодаря за предупреждение.

— Заметано. Хорошо, что мои яйца стрессоустойчивы.

Клянусь, она почти что улыбнулась.

Мы разбредаемся каждый в свою сторону. Заглядываю в «Граундс», чтобы поблагодарить Ромеро и направляюсь домой. В этот раз я добралась за девять минут.

Завтра первый день в Гранте и у меня отличное настроение. Я знаю, что это был правильный выбор.

В Кали все еще день. Гас на работе, поэтому шлю ему смс.

Я: Сегодня получила работу в цветочном магазине.

Гас: Отлично. После работы у меня репетиция. Поговорим завтра? Люблю тебя.

Я: Хорошо. Удачи. Передавай всем привет. Люблю тебя.

Кейт

Главным итогом дня стало то, что мы с Гасом поговорили по Скайпу и решили, что человек, которому пришла в голову эта идея, заслуживает Нобелевскую премию, или Медаль Почета Конгресса, или любую другую серьезную награду, даже если ее и не дают за технологические прорывы. Потому что Скайп — это гениальное изобретение.

Не столь ярким событием стало мое первое посещение доктора Коннелла в Методистском Госпитале Миннеаполиса. Все было так, как я и ожидала. Так же, как доктор Ридли в Сан-Диего, доктор Коннелл реально подошел к положению вещей, что я ценю и уважаю. Он изложил мне все варианты и график лечения. Этот доктор проповедует принцип «Чем больше, тем лучше». Он хочет все и сразу. Мне же больше импонирует «Лучше меньше, да лучше» Поэтому я не хочу. Конечно, он не обрадовался. В итоге я покинула его кабинет с визитной карточкой в руках и назначенным через месяц очередным приемом. В памяти запечатлелось его обеспокоенное лицо.

Обычно, доктора лучше владеют своими эмоциями. В одном я уверена абсолютно точно: если когда-нибудь поеду в Вегас, то никогда не приглашу доктора Коннелла играть за своим столом.

Кейт

Я опаздываю, как всегда. Поэтому едва зайдя в столовую, сразу же начинаю сканировать комнату на наличие свободных мест. Они есть практически у каждого столика. Неожиданно застываю на месте, когда вижу сидящего в одиночестве невысокого парня. На нем винтажная в тонкую полоску футболка, галстук-бабочка шотландской расцветки, намеренно коротковатые красные брюки, голубые носки, вязанные «ромбиком» и черно-белые туфли. Внутренним чутьем, я знаю, что это — то место, где я должна сесть. У парня отличный стиль. Чтобы носить такую смелую одежду, у него должен быть и характер под стать. Решаю, что должна с ним познакомиться. По мере приближения к его столику, понимаю, что парень пытается быть храбрым, но его сгорбленный вид говорит о том, что он ужасно нервничает. Мне хочется похлопать его по спине, чтобы он хоть чуть-чуть расслабился. Но я этого не делаю. Мне нравится прикасаться к людям, но методом проб и ошибок я выяснила, что людям это кажется странным. Сначала нужно познакомиться.

— У вас не занято? — вежливо спрашиваю я.

Он вздрагивает при звуке моего голоса, а потом поворачивается ко мне лицом.

Я стою и улыбаюсь. Этот галстук-бабочка ужасно прикольный. Снова спрашиваю:

— У вас не занято? — и специально показываю на стул рядом с ним, хотя все остальные места за большим столом свободны

Он улыбается в ответ и начинает потихоньку расслабляться.

— Нет. Тут никто не сидит. Присаживайтесь.

Знаю, что «эльф» не совсем подходит в качестве мужской характеристики, но именно это слово приходит мне на ум, как только я вижу его улыбку. Он хорошо одетый и подстриженный маленький эльф.

— Приятель, у тебя просто отстойная футболка, — говорю я, устраиваясь на стуле. Его образ отлично подобран. Он ничегошеньки не упустил. — Я Кейт, — протягиваю ему руку, которую он аккуратно пожимает. Его собственные руки очень мягкие.

— Ну... спасибо, наверное. Кейт сокращенно от Кэтрин? Я Клейтон. — Он немногословен, но не потому, что важничает или воображает. Его официальность носит скорее утонченный характер. Ему не помешало бы еще чуть-чуть расслабиться.

— Твоя футболка тоже потрясает воображение, — добавляет он. На моем топе написано «*Tijuana is my bueno*». Для этой фразы мне пришлось пожертвовать тремя футболками, а полоски я сделала из черной толстой ленты.

— Гм. Спасибо, Клей. — Кажется, он говорил искренне. — Я Кейт, просто Кейт. Кэтрин меня не назвала бы даже собственная мать.

— Заметано, Кэтрин. — Он застенчиво улыбается. — А я Клейтон, просто Клейтон. Клеем меня не назвала бы даже собственная мать.

Я смеюсь.

— Так значит? — Мне нравится этот парень. Он остроумный. И не замыкается в себе, несмотря на то, что до ужаса боится находиться здесь.

В этот момент появляются официальные лица и начинают свою часовую речь на тему «открывающихся перед нами возможностей». Меня пробирает хихиканье, когда декан повторяет эту фразу слово в слово, приветствуя нас. Клейтон подавляет свой смешок и

прикладывает указательный палец к губам, призывая меня быть потише. Резко прекращаю веселиться, когда осознаю, что мы единственные, кто смеется. Декан не пытается быть ироничным или смешным, он действительно так думает. А все остальные внимают ему. Перспективы. Мне понадобилось двадцать секунд, чтобы понять, что он не просто упомянул о них, но и собирается детально раскрыть столь важную информацию. У меня такое ощущение, что я попала на проповедь или мотивационный семинар. Невероятно, но чертов энтузиазм так и прет из этого парня. Поэтому я успокаиваюсь и начинаю слушать. Просто так, для развлечения. Наблюдать за тем, как все остальные в помещении впитывают каждое произносимое им слово, очень увлекательно. Несмотря на то, что он серьезен, как сердечный приступ, некоторые вещи, которые он говорит, кажутся мне самыми смешными из того, что я слышала за всю свою жизнь. За исключением сдержанного смешка во время представления и случайного взгляда в мою сторону, когда декан сказал что-то особенно смешное (ну, по крайней мере, для нас двоих), Клейтон настолько сосредоточен, как будто его инструктируют по поводу операции на мозге, которую ему придется провести позднее. Он уже записал столько изречений, а я начинаю чувствовать себя бездельницей, потому что ни разу даже не притронулась к ручке. Хотя, если подумать, была пара классических фраз, которые стоило бы записать и показать Гасу. Он бы смеялся до упада. Все, что засело у меня в голове сейчас — набор слишком часто используемых клише. Декан просто фанат клише.

Как только преподавательский состав коллективно произносит прощальное напутствие «Не упустите свои возможности!», я громко кричу «Йо-хуу!». Оно хорошо вписывается в аплодисменты и шумные восклицания первокурсников. Клейтон закатывает глаза так, как будто мой энтузиазм приводит его в замешательство.

— Что такое, приятель? — возражаю ему. — Я просто возбуждена. Мы только что прослушали столь воодушевляющее дерьмо. — Показываю на него пальцем и с непроницаемым лицом, подражая голосу декана, произношу:

— «Ваша судьба в ваших руках», «Перед вами — светлое будущее», «Здесь, в Гранте, мы все, как одна семья», «С этого момента начинается ваша новая жизнь».

Он качает головой с самым серьезным видом, но я вижу, что в уголках его губ проскальзывает улыбка. Он не слишком хорошо притворяется.

— Кэтрин, этот час моей жизни больше никогда не повторится, — говорит он сухо. Я смеюсь.

— Ой, Клейтон, даже за все кофе в Колумбии, я бы не согласилась на это.

— Думаю, фраза должна звучать как «за весь чай в Китае»

— Я ненавижу чай.

Он качает головой с таким видом, как будто не уверен, что со мной делать.

Сдерживаю хихиканье и продолжаю:

— Мне только что, как новорожденному, раскрыли глаза на открывающиеся передо мной перспективы. И они просто великолепны.

Он расплывается в улыбке и бросает в меня карандашом.

— Кэтрин, тише!

Я показываю на его записную книжку, все еще лежащую перед ним.

— Ты записывал за деканом его мудрые изречения? Боже, Клейтон, ты что, писал диктант. Это, ну просто очень подробные заметки.

Он краснеет.

— Я немного доскональный.

А теперь мне становится стыдно. Я встаю и хлопаю его по плечу.

— Да я шучу, Клейтон. Я — лентяйка. А ты чересчур усердный. Но мы как-нибудь с этим разберемся. Пойдем, посмотрим на свои комнаты.

Я немного удивлена тем, что встав и забросив за плечо свою кожаную сумку, он взял меня под руку. В его жесте четко читалось, что Клейтон хочет быть ведомым. Неужели от меня пахнет молоком, как от кормящей матери? Некоторые люди тянутся ко мне по одной причине — они хотят, чтобы о них позаботились. Теперь у меня новая миссия: укрыть Клейтона от бури, ну или, по крайней мере, осторожно познакомить ее с ним. У меня такое чувство, что жизнь не всегда была раем для Клейтона. Но он выбрал правильного друга. Я замечательный буфер, уж поверьте мне.

Накрываю его руку своей и говорю:

— Ну что, давай начинать открывать перед собой эти проклятые возможности.

Комната Клейтона и моя оказываются напротив друг друга. Судьба! На дверях наши имена и соседей по комнатам. У Клейтона — Питер Самуэль Лонгстрит Третий.

Я потихоньку молюсь. Пожалуйста, Господи, пусть только Пит не окажется гомофобом. Несмотря на то, что я знаю Клейтона всего лишь час, я на 99,9 % уверена, что милому, приятному во всех отношениях Клейтону, так же, как и мне нравятся парни.

Кажется, на мою соседку еще с рождения взвалили непосильную ношу, назвав — я не шучу — Шугар Старр ЛаРуэ. О чем, интересно думали ее родители? Я прилагаю все усилия чтобы воображение не завело меня слишком уж далеко, но первое, что возникает в моей голове — это стриптиз. Знаю, знаю. Возможно, она восхитительная, чистая, целомудренная юная дева, но с таким именем ей одна дорога — на сцену. Разве не так? Как только образ стриптизерши оформляется в моей голове, я начинаю думать, что буду разочарована, если она окажется нормальной девушкой

Помогаю Клейтону перенести вещи в его комнату, а потом он помогает мне. В середине процесса, появляется Питер Самуэль Лонгстрит Третий. Мы помогаем и ему.

Он высокий, немного полноватый в области талии, прыщавый парень. У него светло-каштановые волосы и короткая стрижка. На нем штаны цвета хаки и темно-зеленое поло, на ногах коричневые лоферы. Парень выглядит как страховой агент среднего возраста, заключенный в тело восемнадцатилетнего юноши. Обычный парень, которого можно встретить где угодно. За исключением одного: у него выражение лица, как у невинного младенца. Абсолютно невинного. Через пять минут общения, я понимаю, что, в принципе, так оно и есть. Он действительно застенчивый и очень, очень напряженный. Мысленно кричу: «Спасибо тебе, Господи». Пит кажется немного скованным, но отнюдь не полным ненависти идиотом. Огромное спасибо. Все, конец связи.

Знаю, это странно, но мне нравится думать о Боге как об очень близком друге. Я не религиозна, просто много с ним общаюсь. Прошу об одолжениях. Иногда все получается так, как мне надо, а иногда нет. Это жизнь. Нужно просто пытаться испробовать все возможности.

Теперь, когда я до ужаса заинтригована, начинаю представлять себе куда Шугар поставит свой шест. В северном углу нашей комнаты или прямо в центре? Но сия тайна пока останется нераскрытой. Придется подождать. Распаковываю все свои вещи под аккомпанимент верного iPod.

Занимаю дальнюю от двери кровать, прямо напротив окна.

Заходит Клейтон, чтобы одолжить зубную пасту, а потом я иду с ним в его комнату.

Господи Иисусе. Это самая аккуратная комната, которую я видела в жизни. Они оба распаковали и разложили все свои вещи. Черт, это судьба. Клей и Пит рождены быть соседями по комнате. Ну, подумайте, каковы шансы, что два до ужаса педантичных парня случайным образом окажутся заселенными в одну комнату?

Миллион к одному, ведь так? Надеюсь, что Шугар не такая, иначе ей придется сильно разочароваться. Я никогда не заправляю кровать. Не складываю грязную одежду в корзину для белья. Но я не грязнуля, просто неаккуратная.

Поздно вечером заканчиваю обустраиваться на новом месте. Последнее, что я делаю — ставлю рядом две рамки с фотографиями на прикроватной тумбочке. Перед тем, как выключить свет, смотрю на снимки.

— Спокойной ночи, Грейси. Спокойно ночи, Гас. Люблю вас.

Кейт

Просыпаюсь от настойчиво трезвонящего в такую рань телефона. Сонными глазами смотрю на часы, которые показывают 6:47 утра. Первой мыслью было, что это Гас. Но в Калифорнии еще даже нет 5:00. Это не может быть он... если только, Гас не развлекался всю ночь, что вполне возможно. Откидываю покрывало и бреду посмотреть, что же такое важное мне хотят сообщить.

Это смс от Мэдди:

Ты оставила свои вещи у меня. Забери их сегодня до 12:00.

— И тебе доброе утро, — зеваю я.

Потягиваюсь и решаю, что сейчас самое подходящее время воспользоваться душем в коридоре. В душ я хожу в пляжных шлепках, потому что Гас сказал, что если этого не делать, то можно подхватить какой-нибудь опасный грибок.

В 7:10 я уже стою в дверях, собираясь к Мэдди. Если она ни свет ни заря вызывает меня к себе, то пусть будет готова к этому.

Она открывает дверь лишь на третий стук. На ней пушистый белый халат и одна из этих штук на глаза во время сна, которую Мэдди подняла на лоб.

— Кейт? Сейчас только 7:25 утра.

— Правда? — Да неужели. — Ты что, спала?

— Да. — Она раздражена.

— Прости. Я думала, что твое утреннее приветственное смс являлось разрешением прийти и забрать вещи. — Я в отличном настроении и поэтому пытаюсь шутить. Это единственная возможная реакция на все ее реплики в такую рань.

— Я рано встала, потому что Принцессе нужно было на улицу. Перед тем, как вернуться обратно в кровать, я скинула тебе смс. — Она снисходительно ухмыляется. — Кейт, ну неужели ты действительно ничего не знаешь о жизни в общежитии? — Видимо, ей доставляет огромное удовольствие унижать меня, но, честно сказать, со стороны все это выглядит чертовски смешно. — Общеизвестно, что нужно отключать звук на телефоне ночью, иначе соседи просто возненавидят тебя. Это одно из основных правил общежития. Если бы ты так и сделала, то мое смс не разбудило бы тебя.

Мэдди из тех людей, которые думают, что к каждому их слову нужно прислушиваться. Поэтому я делаю ей приятно и говорю:

— Спасибо, Мэдди, нужно будет это запомнить. — Твою мать, я девятнадцать лет проспала в одной комнате с Грейс. Так, наверное, все же имею какое-то представление о взаимной вежливости и совместном проживании. Эти слова так и рвутся из меня, но я просто закусываю нижнюю губу.

Мэдди к тому же еще из тех людей, которые не замечают, что над ними издеваются, поэтому она с усмешкой говорит:

— Всегда пожалуйста. — Потом она качает головой и с жалостью смотрит на меня. — Ну, что мне с тобой делать?

Выкинуть за дверь мои вещи, чтобы я, наконец, смогла уйти, потому что у тебя, по-видимому, нет представления о вежливости, если ты держишь меня за дверь, — проносится в моей голове. Но потом я вспоминаю, что нужно попытаться поставить себя на

место Мэдди. Что бы я подумала о себе? На самом деле она не особо знает меня, лишь в курсе, что произошло. Может, она думает, что за мной нужно присматривать и все это — результат ее добрых намерений. Как бы то ни было.

— Ну, давай я просто заберу свои вещи и исчезну из твоей жизни. — Мне надоело с ней общаться. Она больше не кажется смешной.

— Хорошо. — Мэдди делает шаг назад и показывает на кучу одежды на диване.

— Великолечно, — говорю я, собирая вещи. — Спасибо за то, что не выбросила мои вещи на улицу, а могла ведь и сжечь их.

Она в замешательстве кривит лицо.

— Я бы не стала так делать.

Мэдди еще не знакома с моим чувством юмора.

— Шучу. Я просто шучу, Мэдди. Расслабься.

Ее лицо разглаживается, но она все еще выглядит обиженной. Чувствую себя просто паршиво.

— Если ты уже встала, может, перекусим? — Чувство вины толкает меня на это. Оно как резкий удар под ребра.

Она с энтузиазмом соглашается, что очень удивляет меня.

— Конечно. Пять минут, и я буду готова.

— Без проблем. Не торопись.

Если бы я знала, что Мэдди буквально воспримет эту фразу, то сказала бы: «— без проблем, у тебя есть пятнадцать мину» — Через полтора часа она, наконец, вытаскивает свою задницу из ванной комнаты, одетая так, как будто собирается на вечеринку. Еще одна черта Мэдди: она не знает, как одеваться соответственно месту и времени. На мне тренировочные штаны, футболка из Sleigh bells и кроссовки, а на ней короткое платье без лямок и босоножки на огромной платформе.

— Вау, какое платье. Но, подруга, мы собираемся просто позавтракать.

— О, Кейт. — Она качает головой так, как будто хочет сказать «Глупая, глупая маленькая Кейт». — Никогда не знаешь, когда на твоём пути встретится принц на белом коне. Нужно всегда выглядеть на все 100. — Она пристально изучает мой наряд. — Тебе еще предстоит об этом узнать.

Уверена, что нет. Думаю, у каждого свое представление о принце на белом коне. Можете назвать меня сумасшедшей, но для меня главное — внутреннее содержание и характер.

Платье Мэдди больше обнажает, чем скрывает и впервые за все время, я замечаю, насколько она худа. Кожа да кости. Отвожу глаза. Во мне как будто сработал внутренний механизм, защищающий меня от жутких зрелищ.

Неожиданно у Мэдди улучшается настроение. Она безостановочно говорит всю дорогу о том, как она вчера ходила в спортзал и горячий, богатенький парень попросил у нее номер телефона.

Я киваю по мере необходимости. Кое-кто находится в поиске. И, судя по всему, во внимание принимаются только кандидатуры с большим кошельком, членом и горячим темпераментом. Ну что ж, удачи.

В кафе повторяется то же история, что и в суши-баре: Мэдди заказывает кучу еды. Хотя тут она съедает все подчистую: яйца, картофельные оладьи, сосиску, бекон с ветчиной, а также три блинчика размером с тарелку, политые сиропом. Когда она видит, что я

отодвигаю свою сосиску в сторону, то съедает и ее. Эта цыпочка запросто могла бы поучаствовать в соревновании «кто больше съест». У нее, наверное, отличный метаболизм.

Когда мы возвращаемся в квартиру, я сгребаю всю одежду с дивана.

— Еще раз спасибо за то, что приютила меня на несколько дней, Мэдди.

Она поднимает большой палец вверх и уходит.

— Подожди минутку. Я скоро вернусь

Через минуту я вспоминаю, что утром в душе не нашла свою бритву. Должно быть, оставила у Мэдди. Пока жду ее, заберу заодно и бритву. Дверь в гостевую ванную закрыта, но обычно она держит там Принцессу, когда уходит куда-нибудь. Медленно открываю дверь и слышу, как содержимое желудка Мэдди с отвратительным звуком опустошается в туалет. Запах стоит просто невыносимый. У меня у самой начинаются рвотные позывы.

— Мэдди, ты в порядке?

Ожидая увидеть потное, изможденное создание, выглядящее, как жертва чертовски серьезного отравления. Но она сидит на краю ванны, придерживая свои светлые волосы аккуратно склонившись над туалетом, чтобы ничего не задеть. Это очень странно. Такое ощущение, что она делает это целенаправленно и обдуманно. Не знаю, как остальные, но когда я общаюсь с белым другом, то съеживаюсь на полу перед унитазом в позе полного подчинения. Ничего не понимаю.

— Что за фигня, Кейт? — Она вытирает рот тыльной стороной руки, а потом краснеет. Не пойму то ли она раздражена, потому что смущена или потому что просто раздражена.

— Прости, Мэдди. Я не знала, что ты тут. Я вспомнила, что забыла бритву и...

— Могла бы и постучаться!

У меня нет слов, когда я вижу, что она моет руки, ополаскивает рот, а потом поправляет перед зеркалом волосы. Если бы я собственными глазами не видела, как она оставляет в сортире завтрак стоимостью \$14.95, я бы ни за что не поверила этому, глядя на нее сейчас. Она совершенно спокойна, а я в замешательстве. Тут в моем голове срабатывает звоночек по силе сравнимый со звуком, издаваемый при воздушной тревоге. Все кусочки головоломки встают на свои места: тяга к перееданию, одержимость тренировками, поход в ванную сразу же после еды, пугающе худое тело: у нее булимия.

— Мэдди, нам нужно серьезно об этом поговорить.

Она пожимает плечом, ясно давая мне понять, что совершенно не настроена на разговор.

— Не о чем говорить. — В ее голосе больше не чувствуется раздражительных ноток. Думаю, мне больше нравилось, когда она была зла, потому что сейчас Мэдди абсолютно пассивна. А с такими людьми невозможно общаться. Они возводят вокруг себя стены, которые отражают любые нападки.

Следую за ней в гостиную.

— Мэдди, послушай, я не сужу тебя, честно. Просто позволь мне помочь тебе.

Она начинает смеяться, но на лице не отражается никаких эмоций.

— Ты собираешься помочь мне? Сильно сказано. Сколько тебе, восемнадцать?

— Мэдди, ты моя тетья, моя семья. И я переживаю. Сколько это уже продолжается?

— Малышка Кейт, ты такая наивная. — Опять этот ее покровительственный я-говоря-с-тобой-как-с-пятилетней-девочкой-тон. Но мне все равно, потому что сейчас мне необходимо разговорить ее.

— Наивная? Мэдди, ты только что специально вызвала рвоту.

— Кейт, милая, ничего страшного. — На ее лице равнодушие и безразличие. Качаю головой, не отрывая от нее глаз. Это просто не может быть правдой.

— Подруга, это ужасно.

Она тоже качает головой.

— Кейт, я просто переела и очистила желудок. Это не привычка, просто единичный случай. Иногда мне очень хочется есть. Таким образом, я могу хорошо поесть и не набрать вес. Это беспроегрешный вариант. — Она пытается убедить меня в этом, нацепив на лицо ослепительно белозубую улыбку.

— Подруга, это не беспроегрешный вариант. Ты издеваешься над своим телом. И однажды, оно взбунтуется. — Не переносу людей, сознательно причиняющих себе вред. Многие готовы отдать все, что угодно за здоровое тело. Твое тело — твой храм. Ну, нельзя же, гадить в храме.

Она отмахивается от меня так же, как и множество раз до этого. Я теряю ее. Она не станет слушать. А у меня просто нет никаких знаний или примеров из жизни по этой теме. Я не знаю, что сказать, поэтому говорю то же, что и Гасу, когда он курит.

— Ты должна бросить. — Чувствую себя дурочкой, когда произношу эту фразу.

В глазах Мэдди вспыхивает злость. Я слишком давлю на нее. Она глубоко вдыхает и говорит:

— Кейт, думаю, тебе стоит уйти.

Да, определенно я перешла все границы. Я раскрыла ее секрет и совершенно справедливо, что она в ярости. Нужно дать ей время. Собираю свои вещи и направляюсь к выходу.

— Еще раз спасибо за то, что не сожгла мою одежду.

Жду, что она хоть как-то отреагирует, но в ответ лишь молчание. Ни тебе «всегда пожалуйста» ни «иди в задницу». Просто угнетающая тишина. Меня пробирает озноб. Оглядываюсь и неожиданно, мне кажется, что в комнате больше нет Мэдди, а лишь я и Джанис Седжвик. Мэдди принимает облик моей матери. Даже то, как она переносит свой вес на левую ногу и скрещивает на груди руки. Они могли бы быть одним человеком. Моя мать не была чудовищем. Она просто не могла справиться со своими проблемами. Когда она не принимала лекарства, то была сама не своя. Когда она принимала лекарства, то тоже была сама не своя. Психические расстройства — это не шутки. Какое-то время мать была любящей и доброй. Но в большинстве случаев злой и ко всему безразличной. Злость и безразличие — абсолютно разные эмоции, которые могут разбить детское сердце на мелкие кусочки. Я очень рано научилась абстрагироваться от них. Но меня ужасно расстраивало, когда мать так вела себя по отношению к Грейс. Я делала все возможное, чтобы это не повторялось. Но иногда мне не удавалось ничего сделать. Тогда я ненавидела себя за это.

Мне срочно нужно покинуть это место.

Выхожу за дверь и пока Мэдди не закрыла ее и говорю:

— Пожалуйста, обратись за помощью. — Не думаю, что она услышала меня, но потом замечаю в приоткрытую дверь, что ее плечи поникли.

Вернувшись в общежитие, изучаю информацию по булимии на ноутбуке. Через час заканчиваю исследование, ввергнувшее меня в состояние депрессии. В голове куча вопросов.

Время ленча. Несмотря на то, что еда — последнее чего мне хочется после прочитанного, я решаю куда-нибудь сходить. Нужно переключиться на что-то другое. У меня довольно хорошо получается раскладывать свою жизнь по полочкам. Если происходит

что-то плохое, я могу концентрироваться на происходящем какое-то время, а потом просто отодвигаю это на задний план, чтобы извлечь при необходимости.

Этому бесценному уроку меня научило собственное детство. Я не могу позволить, чтобы печали и беды владели мной, иначе они просто полностью поглотят меня. Все неудачи я собираю и храню в отдельном уголке памяти, не позволяя просочиться им через тонкие стенки и смешаться со всем тем хорошим, что есть в моей жизни. Неудачи — чертовски плохой компаньон.

Поэтому я иду и стучусь в дверь Клея. Дверь открывает Питер.

— Как дела, Пит

Он сухо кивает мне головой.

— Кейт.

Я подхожу, беру его за руки и хорошенько пожимаю их.

— Расслабься, Пит. Эй, а где Клейтон?

Пит полностью раскрывает дверь, и я вижу Клейтона, развалившегося на своей кровати и читающего журнал.

— Привет, Клейтон. Как дела? Я собираюсь в кафе, чтобы перекусить. Ты со мной?

— Добрый день, Кэтрин. Конечно. Эта статья просто до ужаса скучна. Меня так и тянет в сон. — Он потягивается и откладывает журнал на стол. Интересно, может в прошлой жизни Клейтон был англичанином? Кто еще бы сказал «до ужаса»?

Смотрю на Пита, все еще стоящего возле раскрытой двери.

— Хочешь с нами, Пит?

— Мне бы не хотелось быть третьим лишним. — О, он такой серьезный.

— Пит, приятель, это просто ленч. К тому же, мы пока с Клейтоном не встречаемся. Он полностью игнорирует все мои заигрывания. — Натягиваю на лицо самую соблазнительную из моего арсенала улыбку и подмигиваю Клейтону.

Он качает головой.

— О, Кэтрин, — говорит он. Мне так нравится, что он понимает мое чувство юмора.

— Видишь Пит, мне придется придумать что-нибудь креативное и долго ухаживать за ним. У Клейтона просто стальные яйца. Поэтому ты совсем не помешаешь нам.

Пит знает, что мы прикалываемся, потому что Клейтон еще вчера вечером сообщил ему, что он — гей. Клейтон сказал, что не хочет, чтобы Пит извел себя сомнениями по поводу его ориентации. Пит, в свою очередь, нормально все воспринял.

Шестым чувством я знала, что так и будет.

Ленч с Клейтоном и Питом прошел чудесно. Мы сидели за столом, шутили и рассказывали истории. Как только Пит немного расслабился, то стал просто отличным и веселым парнем. Клейтон же... Ну, Клейтон сдержанный и саркастический. Мы смеялись так, что надорвали задницы. Смех для меня как кислород, так что я приняла приличную дозу, так необходимую мне сейчас. И я нашла двух людей, которые могут заставить меня смеяться до слез в глазах, до колик в желудке. Это тот тип людей, с которыми мне нравится проводить время. Теперь их у меня двое! Я счастливица.

Вернувшись в общежитие, обнаруживаю, что комната выглядит как Франция во время Второй Мировой Войны. Повсюду валяются вещи. Шугар и мои.

В центре комнаты стоит девушка, руки в боки. Машу ей рукой.

— Привет, я Кейт.

Она внимательно осматривает меня, сдувает прядь волос с лица и расстегивает заколку,

стягивающую волосы. С неприступным видом она собирает волосы и застегивает заколку обратно.

— А я Шугар.

Она такая хорошенькая, как модель. У нее длинные светлые волосы, большие темные глаза, полные губы и, боже мой, она еще и высокая. Ее ноги длиной практически как все мое тело. Она худенькая, но подтянутая. И... у нее огромная грудь. Я могу достоверно это сказать, потому что она ничего и не прячет. На ней — коротенький топ и самые короткие джинсовые шорты, которые я когда-либо видела. И когда это они начали шить джинсовые плавки? Да, это ну никак не поможет мне избавиться от образа стриптизерши

— Мне надо кое-что передвинуть. А то мне не нравится расстановка, — говорит Шугар, качая головой и осматривая беспорядок. — Да, совсем не нравится.

— Отлично, я не против.

Шугар отдает приказы как морской капрал. После того, как мы переставили все с места на место три раза, она наконец-то удовлетворилась увиденным. Я же была потная, как свинья. Интересно, как так получилось, что, несмотря на то, что у нас одинаковое количество мебели, ее мебель занимает две трети комнаты. Да, чем бы дитя ни тешилось... У меня достаточно место для всех моих вещей, поэтому я не собираюсь ни на что жаловаться. Совершенно очевидно, что Шугар всегда добивается своего. Ну а я... я не размениваюсь по мелочам.

Нам не особо есть, о чем поговорить, кроме как об интерьере и перестановке мебели, но я все же задаю несколько вопросов. Таким образом, узнаю, что Шугар восемнадцать лет и она из Миннеаполиса. Ее родители в разводе и у нее есть трех летний сводный брат, кокер-спаниель по кличке Мерседес. Она знает кучу людей, которые поступили в Грант. Она ничего не знает обо мне. Когда ты интересен собеседнику, он задает вопросы. Я задавала. Она нет.

Ах да, она ничего не сказала по поводу стриптиза. И у нее нет шеста.

Черт. Чувствую себя обманутой.

Кейт

— Кто это? Твой парень? — забрасывает меня вопросами Шугар, как только я переступаю порог нашей комнаты. Ее палец указывает на рамку с фотографией на моем столе. Полагаю, она решила отыгаться за вчерашнее отсутствие любопытства.

— Неа. Лучший друг.

Она причмокивает губами.

— Он такой симпатяшка. И глаза у него красивые.

Такая же фотография и на моем телефоне, но там она обрезана так, чтобы было видно только его лицо. Каждый раз, когда он мне звонит, оно появляется на экране. Снимок в рамке на столе — наш общий. На нем мы смеемся. Я — откинув голову назад, а он — согнувшись пополам. Его длинные волосы закрывают половину лица и один глаз. Второй же смотрит в камеру с проказливым и озорным выражением. Вот он — настоящий Гас. Эту фотографию сделал наш друг Франко год назад на пляже.

— Да, у него очень красивые глаза. — Темно-коричневые, практически черные. Искрящиеся.

А потом она смотрит на снимок Грейс.

— А это кто?

— Моя сестра. — Задерживаю взгляд на лице Грейс. Я сфотографировала ее в один из вечеров в прошлом апреле, когда мы медленно спускались к пляжу, чтобы посмотреть на закат. Грейс позирует на фоне ярко-оранжевого заката, отражающегося в воде, подобно огню. Но он просто меркнет на фоне ее улыбки, которая неимоверно оживляет фотографию. Это та улыбка, которая была с ней каждый день. Та улыбка, которая озаряла нашу жизнь. Неопровержимое доказательство добродетели. Улыбка, которая давала мне веру в то, что я — самый счастливый человек на всем белом свете. Эта улыбка и это фото для меня олицетворение истинной чистоты и непорочности.

— Ладно. Мне пора идти. Нужно кое с кем встретиться. — Она хватает свою сумку.

На ней крохотные белые шорты и топик без лифчика. Я только за отсутствие лишней одежды, но сквозь тонкий материал просвечиваются темные соски. Что, если она просто забыла надеть лифчик? Не могу же я позволить ей пойти в таком виде и ничего не сказать.

— Шугар. — Показываю на собственную грудь, пытаюсь тонко намекнуть ей.

Она опускает взгляд на свою огромную и неправдоподобно стоящую. Ну, так ведь не может же быть на самом деле?

— Что?

— Не имею понятия, куда ты собралась, но ты в курсе, что твои близняшки на полном обозрении? —

Она пожимает плечами.

— Ну да.

Показываю ей большой палец.

— О, ну тогда все в порядке, сестренка. До встречи.

Решаю, что сегодня тот день, когда можно представить Клейтона в кофейне «Граундс».

В этот раз я очень осторожно открываю дверь, но, черт возьми, законы физики тут не работают. Сила, приложенная к открытию двери просто несравнима со звуком, издаваемым

этим гребаным колокольчиком. За стойкой опять Ромеро и он отлично помнит мое имя и фамилию. Знакомлю его с Клейтоном, который заказывает мокко макиато с соей и обезжиренными взбитыми сливками. Все время, пока он пил свой кофе, на его лице было выражение высшей степени восторга. Интересно, можно ли кончить от кофе? Клейтон, например, просто онемел. Мой черный кофе тоже был восхитителен, но не до такой степени. Может, его настолько хорош, потому что он добавил туда кучу всякой гадости?

После обеда мы с Клейтоном слушали музыку в его комнате. Клейтону нравится дабстеп, хаус и танцевальная музыка, как и мне. Мы оторвались как две тринадцатилетние малолетки, танцуя без перерыва. Мы с Гасом часто ходили на танцы. На пляже постоянно устраивали посиделки у костра, плавно перетекающие в танцевальные вечеринки. Грейс нравилось слушать музыку, поэтому обычно я брала ее с собой. Иногда Грейс оставалась с ночевкой у Одри и тогда мы с Гасом ходили в клуб, куда нас пропускали, несмотря на то, что мы были несовершеннолетними.

Гас — изумительный танцор, отлично владеющий телом. Поэтому, вероятно, он так хорош и в сексе.

На нашу отвязную вечеринку заглянул Пит: покраснел, развернулся на сто восемьдесят градусов и ушел. Думаю, он не умеет танцевать. Нужно что-то делать с этим. Ну, а Клей, что тут сказать, — восхитителен. Знаете, когда приходишь в клуб, всегда есть тот, на кого смотрят все? И это Клейтон. Я впечатлена.

Около шести часов вся потная, собираюсь в свою комнату.

— Клейтон, ты можешь порвать любой танцпол. Нужно найти хороший клуб и сходить как-нибудь на вечернику для тех, кому еще нет двадцати одного.

На его лице расплывается восторженная улыбка, и он с воодушевлением хлопает руками.

— О, Кэтрин, это было бы замечательно. Я еще никогда не был в настоящем клубе.

Я удивлена.

— Правда? Где же ты научился так танцевать?

Он краснеет, а потом спрашивает:

— Как ты думаешь, в Миннеаполисе есть гей клубы?

Пожимаю плечами.

— Конечно.

Он еще больше краснеет.

— Кэтрин, если я найду подходящий клуб, ты сходишь в него со мной? Мне больше не с кем.

Легонько сжимаю плечо Клея.

— Однозначно. Только дай мне знать.

Он широко улыбается и обнимает меня за шею.

— Спасибо.

Я слегка похлопываю его по спине, ненавязчиво пытаюсь высвободиться из удушающих объятий.

— Рада помочь.

Сходив в душ, возвращаюсь в пустую комнату и решаю попытать удачу со скайпом еще раз. Загружаюсь и, вот удача, Гас в сети. Этот засранец опять в Лос-Анджелесе. Весь июль они записывались и теперь их вызвали, чтобы отобрать песни для альбома и подготовиться к турне, которое ориентировочно должно начаться в конце сентября. После выпуска альбома,

лейбл надеется получить ротацию на радио, чтобы разрекламировать их и таким образом, организовать успешное турне. Неправда ли, звучит так просто? Но на самом деле месяц будет очень напряженным. А единственное, что сводит Гаса с ума — это стресс. Я уже начинаю переживать за него.

Счастье накрывает меня с головой, когда его улыбающееся лицо появляется на экране ноутбука.

— Давненько мы не болтали, Оптимистка. Как дела?

— Привет Гас. Ты первый. Как Лос-Анджелес? — Несмотря на то, что мы посылаем друг другу смс по несколько раз в день, мне хочется быть в курсе каждой детали.

— Чертовски изматывающе, подруга. — Присмотревшись, я вижу темные круги у него под глазами.

— Ты отвратительно выглядишь? Когда последний раз спал?

Он зевает и на секунду задумывается.

— Последний раз я проспал всю ночь в четверг.

Звонок раздался рано утром в пятницу, и к обеду им уже нужно было быть в Лос-Анджелесе. Поэтому они быстро загрузились в свои машины и двинулись вперед. С момента прибытия ребята не вылезали из студии, работая над окончательными записями всех песен вместе с продюсером. И сегодня, в первый раз за все время увидели солнечный свет.

— Тебе срочно нужно отдохнуть.

— И это говорит мне Мисс Дальнобойщица, которая пересекла Штаты за рулем машины без сна и отдыха? — Он поднимает свои брови. — Я уже большой мальчик, Оптимистка. Как-нибудь справлюсь. Хотя, по правде сказать, я измотан.

— Даже не сомневаюсь. Так вы всё, закончили с Мистером Долбаным Исполнителем Желаний (МДИЖ)? — В первый раз, когда они увидели своего продюсера в июле, он представился им Исполнителем Желаний. Гасу это не особо понравилось и спустя неделю он нарек его Мистером Долбаным Исполнителем Желаний. Мужик был в восторге.

— Да. Мы, наконец, все закончили около тридцати минут назад. Я, конечно горд, но, черт возьми, последние несколько дней были просто жуть. Отобрать песни — все равно, что выстроить детей перед пожарным расчетом. У нас у всех были свои пожелания, но окончательное слово было за МДИЖ. — Гас пропускает пальцы сквозь волосы и собирает их в хвост. Он расстроен. Пять, четыре, три, два, один. — Мне нужно покурить. Подожди. — Гас берет ноутбук и идет. Изображение на экране прыгает и трясется как в домашнем видео.

— Друг, у меня так начнется морская болезнь.

— Прости, Оптимистка. Мне нужно на балкон.

Наконец ноутбук оказывается на твердой поверхности, а Гас хлопает по карманам в поисках зажигалки, сигарета уже у него во рту.

— Тебе нужно поменьше курить.

Он улыбается, крепко зажав сигарету между зубами.

— Такими темпами точно не на этой неделе, месяце и, вероятно, даже не в этом году. Так что не начинай. — Он прикрывает сигарету рукой и прикуривает. Гас затягивается так, как будто это его последний вздох. Выдохнув дым, он закрывает глаза и откидывается на стул.

— Ну как, полегчало?

Он кивает, не открывая глаз, и делает еще одну затяжку.

— Так ты доволен полученным результатом? — нервно спрашиваю я.

Он сонно улыбается.

— Доволен.

Я до сих пор не в курсе, какие из песен будут в альбоме. Всего записано пятнадцать, но увидят свет только одиннадцать. До сих пор Гас хранил секретность. Думаю, он боялся, что сглазит, если будет слишком много болтать. Проснется однажды и поймет, что все это было лишь сон.

— Так, какая песня будет главной в альбоме? Ты уже можешь мне сказать?

Он открывает глаза и улыбается. Это значит, что он по-настоящему, чертовски доволен.

— Missing You. (скучаю по тебе)

Я в шоке.

— Без обмана?

Он все еще улыбается.

— Без обмана. Не хотел тебе говорить раньше, на случай, если ничего не получится, но когда ты была с нами в студии в июле, МДИЖ писался кипятком от твоей игры и сказал, что скрипачка — гениальна. Так оно и есть.

— Вау, это... я просто не знаю, что сказать... это...изумительно. — Вспоминаю июль и наш эксперимент в студии. — Он никак не отреагировал, когда мы играли, поэтому я подумал, что он шутит, когда сказал, что ему понравилось. — Я в шоке. Гас написал песню и сказал, что это мой подарок Грейс. Единственная его баллада. Он включил в нее партию для скрипки и настоял, чтобы я ее исполняла. Я снова взяла скрипку в руки, но только для Грейс. Поехала в студию с группой и играла, думая, что все это не пойдет дальше контрольной комнаты. И этого было бы достаточно, потому что даже сама игра — уже опыт, который я никогда не забуду.

Следующим вечером, после того, как все разошлись по домам, Гас уговорил меня спеть с ним другую песню «Killing the Sun». Это своего рода их гимн. У каждого свои собственные слова. Всякий раз, когда я слышу ее в живую, меня пробирает до кончиков пальцев. Мы с Гасом исполнили ее, и в одном месте я даже пела одна. Конечно, я не так хороша, как Гас, но мне нравится петь, и я даже попадаю в ноты. У нас довольно хорошо получилось исполнить ее на два голоса. Было весело. Он записал и загрузил мне обе песни, поэтому, думаю, могу сказать, что я побывала в шкуре рок-звезды.

— Да, он пытался сохранить лицо перед тобой, но на следующий день, когда мы прослушивали ее, был страшно взволнован. Так что, спасибо за твою виртуозную игру. — Гас подмигивает мне и тушит сигарету в пепельнице, которая и так уже переполнена.

— Ладно, что мы все об альбоме. Хочу послушать, как живется в славном городе Гранте. Начинай. — Он подвигает стул поближе к столу.

— Ну, хорошо. Что сказать. У меня появилось два друга — Клей и Пит. Они живут напротив. Моя сожительница Шугар.

Гас прерывает меня.

— Подожди-подожди, твою сожительницу зовут Шугар? Как натуральный подсластитель?

Киваю головой.

— Шугар Старр ЛаРуэ.

Он откидывает голову назад и смеется

— Черт, это просто классика... Что курили ее родители? — Гас наклоняется к экрану. — Оптимистка, ну скажи мне, что она стриптизерша или ...оказывает эскорт услуги

или что-то типа этого? — Его глаза искрятся любопытством.

Я хлопаю в ладоши и смеюсь.

— Именно так я и подумала, когда услышала ее имя. Но нет.

— Подруга, это чертовски несправедливо. Ты просто убила меня.

— Я знаю. Сама расстроена. Хотя, может, у меня и появятся интересные истории, потому что она просто создана для этой профессии, а утром, например, ушла в просвечивающем топике без лифчика.

Гас высоко поднимает брови.

— Черт, напомни, какой у тебя адрес? Возможно, я как-нибудь заскочу к тебе.

— Извращенец.

Он пожимает плечами.

— Что есть, то есть. Я — парень, это у нас в крови. Что еще? Как насчет тех двух парней, живущих напротив?

— Клейтоне и Питере?

— Да. Какие они? Мне уже нужно начинать переживать за твое целомудрие?

Закатываю глаза.

— Друг, этот корабль уплыл давным-давно. К тому же, думаю, скорее ад замерзнет, чем у меня с кем-то из них что-то будет.

— Почему? — спрашивает он оптимистично.

— Ну, Клей и я играем в одной команде, а Пит — из тех людей, кто-либо и в сорок пять останется девственником, либо сексуально-озабоченный извращенец, прикидывающийся невинным, чтобы отвести от себя подозрения. В любом случае, как понимаешь, я в полете.

Гас кивает головой и улыбается.

— А я бы поспорил, что Пит увлекается ролевыми играми в стиле садо-мазо. Возможно, даже со связыванием. Думаешь, он господин или раб?

Закрываю уши и качаю головой.

— Бээ. Такими темпами каждый раз, обедая с Питом, я буду представлять его себе в коже и с хлыстом в руках. Ты этого хочешь?

Гас улыбается во весь рот.

Я показываю ему язык.

— Ублюдок.

— Ага. Подведем итоги: твоя сожительница — скрытая стриптизерша-практикантка, а сама ты зависишь с геем и извращенцем. Даже и не знал, что Миннесота — такой прогрессивный штат. Впечатляющая компания. Может и мне стоит пойти учиться? Что еще? Расскажи, ну расскажи.

Он умоляюще складывает руки

На секунду задумываюсь, а потом говорю:

— Вчера я видела Мэдди.

— Подруга, только не говори мне... что она опять перепутала еду. Второй раунд мясного поноса за неделю?

— Нет. Это никак не связано с едой. Сказать по правде, я немного психанула.

— Психанула? Что случилось?

— У нее булемия.

Его голос смягчается.

— Что?

— Да. Мы пошли позавтракать. Она ела как чемпион, а через десять минут избавилась от съеденного.

— Подруга.

— Да, знаю. Я вошла как раз, когда она это делала. Пыталась уличить ее, но она только отмахнулась. Тогда я прямо обвинила ее и она разозлилась. Это было ужасно. Я просто не знаю, что делать. —

— Вау. Прямо так разозлилась?

— Да. Она категорически отвергла какую-либо помощь и попросила меня съехать.

— Вот дерьмо.

— Да.

— Что будешь делать?

— Она зла, поэтому я собираюсь дать ей время остыть и потом попробую поговорить еще раз.

— Удачи.

— Спасибо, она мне необходима.

Некоторое время мы молчим, а потом Гас меняет тему разговора.

— Оптимистка, у тебя хватает денег на все необходимое — школу, еду и...

Обрываю его на полуслове:

— У меня есть работа.

— Это не то, о чем я спросил.

— Все хорошо. Не переживай за меня, — говорю я, совсем не будучи уверенной в этом.

Не имею понятия, что произойдет в следующие несколько месяцев. Моих сбережений надолго не хватит. Буду решать проблемы по мере поступления.

Гас раздраженно фыркает.

— Это моя работа — переживать за тебя. Тебе нужны деньги? Нам дали аванс за альбом. Могу выслать тебе сколько нужно.

Я улыбаюсь.

— Черт, чем я заслужила тебя? Спасибо, но нет. Мне не нужны деньги.

— Пообещай, что скажешь, если понадобятся?

Пожимаю плечами.

— Скорее всего, нет. Я как-нибудь справлюсь.

— Черт, Оптимистка. Если тебе что-то нужно, звони мне, хорошо? Теперь я могу себе это позволить. Знаю, вам с Грейс пришлось нелегко... Боже, жаль, что я об этом не знал. Я всегда думал, что твоя мать вполне обеспечена. Мне до сих пор не по себе. Поэтому в этот раз, дай мне знать. Позволь мне помочь тебе.

— Знаешь, как ты действительно можешь мне помочь?

Его искаженное болью лицо расслабляется.

— Как

— Ты можешь просыпаться завтра утром и послезавтра и каждое следующее утро и рвать свой зад так, чтобы и твой альбом, и тур вошли в историю.

Он улыбается.

— Твой новый девиз: твори историю.

Он смеется.

— Я не могу творить историю, но я могу войти в историю.

— Вы, мистер Умник, можете и творить, и войти.

Он ухмыляется, и устремляет смущенный взгляд вниз.

— Ну, если ты так говоришь. Это очень ответственно.

— Я серьезно, и тебе лучше не бесить меня.

— Ты сегодня такая настойчивая. — Он поднимает брови. — Мне нравится. Круто.

Я закатываю глаза.

— Это в тебе говорит недосып. Иди уже в кровать, Рок-бог.

— Да, я так и сделаю. — Он зевает. — Удачи в первый день учебы завтра.

Вскидываю кулак в воздух и говорю:

— Обещаю воспользоваться всеми возможностями, которые открывает передо мной

Долбаный Колледж Грант.

Гас смеется, но на лице проскальзывает замешательство, как будто он что-то упускает.

Я пожимаю плечами.

— Думаю, ты сейчас там, где должен быть.

— Видимо так.

Он сонно хихикает.

— Твори историю.

— Творю историю.

— Я люблю тебя, Гас.

— Я тоже, Оптимистка.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Кейт

Первый учебный день прошел замечательно. Хотя я и посмеялась над той самой вступительной речью об открывающихся передо мной возможностях, но сегодня у меня весь день были мурашки по коже. Я так долго мечтала поступить в колледж, в настоящий колледж. Никогда не думала, что мечта станет явью, но вот я здесь. И ставлю галочку в пункте «пять» своего списка того, что нужно успеть сделать в жизни. Напоминаю себе, что настало время напомнить о себе Богу и сказать, что я счастлива от того, как складываются мои дела. С понедельником, Бог. Знаешь, я просто хотела поблагодарить тебя за Грант. Это — самый лучший подарок. Счастливо.

Когда я захожу в «Три Петунии» в два тридцать, Шелли полностью погружена в создание цветочных композиций, но отвлекается, чтобы спросить:

— Где твой iPod? Я сегодня принесла док-станцию. Посмотрим, если у тебя что-нибудь интересненькое.

— Это вызов?

— Понимай, как хочешь. — Тогда это вызов. Неожиданно во мне возникает желание защитить честь своей музыкальной коллекции. Достая iPod из сумки и подключаю его.

Первой композицией оказывается Моцарт. Шелли сразу же переключает на следующую песню и сконфуженно смотрит на меня.

— Я весь день слушаю эту музыку. Она мне нравится, но когда я на работе, хочется послушать что-нибудь еще.

— Без проблем.

В колонках раздается следующая песня. И я сразу же начинаю танцевать, в то время как Шелли недоуменно смотрит на меня.

— Ну, давай же, Шелли. Тряхни булками.

Она непреклонно качает головой.

Мои ноги прекращают движение, а тело продолжает жить своей жизнью.

— Что? Только не говори мне, что ты не танцуешь?

Она опять качает головой и определенно краснеет. Никогда не думала, что увижу нечто подобное.

— С этим нужно что-то делать. Знаешь, я определенно собираюсь вытащить тебя потанцевать еще до конца семестра. — Этой девушке нужно попробовать что-то новенькое, чего она еще никогда не делала. И именно это становится моей целью.

Она опять качает головой, чтобы добавить убедительности своему заявлению.

— Я не танцую, Кейт.

— А я думаю, что твоя внутренняя королева танцев просто молит об освобождении. Шелли, да она просто кричит об этом. Я слышу ее, и она зла. В следующий раз, когда Клейтон устроит в своей комнате рэйв-вечеринку, я приглашу тебя.

— Рэйв-вечеринку?

— Ну, на ней не будет толпы народа, наркотиков и светящихся палочек, но все равно будет весело.

— А кто такой Клейтон?

— Мой сосед. Живет напротив.

Она кивает головой, а я продолжаю качать бедрами в ритм музыке.

— Так ты говоришь, что вы вдвоем танцуете под твой iPod в его комнате в общежитии?

Я поправляю ее.

— Его iPod, у него тоже есть кое-что интересное. Но, ты права, все примерно так и происходит.

Она качает головой, а на ее лице расплывается искренняя улыбка. Улыбка, которую даришь тому, кто тебе действительно нравится, кто делает тебя счастливым. У меня такое чувство, что Шелли не слишком часто раздаривает их. Это мне льстит.

— Кейт, ты лучшая.

Улыбаясь и пританцовывая, направляюсь к своему рабочему месту и начинаю работать, сменив танцевальные движения на простое кивание головой в такт музыки; мое тело просто не может не двигаться, когда я слушаю хорошую музыку. Она как будто бежит по моим венам, и я физически не могу отключиться от нее.

Через каждые несколько песен, когда Шелли думает, что я не смотрю, она нагибается и считывает информацию на моем iPod. У меня довольно много европейской музыки и некоторая даже не на английском языке. Я не говорю ни на одном из них: французском, немецком, датском, поэтому понятия не имею, о чем поется. Но это не важно, музыка сама по себе феноменальна, даже если вы не понимаете слова. Одна из этих песен только что началась.

Шелли не скрываясь, смотрит на экран, а потом переводит взгляд на меня.

— Что это, черт возьми?

— Французский хип-хоп. Нравится? — Я знаю, что нравится, иначе бы она не спрашивала.

— Не плохо. — Она хватает лист бумаги и карандаш, и переписывает имя исполнителя и песню. Также замечаю, что она добавляет шесть-семь других песен по памяти. — Где ты это нашла?

— Мы с моим лучшим другом уже давно коллекционируем музыку. Это типа хобби. Я просто не представляю своей жизни без этого.

Когда начинает проигрываться новая песня, я спрашиваю:

— Шелли, а у тебя есть парень?

Она кивает головой, расплываясь в приятной, немного смущенной улыбке. Думаю, я только что нашла брешь в ее броне. Она попалась.

— Да.

— Да? Тогда тебе нужно записать и эту песню. Если бы когда-либо выпустили альбом, под который можно подурчиться, это определенно был бы этот. — Потому что так оно и есть. Эта группа использует в своем творчестве мрачные ритмы 80-х и очень сексуальный голос исполнительницы.

Шелли записывает.

— Мой парень будет благодарен тебе.

Я улыбаюсь и подтверждаю.

— Ну, конечно же.

Ближе к обеду Шелли начинает засыпать меня вопросами, пока мы работаем.

Думаю, она решила, что у меня не такой уж и плохой вкус в музыке и это вторая часть музыкальной битвы.

— Назови трех своих самых любимых женских исполнительниц. — Ее глаза сужаются и

блестят в предвкушении. — И помоги тебе Господи, но если упомянешь хоть одну из этих чертовых поп принцесс, ты уволена.

Я смеюсь над ее угрозой. Могу ответить на этот вопрос не задумываясь, даже если меня разбудить глубокой ночью.

— Три? Номер один: Роми Крофт из группы «The XX». Номер два: Элисон Мойе и «Yaz». И номер три: Джонетт Наполетано из «Concrete Blonde». И стоит похвалить цыпочку из «Royal Thunder». Я довольно часто ее слушала на этой неделе и могу сказать одно: она очень голосистая.

— А как насчет лучшего гитариста?

— Это мой лучший друг.

Она с сомнением смотрит на меня.

— Из всех самых великих гитаристов ты собираешься выбрать своего лучшего друга?

Улыбаясь, говорю:

— Абсолютно точно.

— Хорошо. Лучший басист?

— Легко. Никки Моннингер из «Silversun Pickups». Ее партии потрясающие. К тому же на концерты она надевает красивые платья, а поэтому выглядит как шикарная дама, и как хулиганка в одно и то же время. Мне это нравится.

— Лучшая панк группа?

— «Teenage Bottlerocket». У них умопомрачительные живые выступления, а фанатский сектор всегда неистовствует.

— Самая недооцененная группа?

— «Hands down, Dredg».

— Кто?

— Ага. Это просто издевательство. Должно быть Dredg — это семейное прозвище.

— Если бы у тебя была возможность встретиться вживую с группой или музыкантом, кого бы ты выбрала?

— Было бы классно где-нибудь зависнуть с Дэйвом Гролом. Он кажется таким приятным и простым. Обычным, нормальным парнем. Ну, если не считать того, что он до безумия талантлив. — Шелли улыбается, а я улыбаюсь ей в ответ.

В семь часов она вырубает свою док станцию и вручает мне iPod.

— Ну, что ж, Кейт. Думаю, я нашла для себя главного дилера. — Она берет свой список в руки. — Кое-что отберу тут и для себя.

Мне льстит ее комплимент.

— Рада, что тебе понравилось. — Шутливо кланяюсь. — Здесь моя работа закончена.

Она закатывает глаза.

— Не хочешь сходить в пиццерию сегодня вечером? Мой парень, его сожитель по комнате и я собираемся в «Red Lion Road» выпить пива и поесть пиццы. Мы могли бы заехать за тобой.

Такая Шелли больше не пугает. По каким-то причинам ее отношение ко мне явно потеплело. И правда в том, что мне она тоже нравится.

— Подруга, прости, но я не могу. Нужно делать домашнюю работу, и я обещала Клейтону поужинать с ним сегодня.

Она ухмыляется. — Свидание с рейвером?

— Нет. Просто приятный платонический ужин в кафетерии.

Шелли стягивает фартук через голову.

— Ну, так не интересно.

— Мне действительно жаль, но спасибо за приглашение. Как-нибудь в другой раз, хорошо?

На самом деле у меня просто нет лишних денег. Только пять долларов, которые нужно растянуть до пятницы, когда я получу зарплату. Этого, скорее всего, не хватит даже на кусок пиццы, а пиво мне еще рано покупать. Но не могу же я рассказать ей об этом. Не хочу благотворительности. А кафетерий бесплатный. К тому же, я уже предвкушаю аромат кофе за \$1,57 в Граундс, куда я заскочу по дороге на лекцию по литературе завтра утром. В общежитии не разрешают держать кофеварки (даже типа моего «Святого Грааля»), в кафетерии оно на вкус как грязь, поэтому этой чашкой я собираюсь наслаждаться бесконечно долго. Поэтому мне просто необходимы пять долларов.

Келлер

Раздается звон дверного колокольчика, и я автоматически поднимаю голову. Это не натренированная реакция, а просто непроизвольное любопытство. У Ромеро сегодня встреча с утра, поэтому до его возвращения я работаю в кофе-баре в одиночестве.

Первое, на что я обращаю внимание — насколько она маленькая. Потом на ее одежду и облик в целом; она не местная. Ну и, в конце концов, на хмурое лицо, уставившееся на колокольчик над дверью. Уверен, у нее с ним есть какая-то общая история. Это девушка — самое очаровательное существо, которое я видел. Ее очарование того типа, что заставляет людей улыбаться, даже если не хочешь. По мере приближения к барной стойке, хмурое выражение исчезает, а на лице появляется искренняя улыбка. Улыбки не всегда счастливые, но ее — именно такая — открытая, довольная, уверенная. Глядя на нее, можно поклясться, что знаешь ее сто лет, и она в курсе всех твоих секретов. И несмотря на них, ты ей все еще нравишься.

После значительной паузы с моей стороны, я улыбаюсь и произношу стандартные приветствия:

— Добро пожаловать в «Граундс». Что я могу для вас сделать? — Осознаю, что мой голос звучит немного взволнованно, поэтому откашливаюсь.

Она еще больше расплывается в улыбке, как будто знает, что такое поведение для меня не характерно, а потом эта улыбка достигает ее глаз цвета нефрита. В них читается понимание происходящего. И следом за этим меня накрывает осознание того, насколько красива эта девушка. По мне будто проехал грузовой поезд. Ее глаза, улыбка, волнистые светлые волосы, маленькое, но исключительно пропорциональное тело — все в ней прекрасно.

Ее волшебные глаза и рот все еще улыбаются мне.

— Доброе утро.

Ее голос такой сексуальный. Сложно объяснить, но он как будто отдается где-то глубоко во мне и пускает там корни. Это голос, который ты не столько слушаешь, сколько чувствуешь. И как только я это сделал, мне захотелось чувствовать его снова и снова. В попытке ответить на ее улыбку, приподнимаю правый уголок рта.

— И тебе доброго утра. — Возможно, я схожу с ума, но мне хочется, чтобы этот момент не закончился слишком быстро. Поэтому, начинаю флиртовать, чего не делал слишком давно. — Дайте угадаю, вам карамельный капучино с соевым молоком и без сливок?

Она немного приподнимает бровь и склоняет голову, но ее улыбка ничуть не меркнет.

— Считаешь себя экспертом? В предугадывании заказов, я имею в виду.

Ничего не могу с этим поделать, но мне хочется быть ближе к этой девушке, которая стоит в четырех футах от меня, с другой стороны барной стойки. Поэтому я наклоняюсь вперед, сцепляю пальцы в замок и упираюсь локтями в стойку. Миссия завершена: я ближе к ней еще на один фут. На ее носу россыпь блеклых веснушек. Они тоже прекрасны.

— Обычно так и есть.

Ложь. Никогда этого не делал.

Она чешет голову, как будто раздумывая над моими словами. Когда же вытаскивает

пальцы из волос, они оказываются в еще большем беспорядке, чем до этого. Но ей идет. Очень. Она цепляет меня.

— Так, по-твоему, я похожа на девушку-карамельку? Черт, даже не знаю, как на это отреагировать

Я бы, возможно, и забеспокоился, что обидел ее, если бы она опять не улыбнулась.

— Ну, вот так я угадал.

— Вау, — отвечает она. — Сказать по правде, я немного оскорблена твоим нахальным предположением, ну да ладно. Всегда считала, что у меня хороший вкус в кофе. Большую чашку фирменного черного, пожалуйста.

Черного? Она не имеет это в виду, никто не имеет. Обычно говорят черный, подразумевают, кучу добавок. Сужаю глаза.

— Какой вкус?

Она поднимает брови.

— Никакой.

— Сливки? Молоко? Соевое молоко?

Она качает головой.

— Нет, спасибо.

— Сахар.

— Нет. Я и сама сладенькая.

Из чьего бы то ни было рта эта фраза прозвучала бы слащаво и чрезмерно кокетливо, но она просто констатирует это как факт, даже не пытаюсь соблазнить. Черт, она меня уделала. Смеюсь и качаю головой.

— Уверен, так оно и есть. — Наливаю кофе и передаю ей теплую кружку. Когда она взяла ее в свои руки и случайно провела пальцем, по-моему, я чуть не выпрыгнул из кожи. Это было совершенно случайно с ее стороны, но мне пришлось сдерживать стон.

Еще раз прокашливаюсь и пытаюсь говорить нормальным голосом:

— Думаю, у меня сложилось неверное впечатление о тебе. Добро пожаловать в клуб.

Она вручает мне два доллара и подмигивает.

— Это происходит со мной довольно часто.

Она подмигнула мне. Слава богу, что в этот момент я стою за стойкой, потому что слишком уж близок к тому, чтобы почувствовать себя озабоченным старшекласником.

Бросаю сдачу в ее крошечную ладошку, не рискуя снова оказаться с ней в физическом контакте.

Она сразу же бросает ее в банку чаевых и салютует мне чашкой с кофе.

— Спасибо. Изумительно отработать вторник.

Кто сказал изумительно? Она. Это будет мое новое любимое слово.

— Изумительно, — повторяю я. Не могу стереть с лица улыбку. Такое чувство, что она что-то включила во мне. — И тебе того же. — Салютую ей в ответ. Это привычка, которая выработалась благодаря долгой работе с Ромеро.

Смотрю на часы. Еще только 6:55 утра, а день уже можно назвать изумительным.

Что, черт возьми, только что произошло? Такое чувство, что я провел в спячке годы, и только что проснулся.

Кейт

Последние два часа я провела в комнате Клейтона и Пита. Первый час мы просто болтали, а потом Клейтон предложил:

— Давайте поиграем в «Навредить, Натянуть, Вступить в союз».

Перевожу взгляд на Пита, пытаюсь узнать, имеет ли он хоть какое-то понятие, о чем говорит Клейтон, но он выглядит таким же растерянным, как и я. А потом до меня доходит:

— Дружище, я НЕ ИГРАЮ в «Убить, Трахнуть, Жениться».

Клейтон выглядит изумленным моим отказом.

— Из твоих уст это звучит мерзко. Почему нет?

Закатываю глаза.

— Я не играла в нее с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать.

Пит все еще ничего не понимает.

— Что это за «Убить, Тр...» — Он даже не может произнести это слово.

Определенно, Пит никогда не играл в эту игру.

Теперь мне просто весело, потому что наивность Пита чертовски очаровательна.

— Клейтон, — поднимаю глаза, чтобы встретить его горящий от нетерпения взгляд. — Джон, староста нашего общежития, Гектор — парень, который работает в кафетерии и Шелли, моя сожительница.

Его улыбка меркнет.

— Ради всего святого, Кэтрин, это просто отвратительные варианты.

Я улыбаюсь и язвительно отвечаю:

— Ты — тот, кто страстно желал поиграть в эту игру. И Гектор не так уж и ужасен. Он очень приятный.

— Откуда ты знаешь?

— Я болтаю с ним каждый вечер, когда стираю грязную одежду в прачечной при кафетерии.

— То, чем вы занимаетесь никак нельзя назвать болтовней. Скорее это не особо удачная попытка разобрать испанский и английский.

— Он обучает меня испанскому. А я его английскому, — говорю я в свою защиту.

Он ухмыляется.

И чему он научил тебя?

Смеюсь, потому что меня поймали. У Гектора очень плохой английский и мы скорее разыгрываем пантомимы, чем общаемся с помощью слов. Но мы очень стараемся.

Вздыхаю полной грудью и выдаю:

— Я знаю «Mi nombre es Kate» и «Como estas» и «Gato». А еще «Ami no me gustan la zanahorias», что в переводе означает: «морковь на вкус как дерьмо»

Пит осматривает меня скептическим взглядом.

— Он научил тебя говорить «Морковь на вкус как...эээ...невкусная»?

Отмахиваюсь от них.

— Вполне возможно, что это переводится как «Я не люблю морковь», но лично мне больше нравится «Морковь на вкус как дерьмо». — Потому что так оно и есть.

Перевожу взгляд на хихикающего Клейтона.

— Но, давай вернемся к игре, Клей: Джон, мой друг Гектор и Шугар. Дерзай.

До Пита так ничего и не доходит.

Клейтон вздыхает.

— Навредить — Шелли, потому что ничего другого я с ней сделать не смогу. — Он замолкает. — От следующих вариантов меня что-то подташнивает.

— Раскрывай карты, дружище.

Он закрывает глаза, а я, наконец, улавливаю искру понимания в глазах Пита. Его щеки становятся цвета помидора. Клейтон практически выплевывает из себя:

— Натянуть Джона, но только потому, что он слишком посредственный, чтобы связать с ним свою жизнь, и вступить в союз с Гектором, несмотря на то, что я не знаю ни слова по-испански, а его прическа, джинсы-варенка и белые древние кроссовки просто жуть. — Закончив, Клейтон складывает руки на груди в защитном жесте.

— Я больше не хочу играть.

Я хлопаю в ладоши и смеюсь, любуясь его лицом, на котором застыла маска отвращения.

— Это же классика, Клейтон. — Пит чувствует себя не в своей тарелке, как будто испуган, что следующим будет он, поэтому меняю тему:

— Хорошо. Тогда новая игра.

Придумываю игру, в которой один игрок придумывает вопрос, а все остальные по очереди должны на него ответить. Так я узнала, что Пит родился в Техасе, но вырос в Омахе, штат Небраска. Его любимое блюдо: стейк с кровью, обжаренным чесноком и грибами, любимой игрушкой в детстве был микроскоп (это вообще, игрушка?), и он скорее отрежет себе кусочками мизинец, чем пройдет по кампусу голым. Любимая книга Клейтона «Властелин Колец». Он ненавидит собак, особенно маленьких шавок; в детстве занимался фигурным катанием (о да, я бы даже заплатила, чтобы на это посмотреть) и потере мизинца он предпочтет пройтись по кампусу голым, но только если ему позволят надеть красные носки и любимые черные высокие солдатские ботинки (должна признаться, и на это я бы хотела посмотреть).

Около часа назад Пит пошел спать, а мы с Клейтоном делаем домашнюю работу. Но мои глаза просто слипаются.

Закрываю учебник по истории Европы и шепчу:

— Клейтон, ты, конечно, знаешь, как развлечь девушку, но я, пожалуй, пойду. Я — труп.

— Хорошо, дорогая. Я тоже отправлюсь в постель, чтобы завтра хорошо выглядеть.

Перекидываю сумку через плечо.

— Спокойной ночи, Клейтон.

— Спокойной ночи, Кэтрин. — Он посылает мне воздушный поцелуй со своего места на полу.

Я посылаю ему ответный поцелуйчик и тащусь к своей комнате. Замечаю красную ленточку на дверной ручке, но, к сожалению, моему полусонному мозгу это ни о чем не говорит. Все произошло так быстро. Все, что я вижу перед собой — это сплетение ног и голая задница. А потом стоны сменяются злобными ругательствами.

— Что за черт? — кричит Шелли. Она пытается вопить, но у нее плохо выходит, видимо я прервала их посреди довольно насыщенного акробатическими позами процесса.

— Убирайся отсюда, сучка!

Эта сцена, а также красная ленточка. Наконец я все осознаю.

— Дерьмо. Прости подруга. — Быстро закрываю за собой дверь. Мое сердце стучит как сумасшедшее. Сна ни в одном глазу. Иду в ванную комнату и сбрызгиваю лицо водой, пытаюсь в это же время взвесить имеющиеся варианты. Стоит ли подождать под дверью или переночевать где-то еще? Направляюсь обратно к комнате Клейтона и тихонько стучусь. Адреналиновая лихорадка спала и теперь мне опять хочется спать. Клейтон открывает дверь уже в пижаме. Бордовой шелковой пижаме.

— Кэтрин, ты что-то забыла?

— Нет. Дружище, сначала скажи, когда это ты стал Хью Хефнером? Это не пижама, а просто фантастика.

Он улыбается и делает реверанс.

— Спасибо.

Показываю пальцем на дверь за моим плечом.

— Гм, Шелли там катается на лошадке, и я только что стала свидетелем этого. Не возражаешь, если я у вас переночую?

Он пошире открывает дверь.

— Конечно нет, Кэтрин. — Он смотрит на мою дверь. — А ты видела красную ленточку на дверной ручке? — Трясу головой и шепчу так, чтобы не разбудить Пита:

— Знаю, знаю. Наверное, я просто слишком устала. Я даже ничего не подумала. Кроме того, мы никогда не обсуждали сигналов, означающих, «попробуй-только-меня-прервать-у-меня-горячий-необузданный-трах»

Клейтон забирается на свою двуспальную кровать и откидывает одеяло.

— Давай, Кэтрин. Мы маленькие, поместимся.

— О нет, Клейтон. Я как-нибудь на полу.

— Не говори ерунды. — Он подмигивает. — Ты, конечно, восхитительна, но абсолютно не мой тип.

Я улыбаюсь и заползаю к нему.

— Спасибо, Клейтон. Ты самый лучший. Спокойной ночи.

Он целует меня в щеку.

— Спокойной ночи, Кэтрин.

Почти всю свою жизнь мне приходилось делить с кем-нибудь постель. До сих пор я этого не осознавала, но, кажется, я соскучилась по этому. Так хорошо.

Кейт

Что можно сказать о кофе? Это совершеннейший из напитков. Он согревает тело и душу. И делает меня безумно счастливой. Даже громopodobный колокольчик не действует мне на нервы сегодня утром. Я решила смириться с ним, потому что поняла, что его нельзя перехитрить или договориться. Но все-таки я попыталась толкнуть дверь потихоньку, просто, чтобы быть точно уверенной. Все такой же чертовски громкий.

Ромеро, как всегда, машет мне приветственно рукой.

— Доброе утро, Кейт, — говорит он, когда я встаю в конец короткой очереди.

Тут из подсобки выходит парень, который работал во вторник. И да, он все так же хорош. Он меня пока не видит, а я смотрю, как он надевает фартук через голову и завязывает его.

Он выглядит старше меня, но, думаю, он студент, если работает здесь. Парень среднего роста, сухопарый и жилистый, но смотрится крепышом с мускулистыми плечами и трицепсами. И определенно за личностью скромняги таится уверенная в себе личность, которую он пытается не выпячивать, но она все равно периодически вылезает наружу. Уверена, что этого даже никто не замечает, потому что он хорошо скрывает ее за своей приятной наружностью. Он не супер красавчик, но из тех, чья внешность притягивает к себе и вот, ты уже купил билет, сел в автобус и направляешься куда-то, даже не задавая себе вопроса куда именно.

Хорошо хоть, к этому путешествию прилагается впечатляющий вид. Его прическа выглядит так, как будто он только что вылез из кровати, а волосы у него темно-коричневые, почти черные, как и щетина на лице. А его лицо! Боже мой! Детское личико, которому можно списать даже убийство. Оно не невинное, нет, но из тех, кому невозможно сказать «нет». Самое же впечатляющее в нем — глаза. Светло-голубые, даже можно сказать бирюзовые, обрамленные густыми, длинными ресницами, которые делают взгляд таким глубоким, что можно легко раствориться в нем. В общем говоря, он чертовски хорош собой.

Он дружески приветствует Ромеро:

— Доброе утро, Ром, — он поворачивается, чтобы обслужить следующего человека и, о, какая удача, им оказываюсь я.

Перед тем, как взглянуть в эти голубые-голубые глаза, говорю про себя: «Спасибо, Господи. Передо мной исключительный образчик мужского рода. Отличная работа»

Он улыбается уголком губ.

— Ага, перебежчица вернулась. — Вблизи его глаза даже ярче, чем я помню, и в них пляшут чертики. Он мог бы стать моей погубелью. Хорошо, что я просто смотрю.

Я улыбаюсь ему в ответ и ничего не могу с этим поделать.

— Перебежчица?

— Ну да, ты определенно ни отсюда.

Кипятящий в это время в кофеварке молоко Ромеро поднимает на нас взгляд.

— Кейт из Калифорнии.

— Ага, Калифорния, я был прав: ты не местная. — Кофейный бог переводит взгляд с меня на Ромеро и обратно, а потом опять на Ромеро.

— Кейт? Вы обращаетесь друг к другу по имени? Будь другом Ром, представь меня

тогда.

Ромеро смеется так, что у него начинают трястись плечи.

— Келлер Бэнкс, это Кейт Седжвик. Кейт Седжвик, это Келлер Бэнкс. — Он смотрит на Келера. — И ей нравится черный кофе.

Келлер улыбается.

— Я помню, Ром. Она — член клуба. — Он протягивает мне руку. — Приятно официально познакомиться с тобой, Кейти.

Я пожимаю ее. Она теплая, с мозолистыми подушечками пальцев. Его ответное пожатие сильное, но в то же время нежное, я бы даже сказала соблазняющее. Мне не хочется отпускать его руку, но я все же делаю это. — Мне тоже приятно, Келлер. И я просто Кейт

Он улыбается уголком губ и кивает.

— Большой черный кофе?

— Да. Сегодня не тот день, когда стоит нарушать традиции. — Вспоминаю мокко моккачино Клейтона, которое привело его в состояние экстаза. — Или испытывать теории. — Достаточно уже того, что я стою здесь и смотрю на Келлера Бэнкса.

Он поднимает вопросительно брови, закрывает кофе крышкой и протягивает его мне.

— Испытывать теории?

Качаю головой, расплачиваясь.

— Это так, ничего. — Закусываю нижнюю губу, пытаюсь сдержать рвущийся наружу смех.

Он улыбается так, как будто читает мои мысли.

— Дай мне знать, если нужна помощь в проведении испытаний. — Он опирается локтями на стойку, наклоняется так, чтобы смотреть мне прямо в глаза и тихо говорит:

— Я могу быть исключительно полезным, — и протягивает мне сдачу.

Мой пульс ускоряется так, что сердце готово выпрыгнуть из груди. Надеюсь, это не сильно заметно. Боже, такое ощущение, что в этом есть сексуальная подоплека, а может, он просто так флиртует со всеми девушками. Поднимаю чашку и улыбаюсь.

— Уверена в этом, Келлер Бэнкс. Уверена. Изумительного тебе дня.

Он не отводит от меня взгляд. Даже не моргает. Он действительно изумительный.

— И тебе того же, Кейти.

Все внутри меня дрожит. Святые угодники, очень плохо, если я без задней мысли захожу, чтобы купить чашку кофе и выхожу, представляя себе, как парень за стойкой выглядит без одежды? И каков он в постели? Глубоко вздыхаю. Я даже позволила ему называть меня Кейти.

Черт возьми.

Кейт

Уже несколько дней мы с Гасом лишь обмениваемся смс и двухминутными телефонными разговорами во время его перекуров. У него очень жесткое расписание. Они приходят домой только для того, чтобы поспать несколько часов, а потом опять за работу.

Поэтому я очень удивляюсь, когда во время ужина с Клейтоном и Питом в кафетерии, получаю смс:

«Как насчет скайпа?»

Пишу в ответ:

«ЧЕРТ, ДА! Дай мне пятнадцать минут».

Извиняюсь и бегу в общежитие, чтобы включить ноутбук.

Счастье охватывает меня, как всегда, когда я вижу его лицо на экране. Он выглядит измотанным, но довольным.

— Holla seniorita bonita.

— Como es ta, дружище?

— Отлично, Оптимистка. Я в порядке. А ты как?

— Фантастически. И что же происходит у нас в мире рок-н-рола? Ты собираешься мне рассказывать, какие еще песни вошли в альбом? Сколько можно ждать? Мое терпение на пределе.

Гас стоит на балконе, а в руках у него зажжённая сигарета. Неудивительно, что он такой спокойный. Он улыбается.

— Ты готова?

Покачиваюсь на стуле.

— Да! Я готова. Ты просто убиваешь меня. Такое ощущение, что я ждала этого всю свою жизнь, вечность. Давай уже. — Ну и как же без этого, показываю на сигарету. — Тебе стоит бросить курить. — Но я настолько возбуждена предстоящими новостями, что мои слова совсем не звучат хоть сколько-нибудь убедительно.

Гас просто улыбается в ответ. А потом зачитывает список. Я же мысленно ставлю галочки.

— Мне нужно кое-что тебе сказать.

Его лицо принимает обеспокоенное выражение.

— Что?

— Это будет величайший альбом всех времен и народов. Надеюсь, ты готов к тому, что станешь до безумия богат и знаменит, прикупишь свой собственный остров, и будешь там расслабляться в перерывах между гастролями, каждую пару лет будешь менять жен-супермоделей, заведешь себя домашнего льва, а твоей пищей станет виски и героин.

Он смеется.

— Оптимистка, из твоих уст это звучит гламурно. Обещаешь, что так все оно и будет? — Обожаю, когда Гас блещет сарказмом.

— Определенно, но если ты хочешь обезьянку вместо льва или водку вместо виски, то выброси эту мысль из головы. Ты хозяин вселенной под названием рок-н-ролл.

Он еще громче смеется.

— Подруга, я знал, что все это, совсем не ради музыки, только не тогда, когда перед

тобой распахивает двери мир кутежей и пьянства.

— Я думаю, что оргии и ежедневно синонимы в мире Рок-богов.

— О, ты знаешь меня, Оптимистка. Даже если с нами будет удача, и мы добьемся успеха, я, скорее всего, так и продолжу жить с мамой, заниматься серфингом каждую свободную минуту и питаться вегетарианскими тако и сигаретами.

Я смеюсь. Потому что он прав, даже если он стал бы мультимиллионером, так оно и было бы. Гас непритязательный парень. Деньги для него ничто. Наверное, поэтому нам так хорошо вместе. Главное для нас люди. Мне это очень нравится в нем.

— Серьезно, дружище, я так горжусь тобой. Когда я смогу прослушать альбом?

— Надеюсь, что смогу выкроить время и отправить его на следующей неделе, но пообещай мне не вешать лапшу на уши. Мне нужна объективная критика.

Поднимаю правую руку.

— Клянусь не вешать лапшу на уши.

Он улыбается.

— Вот это моя девочка. — Гас на некоторое время замолкает. — Знаешь, я сегодня слушал «Missing You» и... ты не думала о том, чтобы опять начать на скрипке?

Качаю головой.

— Нет, честно, на самом деле я даже не скучаю по ней. Странно, правда? Может однажды, я и начну. Кто знает? Но сейчас... я просто не могу. — Она слишком напоминает мне о Грейс. А это очень больно.

— Хорошо. Жаль. Просто, когда ты играешь, мир кажется краше. Это все, что я хочу сказать. — Он замолкает и когда понимает, что не дожидается ответа, то продолжает:

— Ну и что происходит в твоём мире? Как школа, работа, стриптизерша, извращенец?

Облегченно выдыхаю и улыбаюсь.

— Школа отлично, все еще не могу поверить, что я действительно тут. Работа нравится. Тебе бы понравилась Шелли, моя напарница. Она, знаешь, такая грозная снаружи, добрая внутри.

— Отлично. Мой типаж.

— Стриптизерша, ну...стриптизерша, как бы это повежливее сказать?

— Повежливее? Блять, тебя это никогда не останавливало. Скажи, как есть.

— Стриптизерша ведет довольно активную сексуальную жизнь. В нашей комнате. И я этому свидетельница.

— Свидетельница? Миннесота превращает тебя в сексуально озабоченную штучку. Ты наблюдала? В следующий раз собираешься мне рассказывать про свои порно-опыты с извращенцем из комнаты напротив?

— Дружище, я просто их застала. Она ругалась как сапожник, даже хуже.

Гас откидывается на кресле и заливается смехом.

— Не может быть! Это так смешно!

— Ну, это было не так смешно, когда я как дура чуть не наткнулась на нее. И еще, поправь меня, если я неправа, но когда ты приходишь к цыпочке домой, чтобы провести фитнес сессию в положении лежа, ты же не остаешься у нее на всю ночь, ведь так?

Он все еще смеется.

— Подруга, это Свидание На Одну Ночь. Как только печать проставлена, ты сматываешься. — Внезапно смех замолкает. — Подожди, ну-ка давай отмотаем чуток назад. Где ты ночевала, пока она трахалась?

— О, Клейтон позволил мне спать с ним.

Его лицо сразу же становится суровым.

— Блин, Клейтон это твой сосед-гей или затянутый в кожу извращенец?

— Клейтон стопроцентно гомосексуален.

В голосе Гаса появляются отеческие нотки.

— Оптимистка, ты не можешь просто так остаться ночевать в комнате с парнями, которыми только что познакомилась.

— Гас, они абсолютно безобидны. Котята могут напугать больше, чем эти двое.

Он пробегает пальцами по волосам и собирает их в хвост, определенно злясь на меня. Гас всегда так делает.

— Оптимистка, послушай меня, ты не понимаешь, насколько восхитительна и какой эффект производишь на парней. Как только они видят тебя, сразу же начинают мечтать залезть к тебе в трусы. А проведя пять минут с тобой, влюбляются. — Он фыркает. Я знаю, что сейчас он закурит еще одну сигарету. — Я только хочу сказать, что тебе следует быть осторожной, хорошо?

Я закатываю глаза.

— Ты слишком сгущаешь краски. Гас, ты говоришь с Кейт Седжвик, помнишь? Я не встречаюсь с парнями. И я знаю, как держать их на расстоянии.

Он качает головой.

— Ты не сможешь держать на расстоянии насильника, Оптимистка. Просто пообещай мне, что будешь в безопасности и осторожна. Если какой-нибудь сукин сын нападет на тебя...блять. Я приеду в Миннесоту и совершу убийство. И я точно знаю, что тюрьма совсем не в планах Мистера Долбаного Исполнителя Желаний.

— Гас...

Он перебивает меня.

— Ты столкнешься с тем, что тебе будут уделять много внимания. Парни будут падать к твоим ногам. Будь избирательна... потому что ты заслуживаешь куда большего, чем случайного парня, трахающего тебя на заднем сиденье фургона или лучшего друга в гостевой комнате в доме у матери.

Это вроде как резюме моего сексуального опыта. У меня было несколько парней и я была избирательна. Я не шлюха. Я — оппортунист. Один раз и не более, никаких связей, никаких извинений. Мне было приятно провести с ними время. Но Гас отличался. Я не планировала его, но он и далеко не случаен. Сейчас он говорит о себе.

— Гас, — мне не хотелось бы, чтобы он так думал, он пытается очернить себя.

— Нет, Оптимистка, послушай меня, ты такая особенная. Ты заслуживаешь того, кто будет приглашать тебя на настоящие свидания. Кто будет покупать тебе цветы и все это дерьмо. Потому что если и есть в мире человек, способный безумно любить и заслуживающий такой же любви в ответ, так это ты.

Качаю головой.

— Я не влюбляюсь, Гас.

— Когда встретишь правильного парня, то влюбишься. Просто ты пока его не нашла. — В его голосе слышится грусть.

У меня никогда не было времени и возможностей, чтобы ходить на свидания. Друзья и семья всегда были моим главным приоритетом, и я любила их всем сердцем. Парни, секс — это просто физическое притяжение, физический акт. С Гасом было не так, это был акт

любви, но не любовь. Любовь — это нечто неуловимое, нереальное, вземное. Знаю, люди чувствуют ее и не то, чтобы у меня было каменное сердце. Я оптимистка, но прежде всего я реалистка. Моя жизнь не похожа на сказку, и я ничего не имею против этого. Моя жизнь — это реальность. А в моей реальности люди не влюбляются и не женятся, и не живут счастливо сто лет. Моя жизнь — это запутанный клубок. Но мне достаточно знать, что сказки существуют для таких людей, как Шелли. (Скорее всего, Шелли пнула меня под зад, если бы услышала, что я употребляю ее имя и слово «сказка» в одном предложении).

В этот раз я поднимаю палец в попытке прервать момент.

— Подожди. — Я встаю, выхожу в холл и стучусь в дверь Клейтона и Пита.

Сейчас самое важное — улучшить настроение Гаса.

Дверь открывает Пит.

— Привет, Кейт.

— Привет, Пит. Вы с Клейтоном не могли бы зайти ко мне в комнату? Всего лишь на секунду!

Пит смотрит на Клейтона, прячущегося за дверью.

— Конечно, дорогая, — вступает в разговор Клейтон.

Они следуют за мной в комнату. Гас сидит с закрытыми глазами, откинув голову на спинку кресла. Сигарета во рту наполовину выкурена. Он настолько сконцентрирован на том, чтобы успокоиться, что даже не слышит, что я уже вернулась.

— Проснись и пой, спящая красавица.

Он улыбается и открывает глаза.

— Я хочу представить тебе двух моих друзей. — Делаю шаг в сторону, чтобы Гас смог увидеть Клейтона и Питера.

Глядя на них, Гас улыбается. Определенно, теперь он перестал переживать за мою безопасность. Эти двое самые безобидные парни, которых только можно встретить, и я уверена, что это прекрасно видно даже через экран монитора.

— Как дела, парни?

Клейтон машет рукой и краснеет.

— Привет. — О, черт, возможно, я только что стала свидетельницей любви с первого взгляда. Гас без футболки смотрится нереально хорошо. Клейтон начинает учащенно дышать. Чувствую, что ему понадобится бумажный пакет или искусственное дыхание. Интересно, в общежитии есть дефибриллятор?

Питер приветственно поднимает левую руку, но выглядит при этом одновременно смущенным и испуганным.

— Привет.

Я показываю на экран.

— Это мой лучший друг Гас Хоторн. Гас, это мои друзья из Миннесоты, Клейтон и Питер.

Клейтон и Питер в ужасе. И я могу их понять. Гас выглядит устрашающе. Он высок, широкоплеч и мускулист. Даже на экране монитора он смотрится внушительно. А когда парни еще и настолько привлекательны, как Гас, люди обычно либо пытаются бросить им вызов, либо начинают флиртовать, либо съеживаются от страха. Клей и Пит определенно съежились, хотя Клей при этом еще и выглядит сраженным наповал.

Клейтон и Питер пока не знают этого, но Гас на самом деле большой плюшевый мишка. Неожиданно парни одновременно начинают говорить, перебивая друг друга:

— Приятно познакомиться, и «Рад встрече».

Они настолько официальные.

Гас улыбается, а я понимаю, что он готов вот-вот разразиться смехом, но старается сдержаться, чтобы не показаться невежливым.

— Я тоже рад с вами познакомиться.

Я хлопаю в ладоши.

— Отлично, вот вы и познакомились. Мы одна большая счастливая семья. — Я смотрю на Гаса.

— Теперь ты счастлив?

Он ухмыляется.

— Ты даже не представляешь как.

Перевожу взгляд на Клейтона и Пита.

— Спасибо за то, то зашли познакомиться с Гасом. Я подойду к вам, как только закончу разговор.

Они оба безмолвно кивают.

Гасу это нравится.

— Парни, желаю вам приятно провести вечер, и позаботьтесь о моей девочке, хорошо?

Они снова в унисон кивают головой, слегка приоткрыв рты, и следуют друг за другом в свою комнату, Пит с выражением страха на лице, а Клейтон, скорее всего с внушительной эрекцией. Гас умеет преподнести себя.

Он хлопает в ладоши и разражается смехом, как только закрывается дверь.

— О, Боже, Оптимистка, не то, чтобы тебе следует забыть об осторожности, но с этими двумя ты в полной безопасности. Говорю тебе, Пит определенно не увлекается ролевыми играми или садомазохизмом, но я просто не могу выбросить из головы образ его, затянутого в кожу. Это так смешно.

Я пытаюсь не рассмеяться, но не могу сдержаться. Смех Гаса это как быстро распространяющаяся инфекция.

— Говорила же тебе.

— А если серьезно, то они выглядят очень славными парнями.

— Потому что так оно и есть. Они отличные ребята.

Он улыбается и кивает. Несколько секунд мы молчим.

— Но все равно спасибо за заботу. Всегда приятно знать, что есть тот, кому не все равно. Поэтому еще раз, спасибо.

— Ну что ты, мое предназначение в жизни — заботиться о тебе.

Я улыбаюсь.

Он улыбается.

— Ладно, Оптимистка. Пора прощаться. Мы отлично провели время.

— Как всегда.

— Я люблю тебя, Оптимистка.

— Я тоже люблю тебя, Гас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Закрываю ноутбук и выхожу в коридор. Дверь оставили открытой специально для меня, так что я смело вхожу в комнату.

— Извините, если вам это представление показалось странным и спасибо. Гас просто

слишком переживал из-за того, что я провела ночь в вашей комнате, поэтому я хотела, чтобы он с вами познакомился и отстал от меня.

Клейтон лежит на кровати, обмахиваясь журналом. Его щеки все еще красные, как помидор.

— Кэтрин, почему ты не говорила, что встречаешься с Адонисом?

— Он очень привлекателен, да Клейтон?

— Привлекателен? Да он великолепен.

— Он не бойфренд, а мой лучший друг.

Раздается голос Пита:

— А почему он тогда сказал «позаботьтесь о моей девочке»?

Качаю головой.

— Не знаю, Пит. Он всегда так меня называет, это как выражение привязанности.

Клейтон поднимает брови и играет ими.

— Послушай, не знаю, что происходит между вами двумя, но ты будешь просто идиоткой, если дашь ему уйти.

— Идиоткой?

Он кивает.

— И-ди-от-кой.

Воскресенье, 4 сентября

Кейт

Отправляю смс Мэдди и надеюсь, что она перестала на меня злиться. Я переживаю за нее и даю ей возможность — это понять.

Она не отвечает.

Полагаю, все еще злится.

Дам ей еще немного времени, а потом попытаю счастья еще раз.

Кейт

Как и договаривались: Клейтон ждет меня возле кафетерия в семь тридцать. Я только что закончила работать поэтому, как всегда, опаздываю. Он берет меня под руку

— Кэтрин, я уже говорил, как сильно тебя люблю?

Подозрительно смотрю на него.

— Нет... Чего тебе надо?

Он понижает голос до шепота:

— Я нашел клуб в Миннеаполисе, который проводит вечеринки для тех, кому еще нет 21.

Потираю руки.

— Отлично! Когда идем?

Он гримасничает, но с надеждой произносит:

— Сегодня?

Пожимаю плечами.

— Хорошо. Во сколько?

Клейтон останавливается и поворачивает меня к себе лицом.

— Ты, правда, пойдешь?

— Ну, да. Я же обещала.

Он крепко сжимает меня в объятиях и слегка приподнимает. Честно, не думала, что у него есть на это силы. Я полагала, что ни один из нас не дотягивает даже до ста фунтов.

— О, Кэтрин, я, правда, тебя люблю. Ты лучшая.

— Клей, ты не против, если мы возьмем с собой мою подругу Шелли?

Он хлопает в ладоши.

— Чем больше народу, тем веселее!

Пока мы с Клейтоном ужинаем, звоню Шелли.

— Привет, подруга. — Звучит немного язвительно, но думаю, что ей нравится это слово, хотя она и не признается. Но ничего, то ли еще будет.

— Есть планы на вечер?

— Нет, а что?

— Хорошо. Мой друг Клейтон и я собираемся на танцы, и ты идешь с нами.

— Ты хочешь, чтобы я пошла на танцы?

— Ага.

— Честно, я не в настроении идти на псевдо рейв вечеринку в комнате Клейтона.

— Нет, мы собираемся в настоящий клуб.

— Где?

— В Миннеаполисе, место называется «Спектэкл».

— Кейт, это гей клуб.

— Да, я знаю, — молчание продолжается так долго, что я начинаю думать о том, что она заснула или положила телефон и ушла. — Шелли?

— Это гей клуб, — повторяет она.

— Да. И?

— Мы не такие, Кейт.

— Я в курсе.

Молчание.

— Они же не стоят на страже вагин на входе, Шелли. Давай же. Будет весело. Ну, пожалуйста?

— Я не знаю. — Слышу в ее голосе, что она готова вот-вот сдаться.

— Шелли, если ты скажешь нет, то сидящая внутри тебя королева танцпола устроит глобальную революцию. Я не хочу этого. Мы заедем за тобой в девять тридцать.

— О, черт, — я так и вижу, как она закатывает глаза. А потом, фыркнув, Шелли сдается. — Хорошо.

В общежитии я больше часа лежу на кровати Клея и смотрю, как он примеряет наряды. Никогда не видела его таким взволнованным.

— А ну-ка примерь еще раз серые брюки. — Нужно ему помочь, а то мы никогда отсюда не выберемся. Он хуже Гаса.

Клейтон дефилирует передо мной по комнате в серых штанах.

— Надень эти. В них твоя задница смотрится великолепно.

Он улыбается и соглашается:

— Да, у меня отличная задница.

— Так и есть, — говорю я. Скатываюсь с кровати и направляюсь в свою комнату.

— К слову о сексуальных брюках, мне нужно сменить свои.

— А что ты наденешь? — спрашивает Клейтон, надевая через голову новую рубашку.

— Не знаю, скорее всего, черные джинсы.

Он в ужасе открывает рот.

— Джинсы? Ты наденешь джинсы? У тебя, что нет мини платья или чего-нибудь подобного?

Я смеюсь.

— Милый, прежде всего, я иду с тобой в мужской гей-клуб. У меня, знаешь ли, не те «части тела», чтобы привлечь чье-то внимание. К тому же, все будут смотреть на твою горячую задницу в этих брюках. И уж определенно мне и рядом не стоять с транссексуалами. Они восхитительны. Поэтому моя задача на сегодняшнюю ночь такова: чтобы две «традиционные» подруги — единственные женщины в этом месте без членов — хорошо провели время. Я собираюсь натанцеваться до упаду на лучшей вечеринке в Миннеаполисе.

— Ну, ты хотя бы наденешь каблуки? Или какой-нибудь блестящий топ? У тебя есть нечто подобное? Если нет, могу тебе что-нибудь одолжить.

Мне нравится его энтузиазм.

— Да, уж припрятала для таких случаев. — Я улыбаюсь и направляюсь в свою комнату.

Через пять минут возвращаюсь в узких черных джинсах, черных туфлях на шпильках и черном блестящем топе с глубоким вырезом. Гас называет этот наряд «Джонни Кэш в женском облики», потому что он весь черный. Увидев меня, Клейтон издает визг:

— О, небеса, твоя грудь смотрится потрясающе.

Улыбаюсь и смотрю на свое декольте. В первые оно заслужило искренний комплимент без сексуальной подоплеки или намека.

— Никогда не стоит недооценивать возможности хорошего пуш-апа, мой друг.

Заезжаем за Шелли и мчимся в Миннеаполис. К тому времени, как мы доезжаем до «Спектэкл» и паркуемся, уже почти десять.

Клей отрывает пальцы от приборной доски и прочищает горло.

— Кэтрин, сначала я должен сказать, что, как ты знаешь, я обожаю тебя, — он еще раз прочищает горло. — Но это... это была самая ужасная езда в моей жизни.

Смотрю на Шелли на заднем сиденье, та согласно кивает головой. Она смотрит на меня огромными, немигающими, темными глазами и тяжело дышит.

— Кейт, меня не так легко испугать, но это было чертовски страшно. Я чуть не описалась.

Явное преувеличение.

— Что ты имеешь в виду?

— Я понимаю, что вы, ребята, в Калифорнии все делаете немного иначе, может, и скоростной режим у вас девяносто миль в час, но здесь он только шестьдесят пять, а ты на этой скорости только в чертовы повороты входила.

Смотрю на Клея, потом на Шелли и наоборот. Они оба кивают, глаза широко распахнуты, лица бледные. Поднимаю правую руку и закрываю глаза.

— Обещаю немного снизить скорость на обратной дороге.

— И пользоваться поворотниками, — говорит Клейтон.

— И пользоваться поворотниками, — обещаю я. А потом мысленно обращаюсь к Богу. Ну почему ты никогда не говорил мне, что я дерьмовый водитель? Неужели, в Калифорнии все такие? Хотя не думаю, что я так уж плоха. Я же ни разу не попадала в аварии. В любом случае, спасибо, за то, что не позволил мне никого погубить. До встречи.

На входе нас ожидает длинная очередь. Они проверяют документы, Шелли получает браслет, потому что ей уже двадцать два, а мне ставят на тыльной стороне руки штамп в виде буквы Х. В помещении грохочет музыка, световые лучи освещают забитый до отказа танцпол. У меня аж свербит от желания пуститься в пляс.

— Давай, Шелли, пошли танцевать!

Она смотрит на меня и показывает пальцем на бар позади нас.

— О нет, сначала мне нужно выпить для храбрости. Ничто не заставит меня выйти на танцпол трезвой. А вы двое идите.

Клейтон берет меня за руку, и мы пристраиваемся на краю танцпола так, чтобы видеть Шелли. Музыка поет во мне. Обожаю это чувство. Подтягивается еще больше людей и вскоре мы оказываемся прижаты друг к другу, двигаясь под ритмы танца. Мы оба знаем слова и громко подпеваем. Клейтон выглядит таким счастливым среди огромного количества красивых мужчин.

Мы танцуем еще несколько песен, а потом я замечаю парня справа от нас, глазеющего на Клейтона. Он очень привлекательный: среднего роста с кожей цвета темного шоколада. Его лысая голова еще больше подчеркивает восхитительно вылепленное лицо. Он ловит мой взгляд и поднимает брови в направлении Клейтона, как будто спрашивая разрешения. Я улыбаюсь и киваю. Парень хлопает Клейтона по плечу. Клейтон поворачивает ко мне спиной и... забывает обо всем, кроме Мистера Скулы. Пожимаю плечами. Мы здесь именно для этого. Кроме того, Шелли уже залила в себя две стопки водки и пиво. Время танцевать.

Возвращаюсь к краю танцпола и подзываю ее указательным пальцем к себе. Она выглядит немного более расслабленной, чем до того, как мы вошли сюда. Шелли допивает остатки пива и присоединяется ко мне.

— Не могу поверить, что я это делаю, — возмущенно бормочет она.

Я улыбаюсь, потому что даже, несмотря на то, что она хмурится, выражение ее лица явно смягчилось. У меня такое чувство, как будто я буду присутствовать при таинстве

трансформации.

— Шелли, расслабься. Слушай музыку. Почувствуй ее. Она в тебе. — Беру ее за руки и держу, чтобы она поймала ритм.

Шелли крепко сжимает мои пальцы и пытается повторить мои движения. Она немного неуклюжа и стесняется, но уже к началу второй песни расслабляется и отпускает мои руки.

— Сейчас твоя королева танцев счастлива! Восстание подавлено! — кричу я ей в ухо.

Шелли показывает мне язык и улыбается. Она счастлива от переполняющего ее чувства абсолютной свободы. Не знаю, повинен ли в этом алкоголь или она просто решила плюнуть на все и оторваться.

А потом я, к своему огромному удивлению, ощущаю чьи-то руки не талии. Они нежны и принадлежат человеку, который сейчас прижимается ко мне сзади. Я не оборачиваюсь, но кто бы это ни был, он повторяет каждое мое движение. Я люблю танцевать с людьми, которые чувствуют музыку в том же ритме, что и я. Этот парень, определенно, так и делает. Мы танцуем еще две песни, а потом он кричит мне в ухо:

— Черт, девочка, ты можешь танцевать! Обычно я не танцую с женщинами, но тут не смог устоять. Спасибо. — Он целует меня в щеку. Я оборачиваюсь и улыбаюсь. Он подмигивает мне и удаляется сквозь толпу к центру танцпола. Черт, он такой привлекательный. Ладно. Всех все равно не перетрахаеть.

Шелли смотрит на меня, открыв рот. Беру ее за руку и увожу с танцпола.

— Пойдем, выпьем что-нибудь. Я вспотела.

Ее рот все еще открыт, но уголки уже складываются в хитрую улыбку.

— О, Господи, впервые так близко вижу, как два человека занимаются сексом, полностью одетые.

Мне смешно.

— Что? Да мы просто танцевали?

— Это не танцы. Это было чертовски сексуально. Ты должна меня научить этому.

Так мы и делаем. Шелли отличная ученица. Через час я уже задаю себе вопрос: и кто это тут сказал, что она не умеет танцевать? Немножко алкоголя и вот она уже слетает с тормозов.

К часу утра мы полностью вымотались и решили, что пора отправляться домой. Нам понадобилось некоторое время, чтобы найти Клейтона, потому что на танцполе все еще было не протолкнуться. Он танцует с тем же парнем, который подцепил его, кажется, уже три часа назад. Рубашка Клейтона насквозь промокла от пота. Чувствую себя ужасно, когда сообщаю ему, что пора двигаться обратно, и еще ужаснее, когда Мистер Скулы притягивает к себе восхитительно лицо Клейтона и взапус целует его в губы при прощании. А потом мне становится немного лучше, когда он пишет свой номер телефона на руке Клейтона и еще раз целует его. Потом Клей берет меня за руку, и мы направляемся к выходу.

Как только мы оказываемся на улице, я даю ему пять и обнимаю.

— Дружище, это был очень горячий поцелуй. Мне даже завидно. — На самом деле мне, конечно, не завидно. Но я чертовски рада за Клейтона.

Клейтон медленно идет по тротуару с выражением абсолютного блаженства на лице.

— Это была самая лучшая ночь в моей жизни, — говорит он с сияющей улыбкой.

Шелли кивает головой.

— Даже и не знала, что танцевать может быть так весело.

А потом ее глаза темнеют, и она говорит голосом плохой девчонки:

— Посмей только кому-нибудь сказать об этом, Кейт. Я должна поддерживать свою репутацию.

Показываю жестами, что закрываю рот на замок.

— Клянусь. Что случилось в «Спектэкл», останется в «Спектэкл».

Смотрю на Клейтона и показываю пальцем на Шелли.

— Ты видел, что вытворяла моя девочка?

Он качает головой и закрывает глаза.

— Прости, я был немного занят.

— Она офигенная, просто королева танцпола!

Клейтон улыбается своей восхитительной улыбкой.

— Я думал, что этот титул за мной.

Шелли смеется. У нее очень приятный смех.

— Этот титул за тобой, Клейтон.

Несмотря на то, что я вымоталась, вечер того стоил.

Вторник, 6 сентября

Кейт

Практически вся неделя прошла замечательно и без происшествий, а потом, вернувшись поздно вечером домой из фитнес центра при кампусе, я снова обнаруживаю красную ленточку, привязанную к дверной ручке.

Клейтон опять любезно разрешает мне переночевать. После душа он настаивает на том, чтобы одолжить мне свою пижаму для сна. Она даже и не очень-то висит на мне.

Сейчас я чувствую себя как Хью Хефнер.

Он также, на случай повторения прошлых событий, купил мне собственную зубную щетку, пасту и вручил мне вместе с пластиковым пакетом на молнии, чтобы я могла убрать их после использования и хранить в его столике.

Клейтон самый лучший.

Кейт

Сегодня я возле «Граундс» на удивление рано. Я больше не могла сидеть спокойно в общежитии, поэтому решила выйти на пробежку. Как и ожидалось, она закончилась возле источника моей утренней зависимости. На улице сегодня немного прохладно, а я вспотела, поэтому сажусь на лавочку возле кофейни и обхватываю себя руками. Слушаю классику на iPod и читаю местную газету, которую нашла на ступеньках «Граундс». Она лежит у меня на коленках, поэтому я могу натянуть рукава на руки. Несмотря на то, что на мне футболка и свитшот, все равно холодно. Сейчас 5:45. Они открываются в 6:00. Я здесь с 5:30.

Позади меня раздается стук. Келлер показывает мне на входную дверь. Когда она открывается и раздается звон колокольчика, я едва обращаю на него внимания, это прогресс.

— Доброе утро, Кейти. — Он выглядит уставшим. Келлер не побрит, а волосы в беспорядке, как будто он только что вылез из постели. Они немного отросшие, как будто он забыл вовремя подстричься. Его глаза все еще сонные, но все так же пронзительно голубые из полуопущенных век. Их цвет практически идеально сочетается с футболкой. Несмотря ни на что, а может быть, и именно поэтому, он выглядит реально хорошо.

Я улыбаюсь. Он помнит мое имя.

— Доброе утро, Келлер. — Вручаю ему газету. — Вот ваша газета. Я тут просмотрела ее. Никаких происшествий в Гранте, но в мясной лавке Сэма распродажа говяжьего фарша, если тебе интересно. А, еще Наша-Леди-Вечный-Движок проводит в субботу с пяти до семи вечера ужин со спагетти, чтобы собрать деньги на ремонт подвала здания общественного собрания.

Он улыбается уголком губ, а потом кривится. Келлер слегка качает головой, как будто даже небольшое движение отдает болью в его голове.

— Слишком много информации 5:45 утра, Кейти.

— Планета не перестает вращаться только потому, что ты все еще спишь или у тебя... похмелье.

Его губы раздвигаются в уже что-то большее похожее на улыбку, и он надевает фартук.

— Туше. Просто устал. Всю ночь занимался. — Он несколько секунд смотрит на меня. Я понимаю, что улыбаюсь как идиотка. Но ничего не могу поделать. — Ты всегда так счастлива по утрам?

Пожимаю плечам.

— Это генетический недостаток. Но я бодрствую уже несколько часов. Не могла заснуть.

Я пытаюсь высыпаться, но иногда сон обходит меня стороной. Чувствую себя уставшей больше, чем когда либо.

— Тогда, полагаю, сегодня утром тебе нужна большая чашка кофе.

Снова обхватываю себя руками, пытаюсь согреться.

— Да, пожалуйста.

Он кивает на кокон из рук, который я соорудила.

— Замерзла?

— Здесь очень холодно.

Он поднимает брови.

— Кейти, здесь, скорее всего, около пятидесяти градусов выше нуля. Ты считаешь это холодно? Подожди, когда придет зима и будет пятьдесят градусов ниже нуля.

Закрываю уши.

— Остановись на этом. Я сделаю вид, что ничего не слышала.

Он показывает на свисающие наушники.

— Что слушаешь?

Я опускаю руки.

— Моцарта.

— Классику? Реально? Классика — это так скучно. — Келлер пытается состроить выражение неодобрения на лице, но у него плохо получается. Он насмехается надо мной, но как-то по-доброму.

— Скучно, да? — Я ничуть не оскорблена. Большинство людей моего возраста придерживаются такого же мнения. Иногда я чувствую себя послем классической музыки.

— Она все одинаковая на слух.

Запахло музыкальным спором.

— Такое жалкое обобщение. Это как сказать, что тебя тошнит от классического рока, потому что ты терпеть не можешь «Led Zeppelin» или что мотивы 80-х феноменальны, потому что тебе нравится «The Cure», даже если ты больше ничего и не слушал в этом жанре.

Он подает мне кофе, который я благодарно беру обеими руками.

Келлер кладет локти на стойку, переплетает длинные, тонкие пальцы и говорит в ответ:

— Во-первых, никто не скажет, что его тошнит от «Zeppelin».

Киваю головой.

— Согласна. Неудачный пример.

Кладу двухдолларовую банкноту на стойку.

— А «The Cure» — посредственность, — продолжает он.

Я даже не пытаюсь сдержаться:

— Что? Ты в своем уме? — Это просто богохульство. «The Cure» — легенда, одна из величайших групп. За всю историю.

Келлер качает головой.

— Нифига. — Он улыбается. — «The Smiths» были лучше.

Улыбаюсь.

— Честь и хвала Моррисси, но Роберт Смит — это... Бог! — Я так и заявляю.

Он поднимает руки, сдаваясь, продолжая улыбаться. Келлер кладет мои деньги в кассу и дает мне сдачу.

Я опускаю сдачу в банку для чаевых.

— Все, что я хочу сказать, так это, что тебе нужно дать шанс классике. У нее плохая репутация. Да, какие-то из произведений могут быть и скучными, но среди их могут быть и красивые и сексуальные. Попробуй Дебюсси.

— Сексуальными, да? — Он опять улыбается уголком губ. Так и представляю, как он тренируется перед зеркалом, будучи абсолютно уверенным, какой эффект эта улыбка производит на противоположный пол.

Подмигиваю.

— Ты можешь очень удивиться. — Поднимаю кофе и прощаюсь. — Спасибо за ранний разговор. Восхитительного тебе дня, Келлер.

Он салютует в ответ.

— Увидимся, Кейти. И спасибо за наводку по поводу фарша у Сэма.

— И не забудь по поводу мясного рулета у Нашей-Леди-Непроходящая-Слава, — отвечаю ему, даже не оборачиваясь. Иногда я так проверяю людей, чтобы понять действительно ли они меня слушают.

— Она, как вечный Движок, — слышу улыбку в его голосе. — И это — спагетти, — добавляет он как раз перед тем, как за мной закрывается дверь.

Я тоже улыбаюсь. Потому что он полностью прошел проверку.

Кейт

Сейчас три часа тридцать минут и я на пути в Миннеаполис. Мне нужно прибыть лишь к четырем, но так как в последний раз, когда я ехала по этой дороге с Клеем и Шелли, они тихо молились, я решила выехать пораньше и снизить скорость до приемлемых семидесяти пяти миль в час. Чувствую себя старушкой.

Начальная школа, которая мне нужна, должна находиться в нескольких кварталах от квартиры Мэдди. Я вполне уверена, что у меня не займет много времени ее найти.

На прошлой неделе я поняла, что у меня есть потребность, которая еще не удовлетворена. Поэтому я поговорила с консультантом по поводу волонтерства, не вдаваясь в подробности. Потому что мне не нужен психоаналитик. Мне больше не нужно, чтобы кто-то рассказывал, что со мной не так. Потому что я и так знаю. Это просто. Я скучаю по Грейс.

Так или иначе, но Мистер Консультант связал меня с этой начальной школой в Миннеаполисе, которая тесно работает с Грантом. Оказалось, что у них есть пятиклассник по имени Габриэль, чей репетитор из колледжа из-за операции на больничном, поэтому будет отсутствовать еще две недели. На это время меня и втиснули. Я очень воодушевлена, потому что, честно сказать, у меня слишком много свободного времени. У меня нет проблем с уроками и домашней работой, поэтому мне нужно что-то еще. Еще это приносит мне радость, оказывает кому-то помощь. Но тут есть и эгоистичная сторона, потому что это, возможно, поможет и мне, но никто никогда этого не поймет и не узнает.

Я отметилась у школьной администрации, но так как уже переслала им всю необходимую документацию несколько дней назад, они проводили меня напрямик в школьный кафетерий, где проходят занятия после школы. Женщина из офиса представляет меня руководителю программы послешкольных занятий. Ее имя Хелен. Она приятная, но пока мы разговариваем, она не отводит от меня взгляда, как мама-медведица, защищающая своих детишек.

— У Габриэля синдром Дауна. Он милый, очень милый мальчик... девяносто пять процентов времени. Но он может вспылить.

— Как и большинство детей. Я с этим знакома.

— Знакома с детьми, у которых синдром Дауна? — спрашивает она с сомнением.

— Даа, мисс, моя сестра, — говорю я. Думаю, я с этим знакома больше, чем ты даже можешь себе представить.

— О, понятно. Да, конечно. Надеюсь, ты будешь внимательна и терпелива к нему, как он того заслуживает.

— Поэтому я здесь.

Она коротко кивает головой.

— Ты будешь сдавать полный отчет после каждого занятия, до того, как пойдешь домой, чтобы я могла передать всю информацию его матери. Если будут проблемы с поведением, позовешь меня. Понятно?

— Хорошо. Где Габриэль? Я бы хотела с ним познакомиться.

Она глубоко вдыхает и выдыхает. Медленно поворачивает голову и зовет:

— Габриэль.

Сидящий за ближайшим к нам столиком мальчик поворачивает свою темноволосую

маленькую головку. Хелен жестом подзывает его к себе. Он поднимается и встает рядом со столиком, как бы ожидая разрешения.

Она весело улыбается.

— Габриэль, подойти сюда, пожалуйста. Кое-кто хочет с тобой познакомиться. — Хелен разговаривает с ним медленно и осторожно, как будто он испуганное животное.

Габриэль приближается к нам и упирается взглядом в пол. Пока Хелен ничего не сказала, я опускаюсь на колени перед ним. Теперь он выше, чем я. Подаю ему руку.

— Я Кейт, Габриэль. Мне бы хотелось стать твоим другом. Ты будешь моим другом?

Он не берет мою руку в свою, но когда поднимает подбородок, чтобы посмотреть на меня, то я вижу его улыбку. Она просто восхитительна.

— Привет, Улыбашка. Давай пройдем в библиотеку, и ты покажешь мне книги, которые лежат в твоём супер крутом рюкзаке. — Показываю пальцем на рюкзак черного цвета с нарисованными цветными гитарами, лежащий на полу рядом со столиком, за которым он сидел.

Его улыбка становится шире и он бежит, чтобы поднять рюкзак.

— Шагом, Габриэль, — сурово говорит Хелен.

Он идет обратно, продолжая улыбаться мне. Я все еще стою на коленях и шепчу ему:

— Ну что, пошли, Улыбашка.

Он наклоняется, берет мою руку в свою и шепчет в ответ:

— Мне бы хотелось стать твоим другом.

У меня в горле нарастает ком размером с мяч для гольфа. Я встаю и улыбаюсь, потому что несколько секунд просто не могу ничего произнести. В его глазах я вижу Грейс.

Мы молча идем по коридору, размахивая руками вверх и вниз. Подойдя к библиотеке, где по расписанию проводятся наши занятия, я говорю:

— Ну, Улыбашка, это твоя школа, а я вроде как новенькая тут, поэтому нужно, чтобы ты показал, где мы будем сидеть.

Он осматривает комнату и с серьезным сосредоточенным выражением лица ведет меня к маленькому столику с двумя стульями, расположенному возле окна.

— Я так рада, что попросила тебя выбрать, потому что это идеальное место. Я бы выбрала столик вон там, — показываю в угол, — и тогда мы бы не увидели этой красоты. — За окном расположена клумба с цветущими маленькими растениями.

Он широко улыбается, гордый за себя. У меня такое ощущение, что ему не часто достаются комплименты.

Показываю на рюкзак.

— Можешь показать мне, чем вы сегодня занимались на математике, Улыбашка?

Пока он открывает сумку, его выражение лица сменяется на озадаченное.

— Почему ты называешь меня Улыбашка?

— Потому что у тебя самая красивая улыбка, какую я когда-либо видела.

Так оно и есть. Она освещает даже комнату.

Он все еще выглядит озадаченным, но не может спрятать улыбку.

— Но мое имя Габриэль. Все зовут меня Габриэль.

Я беру его учебник по математике и кладу на стол.

— Это прозвище. Типа особо имени, которым могут называть только друзья.

По глазам вижу, что ему нравится эта идея.

— Если тебя не нравится Улыбашка, я могу называть тебя Габриэль. Это отличное имя.

Он некоторое время раздумывает.

— Мне нравится Улыбашка.

— И мне.

— Тогда тебе тоже нужно прозвище.

Я согласно киваю головой.

— Определенно мне нужно прозвище. Как бы ты хотел называть меня?

Он в раздумьях качает головой вверх и вниз, с каждой секундой все больше сужая глаза.

Габриэль пристально рассматривает мое лицо, удаляя внимание каждому дюйму, а потом произносит:

— Крапинка!

— Крапинка?

Он показывает на мой нос.

— Да, Крапинка.

Только через секунду до меня доходит, что он говорит о веснушках.

— Ах, ну да, потому что у меня на носу крапинки, правильно?

Он с энтузиазмом кивает головой.

— Думаю, что Крапинка будет моим самым любимым прозвищем.

Прямо сейчас я счастлива.

И Улыбашка определенно счастлив.

Кейт

Шелли упрасивает меня всю неделю. Сейчас она это делает, жалобно хныкая по телефону. В своем стиле, конечно же, что больше похоже на указание, чем на просьбу.

— Кейт, ты должна пойти. Это вечеринка по поводу начала учебного года. Тупая традиция, но все идут.

— Шелли, зачем мне туда идти? Уверена, там будут все твои друзья. — На самом деле я слишком вымотана сегодня.

Зуб даю, она недовольно кривит губы.

— Потому, подружка, что с тобой веселее. — Она знает, что мне нравится это слово. Шелли пытается подлизаться ко мне со всех сторон. Это работает. — Ну, правда, Кейт, с тобой веселее. Ты та, кто заставляет меня выбраться из скорлупы.

— Но тебе же это не нравится.

Так и есть.

— Я знаю... но мне так же и нравится.

Это маленькое признанием снимает часть моей усталости.

— А танцы будут? Потому что, если ты дашь мне гарантии, что будешь танцевать со мной сегодня, тогда я пойду.

Шелли выдыхает. Звучит так, как будто она испытывает боль.

— Я буду танцевать, — шепчет она сквозь стиснутые зубы.

— Что? Говори погромче. Не слышу тебя. — Последнюю часть я произношу с напевными интонациями.

— Черт тебя возьми, Кейт. Да, я буду танцевать. Ты хочешь, чтобы я вышла на улицу и прокричала об этом всему миру? Это сделает тебя счастливой? — Где-то между гримасничаньем и угрозами уже проскальзывают отголоски юмора.

— Гм, по правде сказать, сегодня это бы сделало меня самой счастливой девушкой в Гранте. А ты можешь еще покрутить задом, когда будешь кричать? Тогда будет вообще идеально.

— Не заговаривайся, Седжвик.

— Но у меня нет подходящей одежды. Я слышала, что это костюмированная вечеринка, а я принципиально не одеваю костюмы.

— Как и я, — соглашается она.

Шелли забирает меня от общежития в десять часов и через две минуты мы паркуемся перед студенческим клубом. Он выглядит как дом с привидениями.

— Что за черт? Где все? — Она выглядит раздраженной. Знаю, Шелли сказала, что это глупая вечеринка, но на самом деле ей очень хотелось пойти. Она замечает, как кто-то выходит из здания через боковую дверь и замирает. В эту минуту она выглядит как лев, готовый к прыжку.

— Подожди здесь. Я пойду проверю, что происходит.

Шелли следует за жертвой и начинает донимать бедного парня вопросами. Так же, как делала это со мной в нашу первую встречу. Я знаю, как она может запугать, когда ты ее не знаешь. (А иногда, даже, когда знаешь.) Парень стоит, согнувшись так, как будто защищает свой живот от возможного удара. Потом она достает из кармана телефон и кого-то набирает.

После короткого разговора с размахиванием руками, она возвращается с новостями.

— Двадцать минут назад на вечеринке появились копы. Какой-то пьяный идиот одетый, как Супермен решил выпрыгнуть из окна второго этажа на спор. Он сломал бедро. Так что им пришлось вызвать скорую. Тогда же приехали и копы. Остальное ты знаешь. — Она в раздражении закатывает глаза. Шелли не терпит тупости. — Дебил. — Приношу свои соболезнования. — Прости, подружка. Честно сказать, я рада, что мне не пришлось видеть взрослого парня, выпрыгивающего из окна в костюме Супермена. Я имею в виду, мне жаль, что вечеринку разогнали, но мне совершенно не жаль того, что парень покалечил себя. Хотя это, должно быть, было весело.

— Смешно. — Поправляет она.

Весело. Смешно. Разница едва уловима.

— Я собираюсь дурачиться, пока она не улыбнется. — Они вполне сочетаются и их можно использовать для выражения комичности ситуации, но...

Сначала улыбка загорается в ее глазах.

— Заткнись, Кейт. — Выдыхает она со смешком.

— Серьезно, двадцатиоднолетний парень в колготках, который думает, что может летать? Тебе что, не смешно? Знаю, я девушка простая и меня легко рассмешить, но разве ты не согласна со мной?

Теперь она смеется, даже немного пофыркивает. Я лишь раз слышала, как она фыркает перед тем, как по-настоящему рассмеяться, тогда, в клубе Миннеаполиса. Это пока вершина ее возможностей. Каждый раз, когда я слышу ее смех, то чувствую удовлетворение от осознания того, что могу рассмешить эту серьезную девушку. Она впустила меня к себе в сердце и это прекрасно.

— Спасибо, подружка. Мне это было нужно. — Она выглядит поспокойнее.

— А теперь нам нужно выпить.

— Хорошо. Но обещай остановиться до того, как станешь пытаться изобразить супергероя и совершишь рискованный прыжок со второго этажа

Мы припарковываемся возле бара «Три Петунии» и я делаю вывод, что мы собираемся подняться в ее квартиру. Без проблем, я могу дойти пешком отсюда до общежития. Когда она выходит и переходит через дорогу, я прихожу в замешательство.

— Куда мы идем?

— К моему Парню. — Смешно, что она его так называет. Я даже ни разу не слышала его настоящего имени. Всегда только Парень.

— Давай посмотрим, дотащил ли он со своим сожителем свои пьяные задницы до дома. Когда я разговаривала с ним пять минут назад, они были практически у цели.

— А они далеко живут? — Я потираю руки, потому что на мне только футболка и толстовка, а сегодня прохладно. Не хотелось бы идти очень далеко.

— Вниз по улице. Они снимают комнату за «Граундс».

Дорога оказалась недлинной. Мы поворачиваем на углу «Граундс» и заходим с задней стороны здания. Возле дома припаркован гигантский древний Субурбан, светло-зеленого цвета с ржавыми проплешинами и выкрашенной красной краской водительской дверцей. Напротив автомобиля расположена дверь, которая, как я полагаю, ведет в квартиру Парня, или комнату, как назвала ее Шелли.

Она пытается повернуть ручку, но дверь заперта, поэтому она начинает стучаться в нее.

Дверь открывает высокий рыжий парень с густой бородой, вцепившийся в эту дверь так,

как будто без нее просто упадет. Он улыбается Шелли такой же глупой улыбкой, которая появляется и на ее лице, когда она говорит о нем. Но если улыбка Шелли едва заметная и сдержанная, то его огромная, во весь рот.

— Дорогая, ты дома! — Никогда не видела, чтобы кто-то с таким энтузиазмом пытался выдать из себя предложение.

Она целует его в щеку и заходит внутрь.

— Когда вы двое начали пить?

Он опять пытается выдать из себя.

— Я не помню. Может, в три часа? Это же вечеринка по случаю начала учебного года! — Да, парень пьян и счастлив. Мне это нравится. Я не люблю компании пьяных и злых. Это напоминает мне о матери.

Он натуральным образом вздрагивает, когда поднимает взгляд и видит меня, стоящую в двери. Не хочу показаться грубой, переступить порог или делать резкие движения, потому что, судя по всему, у парня двоится, а скорее всего, даже троится в глазах. Он из всех сил пытается сосредоточиться на мне.

Я поднимаю руку и медленно приветственно машу ею.

— Привет, как дела? Ты, должно быть, Парень.

Он прищуривается, как будто видит перед собой лишь размытый образ.

— Кейт? — Медленно поворачивает голову к Шелли. — Дорогая, это Кейт? Та, о которой ты безостановочно говоришь? Я, наконец, вижу ее во плоти?

Шелли закатывает глаза.

— Заткнись, Дункан. Позволь бедной девочке зайти внутрь, на улице холодно. — Дункан делает шаг назад и театрально широким жестом пропускает меня в свою квартиру.

Я благодарно киваю.

— Спасибо, дружище.

Он хихикает и это просто бесценно, потому что такой большой и волосатый парень не должен хихикать. Но по-другому эти звуки не описать.

— Подожди, я тебя знаю? Откуда я тебя знаю?

Я не успеваю даже снять толстовку, а Шелли уже подает мне пиво.

— Дункан, ты не знаешь Кейт. Где бы ты с ней познакомился?

Я еще раз смотрю на него, и неожиданно его лицо кажется мне знакомым. Я уже где-то видела эту бороду, но где? А потом до меня доходит:

— В «Граундс». Мы встречались в «Граундс» перед тем, как начались занятия. Ну, типа встречались. Насколько я помню, мы обсуждали погоду.

Он пытается щелкнуть пальцами, но у него ничего не получается. Кажется, он этого даже не замечает.

— Да. Да! Я так и знал. — Он показывает на меня пальцем. — Ты в клубе. — Он поворачивается к Шелли. — Дорогая, она в клубе.

Я улыбаюсь и киваю.

— Да, я в клубе.

Шелли качает головой, продолжая смотреть на него взглядом влюбленного щенка.

— Дункан, пожалуйста, сядь, пока не упал. И больше никакого алкоголя. Я запрещаю.

Он добирается до кресла, еле переставляя ноги, и падает рядом с Шелли.

Осмотрев комнату, я понимаю, почему она назвала ее комнатой, а не квартирой. Потому что это — комната, маленькое помещение с высокими потолками. Все в ней

крошечное, но, тем не менее, она выглядит по-домашнему уютной. Напротив кирпичной стены маленькая кухонька, маленькое кресло и еще одно откидывающееся посреди комнаты. По обе стороны от входной двери две ширмы. Полагаю, за одной кровать Дункана, а за другой его сожителя. Фактически, никакой личной жизни. Я могу понять это, но когда я делила с кем-то маленькую комнатку, то это была моя сестра и вопрос о личной жизни не стоял. Вижу еще три закрытых двери. Одна, должно быть, ванная, другая, вероятно, туалет. А третья, кажется, ведет к черному ходу в «Граундс».

Дункан нагибается и хлопает по откидывающемуся креслу.

— Садись, Кейт. Мы не кусаемся. Занимай место, пока мой сожитель не вышел из душа. В студенческом клубе какая-то цыпочка пыталась подкатить к моему другу, а когда он отшил ее, она вылила на него стакан пива. Что за черт? Я имею в виду, кто так делает? От него ужасно воняло. Ему пришлось идти в душ, когда мы пришли домой.

Дункан приятный рассказчик и явно болтливее своей девушки.

Шелли смеется.

— Уверена, он сам довел ее. Я знаю, какой он приставучий, когда выпьет.

— Дорогая, он мой друг. Зачем так говорить? — Он наклоняется вперед, чуть не упав на Шелли. Этот парень пьян в стельку.

— Ты знаешь, какой он. Когда трезв, то женщины его не интересуют, но как только он выпьет, то начинает флиртовать направо и налево, просто, чтобы завести их. — Она смотрит на меня. — Он думает, что смешно давать им надежду. Неудивительно, что девушки выходят из себя, когда он их обламывает. Ему это нравится. Но это жестоко. Он такой... — Шелли замолкает на середине предложения, потому что дверь ванной комнаты открывается.

Я слышу голос, но еще не вижу говорящего.

— Шел, это дверь тонкая, как бумага. Ты думаешь, я тебя не слышал? Это случилось лишь раз. На спор с твоим парнем. Не стоит преувеличивать. — Он не обижен. На самом деле, все выглядит так, как будто он находит весь разговор очень забавным. — Спасибо, что доставил меня до дома, Дунк.

Шелли смеется. Возле своего парня, она чувствует себя более расслабленной. Мне это нравится.

А потом я вижу его и замираю, чуть не уронив бутылку с пивом. Потому что из ванной комнаты лишь в полотенце на бедрах выходит Келлер Бэнкс. Черт. Он до безумия великолепен. Надо бы моргнуть. И сделать вдох. И не забывать дышать. Он еще не заметил меня.

Дункан пытается ткнуть в моем направлении.

— Бэнкс, у нас гостя.

— Привет, Келлер. — Мой голос звучит нормально, в отличие от сердца, которое бьется в сумасшедшем ритме.

Он как будто деревенеет и широко открывает сонные глаза.

— Кейти? Что? Как? — заикаясь, произносит Келлер. — Что... что ты тут делаешь? — Он не грубит, нет, просто внезапно не может подобрать подходящих слов.

Это довольно лестно, потому что он не выглядит парнем, у которого при общении с противоположным полом отнимается язык. Нет, он не сверх самоуверен. Просто парни, которые так хорошо выглядят, обычно инстинктивно знают, как разговаривать с женщинами. Можно сказать, сейчас я нахожусь в более выигрышном положении.

— Мы собирались повеселиться с Шелли. Но вечеринку разогнали. И причина тому —

полет Супермена. В буквальном смысле этого слова. Так что мы здесь случайно.

Шелли и Келлер обмениваются взглядами и одновременно говорят:

— Откуда ты знаешь Кейт? Ты дружишь с Кейти? — Они оба выглядят озадаченными.

Сначала я смотрю на Келлера.

— Я работаю с Шелли в «Три Петунии». А еще она мой партер по танцам, когда мы ходим в клуб. — Мне не удастся произнести это с непроницаемым лицом, поэтому к тому моменту, как я перевожу взгляд на Шелли, на моем лице сверкает улыбка. Та в свою очередь закатывает глаза и ослепительно улыбается. Впечатляющая комбинация.

— А Келлера я знаю по «Граундс». Мы дискутируем по поводу музыки, и я рассказываю ему о важных событиях, происходящих в городе.

Келлер слегка качает головой. Уверена, ему довольно трудно думать под воздействием алкоголя в крови. Определенно, он не так сильно пьян как Дункан, но вполне достаточно. Он вытягивает руки вперед, как будто пытаюсь остановить мой поток слов, и его слегка качает. Я практически делаю шаг вперед, чтобы поддержать его.

— Подожди. Извини. Это просто.

— Думаю, он бесится, потому что в нашей квартире женщина, — говорит Дункан Шелли самым громким шепотом, который я когда-либо слышала. — Когда ты успел привести ее домой?

Шелли обрывает эту пьяную речь, пока он не сказал большего.

— Дункан, Келлер не приводил ее домой. Я привела ее сюда. Помнишь?

Дункан пожимает плечами и кладет голову Шелли на колени.

Я делаю три или четыре шага и встаю рядом с Келлером. Он до сих пор выглядит ошеломленным. Предлагаю ему руку.

— Тебе помочь?

Он пытается сфокусировать свой взгляд на мне.

— Кейти. — Это больше похоже на легкий вздох, чем на слово. Келлер пытается поймать мой взгляд. Зачем? Я бы возбудилась, если бы не тот факт, что у него, скорее всего, просто плывет перед глазами. Наверное, на самом деле, он не трезвее Дункана.

Еще раз подаю ему руку.

— Ну, давай, дружище.

Он медленно поднимает руку и с сомнением говорит:

— Ты и вправду здесь?

— Да. Что, перебрал коктейлей Келлер?

Он кивает и, наконец, берет меня за руку. Его захват нежный и аккуратный, как будто он все еще может контролировать свою двигательную активность. Но я знаю, что это не так. Он опирается на меня, продолжая нежно держать за руку.

— Придерживай полотенце, шеф. Не хотелось бы, чтобы оно случайно упало. Держи свои причиндалы прикрытыми. — Я бы, конечно, не возражала, думаю про себя, но...

Дункан смеется со своего места в кресле.

— Вот это да, Бэнкс.

Нужно довести этого парня до кровати. Эта мысль вызывает что-то странное внутри... глубоко внутри... потребность... нет-нет, это эгоистично. Нет! Никакого секса!

Но я хочу.

Действительно хочу.

Но не буду.

Я не могу.

Он хороший парень. Я не могу так поступить с ним. Никаких привязанностей.

Страстные, ни к чему не обязывающие увлечения? Да, пожалуйста.

Нужно довести этого парня до кровати, чтобы он смог отрубиться, а мне нужно просто отоспаться. Мы начинаем медленно тащиться по направлению к ширмам.

Шелли выкрикивает

— Кровать Келлера справа.

— Спасибо, — ворчу я, потому что к этому моменту он уже обхватил меня за плечи обеими руками, и у меня такое ощущение, что я волоку на себе весь его вес.

Господи, он такой тяжелый.

В спальню за ширмой втиснута двуспальная кровать и небольшой шкаф для одежды. В углу возле велосипеда стоит акустическая гитара. Здесь очень тесно.

— Ты играешь на гитаре, Келлер?

— Да, — все, что он смог выдать из себя.

Это судьба. Меня всегда привлекали гитаристы.

Я наклоняюсь к кровати, и он падает на нее, продолжая цепляться за меня.

Теперь мы оба лежим на кровати лицом друг к другу, я сверху. Я уверена, что он уже в отключке, но даже, несмотря на это, я могла бы провести так всю ночь, прижавшись к его теплой коже. Знаю, это неправильно. Поэтому закрываю глаза и даю себе несколько секунд блаженства. Вдыхаю чистый, мятный аромат его тела. Провожу руками по упругой, мускулистой груди. Ммм...

Пять секунд выжили. Открываю глаза, опираюсь на руки по обе стороны от его плеч и приподнимаюсь, пытаюсь выпутаться из захвата его длинных рук. Неудачно. Я уже собираюсь позвать на помощь Шелли, когда он низким мечтательным голосом выдыхает мне в ухо:

— Останься, Кейти.

Мой пульс опять учащается. Поднимаю голову и смотрю в его глаза. Он так близко. Его губы такие совершенные. И такие мягкие. Он собирается опять отключиться, поэтому я шепчу в ответ:

— Тебе нужно поспать, Келлер. Закрывай глаза.

Его веки опускаются.

— Я слушал Дебюсси. Это совсем не скучно, а красиво... и сексуально. — На этой фразе Келлер окончательно засыпает.

Я улыбаюсь, чуть наклоняюсь и целую его в лоб, потому что должна избегать этих губ.

— Спокойной ночи, сладкий. — На этот раз я легко выбираюсь из его объятий.

Его руки падают на кровать, ноги свисают до колен с кровати, но полотенце все еще на месте. Я кладу ему под голову подушку и заворачиваю его, как бурито, в одеяло, чтобы он не замерз. Когда он спит, его лицо такое по-детски невинное. Что-то опять шевелится у меня в груди, но не сексуальная жажда, как раньше, а какое-то непонятное желание. Непонятное притяжение. Когда я смотрю на него, у меня болит в груди. Каждая частичка меня хочет сидеть здесь и просто смотреть, как он спит, перебирать его волосы, гладить его идеально вылепленное лицо и просто быть рядом.

Я никогда не испытывала ничего подобного. Но это не пугает меня, вместо этого я чувствую умиротворение.

Мне нужно уйти. Сейчас.

Я возвращаюсь в комнату и вижу, что Шелли так и сидит в кресле. Дункан храпит, а его голова покоится на ее коленях.

— Кейт, прости, что все пошло не так. Ты больше никогда не захочешь никуда со мной идти. — Она выглядит расстроенной.

Я улыбаюсь.

— Это не правда. Просто вечер прошел не так, как ты планировала. Это не одно и то же. И, конечно же, я не против повеселиться с тобой еще раз. — Перевожу взгляд на спящего Дункана. — Твой парень, кажется, очень приятным молодым человеком.

Она грустно улыбается.

— Так и есть, особенно когда он трезвый. Извини, что познакомилась с ним в таком состоянии. Большую часть времени он работает или занимается, практически никуда не выбираясь, а если и выбирается, то очень редко выпивает. — Шелли устремляет свой взгляд на Дункана. — За год наших отношений, я могу по двум пальцам пересчитать, сколько раз видела его в подобном состоянии.

Я слышу в ее голосе любовь. Меня радует, когда люди испытывают друг к другу подобные чувства. Это редкость. Обычно люди не тратят время на поиск любви. Или позволяют ей легко ускользнуть. Или не понимают ее ценности, когда она у них есть.

Шелли знает.

Думаю, как и Дункан.

Она выбирается из кресла, устраивает Дункана поудобнее, укрывает его одеялом и целует в щеку.

— Ну что ж, подружка, пойдем ко мне, я приготовлю тебе яичницу и отвезу домой. Не хотелось бы, чтобы ты в одиночку прогуливалась по округе в такой час.

Она знает, как я люблю яичницу. Мы говорили об этом на работе, на прошлой неделе. Это одно из моих самых любимых блюд.

— Согласна.

Шелли выключает свет и подходит к двери. Она смотрит на меня строгим, предупреждающим взглядом.

— Пожалуйста, не влюбляйся в Келлера. Я видела, как ты смотрела на него. Не пойми меня неправильно, он хороший парень. Один из моих лучших друзей. Он из тех, кто хочет все о тебе знать и кому ты не против рассказать о себе. Келлер великолепный слушатель и всегда рядом, когда нужен. — Она вздыхает. — Но с другой стороны, он очень скрытный относительно своей частной жизни. Он никого не впускает в свое сердце, кроме Дункана, и, может быть, еще Ромеро. Они с Дунканом дружат целую вечность. Дункан жил с его семьей в Чикаго пока они не переехали в Грант. Он относится к Дункану как к брату, и я люблю его за это, но он... загадочный парень.

Лично я думаю, что у него много скелетов в шкафу. Например, он рвет на работе задницу, но ни на что не тратит деньги, кроме полетов в Чикаго раз в две недели.

— А что в Чикаго? — прерываю я.

Шелли пожимает плечами.

— Об этом знает только Дункан, но он не расскажет. Я всегда предполагала, что это девушка, потому что он никогда не ходит на свидания. Каждый раз, когда я спрашиваю его об этом, он отмахивается. Определенно, он что-то скрывает. Это большой секрет Келлера.

— Секреты не всегда плохие, Шелли. У каждого есть за спиной багаж.

Выглядит как исповедование. Тут нужно бы сказать «Аминь».

— Да, я знаю. Но Келлер это — ходячий феромон, вокруг которого вьются девчонки. И он же неприступная скала. То, что они делают: выстраиваются в очередь за разбитыми сердцами, потому что, думают, что смогут соблазнить его на долгосрочные отношения и завоевать его сердце. К его чести, он не поощряет этого. Не удивлюсь, если он гей или девственник. Не то, чтобы мне очень интересна сексуальная жизнь Келлера. Но он мой друг, как и ты. И я хочу, чтобы все так и оставалось. Поэтому мораль сей истории такова: Келлер оставляет за собой вереницу ненамеренно разбитых сердец. Пожалуйста, пожалуйста, не дай ему разбить и свое.

— Келлер и я друзья, просто друзья. Я не ищу ничего большего. — Когда я формировала эти слова в голове, они казались искренними, но как только я их произнесла, что-то изменилось. Почему они кажутся ложью? Это все из-за этого лица... чертовых голубых глаз... и этого тела... приподнятых в улыбке уголков губ, и дьявольски сексуального голоса.

Черт.

Хорошо, что я просто не имею права увлечься. Хорошо, что я не разбиваю сердца. Поэтому я повторяю про себя снова и снова: Келлер и я просто друзья. Келлер и я просто друзья. К тому времени, как мы покидаем квартиру Шелли, я практически убедила себя в этом.

Практически.

Кейт

В кармане завибрировал телефон. Это Гас. В Калифорнии сейчас шесть сорок пять утра.

— Бунжур Густав, — отвечаю я. Мой наигранный французский акцент до ужаса противен.

— Привет, Опти. Не разбудил? — Он знает, что я ранняя пташка.

— Нет, тут уже практически полдень. Я иду в «Граундс» выпить кофе. И чего это ты такой бодренький с утра пораньше в субботу?

— Нам за хорошее поведение дали выходной. Еду домой пообедать с Ма и потом покататься на серфе с Мэгс и Стэном.

— Отлично. Передавай всем от меня привет.

— Подруга, жаль, что тебя тут нет. Это первый нормальный день за долгое время и без тебя как-то не так. — Звучит сентиментально.

Я знаю, что он чувствует.

— Да, ты счастливчик. Мысленно я буду с тобой. Помни об этом, когда будешь отрываться за нас двоих.

— Если хочешь, я сфотографирую закат и отправлю тебе на имейл?

Он всегда знает, что сказать.

— Хочу. Грейси бы это понравилось.

По голосу понимаю, что он улыбается.

— Понравилось бы. Я собираюсь навестить Мисс Грейс сегодня утром перед тем, как предстать перед Ма. Я купил желтые тюльпаны вчера вечером. Еще остановлюсь возле заправки и возьму шоколадный батончик. В грузовике не работает кондиционер, поэтому я не стал покупать заранее, чтобы он не растаял.

Черт, он такой внимательный.

— Твикс. Ей нравятся батончики Твикс.

— Опти, за все эти годы я купил для Грейс по крайней мере три тысячи шоколадных батончиков Твикс. Я знаю, что ей нравится.

Улыбаюсь, потому что это не преувеличение. Скорее всего, их было даже больше.

— Я знаю.

Несколько секунд мы молчим.

— Я скучаю по ней, Гас, — шепчу я.

— Я знаю, Опти.

На некоторое время я ухожу в себя, а потом Гас прерывает наше молчание.

— Ну расскажи мне что-нибудь интересное, чего я еще не знаю.

Задумываюсь лишь на мгновение. Габриэль.

— В четверг я первый раз проводила дополнительное занятие в начальной школе в Миннеаполисе.

— Да, да, отлично! — с энтузиазмом говорит он. — И как? Ты репетитор у мальчика или у девочки?

Его энтузиазм заражает и меня.

— Это было замечательно. Он в пятом классе. Его имя Габриэль, но я зову его Улыбашка. Гас, у него самая красивая улыбка.

— Спорю, так оно и есть. У него ограниченные способности? — Гас самый лучший собеседник, потому что он из тех немногочисленных людей, кто действительно слушает. Это можно почувствовать даже по телефону.

— Синдром Дауна. Он немного стесняется.

Гас раздражается смехом.

— Ну, он нашел лучшего специалиста по вытаскиванию из скорлупы. Ты лекарство от стеснения, ведь так?

— Думаю, так оно и есть, умник.

Он опять смеется.

— Вот это моя девочка.

— Как бы то ни было, у него некоторые проблемы с поведением и мне намекнули об этом, но со мной он был просто лапочкой. Думаю, что многие люди обращаются с детьми с ограниченными способностями не так, как с обычными, поэтому иногда они злятся. Они всего лишь дети и все, что им нужно — это внимание и доброта. Этого хочется каждому ребенку.

— И поэтому ты будешь самым лучшим в мире учителем. Ты осуществишь профессиональную революцию. — Гас всегда старается ободрить меня.

— Мне понравилось проводить с ним время.

— Спорю, что и ему тоже. Он напомнил тебе о Грейс? Тебе было тяжело?

— Его глаза напомнили мне о Грейси. То же самое выражение надежды и невинности. Те же морщинки вокруг глаз, когда он улыбается. Хотя, все хорошо. Хорошо, что я могу быть рядом с ним.

— Я рад. Ты заслуживаешь этого.

— Ну, а как у тебя дела, Рок Бог?

— Хорошо. Я уже вижу свет в конце тоннеля. Альбом будет выпущен во вторник. Но я даже не хочу думать об этом сегодня. Сегодня — это серфинг с друзьями и общение с Ма.

— Ничего лучше и не придумаешь.

— Слушай, Опти, я только что остановился на заправке, чтобы купить Грейс батончик. Ты будешь на телефоне сегодня вечером? Я позвоню тебе по дороге обратно в Лос Анджелес, если у тебя не запланировано какое-нибудь горячее свиданье.

Может, мне кажется, но у него немного грустный голос.

— Никаких свиданий. Буду на телефоне, если только Шугар не позовет в гости какого-нибудь джентльмена, тогда я буду спать в обнимку с Клейтоном. Так что звони.

Гас довольно долго молчит, а потом спрашивает:

— Вы с Клейтоном и правда спите в обнимку?

— Мой милый друг, он не твой заменитель. Никто не обнимает так, как ты.

Я провела сотни ночей в доме Одри и Гаса и всегда спала с ним. Особенно в то время, когда жила у них перед тем, как переехать в Миннесоту. Ни одной ночи я не провела одна. Спали ли мы в его комнате, в гостевой, на диване, но мы всегда спали вместе. И до самой последней ночи все было абсолютно платонически, даже если я и обвивала его как лоза во время сна. Не думаю, что когда-либо чувствовала себя настолько в безопасности, как в те недели. Я не могла заснуть без его рук и его тела, которое как кокон укрывало меня от всех проблем. Я так благодарна ему за это.

Слышу щелчок зажигалки и то, как он делает первую затяжку.

— Хорошо.

— Тебе нужно бросить курить.

— Да, нужно.

— Ты намереваешься это сделать? — спрашиваю я с надеждой.

— Нет. Я люблю тебя, Опти.

— И я тебя, Гас.

— Пока.

— Пока.

Оглушительный звон колокольчика извещает о моем прибытии в пустую кофейню. Я была уверена, что Келлер сегодня утром не работает, скорее всего, он еще в отрубе. Но, оказывается, что он здесь, за стойкой; руки прикрывают уши, глаза закрыты, а лицо искажено гримасой боли.

Когда я подхожу к прилавку одновременно с прекращением звона, он с облегчением открывает глаза.

— Прости, — тихо извиняюсь я. — Ты дерьмово выглядишь, дружок. — Да, он все еще красавчик — реально красавчик, но бледен, а под глазами темные круги.

Только Келлер может быть таким сексуальным с похмелья. А потом напоминаю себе в очередной раз, что Келлер и я просто друзья.

Он улыбается.

— Думаю, я заслужил это.

В этот момент я понимаю, что между нами все нормально. Келлер и я просто друзья. Потому что именно так и ведут себя друзья. И это хорошо. Даже отлично, потому что друзья — это дар.

— Не знаю, заслужил ли ты это, но определенно заработал.

Он трясет головой, трет ладонями глаза и стонет:

— Никогда больше не буду пить.

Согласно киваю головой.

— До следующего раза? — улыбаюсь я.

Он улыбается мне в ответ.

— Черт, такое ощущение, как будто ты меня знаешь.

Поднимаю брови.

— Ну, вчера вечером мы с тобой лежали в такой интимной позе, которая позволяет предположить, что мы чуть-чуть знаем друг друга.

На его лице моментально появляется выражение ужаса.

— Вот дерьмо. Я думал, что помню все. Ты была в моей постели. — Он показывает пальцем сначала на меня, потом на себя. — Мы не... ну знаешь... — Келлер кусает себя за безымянный палец.

Я качаю головой и смеюсь.

— Нет, ничего не было. — Не то, чтобы я не думала об этом. Не хотела этого.

— Ты уверена? Потому что теперь, когда ты рассказала, я вспоминаю, что ты лежала на мне, и на мне определенно не было рубашки, потому что я помню ощущение твоих холодных рук на своей груди. — По мере того, как память возвращается к нему, он краснеет. Он краснеет! Так мило. Это кажется невероятным, но, может быть, он девственник.

— Когда мы с Шелли пришли, ты только закончил принимать душ, поэтому на тебе не было рубашки. Я помогла тебе добраться до кровати, потому что у тебя были проблемы с равновесием. Ты упал на кровать и случайно потянул меня за собой. Все было совершенно

невинно. Ты отрубился как только твоя голова коснулась подушки.

Келлер внимательно изучает пол.

— Отлично, — еле слышно ворчит он. Затем поднимает голову и моментально щуриться от резкого движения. На его лице появляется несчастная, хмурая гримаса.

— Сегодня кофе за мой счет. — Он делает шаг и берет с полки большую чашку.

Я качаю головой.

— Это необязательно, Келлер. Послушай, правда, ничего не было. Ты был джентльменом, практически обнаженным, но, тем не менее, джентльменом.

Он краснеет.

— Я засранец. Прости.

Меня опять пробирает смех, потому что смущенный Келлер еще более очаровательное зрелище.

— Дружище, ты не задница. Я просто прикалываюсь. Не извиняйся. — И убежденно добавляю: — Серьезно.

Он открывает рот, потом захлопывает его, возможно, обдумывая свой ответ еще раз. Склоняет голову, улыбается и после некоторого колебания говорит:

— Кейти, давай начнем все заново? Может быть, вместе выберемся куда-нибудь? Как друзья?

Привязанность — опасная штука, а дружба — необходимая.

— Конечно, — говорю я и протягиваю ему руку через стойку. — Привет. Я Кейт Седжвик.

Он расцветает улыбкой и пожимает мою руку.

— Келлер Бэнкс.

Я кладу два доллара на стойку и записываю свой номер телефона на салфетке.

Он кладет ее в карман, а деньги в кассу.

Опустив сдачу в банку для чаевых, я улыбаюсь ему.

— Хорошего тебе дня, Келлер. Надеюсь, тебе станет лучше.

— Уже стало. Спасибо Кейти. И тебе хорошего дня.

Я поворачиваюсь и подмигиваю ему.

— Всегда.

Кейт

Пытаюсь дозвониться до Мэдди.

Она не отвечает.

Оставляю сообщение.

Она не перезванивает.

Все еще злится.

Чуть позже, в кармане начинает вибрировать телефон. Сообщение от Гаса.

Скайп в восемь тридцать?

Отвечаю: Хорошо, до встречи.

Когда на экране появляется лицо Гаса, я вижу, что он не один. Из динамиков мгновенно раздается:

— Привет, Кейт. — За исключением Гаса, который сказал: — Привет, Опти!

Все четыре члена группы столпились вокруг компьютера.

— Вау! Парни, как дела? Сегодня вроде не мой день рождения. По случаю чего все эти фанфары?

— Опти, представляю тебе дебютный альбом группы «Rook». — Гас поднимает диск так, чтобы я могла увидеть обложку.

Откидываюсь на спинку стула, меня переполняют эмоции. Пытаюсь что-нибудь сказать, но могу только еле прошептать:

— О боже, боже мой. Гас, это не сон. — А потом практически визжу: — Это все по-настоящему! — Сажусь поближе к экрану. — Открой, я хочу его видеть.

Он так и делает. Внутри блестящий диск. На нем заглавными черными буквами написано «Rook» и рядом знак торговой марки.

Я близка к тому, чтобы разразиться истерическим хихиканьем. Не могу даже вспомнить, когда в последний раз я была настолько счастлива.

— Боже, как бы хотела быть с вами, чтобы сжать вас всех в объятиях. Поздравляю.

— Мы хотели, чтобы ты первая его увидела. И, как группа, хотели бы поблагодарить тебя за твой вклад. Ты уже знаешь, что «Missing You» шедевр благодаря твоему нереальному таланту. — Он моргает. — Ты самая лучшая.

Отмахиваюсь от комплимента.

— Перестань, Гас. Когда я лично услышу песни?

Гас улыбается.

— Уже отправил курьером копию диска на твой адрес в общежитии. Получишь его завтра утром. Прости, но никак не мог раньше. У нас пока нет электронного варианта.

— Не проблема. Спасибо, дружище. С нетерпением буду ждать. Вы, красавчики, сделали мой день.

Гас выглядит немного испуганно.

— Есть еще одна причина, по которой мы все хотели поговорить с тобой. У нас есть сюрприз. — Он окидывает взглядом через плечо своих товарищей.

Прищуриваюсь.

— Что? — Такое ощущение, что этому сюрпризу я буду совсем не рада.

Гас съеживается и замирает. Тут же из-за его спины раздается голос Франко,

барабанщика.

— Да скажи уже, господи.

— Опти, обещаю не злиться.

Мои подозрения только подтверждаются.

— Посмотрим.

За плечом Гаса появляется лицо Франка с закатанными в раздражении глазами.

— Кейт, ты что упаковала яйца Гаса в свой кошелек и забрала их в Миннесоту?

Его отодвигают от экрана и передо мной опять лицо Гаса.

— Заткнись, дружище.

Мой пульс ускоряется и в желудке появляется тянущее чувство.

— Говори.

Гас делает глубокий вдох.

— Мы хотим, чтобы ты прослушала финальную версию «Killing the Sun». — Он нажимает на кнопку воспроизведения на CD-плеере и подносит его поближе к микрофону на ноутбуке. — Скорее всего, звук будет отстойный, но ты все поймешь.

— А что с CD-плеером? Решил продемонстрировать мне какой ты весь из себя хипстер? Уверена, что у тебя нет записи на кассете для магнитофона или восьмидорожника? — Мне нравится подшучивать над ним.

А ему нравится огрызаться на меня. Поэтому мы лучшие друзья уже целую вечность.

— Заткнись и слушай.

В микрофоне раздается знакомое гитарное соло, к которому присоединяется мягкий и как всегда хриплый голос Гаса. По мере того, как заканчивается первый куплет, присоединяются барабаны, басы и вторая гитара, голос Гаса усиливается и начинается припев. Мне нравится эта песня. Каждый раз, когда я ее слышу, у меня мурашки по коже. Прислушавшись, понимаю, что припев поет не Гас, а... я. Я в шоке настолько, что теряю дар речи.

Когда музыка затихает, я качаю головой.

— Гас, честно, я надеюсь, что это шутка, потому что не я, а ты должен был исполнять припев в «Killing the Sun».

Гас робко убирает CD-плеер и делает шаг назад, выталкивая вперед Джейми, бас-гитариста.

— Опти, пожалуйста, только не убивай меня, но эта песня должна звучать именно так. Я даже и не думал об этом, пока не услышал, как ты поешь ее тогда, в студии. Я поделился записью с парнями, и мы все согласились с тем, что твой голос — то самое недостающее звено.

— Гас, но я не певица.

Отвечает мне Джейми:

— С фига ли? Я всегда знал, что ты можешь петь, но после этого, просто влюбился в тебя, Кейт. Ты выйдешь за меня замуж? У нас родятся красивые, талантливые детки.

Гас хватается за футболку, оттаскивает назад и встает перед монитором.

— Хватит уже, бабник. Но Джейми прав. У тебя восхитительный, эмоциональный голос. — Он смотрит на своих товарищей, а те в поддержку кивают, за исключением Франко, который категорически качает головой. — Лично я считаю, что ты могла бы спеть и получше. — Франко улыбается и подмигивает мне из-за спины Гаса. Он всегда подшучивает надо мной, но определенно он сказал эту фразу просто, чтобы посмотреть на реакцию Гаса.

И Гас реагирует.

— Заткнись, засранец. — После этого, он опять фокусируется на мне. — Опти, мы просто хотели поделиться твоим голосом со всем миром.

Неожиданно меня осеняет.

— А разве вам не нужно мое разрешение или что-то типа этого?

Он улыбается.

— Оно у нас есть. Помнишь, когда ты была с нами в студии, то подписывала документы?

Начинаю вспоминать.

— Да, наверное, мне стоило их сначала прочитать.

— Пожалуйста, не злись. Мы не стали упоминать твоего имени на обложке, потому что ты была так категорично настроена в отношении «Missing You». — Просто отметили тебя в качестве «друга», как ты и хотела, хотя я до сих пор считаю это...неправильным. Но, Опти, твоя скрипка и пение, и то, к чему все привело... это самое лучшее из всего, что ты для меня сделала. Это много о чем говорит, потому что все эти годы ты была рядом со мной. Поэтому от чистого сердца, я говорю тебе спасибо.

Блин, когда он так говорит, я не могу злиться.

— Рада была помочь, — выдыхаю я. — И я не злюсь.

Тем не менее угрожающе машу пальцем и предупреждаю

— Вы, парни, будете мне должны. Сильно должны.

Откуда-то сзади доносится голос Франко.

— Кейт, ты предлагаешь мне выплатить долг с помощью секса? Знаешь, меня немного смущает, как ты откровенно кидаешься на меня. Особенно перед всей группой.

Я смеюсь.

— Мечтай, Франко. Не таким образом должны, а что-нибудь типа билета на первый ряд и свободный проход за кулисы после шоу.

Гас раздражается смехом.

— Опти, если хочешь, мы обеспечим тебя билетами и оплатим перелеты на все шоу.

Улыбаюсь.

— Одного будет достаточно.

— Хорошо, нам пора идти. Мистер Долбаный Исполнитель Желаний ведет нас на праздничный ужин и сказал, чтобы мы прилично оделись, поэтому нужно переодеть шорты. — Он смотрит прямо в камеру и говорит: — Жаль, что ты не с нами.

Вся группа прощается со мной.

Я машу им рукой.

— Всем пока. И еще раз передаю мои поздравления.

Неожиданно лицо Гаса оказывается еще ближе к экрану, и он тихо говорит:

— Я действительно благодарен тебе от всей души. Люблю тебя, Опти.

— Я тоже люблю тебя, Гас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Кейт

Когда я подошла к консьержу во время перерыва на ланч, посылка от Гаса уже дожидалась меня. Я загрузила CD на iTunes в свой iPod и слушала его до самого вечера. От этой музыки у меня мурашки по коже, она унесла меня туда, где мир практически идеален. Туда, где все хорошо и не происходит ничего плохого. Туда, где нет места для плохих новостей. Туда, где мне необходимо оказаться сегодня, потому что, несмотря на то, что я стараюсь не думать об этом и не разочаровываться в жизни, иногда это происходит. А я этого не хочу. Потому что жизнь — это дар. И прослушивание диска...это своего рода спасательный пояс, который мне бросил Гас. От него на душе так хорошо.

Кейт

По пути в «Граундс» отправляю смс Гасу:

«Поздравляю с выпуском альбома!!! Я тааааааак горжусь тобой!! Люблю тебя!!!»

Он перезванивает после обеда, когда я иду в «Три Петунии» на свою трехчасовую рабочую смену.

— Срань Господня! Неужели это Рок Бог!

Он смеется.

— Как тебе угодно, Опти. Не занята? Ты еще не на работе? — И как только он умудряется помнить мое расписание со всеми сумасшедшими переменами в своей жизни?

— Неа, пока только иду. У меня есть около десяти минут. Что случилось?—

— Этим утром мы решили внести дополнительные выступления в график турне. В связи с этим у меня замечательные новости. — По голосу понимаю, что Гас очень возбужден, поэтому с нетерпением ожидаю продолжения. — Мы будем выступать в актовом зале Гранта на следующий день после твоего дня рождения.

Я останавливаюсь. Скорее всего, я просто неправильно поняла его.

— Дружище... Грант? Грант, который в Миннесоте?

— Именно.

— Не может быть. — От переполняющих меня эмоций начинаю подпрыгивать на месте. Люди таращатся, но мне все равно. «Rook» будет здесь через несколько недель.

— Да! — кричит он. Уверена, на другом конце линии он тоже подпрыгивает на месте. — Только скажи мне, сколько тебе нужно билетов и я достану для тебя и твоих друзей VIP пропуски.

— Вау, это... замечательно. — Начинаю пересчитывать в уме своих друзей: Келлер, Шелли, Дункан, Клейтон, Пит и Мэдди. Несмотря на то, что Мэдди не разговаривает со мной, лучше на всякий случай включить в список и ее. И, наверное, еще один дополнительный билетик, если вдруг у Клейтона или Пита будет свидание.

— Восемь билетов, включая меня. Не слишком много? — Наверное, я слишком эгоистична. Тут же сама и отвечаю на свой вопрос:

— Это слишком много.

Гас хихикает над моим беспокойством.

— Я все устрою. Мне и самому хочется познакомиться с твоими друзьями. Хотя, я и так чувствую, как будто уже знаю их.

— Клянусь, Гас, если ты начнешь смущать меня перед ними, я тебя убью.

— Боже, по ходу Миннесота лишила тебя чувства юмора. Ты же знаешь, я не могу по-другому.

Он прав, по-другому он не может. Скорее всего, он будет прикалываться надо мной. Но мне это нравится, потому что именно так Гас выражает свою любовь.

Отвечаю ему тихим голосом:

— Не могу поверить, что увижу тебя снова и не только на экране ноутбука. И что ты увидишь, где я живу и в какой колледж хожу. — Я даже не думала, что это когда-нибудь произойдет.

— Не могу дождаться, — тихим голосом отвечает он. — Опти, могу ли я попросить тебя

об одолжении? Гм, как ты думаешь... ну... ты смогла бы сыграть на скрипке, когда мы будем исполнять «Missing You» или спеть с нами «killing the Sun?»

Мне тяжело отказывать ему, но все же говорю:

— Дружище, я не могу.

— Понятно. Хорошо. — Он разочарован.

— Гас, я просто хочу прийти и посмотреть на вас, как в старые добрые времена. Вы и так взорвете зал. К тому же, мне не хочется воровать твои лавры, — шучу я, потому что это просто невозможно. Когда он выходит на сцену, ты едва замечаешь остальных членов группы. Все взгляды всегда на нем. Гас ничего для этого не делает. Просто такой вот он есть.

Гас фыркает, а я смеюсь.

— Наше время почти вышло.

— Да, я уже дошла до работы. Спасибо за новости по поводу концерта и еще раз поздравляю с релизом альбома. Все еще не могу до конца в это поверить. Я так счастлива за тебя, ты же знаешь это, правда?

— Я знаю. Люблю тебя, Опти.

— И я люблю тебя, Гас.

— Пока.

— Пока.

Кейт

Приходит смс от Гаса:

«Как насчет Скайпа? Сейчас?»

Я только что вышла из душа и у меня еще есть около получаса до того, как отправится на работу. Шугар на занятиях, так что комната в моем распоряжении. Шлю ответ, одновременно включая ноутбук:

«На все вопросы — да»

Установив подключение, первое, что я вижу — пустое кресло и никаких признаков Гаса.

— Привет? Гас, ты тут?

Слышу его голос, отвечающий громко и понятно:

— Я здесь, Опти. И привет. Мне нужно, чтобы ты высказала свое мнение по одному вопросу.

— Хорошо. Ты где?

— Я стою позади ноутбука так, чтобы ты не могла меня видеть. Подруга, я хочу, чтобы ты была честна, только, пожалуйста, не смейся, хорошо?

— Хорошо.

Потом перед экраном появляются любимые сине-зеленые шорты Гаса, и он садится в кресло.

Не сумев сдержать себя, я в шоке вскрикиваю:

— Черт, Густав Хоторн! — Куда делись длинные, прямые практически до талии волосы Гаса? Сейчас они едва опускаются лишь чуть пониже плеч. Из-за того, что привычная длина отрезана, они немного завиваются, как мои. Только его подстрижены лесенкой и взлохмачены в стиле рок-звезды.

— Я знаю, знаю. Звукозаписывающий лейбл нанял для нас стилиста. Сказали, что мы не можем отправляться в турне, выглядя, как группка серферов. Больше никаких бордшорт и сланцев.

Даже не знаю, что ответить. Он выглядит совершенно другим человеком.

Гас нервно покусывает нижнюю губу.

— Неужели так плохо, Опти? Просто скажи мне, я выгляжу как дурак?

Качаю головой.

— Дружище, не знаю, как еще сказать, поэтому скажу так: ты выглядишь чертовски сексуально.

Судя по шокированному выражению его лица, он ожидал другого ответа.

— Правда? Я думал, тебе нравится, когда у меня длинные волосы.

— Так оно и есть, но я не видела тебя с короткими волосами с тех пор, как мы были детьми. Ты смотришься адски сексуально. Тебе придется отбиваться от девушек, ты ведь знаешь это? — Женщины всех возрастов и так всегда падали к его ногам. С новой прической будет еще хуже.

— Ты думаешь? — Он выглядит чуть более уверенным в себе.

Определенно, думаю я про себя.

Кейт

После окончания дополнительных занятий с Габриэлем, обнаруживаю на телефоне смс от Клея:

«ЗАЙДИ КО МНЕ, КАК ТОЛЬКО ДОБЕРЕШЬСЯ ДО ОБЩЕЖИТИЯ!»

Отвечаю ему:

«НЕ КРИЧИ НА МЕНЯ! Увидимся через десять минут»

Как только завожу машину, телефон пиликает о приеме нового сообщения:

«СОБЛЮДАЙ СКОРОСТНОЙ РЕЖИМ. УВИДИМСЯ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ МИНУТ»

Мне смешно, потому что он знает, что я в Миннеаполисе. Клей пристыдил меня, поэтому я снижаю скорость и паркуюсь возле общежития через пятнадцать минут.

Едва я успела постучаться, Клей распахивает дверь.

— Дружище, что за срочность? — Мне так и хочется рассмеяться, потому что он выглядит безумным, но не в стиле «произошло нечто абсолютно ужасное», а в стиле «я в панике, потому что не знаю, что делать».

Он хватается меня за плечо и втаскивает в комнату. Дверь за мной моментально захлопывается. Пит сидит на кровати, уткнувшись в книгу. Увидев меня, говорит свое обычное:

— Привет, Кейт.

— Как дела, Пит? — Киваю ему головой перед тем, как полностью сконцентрировать внимание на невысоком мужчине передо мной, на лице которого застыла маска одержимости.

Клей крепко держит меня за плечи, а его взгляд перемещается от одного моего глаза к другому, как будто он не может решить на каком же из них остановиться.

— Кэтрин, ты нужна мне, — говорит он серьезным голосом.

Если только одна причина для этого. Смотрю на Пита.

— Эй, Пит, помнишь, я тебе говорила, что Клей — крепкий орешек? Так вот, думаю, он не устоял перед моими непристойными методами соблазнения. Можешь нас оставить одних минут на тридцать?

Пит краснеет, но, тем не менее, расплывается в улыбке. Боже, я развращаю его.

Клейтон аккуратно трясет меня и вздыхает так, как будто у него нет времени для шуток.

— Кэтрин, это серьезно.

Приподнимаю брови.

— Вот дерьмо. Тогда рассказывай.

— Кэтрин, я хочу, чтобы ты сходила со мной в «Спектэкл» сегодня вечером.

— И все? И это ты называешь серьезным? Тебе не нужно вытащить кого-нибудь из тюрьмы? Или хотя бы моя почка? — шучу я.

Он фыркает.

Я смеюсь и становлюсь серьезной, потому что знаю, как много эта просьба значит для него.

— Но сегодня четверг, приятель. Нас не впустят, у меня нет фальшивого удостоверения личности.

Он отпускает мои плечи и начинает покусывать большой палец.

— А что, если я скажу тебе, что знаю, кое-кого, кто поможет нам пройти?

— Тогда, черт возьми, да! — Я с подозрением смотрю на него, потому что он что-то скрывает. — И кого это ты знаешь, Клейтон?

Он пожимает плечами, но его щеки предательски окрашиваются в красный цвет.

Прохожу вперед и сажусь на его кровать, скрестив ноги.

— Хорошо, Клейтон. Что ты скрываешь? Потому что, судя по цвету твоего лица, ОН — кое-что существенное.

Клей стучит по полу ногой.

— Как ты узнала?

— Дружище, ты покраснел, как шлюха в церкви. Явный признак, что это касается парня.

Пит хихикает из своего угла.

— Хорошо, хорошо, помнишь того сексуального парня, с которым я протанцевал всю ночь в «Спектэкл»?

— Как я могу забыть Мистера Скулы? Или тот жаркий поцелуй?

Он закатывает глаза.

— В общем, его зовут Моррис и он, наконец, набрался смелости позвонить мне вчера.

— Отлично, Клейтон, — перебиваю я его.

Он еще больше краснеет и откашливается.

— Моррис — управляющий в «Спектэкл», он перезвонил мне сегодня утром и пригласил встретиться сегодня у него в баре.

Я смотрю на Пита, который пытается сконцентрироваться на книге.

— Ты слышал это, Пит? Наш маленький мальчик вырос. Не знаю, готова ли я к тому, чтобы он начал ходить на свидания. Как насчет тебя? Ты уже с ним поговорил о птичках там, или пчелках и болезнях, передающихся половым путем? Наверное, нам стоит показать ему, как пользоваться презервативом. Огурец — самая подходящая модель для этого. Ты согласен?

Пит слегка качает головой и расплывается в улыбке.

Клейтон опять стучит по полу ногой. Это так мило.

— Кэтрин, мне нужно, чтобы ты пошла со мной.

Я поднимаюсь с кровати и обнимаю его. Хватит уже шуток.

— Конечно, приятель. — Целую его в щеку. — Я Пойду С Тобой. Во сколько?

— В восемь. Нам нужно прибыть до того, как они откроются, чтобы Моррис мог провести нас внутрь.

Выпускаю Клея из объятий и направляюсь на выход.

— Как прикажете, командир.

Клейтон стоит возле моих дверей в семь сорок пять, пытаюсь поторопить меня. Он знает, что я всегда опаздываю. Я позвонила Шелли, но у нее планы на сегодня с Парнем, поэтому, судя по всему, я буду сама по себе.

Как и договаривались, Моррис ждет нас возле черного входа. Боже, чувствую себя плохой девчонкой. Думаю, это из-за незаконности метода. Когда мы ходили в клуб с Гасом, меня всегда проводили через центральный вход. У меня ощущение, что в данной ситуации необходимо знать о каком-нибудь специальном стуке или рукопожатии, или кодовом слове.

Моррис — все тот же образчик великолепных скул, как я его и запомнила.

Кроме того, он из Манчестера, Англии, поэтому у него такой фантастический акцент.

Он вежлив, красив и так обаятелен. Я могла бы слушать его весь вечер: особенно то, как он не произносит первую и последнюю буквы в некоторых словах, или пропускает целые слоги, как будто они настолько бесполезны, что даже и не стоит заморачиваться по этому поводу. И ты соглашаешься с этим, думая и, правда, зачем произносить «r» в конце слова «better»? Без этого оно звучит так сексуально. Ну, по крайней мере, в его исполнении. Не удивительно, что Клейтон весь трепещет.

Поговорив с Моррисом несколько минут — потому что Клейтон, по-видимому, проглотил язык в его присутствии — я понимаю, что он настоящий джентльмен. У меня как камень с души упал, потому что основной причиной моего сегодняшнего присутствия, все-таки является желание убедиться, что Моррис не воспользуется неопытностью моего наивного Клейтона.

Для того чтобы окончательно убедиться в этом, отсылаю Клейтона в бар, чтобы он принес нам пару банок Колы. Как только он удаляется за пределы слышимости, поворачиваюсь к Моррису.

— Моррис, приятель, буду краткой. Ты вроде действительно хороший парень и нравишься мне, поэтому не пойми неправильно. — Смотрю ему прямо в глаза. — Не обманывай Клейтона. Он особенный, милый и ты ему по-настоящему нравишься. Знаю, у вас только-только все начинается, но не дай ему влюбиться, если для тебя это просто временное увлечение. У Клейтона никогда не было парня, помни об этом. Он берег свое сердце восемнадцать лет, и теперь, когда он предлагает его тебе на блюдечке, не обращай с ним как с новой игрушкой, о которой ты забудешь, как только наиграешься. Не бери от него больше, чем ты готов с ним разделить, если только не хочешь в обмен предоставить свое сердце. Просто... просто не трахайся с ним просто ради одного раза, хорошо?

Моррис поднимает брови.

— Вот это да!

Я в ответ тоже поднимаю брови, ожидая его ответа.

— Клейтон поразил мое воображение. Я хочу узнать его получше. Несмотря на то, что я скорее представляю тебе каким-то драчилой, притащив его сюда сегодня вечером, у меня были хорошие намерения. Я не переставал думать о нем с тех пор, как мы встретились. Я думал... — он делает паузу, выглядя при этом немного смущенным. — Я думал, он никогда не перезвонит, а потом он позвонил.

Я улыбаюсь. Кажется, Клейтон действительно волнует Морриса. Тем не менее, у меня остался еще один вопрос:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— И ты уже управляешь клубом? — Прищуриваюсь. На кону все еще сердце моего друга.

— Это клуб моего дяди. Он живет в Лондоне, и попросил меня помочь ему, как только я закончил университет. Я здесь всего лишь месяц. Длинная история. У меня пока даже нет нормальной квартиры. — Голос Морриса понижается до шепота: — Он возвращается. Я не причиню ему боль. Обещаю.

— Спасибо

Он кивает.

Так как Моррис технически работает, Клейтон проводит большую часть времени со мной, танцуя. Когда же у него образуется перерыв, он забирает Клейтона на одну-две песни.

В этих случаях у меня не наблюдается недостатка в партнерах, которые МОГУТ танцевать.

Мы остаемся в баре до закрытия. Всю дорогу до общежития я греюсь в лучах блаженства Клейтона. Он так влюблен и полон страсти, что даже не жалуется по поводу моего вожделения.

По возвращении обнаруживаем красную ленточку на моей двери. Клейтон, как всегда, приглашает разделить с ним кровать.

— Приятель, теперь, когда у тебя есть парень, мне кажется немного странным, что я сплю в твоей кровати.

— Кэтрин, успокойся. Ты всегда желанный гость в моей постели. А теперь, спокойной ночи, — говорит он с сияющими глазами.

— Спокойной ночи.

Кейт

Как только переступаю порог «Три Петунии» слышу сигнал смс. Сегодня я не работаю, но Шелли попросила зайти; она записала для меня CD и хочет, чтобы я его послушала.

Достаю телефон из кармана в ожидании, пока Шелли закончит телефонный разговор. СМС от Мэдди:

«Можешь занять мне пятьсот долларов? Нужно заплатить аренду до завтра?»

Должно быть, шок отразился на моем лице, потому что Шелли вешает трубку и спрашивает:

— Что случилось, Кейт?

Качаю головой.

— Ничего. Просто получила сообщение от тети. Давно ничего не слышала от нее.

— Это та тетя, которая живет в Миннеаполисе?

— Да, она была зла на меня. Я пыталась связаться с ней пару недель назад.

— Она все еще злиться?

Пожимаю плечами.

— Не знаю. Ей нужны деньги.

Шелли выглядит шокированной.

— И она просит их у тебя? Сколько ей лет?

Я все еще прокручиваю ее смс в голове.

— Двадцать семь.

— Ты же не собираешься ей помогать?

Наконец, выдыхаю, приняв решение.

— Скорее всего, помогу. У нее проблемы в жизни. И она говорит, что ей нужны деньги. Если бы она не была в отчаянии, то не попросила бы. Ведь так?

Шелли смотрит на меня. В выражении ее лица я узнаю черты Одри, мамы Гаса.

— Не знаю, Кейт. Ты много работаешь ради этих денег. Они тебе тоже нужны.

Показываю на компьютер на прилавке.

— Я могу им воспользоваться по-быстрому?

— Конечно, — отвечает она с выражением материнской заботы на лице.

Нахожу адрес офиса «Розентштейн и Барклай», юридической фирмы, в которой работает Мэдди и записываю его на кусочке бумаге вместе с направлением, как туда добраться. У меня после обеда есть немного свободного времени, а она пишет, что за аренду нужно заплатить до завтра, так что я сама отнесу ей деньги. И почему это она платит ренту в середине месяца?

Здание, где работает Мэдди, находится прямо в центре деловой части Миннеаполиса. Так что после того, как мне удастся найти свободное место для парковки и бросить несколько монет в счетчик, я, наконец, вхожу и поднимаюсь на лифте на третий этаж. Как только двери лифта открываются, передо мной предстает фойе «Розентштейн и Барклай». Каменные полы, отполированные до блеска, перед входом свежие цветы на столике и огромные стеклянные двери от пола до потолка, открывающие вход в вотчину работодателя Мэдди. Чувствую себя немного неуютно в сланцах, джинсах и футболке с надписью «Virginia is for lovers». Наверное, стоило бы сначала позвонить, юристы ведь всегда очень заняты,

скорее всего, она на каком-нибудь важном совещании, или даже в суде. Кто знает? Блин, я идиотка. Сделав глубокий вдох, открываю одну из гигантских дверей. О моем прибытии извещает колокольный звон. Господи, и тут без него не обойтись.

Женщина за стойкой администратора поднимает свой взгляд на меня и вежливо говорит:

— Добрый день. — На ней сшитый на заказ костюм и сама она выглядит слишком профессионально, чтобы сидеть за стойкой.

Прочищаю горло:

— Добрый день. Извините за беспокойство, но я ищу Мэдди Спигелмэн. Она свободна?

Женщина улыбается.

— Конечно. Она вернется через минутку. — Женщина прикрывает рот рукой и тихонько говорит: — Она просто выбежала в туалет. Я за нее, пока она не вернется.

Хорошо. Я немного сконфужена.

— За нее? Вы хотите сказать, что Мэдди — секретарь в приемной?

Женщина кивает.

— Ну, вот и она.

Я поворачиваюсь. Когда Мэдди замечает меня, у нее отвисает челюсть. Подойдя ко мне, она тихо шипит:

— Кейт, что ты тут делаешь?

Показываю ей чек, который я заранее выписала из тех денег, что собирала на черный день.

— Мне показалось, что тебе срочно нужны деньги. Я просто хотела, чтобы ты смогла получить их в банке сегодня, если тебе необходимо заплатить за аренду до завтра.

— Ты могла бы позвонить, Кейт. Так, из вежливости, — резко говорит она.

— Прости, подруга. Если тебе больше не нужны деньги, мне же легче.

Она перебивает и вырывает чек из моих рук.

— Нет, я возьму чек. У меня много непредвиденных расходов в этом месяце... но ты все равно этого не поймешь.

Закатываю глаза.

— Серьезно? — Знаем-проходили — мое второе имя.

Она ничего не отвечает.

Я немного раздражена и в тоже время беспокоюсь за нее.

— Почему ты не отвечала на мои сообщения? Как твои дела?

Она глубоко вдыхает и понижает голос.

— Я в порядке. Тут не о чем говорить.

Я в ответ также понижаю голос:

— Почему ты солгала мне по поводу работы? — Я не придираюсь, просто задаю вопрос. Вопрос, на который она, как взрослый человек, может ответить.

О нет. Она смотрит на меня, как будто я оскорбила ее.

— Ты должна уйти. У меня много работы. Что-то, о чем ты, скорее всего, не имеешь никакого представления, ведь ты дочь Джэнис Седжвик. Спорю, тебе было так тяжело расслабляться на пляже на денежки своей мамочки.

Шокировано моргаю несколько секунд.

— Вау... хорошо... вот как... — Я в таком ошеломлении, что даже не могу подобрать подходящих слов. Мои щеки горят от гнева, кровь бурлит в венах.

Поворачиваюсь к двери и толкаю ее. Переступив порог, поворачиваюсь и смотрю на нее.

— Я очень рада, что ты сможешь заплатить в этом месяце за аренду, Мэдди. Рада была помочь.

Отпускаю дверь, которая с грохотом захлопывается за мной.

Кейт

Получаю сообщение от Мэдди:

«Нужно звонить, перед тем как приходить. Это было невежливо»

У Мэдди большие проблемы с извинениями. Отвечаю ей:

«Конечно»

Решаю прикусить свой язычок, так как ситуация не стоит того, чтобы спорить.

Даже не ожидаю ответа, но, неожиданно он приходит.

«Мы можем поговорить?»

Я, конечно же, уже подобрела, потому что не могу долго злиться. А может, я просто такая вот простушка. Тем не менее, я легко простила ее.

«Позвони мне»

Она тут же перезванивает мне и начинает рассказывать обо всем на свете, кроме самого важного — своей булимии. Вместо этого мы говорим о деньгах. Давайте посмотрим правде в глаза: если все деньги в мире внезапно исчезнут, она будет жить, но если не вылечить булимию, она умрет. Только Мэдди не готова пока обсуждать это, поэтому я не настаиваю. Уже хорошо то, что мы общаемся.

Она говорит, что врала мне по поводу работы, потому что хотела произвести впечатление. Как будто мне не все равно. Она могла бы работать мусорщиком, я бы отреагировала так же, как, если бы она была юристом. Люди слишком зависимы от ярлыков и титулов. Потом она говорит, что превысила лимиты по кредитным картам, и что ее сожительница неожиданно съехала в июле, а она так и не смогла найти того, кто стал бы оплачивать вторую половины аренды. Она задолжала уже за два месяца и арендодатели начали угрожать выселением. Поэтому она позвонила мне. Она не знала, что еще сделать. Мне жаль ее, но меня всегда поражает, как люди привыкают к определенному образу жизни и считают, что нечто иное неприемлемо. Я выросла в доме на берегу моря, а потом жила в гараже с сестрой. И знаете что? Мне больше нравился гараж. Думаю, Мэдди не смогла бы жить в гараже. Я немного раскрываюсь перед Мэдди, умалчивая о некоторых деталях, о своих печалях. Все что ей нужно знать, что вся моя жизнь — выживание. Я не ищу жалости, но иногда, если люди начинают сопереживать тебе, то это как будто ты даешь им совет без того, чтобы действительно давать им совет. Странно, я знаю, но никому не нравится, когда ему говорят, что делать. Людям нравится доходить до всего самим. Неожиданно вспоминаю вчерашний разговор с Моррисом. У меня возникает идея.

— А ты не против сожителя?

Мэдди воодушевляется.

— Нет, особенно если он привлекателен и одинок.

— Привлекателен — да, одинок — не совсем.

— Все хорошие парни давно разобраны.

— Да, и он гей. Так лучше?

— Не совсем. — Она раздражается смехом и впервые с тех пор, как я ее знаю, я разговариваю с настоящей Мэдди — искренней, немного измученной сложностями в жизни, и в данный момент не переживающей, что о ней подумают люди.

— Прости. У него восхитительные скулы. Я могла бы любоваться им все дни напролет.

— Поверю тебе на слово. — Она снова смеется.

— Я свяжусь с ним и попрошу перезвонить тебе. Его зовут Моррис.

— Хорошо.

— Отлично. Надеюсь, все получится.

Отправляю смс Клею, чтобы узнать номер Морриса, а потом звоню ему. Час спустя, Мэдди и Моррис встретились, поговорили и уже к пяти тридцати вечера Моррис забрал вещи из номера отеля и переехал во вторую спальню в квартире Мэдди.

Обожаю, когда все срастается.

Кейт

— Хм, Шугар, тебе помочь?

Зайдя в комнату, обнаруживаю, что Шугар роется в моих вещах. При звуке моего голоса она испуганно подпрыгивает. Так иногда делала Грейси, когда я ловила ее на краже печенья перед ужином. Полагаю, она не слышала, как я вошла... или не ожидала, что я вернусь так скоро.

— Нет, нет... я... эээ, не могла найти свою футболку, и подумала, что может... может, она перемешалась с твоей одеждой на полу, и ты случайно положила ее в свой шкаф.

Она лжет. Ее выдают ярко-красные щеки. Мне это не нравится, но я не собираюсь давить на нее, потому что в то время, как она пытается оправдаться, в моей голове звучит голос Грейси «Я не собиралась их есть, Кейт».

Обхожу ее и вешаю сумку на спинку стула. Замечаю две свои футболки на ее кровати. Я чертовски уверена, что не оставляла их там. Делаю вид, что ничего не видела.

— Как выглядела твоя футболка, подруга? Может, я смогу помочь тебе найти ее?

Шугар облизывает губы, мельком посмотрев на свою кровать и мои футболки. Она понимает, что ее поймали с поличным, но все равно пытается отвертеться.

— Не бери в голову. Наверное, она в стирке.

Господи, надеюсь, она осознает, что врунишка из нее ужасный!

Иду на выход. Уже взявшись за дверную ручку, говорю:

— Как скажешь. Природа зовет, так что мне нужно идти. — Показываю на свои футболки. — И Шугар, если хочешь одолжить мою футболку, просто попроси. Я берегу их и предпочитаю иметь представление об их местонахождении.

Не оглядываясь назад, закрываю дверь.

В коридоре врезаюсь в Питера, выходящего из своей комнаты.

— Привет, Пит и извини.

— Привет, Кейт. Да не проблема. Я тоже тебя не видел.

— И куда же ты направляешься, mon frere?

— В кафетерий. Я ждал Клейтона, но он только что прислал мне смс, что ужинает сегодня с Моррисом в Миннеаполисе.

Это меня радует. С тех пор, как мы посетили «Спектэкл», Клейтон разговаривает с Моррисом каждый день, а по вечерам они куда-нибудь выбирают. Клейтон на вершине счастья.

— Отлично. Понимаю, что я не Клейтон, но если подождешь меня две секунды, пока я сбегаю в дамскую комнату, то я присоединюсь к тебе.

Питер нервно улыбается. Это убеждает меня в том, что:

а) Он чувствует облегчение от того, что ему не придется идти в кафетерий одному, и:

б) Он чувствует облегчение, потому что ему не пришлось кого-то просить идти с ним, чтобы не сидеть в кафетерии одному.

Бегу в конец коридора.

— Буду через две минуты.

Мы с Питом уже начинаем привыкать ужинать без Клейтона. Я скучаю по Клею, хотя и не против проводить время с Питом.

Поначалу мне приходилось вести беседу, потому что Пит был молчалив и застенчив. Несмотря на это, меня все устраивало, потому что он добрый и смешной. А потом я обнаружила, что Пит интересуется всякого рода национальными и мировыми событиями, в том числе и политическими. И хотя иногда наши взгляды разнятся, потому что он больше склоняется к правым, а я к левым, мы выслушиваем мнения друг друга без предубеждения. Таких людей не очень много, поэтому я очень ценю это качество. Для меня, интеллект Пита — подарок. Буду честна: меня немного обидело, что он очень удивился, когда понял, что я с легкостью могу обсуждать с ним международную политику или экономический кризис в Европе. В принципе, я привыкла, что люди считают меня просто тупой блондинкой. Признаюсь, иногда я стараюсь соответствовать этому определению, потому что так проще. К тому же и весело. Если ты важен человеку, то он и сам в скором времени поймет, что ты не дура. Как понял это Пит.

Мы обсуждаем текущую ситуацию в Конго, когда я замечаю, что глаза Пита прикованы к чему-то за моей спиной. Поворачиваюсь и делаю вид, что ищу что-то в кармане толстовки, висящей на спинке стула. В кафетерии почти никого нет, за исключением девушки в углу позади меня. Я вижу ее здесь каждый день. Она всегда сидит одна и читает, не обращая ни на кого внимания. У нее тусклые каштановые волосы, скрученные в неаккуратный пучок, а сама она невысокая, худенькая, в очках, сидящих на кончике носа. Обычно, таким образом пожилые люди одевают очки для чтения, но ее не для этого, они большие и круглые. Как обычно, она полностью поглощена своей книгой. Кафетерий мог бы начать рушиться на глазах, а она вряд ли бы это заметила. Меня восхищает подобная сосредоточенность. Чтение — это побег из внешнего мира. Каждому человеку необходимо нечто подобное, чтобы сохранять нормальную психику.

Поворачиваюсь обратно и продолжаю есть горошек, убирая морковь в сторону, потому что она омерзительна. Вареная морковь на вкус как детская еда, смешанная с грязью. Только в этом кафетерии подают вместе горох и морковь. Ужасное сочетание. Всегда думала, что «морковь с горошком» придумали специально для фильма «Форест Гамп», но, судя по всему, это не так. Мне нравилась пара Форест и Дженни, но сейчас, выбирая морковь из горошка, я задаюсь вопросом, что, может быть, в конце концов, они не были предназначены друг для друга. Форест и Дженни были больше похожи на горошек и масло или горошек и соль... на что угодно, но только не морковь. (от переводчика: в фильме «Форест Гамп» фразой «peas and carrots» герои выражали любовь друг к другу) Показываю вилкой за плечо.

— Эй, Пит, ты знаешь ту девушку?

Он краснеет и слегка качает головой.

Улыбаюсь про себя, так как уверена, что он смотрел на нее.

— Она всегда сидит одна, может быть, нам стоит приглашать ее иногда за наш столик?

Пит краснеет еще сильнее, но никаких возражений не следует. Он молчит.

Наклоняюсь к нему и шепчу:

— Она довольно мила. Этакая скромная сексуальная библиотечка.

Он слегка улыбается, отводит от меня взгляд и упирает его в тарелку с картофельным пюре с таким видом, как будто ожидает, что оно заговорит с ним.

Понижаю голос, надеясь, что он не смутится еще больше:

— Пит, ты наблюдал за ней все время, что мы здесь сидим. Не говори мне, что она тебе не интересна.

— Я не знаю, что сказать, — говорит он, вздыхая. У него беспомощный вид, а может

быть, безнадежный, а может, и того, и другого по немного.

Протягиваю ему руку, как будто хочу познакомиться.

— Как насчет: «Привет, Меня зовут Питер Лонгстрит. Не возражаешь, если я присяду?»

Таким образом разговор завяжется сам по себе.

— А если нет? Если она меня проигнорирует, или... или... или скажет, чтобы я свалил? — Да, в его голосе чувствуется явная паника.

Улыбаюсь.

— Дружище, думаю, что люди уже не используют эту фразу. Так что, ты в безопасности.

Он расплывается в улыбке.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Я наклоняюсь через стол и накрываю руку Пита своей, чтобы прекратить его стучание ложкой по столу.

— Пит, дружище, ты замечательный парень. Она, судя по всему, хорошая девушка. Что ты теряешь? Тебе стоит подойти и поговорить с ней. Послушай, я уже закончила есть и мне нужно заниматься, так что я собираюсь возвращаться в общежитие.

— Тебе не следует идти одной. — Они с Клейтоном всегда переживают, когда я в темноте хожу по кампусу. Даже купили мне два баллончика с перцем: один я ношу с ключами, а другой лежит в сумочке.

Улыбаюсь и освобождаю руку из его захвата.

— Я буду в порядке. Когда я уйду, наберись храбрости и пообещай мне, что подойдешь к ней и поговоришь, хорошо?

Он выглядит так, как будто вот-вот свалится в обморок или его вырвет. Тем не менее, Пит кивает и на его лице появляется выражение решительности.

— Хорошо.

Одеваю толстовку и хватаю свои тарелки.

— Ты — мужчина, Пит. Вот твоя новая мантра. Я — Мужчина. — Подмигиваю ему. — Удачи.

Он вздыхает.

— Спасибо, Кейт.

Убираю тарелки в закуток для грязной посуды, говорю «Hola» Гектору и уже направляясь к выходу, замечаю, что Пит тоже уносит свой поднос. У меня всего около сорока пяти секунд, чтобы что-нибудь предпринять, поэтому иду прямо к столику девушки. Милая библиотечарша не отрывается от книги, хотя я стою в шаге от нее. Чувствую себя неудобно от того, что врываюсь в ее личное пространство, но у меня нет времени. Откашливаюсь, чтобы привлечь внимание. Ничего. Поэтому я сажусь на колени и начинаю говорить:

— Извините. — Она поднимает на меня глаза. — Привет, меня зовут Кейт. Извини, что прерываю, но примерно через тридцать секунд мой друг Пит собирается подойти и поговорить с тобой. Он очень нервничает, но знай, он хороший парень, по-настоящему хороший. Пожалуйста, выслушай его. — Она хмурит брови, но согласно кивает. — Спасибо.

Не оглядываясь, быстро выхожу.

Через пятнадцать минут Пит стучится в мою дверь. Он широко улыбается, и впервые я замечаю, что у него ямочки на щеках. Пит сразу же начинает бессвязно говорить. Бессвязно! Обычно он сдержан, даже когда рассказывает о чем-то смешном. Так что это уже что-то с чем-то.

— Ее зовут Эвелин. Она первокурсница, специализация: история Америки. Ей нравится читать классику, биографии и научную фантастику. — Он выглядит довольным собой.

Смотрю на часы.

— Довольно подробный отчет.

Улыбка не сползает с его лица ни на миллиметр.

— С ней легко говорить.

Хлопаю его по плечу.

— Отлично. Видишь. Ты ей уже нравишься. Ты взял у нее номер телефона?

Его улыбка немного гаснет.

— Я думал, что это будет слишком, ведь я впервые разговаривал с ней. Как ты думаешь?

Качаю головой.

— Нет. Если ты что-то чувствуешь и она не против, это не будет слишком.

Его наивность убивает меня.

Пит отводит глаза и в разочаровании поджимает губы. Он расстроен.

— Черт побери!

— Не переживай! Будет о чем поговорить в следующий раз.

На его щеках опять появляются ямочки.

— Мы завтра встречаемся в кафетерии в семь часов. Будем вместе ужинать.

Хлопаю в ладоши.

— Черт, Пит, это практически свидание.

— Спасибо, Кейт. — Его взгляд упирается в пол, а потом он поднимает глаза и смотрит прямо на меня. — Спасибо за все. Если бы не ты, я бы весь семестр просто смотрел на нее.

Не ожидала, что меня будут благодарить ни за что. Но это всегда приятно, особенно, когда идет от чистого сердца.

— Это было бы ужасно. — Подмигиваю. — Всегда рада стараться.

Он кивает и поворачивается, чтобы открыть дверь.

— Пит?

Он оборачивается.

— Да?

— Я действительно думаю то, что сказала тебе до этого. Ты замечательный парень. Так что Эвелин — счастливица. — Улыбаюсь. — Спокойной ночи.

Он застенчиво улыбается в ответ.

— Спокойной ночи.

Впервые за все время, я увидела, как светится мой друг, чувствуя себя счастливым и уверенным. Отличное сочетание.

Кейт

— Ну, есть новости?

— Привет. Да не особо. А как насчет тебя, mon ami? — Так приятно снова слышать его голос. Последние несколько дней у него были бесконечные встречи, совещания, поэтому мы общались посредством смс. Это не то же самое. Мне нравится слышать его голос. Он связывает меня с реальностью, с той, кто я есть на самом деле.

— Без изменений. Не могу уже дождаться, когда мы отправимся в путь.

Гас не тот человек, которому нравится весь процесс от начала до конца. Мама всегда его баловала, поэтому его жизнь протекала довольно легко. Это не значит, что он никогда не надрывал свой зад. Просто его жизнь была легкой. Он предпочитает не делать того, что ему не нравится, даже если это очень важно для будущего, а наслаждаться тем, что ему действительно приятно. Думаю, это характерно для всех.

Это не эгоизм, а просто человеческая природа. Иногда нам необходимо напоминать, что в жизни имеет значение все: и плохое, и хорошее. Поэтому я говорю:

— Я знаю, дружище, но подготовка — основа основ, ведь так?

Он вздыхает. Такого Гаса я не слышала уже очень давно.

— Просто вся эта подготовка и маркетинг, на мой взгляд, не наша работа. За что звукозаписывающая компания, агент и менеджер получают чертову кучу денег? Правильно, за подготовку и маркетинг. — Он действительно измотан. — Наша работа — исполнение, почему мы должны заниматься чем-то еще. Такое ощущение, что мы носим воду решетом, Опти. Что-то постоянно меняется. И по большей части это полная ерунда. Сегодня нам пришлось целый час слушать какого-то парня, обучающего нас как вести себя на интервью. Что говорить, чего не говорить. Отличная идея! Если тебе задают вопрос, будь откровенен и говори о чертовой музыке!

— Вау, Гас. Успокойся. Они просто пытаются поддержать ваш имидж. Ты можешь сейчас закурить? — За последний месяц волнение Гаса усиливается с каждым днем. Мне не нравится, что он в таком стрессе.

— Да, — резко говорит он.

— Может...

Меня обрывает на полуслове щелчок зажигалки и первая глубокая затяжка Гаса.

— Даже не думай говорить мне сейчас об этом, Опти.

Знаю, он сейчас по-настоящему в дерьмовом настроении, но я также знаю, что это не из-за меня, поэтому не принимаю его слова близко к сердцу.

— Но тебе стоит, ты знаешь... бросить курить.

— Нет, — пресекает он мои попытки. Я сажусь и жду, когда он закончит курить и начнет извиняться. — Прости. Я не хотел срывать на тебе.

— У меня к тебе вопрос. Как бы ты себя чувствовал, если бы Мистер Долбаный Исполнитель Желаний пришел в студию со своими песнями и сказал бы, что вы будете записывать их, а не свои композиции?

— Я бы послал его.

— Справедливо. Они вовлекают тебя в процесс записи музыки, потому что это ТВОЯ музыка.

— Чертовски верно.

— Тем не менее, это совместный процесс, правильно? МДИС тоже был вовлечен, ведь так?

— Да.

— Хорошо. Следующий шаг — подготовка к релизу альбома «Rook» и тур в его поддержку.

— Да. К чему ты это говоришь? — Судя по всему, он раздражен и заинтересован одновременно.

— Ну, ты должен доверять тому, что они профессионалы в том, что касается релиза альбома и гастролей, но вместе с тем это не должно отменять твоего участия в процессе, иначе последствия аукнутся тебе в будущем. И винить, кроме самого себя, будет некого. Так что, Прикрой Свою Задницу сейчас, дружище.

Он фыркает, и я понимаю, что, нехотя, но он соглашается со мной.

— Но это такой отстой. Просто бессмысленный детский лепет на встречах. Послушав их пять минут, я начинаю задаваться вопросом, когда они превратились в чертовых взрослых в мире Чарли Брауна. (Прим. переводчика: мир Чарли Брауна — детский мир, в котором все, что говорят взрослые, кроме как «вау, вау» не воспринимается.). Только и слышно «Вау, вау, вау». И я адски устал от того, что меня постоянно фотографируют. Зачем?

Решаю добавить в наш разговор немного юмора.

— Может, потому что ты настолько привлекателен, что они ничего не могут с собой поделать? — Пора возвращать Гаса к реальности. — Послушай, Гас, я на твоей стороне, и ты это знаешь. Но, серьезно, дружище, прямо сейчас ты делаешь то, за что люди продали бы свои души. Ты только что записал альбом со своими композициями. Композициями Густова Хоторна. И, честно, это лучший альбом из того, что я слушала за последние несколько лет. Его выпустят через две недели, и ты отправишься в тур по всей стране. Каждый день следующих, по крайней мере, трех месяцев, ты проживешь как рок-звезда. И все, что они просят взамен, это твое активное участие в процессе продвижения группы, альбома и тура, чтобы сделать его настолько успешным, насколько это возможно. Гас, мне стоит напоминать тебе о том, что это ТВОЯ группа, ТВОЙ альбом, ТВОЙ тур? Тебе не нужно жертвовать собой или терять свою индивидуальность для этого. В твоих интересах быть вовлеченным в каждый аспект происходящего. Не скули, просто делай. Это часть твоей работы.

Он вздыхает. Я знаю, что достучалась до него.

— Ты права. Я знаю. Я плачу, как гребаный ребенок.

Улыбаюсь.

— Настанет черед и приятных вещей, обещаю. Не успеешь и оглянуться, как будешь выступать каждый вечер в разных городах и самой большой проблемой для тебя станет решить, хочешь ли ты переспать с сексуальной брюнеткой в первом ряду, выставившей свои сиськи на всеобщее обозрение или двумя блондинистыми близняшками, которые прорвались за кулисы после шоу. А может со всеми тремя сразу. — Сама мысль об этом вызывает у меня рвотный рефлекс, но в данный момент, я говорю на языке Гаса: женщины.

Гас фыркает.

— Ладно, хватит обо мне. Как прошел твой ужин вчера?

Придуриваюсь, пытаюсь говорить с британским акцентом.

— Отлично, дорогуша. Насладилась картофельным пюре, зеленой фасолью и салатом.

Ужинала в компании Клейтона, Питера и его девушки Эвелин.

— Постой, Пит? У Пита Кожаные Штаны есть девушка? Когда это произошло? Почему я не знал? — Гас следит за моей жизнью, как за мыльной оперой. Забавно, что он так интересуется всеми этими людьми, особенно на фоне всего происходящего в собственной жизни. А может, это из-за того, что происходит в его собственной жизни. Может, для него это как отрыв от реальности. Как реалити-шоу по телевизору.

Решаю избавиться от акцента, потому что приходится прилагать слишком много усилий для этого.

— Прошлым вечером. Пит увидел ее в практически пустом кафетерии и влюбился с первого взгляда. Я горжусь им. У парня до этого никогда не было девушки. Он был так напуган, но, тем не менее, набрался храбрости, поговорил с ней и вот, они уже запланировали на этой неделе каждый день ужинать вместе, а потом идти заниматься в библиотеку. Чертовски мило, насколько они стеснительны по отношению друг к другу. Но очень стараются. Они практически вернули мне веру в людей.

— Вера в людей никогда не покидала тебя, Опти. Но я рад за него. Что насчет нее? — Он искренне заинтересован.

— Во многом похожа на него, вообще...

Он прерывает меня:

— Так она тоже увлекается мазохизмом и носит кожаные штаны?

Я хихикаю.

— Нет. — А потом начинаю громко смеяться. — Нет... Ух... Я не... хочу... этого... представлять.

Он тоже смеется, а потом говорит:

— А что насчет тебя, Опти?

— Я не увлекаюсь мазохизмом, и у меня нет кожаных штанов. — Делаю непроницаемое лицо. — У меня слишком плоский зад, нечего облегать, так что кожаные штаны станут сплошным разочарованием.

Он улыбается, но как-то вынуждено.

— Я не буду комментировать по поводу штанов. — И добавляет потихоньку: — Но с твоей задницей все в порядке. Абсолютно все.

Возвращаюсь к первоначальному вопросу:

— Так что насчет меня?

— Ну, у Клейтона теперь есть парень, у Пита девушка, так что мне интересно... ну знаешь... ты тоже с кем-нибудь встречаешься? — Он нервничает, что не характерно для Гаса, по крайней мере, в отношении меня. Он знает, что может спросить меня о чем угодно.

— У меня нет парня, Гас. И ты это знаешь.

— Господи, ну как только самый положительный из всех знакомых мне людей может не верить в любовь? Ты — сплошное противоречие. Я уверен, что парни постоянно подкатывают к тебе, как это было дома.

Прочищаю горло.

— На самом деле, нет. С тех пор, как я здесь, еще ни один не пригласил меня на свидание.

Он раздражается нервным смехом, а потом говорит:

— Знаешь, это не потому, что они не хотят, а потому что ты их отпугиваешь, маленькая засранка. Нужно иметь яйца, чтобы хотя бы пофлиртовать с тобой, не говоря уже о том,

чтобы пригласить куда-нибудь. Они понимают, что еще до того, как произнесут хоть слово, ты их пошлешь. Они знают, что у них нет ни шанса.

— Единственный парень, который немного пофлиртовал со мной — это Келлер, он работает в кофейне, в которую я хожу. Но это был просто флирт и ничего больше.

— Он тебе нравится? — закидывает удочку Гас.

— Не знаю, да, он определенно привлекателен. Но сейчас мне не нужны отношения.

— А если бы были нужны? — Он очень настойчив.

— Не нужны. Кроме того, вполне возможно, что у него отношения на расстоянии. Поэтому не знаю, почему мы даже говорим об этом. Мы просто друзья.

Гас вздыхает. Думаю, он не удовлетворен моими ответами. Некоторое время мы сидим и молчим.

— Слушай, дружище, мне нужно делать домашнюю работу. Но, Гас?

— Да?

— Гас, ночь всегда сменяет день. — В глубине души я все еще верю в это, хотя и приходится периодически напоминать себе об этом.

Несколько секунд мы молчим, а потом он говорит:

— Каждый день ты проживаешь достойно своего имени, Опти. — Он лишь слегка улыбается, но смех чувствуется в его голосе.

— Я стараюсь, дружище. Я стараюсь. — Каждый день, каждый час, каждую минуту, я стараюсь.

— Твори историю, — напоминаю я ему.

— Твори историю, — повторяет он. Повторенье — мать ученья. Однажды он поверит в это. — Я скучаю по тебе.

— Я тоже скучаю. Каждый день.

— Я люблю тебя, Оптимистка.

— Я тоже люблю тебя, Гас.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Кейт

Делаю одолжение Шелли и еду в Миннеаполис, чтобы забрать вазы. Она переживает, потому что ее поставщик что-то напутал, а ей нужно оформить три букета в вазах, чтобы доставить их завтра рано утром.

Дорога хорошая, небо ясное. В машине играет радиостанция колледжа.

Как только я припарковываюсь у места назначения, начинает проигрываться новая композиция. Слышу первые три ноты, и мое сердце практически останавливается. Это «Killing the Sun!» «Killing the Sun»...на радио! Боже Мой! Это по-настоящему. Песня Гаса звучит на чертовом радио! Сейчас она звучит даже лучше, чем на iPod, потому что вместе со мной ее слушают сотни людей.

Хватаю сумку, чтобы найти телефон. Нужно позвонить Гасу. Нужно разделить этот момент с ним. Потому что первый раз случается только раз. Первый раз, когда я слушаю его песню по радио.

Он берет трубку на втором гудке.

— Опти...

Я обрываю его.

— Гас, заткнись и послушай. — Включаю радио на полную мощность и прикладываю телефон к колонке на приборной доске. К этому моменту начинается первый припев и машину наполняет мой голос. Прикладываю телефон обратно к уху и кричу, не в силах сдержаться. — Дружище, твоя песня играет в моей гребаной машине!

— Хорошо. — Он сконфужен. — Ты слушаешь CD? Ты пьяна? Почему ты кричишь? — До него не доходит.

— Дружище, это не CD! Радиостанция колледжа поставила в эфир твою песню! Она на радио!

— Что?

Я чуть убираю звук, чтобы не приходилось перекрикивать музыку.

— Гас, я сейчас сижу в машине в Миннеаполисе, гребаном штате Миннесота и слушаю 93.7 FM волну, на которой играет песня группы Rook.

— Не может быть! — Теперь до него дошло.

— Может! Я не могла не позвонить, чтобы разделить этот момент с тобой, дружище. Твоя песня на радио, тур начинается на следующей неделе. Так что давай, наслаждайся каждой минутой жизни.

Слышу на другом конце телефонной линии щелчок зажигалки и знакомый вдох, с которым он раскуривает сигарету.

— Тебе стоит бросить курить. — И продолжаю, даже не дождавшись ответа: — Ах, да, если уж я и начала ворчать, то на правах старого друга, добавлю кое-что еще.

— Хорошо, давай.

— Во время тура придерживайся трех правил: никаких наркотиков — к черту такой опыт; постоянно пользуйся презервативом и не сходи с ума, хорошо?

— Слишком много, чтобы запомнить. — Он прикалывается. — Может, ты могла бы напечатать эти правила на листке бумаге, чтобы я повесил их над своим спальным местом в автобусе? А может, лучше просто сделать татуировку на заднице?

— Ха, ха.

— Я знаю, Опти. Никаких наркотиков. В любом случае, я слишком стар для этого дерьма; презервативы обязательны, они лучшие друзья мужчины, я никогда даже не выхожу из дома без них, ну, а насчет моего ума... — он делает паузу. — Возможно, позже тебе придется напомнить мне об этом. Ты всегда была моим голосом разума.

— Разум — мое второе имя.

— А я думал это всезнайка, Оптимистка Всезнайка Седжвик.

— Комплимент засчитан. Хорошо, дружище, мне нужно идти. Я просто хотела позвонить и сказать тебе, что ты официально теперь знаменит.

— Спасибо, Опти.

— Всегда, пожалуйста. Я люблю тебя, Гас.

— Я тоже люблю тебя.

— Пока.

— Пока.

Кейт

Неожиданно раздается стук в дверь. Странно, я только что зашла в комнату после лекции и никого не видела в коридоре.

Открыв дверь, обнаруживаю за ней Джона, старосту нашего общежития. Мне он нравится, но глядя на него у меня, всегда возникает чувство, что он ненавидит свою работу.

— Сегодня утром FedEx доставила для тебя посылку, — бурчит он. Черт, кажется, кто-то действительно не в настроении. Интересно, как человек с полным отсутствием энтузиазма, получил эту работу? Джон уже на последнем курсе, может, поначалу он и был воодушевлен, но с годами этого самого воодушевления существенно поубавилось. Моя цель — заставить его улыбнуться к концу семестра.

Забираю у него конверт.

— Спасибо, Джон. Так мило, что ты сам мне его принес. — Лыщу ему, конечно, по-страшному, но он даже не обращает на это внимания. У Джона практически нет друзей, а в общежитии все считают его козлом. Скорее всего, он просто одинок и немного измотан столь длительной работой. Наверное, ему стоило бросить ее еще год назад.

— Я был очень занят, но мне пришлось вставать и открывать дверь.

Киваю головой.

— О, я даже не сомневаюсь, поэтому так благодарна тебе.

— Ладно, мне надо идти.

— Еще раз спасибо, Джон.

Он резко кивает и уходит.

Открываю конверт и достаю из него обещанные Гасом восемь VIP билетов на концерт «Rook» в Гранте. Невероятно. Не то, чтобы я никогда не видела билетов на концерт «Rook» до этого, но именно эти — свидетельство невероятного. Их начали продавать вчера, и на сегодняшний день все билеты раскуплены. Кажется, Миннесоте нравится «Rook». Хотя, так и должно быть.

Шлю Гасу огромное спасибо и забираю билеты с собой, чтобы раздать их после обеда. Моя дружба с Гасом не секрет, а вот его статус рок звезды, секрет.

Большинство друзей знают, что моего лучшего друга, который остался дома, зовут Гас. Но никто не знает, что Гас и Густов Хоторн, фронтмен «Rook» — одно и то же лицо. Потому что для меня, он все еще Гас. Гасом и останется. «Rook», конечно, — это нечто невероятное, и я очень горжусь им, но лучшее в Гасе — это сам Гас. Гас, который всегда был моим лучшим другом; Гас, с которым мы катались на серфе; Гас, который покупал батончики «Твикс» для Грейс; Гас, на плече которого я плакала в худшие периоды своей жизни; Гас, который не только постоянно подшучивает надо мной, но и ободряет. Гас.

Тут нет никаких случайностей. Я всегда в это верила. Поэтому, войдя после обеда в цветочный магазин и услышав, что по радио играет «Killing the Sun», я улыбаюсь.

Шелли тихо подпевает. Она поднимает на меня взгляд и показывает на радио.

— Ты уже слышала это, Кейт? Моя новая самая любимая песня.

— Правда? Самая-самая? — спрашиваю я. Ее энтузиазм радует меня.

— Ее крутят всю неделю. Новая группа «Rooks». Они такие крутые. Не знаю, как выглядит этот парень, но голос у него чертовски сексуальный.

Не сдержавшись, предлагаю:

— Погугли их.

Она ухмыляется.

— И почему я сама до этого не додумалась, мисс Всезнайка? — Она вытаскивает телефон из кармана и начинает печатать. — Срань. Господня. Он божественен, Кейт. Его имя Густов Хоторн. Посмотри. — Она поворачивает экран ко мне.

Мне смешно, потому что я могу взять свой собственный телефон и увидеть в нем тоже лицо. Он выглядит немного по-другому на снимке в телефоне Шелли, потому что его волосы короче. Это одна из многочисленных фотографий, которые сделали в прошлом месяце, после того, как над группой поработал стилист. Пожимаю плечами.

— Неплох, если тебе нравятся высокие, мускулистые, привлекательные блондины.

— Неплох? Неплох? Кейт, да любая, у кого все еще бьется пульс, снимет трусики перед этим парнем.

Кривлюсь. Я сняла.

— Я думала, тебе нравятся рыжики? Те, которые занимаются разведением волос в своем хозяйстве? — Такое ощущение, что борода Дункана с каждым днем становится все гуще и гуще.

— Да. Я люблю своего Парня. Он настоящий. А этот парень нет. Он фантазия, которая в тому же умеет петь и играть на гитаре. — Шелли опять пристально изучает экран телефона. — Черт, — шепчет она.

Достаю из заднего кармана два билета на концерт «Rook» и кладу перед ней.

— Тебе следует увидеть его вживую. И никакого снятия трусиков, когда Густов выйдет на сцену. В присутствии Дункана это будет ужасно некрасиво. Второй билет для него.

У Шелли в изумлении падает челюсть. Она смотрит то на меня, то на билеты.

— Где ты, черт возьми, их взяла? Я слышала утром, что все билеты распроданы. — Она подносит их поближе к лицу, а потом показывает мне. — Кейт, это ВИП билеты.

— Кое-кто из моих друзей был должен мне. Сильно. Так что мы все идем. — На последней фразе Шелли так крепко обнимает меня, что я с трудом мог у произнести хоть слово. Тем не менее, на моем лице сияет гигантская улыбка.

Во время ужина вручаю Клейтону и Питу по два билета, чтобы они могли взять с собой Морриса и Эвелин. Я уже давала Клейтону послушать «Rook», и хотя это не совсем его тип музыки, ему понравилось, так что он идет. Пит никогда не слышал о них, но с благодарностью принимает билеты.

Специально делаю крюк и заезжаю к Келлеру по дороге из кафетерия. Дома никого нет, но я заранее положила билет в конверт, на случай, если так и получится.

Оставляю ему записку.

«Келлер, надеюсь, ты сможешь сделать это. Кейт»

Опускаю ее почтовый ящик на двери.

Через несколько часов приходит смс от Келлера:

«Спасибо за билет. Не могу дождаться!»

Кейт

Телефонный звонок вырывает меня практически из коматозного состояния.

Вытаскиваю руку из-под подушки и тянусь к телефону, лежащему на прикроватном столике, попутно роняя на пол книгу. И все это с закрытыми глазами. Поэтому, когда я беру телефон в руки и прикладываю его к уху, то все еще не знаю, с кем буду говорить.

— Алло, — ну или что-то подобное еле говорю я.

— Черт, мне очень жаль, Опти. Ты спишь?

Моргаю несколько раз, а потом обманываю:

— Нет... нет... привет, Гас.

— Подруга, мне жаль. Перезвони позже, когда проснешься, хорошо? — Это обеспокоенный Гас.

Зеваю и смотрю на часы. Восемь тридцать утра. Я уже давно не просыпалась так поздно.

— Нет, правда, все в порядке. Мне все равно уже нужно вставать.

В голосе Гаса чувствуется нерешительность. — Знаешь, я просто хотел позвонить, чтобы рассказать о вчерашнем концерте.

Я моментально открываю глаза, чувствуя себя практически проснувшейся. Вчера я весь день помогала Шелли, составляя букеты для двух свадеб. Когда я, наконец, добралась до дома, то была полностью вымотана и совсем забыла о концерте «Rook».

Какая же я дерьмовая подруга.

— Черт, Гас, извини, я не позвонила и даже не прислала смс тебе вчера, так как рано заснула. Как все прошло? Местная публика полюбила тебя? — Их первый концерт был в Сан-Диего.

— Концерт прошел на Ура. Публика великолепна! Жаль, что тебя не было.

Улыбаюсь, потому что его переполняют эмоции. Мне это нравится.

— Я бы тоже хотела оказаться рядом с тобой. — Снова смотрю на часы и пытаюсь сложить два плюс два в сонной голове. — Дружище, в Калифорнии сейчас шесть тридцать утра. Ты вообще, спал?

— Нет, я не могу. Слишком возбужден.

— Освежи-ка мою память... когда и где у вас следующий концерт?

— Сегодня в Лос-Анджелесе и во вторник в Фениксе.

— Господи, ты понимаешь, насколько это дико, что мы сидим и обсуждаем это? Ты в турне! — выкрикиваю я. Мельком смотрю на кровать Шугар, слава богу, ее нет, значит, я никого не разбудила.

— Знаю. Это какое-то безумие, правда.

— Ты мой герой, Рок Бог.

— Как скажешь.

Слышу, как кто-то выкрикивает имя Гаса и его голос становится немного приглушенным.

— Буду через минуту.

— Тебе нужно куда-то идти? — спрашиваю я.

— Все в порядке. МДИС снял для нас номер-люкс в качестве поощрения, так что все

выселяться внутри, а я стою на балконе.

— Возвращайся к празднованию, дружище, ты это заслужил. И удачи тебе сегодня вечером. Все происходящее — только начало грандиозных изменений. Я это чувствую.

— Посмотрим. Спасибо, Опти. Желаю тебе супер-пупер провести воскресенье.

Сто лет уже не слышала этого «супер-пупер», поэтому на лице появляется улыбка.

— Обязательно. И тебе того же. Люблю тебя, Гас.

— Я тоже люблю тебя.

— Пока.

— Пока.

Кейт

Во время лекции по истории Америки, я нашла пять долларов в кармане. Восприняла сей факт, как знак, что должна побаловать себя чашкой кофе перед поездкой в Миннеаполис к Габриэлю. Вчера мне позвонили из школы, потому что постоянный репетитор не пришел, попросили снова заменить его и встретится с Габриэлем после учебы. Если бы я могла окрасить семь дней недели радугой, то сегодняшний был бы золотой. Габриэль общительный, любознательный, веселый, милый и упрямый одновременно. Мне это нравится, потому что он настоящий. Он говорит то, что думает, ничего не скрывая. Было бы так проще жить, если бы все так делали.

На мою удачу парковочное место перед «Граундс» свободно.

Открываю дверь, слышу звон колокольчика, но игнорирую его. У меня есть цель.

Вместо Ромеро, обнаруживаю за стойкой Келлера.

Увидев меня, он приподнимает уголки губ в полуулыбке в свойственной ему манере. Значит, он в настроении пофлиртовать. Я уже начинаю понимать его.

— Услышала, что я здесь и не смогла сдержаться и не прийти?

Закатываю глаза.

— Не льсти себе. Я тебя не преследую. — Вытаскиваю из кармана смятую купюру и бросаю на стойку. — Вот, нашла сегодня в кармане и восприняла как знамение от кофейных богов.

Он берет пять долларов и осматривает их со всех сторон. Определенно, пару раз я их постирала, потому что они блеклые и выглядят так, как будто я их долго терла о стиральную доску.

— Кейти, это просто жалкое зрелище. — Осматривает их еще раз и отдает мне. — Я не могу их принять.

— Что? — Смотрю на купюру в руках. Что он только что сказал? Мне нужно мое кофе. — Ты отказываешь мне, Келлер Бэнкс?

Он наливает большую чашку кофе, ставит на стойку и подвигает ко мне.

— Не тебе, а твоим деньгам. Кофе за мой счет. — Он вытаскивает две однодолларовые купюры из кармана и бросает их в кассу, берет сдачу и кладет ее в банку для чаевых.

Поднимаю брови и киваю на банку.

— Что, правда?

Он улыбается.

— Что? Я подменяю Рома всего на двадцать минут. Так что все чаевые после обеда его, а не мои. Мне было бы стыдно, если бы я не дал ему чаевых. Знаю, у меня репутация скряги, но я бы не стал опускаться так низко.

Уверена, что он говорит правду.

— Спасибо, дружище. Я твоя должница.

— Забудь. Не знаю, как ты это пьешь в три тридцать вечера. Я бы в таком случае бодрствовал всю ночь. Или ты собираешься повеселиться? Планируешь не спать?

— Мы с кофеином хорошо ладим. В любом случае я обычно немного сплю, ну а сегодня меня ждет длинный вечер. — Обычно недели моей бессонницы сменяются неделями беспробудного сна. На этой неделе моя лучшая подруга — бессонница. Судя по всему, я не

очень-то нравлюсь своему телу. Пытаюсь что-то делать с этим, но пока безрезультатно. Раньше я спала четыре-пять часов и на следующий день была, как огурчик. Сейчас, если мне удастся проспать три-четыре часа, я просыпаюсь с чувством, что мне необходимо еще часов этак десять-пятнадцать. Но такова жизнь.

Он скептически смотрит на меня.

— Длинный вечер? Никогда не видел, чтобы ты ходила на вечеринки?

— Я не особо ими увлекаюсь. У меня не так много свободного времени. Вместо вечеринок, я занимаюсь по вечерам. — Делаю большие глаза. — Сумасшедшая, да?

Келлер смеется.

— Понял. Я и сам не большой любитель вечеринок. Так, что ты делаешь сегодня вечером?

— Я занимаюсь с восхитительным десятилетним мальчиком в четыре часа в Миннеаполисе.

Смотрю на часы.

— И если я сейчас же не поеду, то опоздаю.

Он улыбается.

— Счастливый ребенок.

Я улыбаюсь в ответ.

— Нет, это я счастливица. Ты его просто не знаешь.

Он кивает.

— А потом что?

Жалобно стону.

— Мне нужно к понедельнику написать сочинение по литературе по «Повести о двух городах». — Я дочитала только до четвертой главы. Что-то она не особо идет. Так что вечер будет долгим.

Он прищуривается.

— Ты ни разу не читала «Повесть о двух городах?»

Застенчиво отвечаю

— Нет.

Он отталкивается от стойки и проводит руками по своим торчащим во все стороны волосам.

— Не могу поверить в это. Разве есть хоть один человек, который выпустился из школы, не прочитав «Повесть о двух городах»?

Скромно поднимаю руку.

— Ну, наверное, есть. Я.

Он опускает локти на стойку и тихо говорит:

— Это одна из моих любимых книг. Я перечитывал ее, наверное, раз десять. Если хочешь, могу помочь тебе завтра.

Вау, вот это сюрприз. Я, конечно, и так знала, что Келлер парень неглупый. Есть в нем какое-то внутреннее спокойствие. Он — созерцатель, а такие люди обычно всегда смысленные. Но у меня даже и мысли не возникало, что Келлер может увлекаться классической литературой. Боже, я обречена. Он и так адски сексуален, а тут еще и это. Мне нравятся умные парни.

— Я думала, что ты летаешь в Чикаго по выходным?

— Только дважды в месяц. На этой неделе я здесь.

— Хорошо, тогда, — говорю я. — Можно встретиться здесь, завтра в восемь. Или это слишком рано? — Прикусываю губу, надеясь, что я не слишком наглею.

Он расстроено опускает голову.

— О, Кейти, ты меня убиваешь.

Теперь я чувствую себя как идиотка. Ну какой студент встает в такое время в субботу, если только ему не нужно идти на работу или он не страдает, как я, бессонницей. Явно завтра он не работает, если предложил свою помощь.

— Прости дружище, знаешь, что, просто забудь. Это очень мило с твоей стороны, но...

Он обрывает меня:

— Ты не дала мне закончить. — Он все еще стоит, опустив голову и облокотившись локтями в стойку бара, а потом поднимает подбородок и пристально смотрит на меня сквозь свои невероятно длинные, черные ресницы. От вида этих восхитительных голубых глаз у меня чуть не останавливается сердце.

— Я сделаю это для тебя. Только не опаздывай. — Он предупреждающе грозит мне пальцем. — А то я тебя знаю. — Келлер переводит взгляд на часы. Уже три сорок пять. — Кстати говоря, я, конечно, слышал, что ты водишь как маньячка, но тебе лучше поторопиться.

Я потеряла чувство времени... опять. Если сейчас же не уйду, то опоздаю.

— Вот дерьмо. — Быстро иду на выход и уже, взявшись за ручку двери, оглядываюсь назад. — Увидимся завтра... и с меня кофе. — Поднимаю чашку вверх. Еще раз спасибо, дружище. Фантастического тебе вечера.

Он опять приподнимает в улыбке уголки губ и салютует.

— Не за что. И тебе фантастического вечера, Кейти.

Кейт

Звон колокольчика извещает о моем прибытии в восемь десять. Келлер качает головой, недовольный моим опозданием. Но в то же время на его лице сияет улыбка, так что он просто не может быть слишком раздражен.

Кидаю сумку рядом с креслом на двоих, которое уже занимает Келлер. Это самое лучшее место в кофейне, прямо перед камином. Подхожу к нему и грею руки, одновременно пытаюсь отдышаться.

— Прости, дружище. Я десять минут назад проснулась в библиотеке и бежала всю дорогу.

— Почему ты спишь в библиотеке?

— Иногда моя комната занята... но об этом, как-нибудь в другой раз. Я пошла почитать, и, наверное, уснула. В последний раз, когда я смотрела на часы, было около пяти утра. — Наконец-то начинаю чувствовать свои пальцы. Надо бы купить перчатки.

Снимая свитшот, обращаю внимание на Ромеро за стойкой.

— Доброе утро, Ромеро. Как ты?

Он шлет по-дружески теплую улыбку.

— И тебе доброго утра. Я в порядке. А ты?

Улыбаюсь, пытаюсь продраться сквозь сонное царство в своей голове.

— Не жалуюсь. — Перекидываю свитшот через подлокотник кресла и смотрю на Келлера. — Мне нужно кофе. Как насчет тебя? Большой? Черный?

Он смотрит на столик перед собой, на котором стоят две большие чашки кофе и два сдобных пирожных.

— Завтрак уже накрыт.

— А вон то, с вишней? — У меня практически самым натуральным образом текут слюнки. Я вчера пропустила ужин.

— Одно с вишней, одно с яблоком. Не знал, что тебе нравится.

— Келлер Бэнкс, я тебя люблю. — Боже, возможно, я даже именно это и имела в виду... совсем чуть-чуть. Но я настолько голодна и устала, что мне все равно.

Он улыбается и вручает мне вишневое пирожное и кофе.

— Это самый лучший комплимент за все утро. Ром обычно терпит до ленча, а потом уж признается в любви.

Ромеро в это время стоит позади меня, убирая со стола две чашки, а затем протирая его.

— Не слушай этого глупого мальчишку, Кейт.

Келлер разочарованно взмахивает руками.

— Ну, же Ром, замолви обо мне хоть одно доброе словечко перед Кейт. — Ромеро качает головой. — Хоршо, піно. — А потом переводит взгляд на меня. — Келлер для меня, как сын. Он хороший человек, Кейт.

Я искренне улыбаюсь.

— Ну вот, так-то уже лучше, Ром. Впечатляет. За это буду должен тебе и Дэну ужин.

Ромеро хлопает Келлера по плечу.

— Приготовишь свое фирменное фетучини альфредо с курицей, и мы в расчете.

— Хорошо. Только дай знать, когда.

Так приятно наблюдать за их общением.

Я уже практически закончила есть пирожное, когда Келлер поворачивается ко мне, потирая руки.

— Итак, «Повесть о двух городах». Дочитала?

— Нет. Осталось чуть-чуть. — Чувствую, что необходимо извиниться, потому что он пришел, чтобы помочь. К тому же у него такой строгий вид. — Извини.

Келлер отмахивается.

— Все в порядке. Переживем. Просто пообещай, что дочитаешь. — О, опять этот строгий взгляд.

— Дочитаю. — Не люблю чувствовать себя виноватой за недочитанные книги.

— Я хочу сказать, что если начал читать и через несколько глав решил, что это не для тебя — одно дело, но если осилил половину, то пути назад нет. Ты обязан дочитать.

Он пристально смотрит на меня, а я начинаю качать головой.

— Да, знаю-знаю, это глупо.

— Нет. Совсем нет. Я, например, дочитываю даже те книги, которые мне не нравятся с первой страницы.

— Вау, это так мило.

Мне срочно нужно сбросить с себя его чары, поэтому беру сумку и вытаскиваю свой ноутбук.

— Мне нужно написать сочинение о любом герое из книги. Цель задания: научить нас это делать убедительно. В первой части нужно заставить читателя поверить в положительные качества героя, во второй — в отрицательные по тем же самым причинам. Что-то наподобие адвоката дьявола. Все зависит от того с какой точки зрения посмотреть.

Мне нравится, что Келлер никуда не торопится, что он слушает меня, а не просто делает вид. Он присутствует. И так каждый раз, когда я разговариваю с ним. Люди очень редко делают это. Он гладит пальцами явно, небритый несколько дней, подбородок.

— Гм, интересно. Есть где развернуться. И о каком герое ты собираешься писать?

— А кого бы выбрал ты? — Отличная возможность взглянуть на него с еще неведомой мне стороны. Келлер — книжный червь даже еще сексуальнее, чем обычный Келлер. А обычный Келлер очень, очень сексуальный.

Он выгибает бровь.

— Это твое задание, сначала ты скажи мне, а потом я тебе.

— Сидней Картон.

— Почему? — произносит он низким, мягким голосом, вызывающим желание говорить без остановки. Этот голос вытягивает из меня всю необходимую информацию с невероятной легкостью.

— Потому что, он задница.

Келлер смеется.

— Все понятно.

— Что? Так оно и есть.

— Я не спорю. И? — Он опять подталкивает меня говорить.

— И... поэтому он мне понравился. Он полон пороков. Но знаешь, из всех героев он был и самым человечным. Люди делают ошибки, поэтому ему я верю больше всего. А еще он чертовски сообразительный. Никогда не думала, что юристы могут быть такими сексуальными, но теперь поняла, что что-то упустила в жизни. Я типа влюбилась в него.

Он ухмыляется на последней фразе.

— Иронично.

— Чего?

Все с той же дьявольской ухмылкой Келлер качает головой.

— Ничего. Думаешь, сможешь эффективно представить обе стороны Сиднея?

Пожимаю плечами.

— Конечно. Я всегда воспринимаю человека как одно целое, со всеми его хорошими и плохими сторонами... Я все вижу, но стараюсь, чтобы это не влияло на мое суждение о человеке. Люди — сложные существа, так же как и сама жизнь.

На какой-то момент в глазах Келлера появляется отсутствующее выражение, но оно исчезает так же быстро, как и появляется.

— Очень важно, чтобы ты дочитала книгу до того, как начнешь писать сочинение. Не хочу раскрывать интригу, но вполне возможно, что ты по-другому посмотришь на него, закончив ее.

Я сижу в пол-оборота к Келлеру, нога согнута в колене и лежит на маленькой подушечке. Моя голень касается его бедра.

— Так и сделаю. — Слегка толкаю его колено ногой. — Так, что насчет тебя, Профессор Бэнкс? Какого героя выбрал бы ты?

— Тоже Сиднея. Вопреки всему, он изумителен. — Он выгибает бровь. — Как бы странно это ни звучало. Меня всегда интриговало то, что он делает в конце книги. То, что заставляет его это делать. Наверное, какое-то очень сильное чувство.

Мои брови поднимаются под стать его.

— Дружище, ты возбудил мое любопытство.

— Ты можешь пожалеть об этом, — говорит он, как будто предупреждая.

— Не могу не спросить. Ты специализируешься в английской литературе? Определенно, она тебе нравится.

На его губах появляется полугрустная, полуозорная улыбка.

— Хотел бы... но я готовлюсь к юридической школе.

Прикрываю глаза ладонью, сожалея о своем комментарии по поводу сексуальности юристов. Лучше было бы промолчать по поводу влюбленности в Сиднея Картона.

Келлер смеется и спасает меня от необходимости что-то говорить, задав вопрос о моей специализации.

С облегчением убираю ладонь с глаз.

— Специальное образование.

Он кивает.

— Хорошо. Только, наверное, тебе стоит выбросить из своего лексикона некоторые словечки, когда станешь преподавателем.

Несмотря на все усилия, краснею.

— Я знаю, дружище. Плохая привычка. Вот, что происходит, когда всю свою жизнь тусуешься с парнями.

Неожиданно позади меня раздается голос, и я в испуге подпрыгиваю на месте.

— Келлер Б, что новенького?

Келлер переводит взгляд на молодого человека, стоящего за креслом. Они оба поднимают подбородки, как это делают парни, когда им слишком тяжело сказать «привет».

— Ничего. — Келлер поворачивается и представляет меня: — Иеремия, это Кейт.

Иеремия лениво протягивает мне руку.

— Как дела, Кейт? — Осмотрев его с головы до ног, я улыбаюсь. Иеремия первый человек в Миннесоте, от вида которого меня пробрала тоска по Калифорнии. В Лос-Анджелесе я бы прошла мимо и даже не обратила бы на него внимания, но здесь он бросается в глаза. У него явно крашенные черные волосы, стрижка под машинку, нависшие над темно-коричневыми глазами веки. Губу и нос украшает пирсинг, а в ушах тоннели. На нем черное шерстяное пальто в стиле эпохи гражданской войны из-под воротника которого виднеется татуировка, заканчивающаяся где-то в районе шеи.

На костяшках пальцев татуировки в виде букв, но я не могу прочитать, что они означают. Его черные джинсы заправлены в высокие черные зашнурованные солдатские ботсы.

— Привет, Иеремия. Отличное пальтишко, приятель.

Судя по его улыбке, он удивлен комплименту.

— Спасибо. — Его взгляд возвращается к Келлеру. — Ты собираешься сегодня на концерт «Reign» в Милуоки?

— Не, Дункан забрал «Зеленую Машину», да и в любом случае, туда сильно далеко ехать. — Разочарование на его лице очевидно.

Иеремия медленно кивает.

— И я тоже. Нет денег. — Кончиками пальцев он стучит по подлокотнику кресла. — Ну, я лучше пойду. Увидимся, бро. — Лениво машет мне на прощанье. — Рад был познакомиться, Кейт.

Киваю в ответ.

— И я тоже, Иеремия. Не переживай.

Когда Келлер поворачивается ко мне лицом, я вижу, что чувство разочарования не покинуло его. Такое ощущение, что я смотрю на ребенка, которому ничего не подарили на рождество.

— Что это за «Зеленая Машина»?

— Мой Субурбан. Мы с Дунканом вместе им пользуемся.

— Понятно. А кто играет в Милуоки?

Он пожимает плечами. «Reign to Envy». Моя любимая группа.

Быстро прокручиваю в голове свой музыкальный список и обнаруживаю как минимум две знакомые песни. Они очень даже ничего. Если бы у «Deftones» и «The 69 Eyes» появилось бы дитя любви, то это были бы «Reign to Envy». Они играют рок, довольно тяжелый, немного дарк (прим. смесь различных стилей: готического, альтернативного рока, хеви-метал), но не настолько, чтобы не получить ротацию на радио. Группа пока не сильно раскручена, но быстро набирает популярность.

— Я слышала несколько песен. Хорошая группа.

— Даа.

— Тогда стоит сходить на их концерт. Я поведу, если ты оплатишь бензин и билеты. У меня только пять баксов, но обещаю все вернуть тебе, как только получу зарплату в пятницу. — Теперь, когда эта идея уже возникла в моей голове, не знаю, что буду делать, если он откажется. Мне срочно нужно удовлетворить свою концертную ломку.

Келлер отмахивается.

— Кейти, Милуоки в шести часах езды.

— И? Сейчас только девять часов утра, Келлер. Мы можем выехать в два и к восьми

будем на месте.

Келлер явно ведет ожесточенную внутреннюю битву с самим собой. Это видно по его глазам.

— Я не могу. У меня столько дел, а еще нужно заниматься. У меня тест в понедельник утром.

— Правда? А мне нужно написать сочинение по книге, которую я еще не прочитала. Клянусь, к завтраку ты уже будешь дома.

Ну не может все быть настолько плохо, как он это представляет. Келлер прекращает грызть ногти и зарывается руками в волосы, убирая их со лба.

— Это просто сумасшествие. — Он вот-вот согласится, я это чувствую. Келлер смотрит мне прямо в глаза, и я практически вижу, как желание поехать распирает его изнутри. — Ты всегда такая импульсивная? — Складывается ощущение, что жизнь Келлера разложена по полочкам и подчинена строгому распорядку. Он ничего не делает спонтанно.

— Нужно ловить удачу за хвост, дружище. Ты когда-нибудь видел их вживую?

Он опять кусает ногти, и впервые я замечаю, что они практически искусаны под корень. Так же как мои.

— Нет

Это все решает. Я закрываю ноутбук и кладу в сумку.

— Тогда тебе просто необходимо это сделать. Я не приму отрицательного ответа. — Встаю и надеваю свитшот. — Потому что позже ты пожалеешь об этом. — Закидываю сумку на плечо. — А я не хочу, чтобы ты жалел. — Хватаю свою чашку кофе и, проходя мимо, слегка задеваю его колено своим. — Спасибо за завтрак и за помощь. Ты мой герой, Келлер Бэнкс. Теперь иди заниматься. Я заеду за тобой в два часа.

Ну, конечно же, я подъезжаю к дому Келлера только в два пятнадцать. Он уже ждет снаружи с перекинутой через плечо сумкой. Черт, как он хорош в образе обычного Келлера: черные конверсы, зауженные темные джинсы, теплая футболка с длинным рукавом и черная толстовка. Простенько, но со вкусом. Он всегда так выглядит, не пытается привлечь к себе внимание, но по иронии судьбы, все происходит с точностью до наоборот. Наверное, тяжело быть красавчиком.

Когда Келлер садится в машину, замечаю, что на нем очки в черной оправе. Он объясняет, что носит их вечером, когда вынимает линзы. От этого его голубые глаза кажутся еще ярче, а уж в обрамлении очков... от них невозможно оторвать взгляд. Меня уже очень, очень, очень давно ни к кому так не тянуло. Келлер просто убивает меня.

— Хорошая машина, Кейти. Турбовая. Могу поспорить, что и быстрая.

Кажется, он впечатлен.

— Мы хорошо ладим. Только это имеет значение, — шучу я.

Келлер пристегивается, а на его лице появляется хмурый взгляд, свидетельствующий о том, что мои слова звучат явно неубедительно для него. — Шел сказала мне, и тут я цитирую «Кейт Седжвик, черт возьми, самый ужасный водитель на земле» — Так что, мне нужно бояться?

— Все будет хорошо. Верь в меня. — Подмигиваю ему. — К тому же, у меня большие планы на ближайшие месяцы, так что смерть не в моих планах.

Мы выезжаем на трассу, и я начинаю ехать с привычной для себя скоростью. Кажется, мое вождение не особо беспокоит его. И он не притворяется, иначе бы я сразу это поняла. Когда Келлер нервничает, то кусает ногти. Я знаю это, потому что сама так делаю.

— И давно у тебя эта машина? Она тебе нравится? — Ему действительно это интересно.

— Она у меня всего несколько месяцев, и я ее обожаю. Раньше у меня был минивэн.

Келлер начинает хохотать.

— Минивэн?

Я улыбаюсь и угрожающе хмурюсь.

— Эй, приятель, что ты имеешь против минивэна? Я любила свою Старенькую Блю. Она была моей первой машиной. Мы с ней не расставались. Она была вроде как средством первой необходимости. Но это долгая история.

Келлер, защищаясь, поднимает руки.

— Хорошо, хорошо.

— Когда я приняла приглашение в Грант этим летом, мой друг сказал, что Старенькая Блю навряд ли сможет ездить по снегу, потому что у нее передний привод. Ну, ты понимаешь. Поэтому я продала ее и купила машину его тети. Она полноприводная, так что все должно быть в порядке, если выпадет снег, ведь так?

Келлер качает головой.

— И когда это ты успела размякнуть, Кейти. Я думал, ты сильная, независимая женщина. А ты боишься снега.

Широко открываю.

— Дружище, я не размякла. Я из Южной Калифорнии. Я выросла в неволе и никогда вживую его не видела.

Он смеется и гладит меня по руке, приободряя.

— Ну, зимы не так уж и страшны. Когда выпадет много снега, я научу тебя ездить. Это несложно.

Разговор прекращается и Келлер лезет в сумку, чтобы достать учебник по праву, толще, чем Библия. Весь оставшийся путь он сосредоточенно его изучает, оторвавшись лишь один раз, чтобы спросить, чем я люблюсь в зеркало заднего вида.

— Закатом, — отвечаю я.

Он оглядывается, чтобы посмотреть. Свет уходящего солнца отражается в стеклах его очков.

Это того стоит. Снизу горизонт оранжевый, а сверху розовый, как будто небо покраснело в потугах вытолкнуть солнце.

Когда, наконец, темнеет, Келлер возвращается к своей книге, а я полностью сосредотачиваюсь на дороге. Я не сказала ему, но я рада, что он разделил его со мной.

Благодаря отсутствию машин на трассе и превышению скоростного режима, мы въезжаем в Милуоки в семь сорок пять.

Выступление было великолепным. Оказалось, что я знаю многие их песни, просто была не в курсе, что это одна и та же группа. Фронтмен невероятно энергичен. Он весь вечер бегал с одного конца сцены в другой и пару раз падал в толпу. Это напомнило мне о Гасе. Гас феноменальный фронтмен.

Мы с Келлером не пили, но это не помешало нам прыгать и подпевать каждой песне. Толпа заразилась настроением группы, поэтому атмосфера была кипучая. Нам пришлось постоянно держаться за руки, чтобы постоянно движущаяся толпа не разделила нас. К финальной песне нас просто смело, и мы оказались прямо перед сценой. Певец взял гитару и выложил по полной. В конце песни, он нагнулся, подмигнул и вручил мне свой медиатор. МНЕ!

Когда мы вышли на улицу, я отдала его Келлеру.

— И посмей только сказать, что я никогда ничего тебе не дарила. — У меня стоит такой гул в ушах, что голос звучит как-то очень отдаленно. В конце концов, это его любимая группа. К тому же, он играет на гитаре, в отличие от меня.

Сев в машину, Келлер так и продолжает смотреть на медиатор. О, мои бедные уши. Интересно, смогу ли я хоть что-то слышать сквозь этот гул.

Келлер смотрит на меня блестящими глазами, а на его губах сияет огромная улыбка.

— Спасибо, Кейти. За то, что поехала. За то, что заставила меня поехать. Это лучшее шоу, на котором я побывал. Я так не веселился, — он делает паузу и пожимает плечами, — никогда. — Я подозревала, что Келлер не часто расслабляется. Полагаю, что была права.

— Отличное шоу. Теперь я тоже фанатка «Reign to Envy». Спасибо, приятель.

Выезжаю с парковки и смотрю на часы на приборной доске. Двенадцать тринадцать утра.

— Я бы сам никогда не пошел на такую авантюру. Я восхищаюсь твоей непосредственностью, Кейти. Я так не могу.

Толкаю его локтем.

— Мне жаль это говорить, но ты только что это сделал. Если бы я не была импульсивной, то пропустила бы лучшие моменты своей жизни. Честно сказать, я стараюсь не сильно заикливаться на будущем. Я фанат настоящего.

— А я всегда смотрю в будущее, — неожиданно серьезно говорит он. — Не могу позволить себе иного. Будущее — все, что у меня есть.

— Иногда оно слишком переоценено. — Или пугает.

— Не для меня.

— Я не говорю, что не нужно добиваться целей и стараться сделать мечты былью. Просто не стоит жертвовать настоящим ради неизвестного будущего. Люди пренебрегают счастливыми моментами в жизни, откладывают их на потом, на будущее, которого у них может никогда и не быть. Так что не упusti сегодня ради завтра, за которое нельзя поручиться.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

К этому времени мы уже вырулили на трассу и направляемся домой. Несколько минут мы наслаждаемся тишиной. Голова Келлера покоится на подголовнике сиденья, а сам он пристально смотрит на меня сквозь опущенные веки. Я это чувствую.

— Откуда ты?

Пожимаю плечами.

— Сан-Диего.

Он качает головой, потому что это не тот вопрос, на который я должна была дать ответ. Он был риторическим. И я это понимаю.

— Ты скучаешь?

Задумываюсь на секунду.

— Не особо. Только по своему лучшему другу, Гасу, но он сейчас путешествует, так что его все равно там нет. Еще иногда я скучаю по пляжу. Серфингу.

— Ты катаешься на серфе?

— Конечно. — И почему это так удивляет людей?

— Да ты крепкий орешек, мисс Калифорния.

Закатываю глаза.

— Как скажешь, приятель.

— Так Гас твой парень?

— Не, мы дружим с детства.

— Ты всю свою жизнь дружишь с парнем? — Как будто такого никогда не бывает.

— Конечно. Что в этом странного?

Он хитро улыбается.

— Не пойми меня неправильно, но если бы у меня была лучшая подруга, как ты, мне бы пришлось очень постараться, чтобы сохранить дружеские отношения. Он гей?

При мысли об этом мне становится смешно.

— Я была бы только рада, но нет, он определенно не гей.

— И он никогда не подкатывал к тебе?

Улыбаюсь, раздумывая стоит ли отвечать на этот вопрос.

Он вытягивает ноги, а потом кладет одну из них на колено.

— Подкатывал. Вижу по твоим глазам.

Мы с Келлером друзья и сейчас, после совместного путешествия, я чувствую некую близость с ним, поэтому решаю открыться. Мне нечего скрывать или стыдиться.

— Я не знаю, кто начал первым. Но в последнюю ночь в Сан-Диего мы... — Пытаюсь подобрать слова, которые не звучали бы слишком пошло, — мы зашли немного слишком далеко.

Незамедлительно следует вопрос.

— Сейчас вы не вместе? Ты не считаешь его своим парнем?

Качаю головой.

— Нет.

Он приподнимается в кресле, чтобы лучше видеть меня.

— Хорошо, ты говоришь мне, что у тебя был секс с лучшим другом в последнюю ночь перед отъездом из Сан-Диего в Грант?

Съеживаюсь, представляя, что Келлер, должно быть, думает обо мне.

— Да.

— И вы не вместе, а все еще лучшие друзья? — Он искренне пытается понять, как такое может быть.

— Да. И это не секс по дружбе.

— Секс по дружбе — миф. Ты же это понимаешь? В такой ситуации, обе стороны всегда увлечены друг другом, просто не могут в этом признаться самим себе.

Киваю.

— Возможно, ты прав. Но в моем случае, просто так получилось. Это был одноразовый секс.

— И, по-твоему, это не странно?

Поднимаю взгляд на Келлера, чтобы посмотреть, не нашел ли он у меня третий глаз.

— Нет. Знаю, это трудно понять и, может быть, бессмысленно, но наша дружба пережила гораздо большее. Я думаю, что мы могли бы справиться с любыми трудностями и стать только ближе друг к другу. — Пожимаю плечами. — Вообще, я не шлюха, которая спит с каждым встречным парнем, Келлер.

Он смеется.

— Я так не говорил.

— Я знаю, но давай, дружище, признайся, что ты меня осуждаешь. — Я не наезжаю на

него, просто хочу узнать, что он обо мне думает.

Несколько секунд он молчит.

— Ты права, я тебя осуждаю, но не за то, что ты думаешь. Я не знаю этого парня, но надеюсь, что он понимает, как ему повезло, что он может назвать тебя своим лучшим другом. И я не говорю о сексе.

Улыбаюсь.

— Я бы сказала, что мы оба абсолютно точно знаем, как нам повезло, что мы есть друг у друга.

Он кивает.

— Хорошо. Никогда не принижай себя, Кейти. Ты умная, веселая, красивая. И самое лучшее в тебе то, что ты такая, какая есть. Надеюсь, что парень, которому ты однажды отдашь свое сердце, будет по-настоящему этого заслуживать.

— Спасибо, Келлер.

Он зевает.

— Всегда пожалуйста. — Уголкем глаз ловлю его улыбку. — Разбуди меня где-то через час, и я поведу. Спокойной ночи, Кейти. — Он поворачивается к окну и меньше чем через минуту начинает потихоньку храпеть.

Я продолжаю улыбаться еще очень долго. Обычно я не воспринимаю комплименты, но иногда правильный человек говорит правильные слова, которые долго греют душу.

Воскресенье, 9 октября

Кейт

Сейчас Гас в автобусе, направляется на вечернее выступление в Нью Йорке.

Чуть раньше он прислал мне смс, что они прокололи колесо утром, поэтому отстают от расписания. Когда он в автобусе, проще обмениваться смс, потому что разговоры в таком случае вряд ли бы сохранили свою приватность. Закончив ланч, отвечаю ему.

Я: *Уже приехали?*

Гас: *Еще три часа.*

Я: *Дерьмово.*

Гас: *Да.*

Я: *Вчера ходила на концерт «Reign to Envy» в Милуоке.*

Гас: *И как?*

Я: *Ну, они, конечно, не «Rook», но тоже ничего. Теперь я их фанат.*

Гас: *Слышал, что у них хорошее шоу.*

Я: *Да.*

Гас: *Ведутся разговоры об еще одном туре по Америке. В конце весны. Больше городов.*

Я: *Замечательно.*

Гас: *После Европы.*

Я: *ЧТО??!! ЕВРОПА!!*

Гас: *Утром приняли окончательное решение. В середине января. Я все еще в шоке. Хочешь поехать?*

Я: *Ха! Конечно. Но тебе придется делать это одному.*

Гас: *Середина января. Так далеко я больше не загадываю.*

Кейт

Вчера ночью выпал снег. Не могу поверить в это. Я думала, что зима начинается в декабре, а сейчас только октябрь. Начало октября!

Я намеренно бойкотировала приближение холодов и думала, что отложив покупку зимнего пальто, смогу отсрочить неизбежное. Знаю, звучит глупо, это просто психологическая уловка. Но снежная Немезида оказалась грозным противником.

Доехав до одного из комиссионных магазинов в Миннеаполисе, я поняла, что в этой битве я проиграла. Крепко вцепившись в руль, я двигалась со скоростью черепахи, несмотря на то, что дороги были едва припорошены, а не покрыты корочкой льда или еще хуже того — занесены снегом. Я не готова к этому. Чтобы привыкнуть к такому дерьму мне нужно время, много времени.

Усилия вознаграждаются, когда я приобретаю за пять долларов в отделе для парней утепленное шерстяное пальто с меховым воротником в голубую и зеленую клетку. Оно мне как раз и даже новое. На нем еще висят этикетки. И оно такое теплое.

Не могу дождаться, чтобы показать его Клейтону. Он определенно одобрит покупку. Так приятно осознавать, что есть человек, которому нравится мое странное чувство стиля.

За тридцать минут до встречи с Питом и Эвелин в столовой, получаю смс от Гаса:

«Можешь говорить?»

Шугар дома нет, поэтому отвечаю:

«ДА!!»

Через несколько минут вижу на экране телефона глупо улыбающегося Гаса.

— Конничива, как кочевая жизнь?

— Ну, Джейми весь день обыгрывал меня в покер, а Франко все утро провел в туалете после вчерашнего пива. Так что все просто фантастически, Опти. Фантастически.

— А как погода?

— Мы в Остине. Приехали около часа назад. Температура, наверное, градусов восемьдесят.

— Жаль, что не могу сказать того же. — Вздыхаю я. — Только подумай: вчера шел снег. Я видела настоящие снежинки, черт возьми. — Пытаюсь, чтобы голос звучал недовольно, но ничего не получается, потому что я так счастлива, что разговариваю с Гасом. Я знаю, что у меня осталось немного времени, поэтому нужно попытаться взять от жизни все.

Он смеется.

— Правда?

— Да, в октябре. Разве снег не против правил, по крайней мере, до декабря?

— Ты задаешь вопрос не тому человеку, подруга. Холодно?

— Да, мне пришлось купить сегодня зимнее пальто. Хотя для местных погода, скорее всего, вполне ничего и для футболок. Клянусь, они рождаются с геном, который делает их невосприимчивыми к жаре и холоду. Это невероятно.

Гас смеется, но неожиданно его голос становится серьезным. — А что насчет сапог? Ты купила их? Тебе понадобятся сапоги. — Так смешно, когда он ведет себя как папочка.

— Стоп. Достаточно и пальто. Не хочу покупать еще и сапоги. Мне нужно время, чтобы привыкнуть. Может быть, в следующем месяце. — Но правда в том, что мне придется

покупать новые сапоги, потому что я брезгливо отношусь к поношенной обуви. А для этого нужно поднакопить денег.

— Ты права, будешь быстрее бегать, — шутит Гас.

— Нужно ли мне напомнить тебе, что этой зимой у тебя турне по США, и оно охватывает холодные северные штаты? Знаешь, тебе тоже придется прикупить теплое пальто.

Он громко выдыхает через крепко сжатые зубы.

— Знаю. Я все еще на стадии отрицания.

— Отрицание, это конечно, хорошо, но нельзя жить так вечно, дружище. — Может, стоило бы прислушаться к собственному совету?

— Опти, ты цитируешь Конфуция или Джона Кеннеди? Звучит знакомо. — Даже не видя его, я знаю, что он нацепил на лицо глупое выражение, которое всегда веселило меня.

— Дружище, думаю, это слова Йода из Звёздных Войн. Эпизод V: Империя наносит ответный удар.

Мы оба разражаемся смехом. Гас и Грейс обожали Звездные Войны. Мы смотрели их столько раз, что я сбилась со счета.

Отсмеявшись, он говорит:

— Опти, меня уже зовут. Думаю, все готовы к саундчеку. Извини, но не могу больше говорить. Я просто хотел услышать твой голос.

— Не переживай. Звони.

— Ты тоже.

— Люблю тебя, Гас.

— И я тебя.

— До встречи.

— До встречи.

Кейт

Вернувшись домой после обеденной лекции, обнаруживаю на двери стикер: «Посылка для Кейт Седжвик на стойке администратора». — Вроде бы, почерк Джона. Странно.

Забираю посылку. Думаю, это какая-то ошибка. Отправитель — онлайн компания спортивных товаров, о которой я никогда не слышала.

Вернувшись в комнату, открываю коробку. Внутри, под двумя слоями белой упаковочной бумаги лежат высокие, легкие, теплые зимние сапоги.

Нахожу карточку.

«Носи на здоровье. Хорошо, что мы не на твоем месте. С любовью, Гас и Одри»

Быстро снимаю туфли, чтобы примерить обновку. Как раз. Сразу же появляется чувство, что ноги завернули в меховое пальто. Они такие теплые. Я счастлива, как будто выиграла в лотерею. Никогда бы не смогла купить их сама.

Звоню обоим, но натываюсь на автоответчики. Оставляю огромные «спасибо».

Я очень благодарна им, и не только за сапоги, а просто за то, что они есть в моей жизни.

Кейт

По дороге из столовой получаю смс от Клейтона:

«Пошли сегодня в Спектэкл? Очень тебя прошу»

Мы уже давно нигде не зависали вместе, поэтому соглашаюсь.

Как обычно, Спектэкл забит под завязку. Моррис работает, поэтому большую часть вечера Клейтон в моем личном пользовании. Я скучала по нему. Мы поем, танцуем и смеемся. Не успеваем оглянуться, как уже два часа утра: время закрытия.

Ждем, пока Моррис все закроет, чтобы вместе пойти к парковке.

Как только выходим на улицу через заднюю дверь, Моррис вспоминает, что забыл телефон в офисе.

— Я быстро. Ждите меня на дороге. Не хочу, чтобы вы стояли здесь.

Улицу освещает только одна тусклая лампочка над дверью. Темно. И страшно.

Хватаю Клейтона за руку, и он немного расслабляется. Мы даже не сделали и десяти шагов, как я увидела двух парней, медленно идущих по дороге, к которой мы направляемся. Увидев нас, они останавливаются. Я начинаю покрываться мурашками. А когда они поворачиваются и идут к нам, мое сердце уходит в пятки. Я испугана.

Когда один из них открывает рот, я понимаю почему.

— Посмотри-ка кто у нас тут. Молоденький пидорок.

Первым делом молюсь. Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы они не причинили нам вреда. А потом начинаю кричать и поворачиваюсь, чтобы бежать, одновременно толкая Клейтона впереди себя.

Буквально через пять футов оба мужчины берут Клея в тиски.

Я в панике, но не замираю на месте. Вместо этого начинаю орать как бешеная,

— Прекратите! Отстаньте от него, ублюдки! Прекратите. — Прыгаю одному из парней на спину, поднимаю правую руку и бью его в ухо, так как это, на мой взгляд, самое больное место до которого я могу дотянуться. От него сильно пахнет алкоголем и у меня скручивает желудок. Под моим весом он спотыкается.

Восстановив баланс, отдирает мои руки со своей головы и скидывает на землю.

— Сучка!

Падение на бок выбивает весь воздух из легких. С хрипом, пытаюсь сделать хоть один вдох. Перед глазами темнота, должно быть, я повредила голову. Кожа на щеке содрана. Резкие, короткие вспышки боли пронзают живот, бедра и прекращаются еще до того, как я понимаю, что он пинает меня. Потом ублюдок поворачивается к Клейтону. Я смутно вижу, что второй мужчина сидит на Клейтоне, зажимая его коленями. Просовываю руку в сумку, висящую у меня на груди и достаю перцовый баллончик. Крепко его сжимаю и брызгаю в лицо своему нападавшему, пока он не присоединился к дружку. Он начинает кричать и тереть руками обожженные глаза.

Кидаюсь к мужчине, держащему Клейтона, и пинаю его со всей силы в бок.

— Слезь с него, ты, сукин сын! — Пинаю его снова и снова. Не могу брызнуть в него из баллончика, потому что есть риск задеть Клейтона. Но он хотя бы перестал его бить. Вместо этого ублюдок хватается за ногу и сбивает с ног.

Вдруг раздается голос Морриса:

— Убери от него руки, козел. — Со своего места я вижу, как Моррис расстегивает пиджак и достает пистолет.

Парень поднимает руки и медленно встает. Мой нападавший начинает пятиться назад. Даже у пьяных идиотов есть чувство самосохранения.

Голос Морриса кажется сдержанным, но ярость так и сочится из него.

— Убирайся отсюда, или клянусь Богом, я отстрелю вам бошки.

Они поворачиваются и, не оглядываясь, убегают.

Моррис садится на колени и помогает Клейтону, держащемуся за ребра, сесть.

Нежным, мягким голосом, но с трясущимися руками, он спрашивает:

— Ты в порядке, моя любовь?

Щеки Клейтона мокрые от слез.

— Ага, дай мне минуту. — Он ощупывает себя. — Ничего не сломано. Просто болит.

Это не убеждает Морриса.

— Нужно поехать в больницу, Клейтон.

Клейтон хлюпает носом. Слезы уже прекратились.

— Дорогой, меня били много раз, так что поверь, я знаю, нужен мне госпиталь или нет. По шкале ударов, я бы поставил им четвертку. Скорее всего, будет пара синяков на ребрах. Через несколько дней я буду в порядке.

Меня тошнит, и сердце бьется как сумасшедшее. Я видела, что Клея били, но не видела насколько сильно.

— Нужно позвонить в полицию. Нельзя позволить им остаться безнаказанными.

Клейтон смотрит на меня так, как будто я говорю чушь.

— Кэтрин, мой парень только что угрожал оружием. Так что это не лучшая идея. К тому же, мы даже не знаем, кто эти парни. Это случайное преступление на почве ненависти. Если мы вызовем копов, то просто потратим время зря.

Сажусь на колени рядом с Клейтоном и стираю кровь с его нижней губы своей футболкой.

Клейтон хватается за руку.

— Кэтрин, не надо. Ты загубишь футболку.

Моя рука трясется в его.

— Клей, футболка — последнее, что меня беспокоит сейчас. — Я только что наблюдала за тем, как один из моих любимейших друзей был избит за свою сексуальную ориентацию. Людское невежество и склонность к насилию убивают меня.

— Но это твоя любимая футболка. Она великолепно сочетается с цветом твоей кожи.

Закатываю глаза, потому что только Клейтон мог сказать нечто подобное в такой момент.

— Дружище, я могу купить другую футболку. А вот ты другую губу нигде не достанешь.

Он фыркает, но позволяет мне закончить начатое.

Моррис с диким выражением лица смотрит на Клейтона. Он абсолютно не понимает, что делать дальше.

— Мне так жаль. Я не должен быть позволять вам идти одним так поздно. — Его темные обеспокоенные глаза находят мои. — Ты в порядке, Кейт?

Вместо этого я показываю на пистолет и отвечаю вопросом на вопрос:

— Ты всегда носишь это с собой?

— Только когда работаю допоздна. Не думал, что когда-нибудь он мне понадобится. —

Он сжимает кулаки и выглядит при этом так, как будто готов кого-нибудь убить.

Клейтона ощутимо трясет. Аккуратно, чтобы не причинить боль, обнимаю его.

— О, Клей. Мне так жаль, что я не смогла тебе помочь.

Он отстраняется и заглядывает мне в глаза.

— Кэтрин, если бы тебя тут не было, я, скорее всего, уже был бы мертв. Ты одна из самых смелых людей, которых я встречал. Ты так напугала меня, когда прыгнула на спину этого варвара. А когда он сбросил тебя, у меня чуть не остановилось сердце. Ты ранена? Ударилась головой? Может, тебе нужно в больницу?

У меня болит спина и пульсирует в голове, но, тем не менее, говорю:

— Я в порядке, дорогой. — Целую его в лоб, встаю и помогаю подняться Клейтону. Больница — последнее место, в которое я бы хотела направиться, особенно когда доктора начнут задавать вопросы.

Клейтон смотрит на Морриса.

— Мне, наверное, нужно ехать домой. У меня тест по истории через несколько часов.

Моррис нежно гладит Клейтона по щеке.

— Что я могу для тебя сделать?

Клейтон мило улыбается.

— Ты можешь поцеловать меня, сказать, что любишь, и проводить до машины Кэтрин.

Он так и делает.

Доехав до общежития, мы идем в мужской туалет, где я умываю его.

Осматриваю глаза, и свои, и Клейтона, на случай сотрясения. Ничего. Все нормально.

Потом помогаю ему дойти до комнаты. Несмотря на то, что мы пытаемся все сделать тихо, Пит просыпается. Увидев нас, на его лице появляется встревоженное выражение. Я не виню его; мы все грязные. Пока я помогаю Клейтону надеть пижаму — потому что у него так болят ребра, что он даже не может поднять руки над головой — Пит достает из мини-холодильника лед и заворачивает его в полотенце. Потом передает мне, глазами спрашивая, что случилось, но вслух не произносит ни слова. Я прошу его вернуться в постель и обещаю рассказать о произошедшем завтра. Пит грустно кивает, ложится в кровать и накрывается одеялом, не отводя от нас обеспокоенных глаз. От прикосновения льда к губам и щеке, Клейтон вздрагивает, но тут же выдыхает, потому что холод приносит хоть какое-то облегчение.

Целую его в лоб.

— Спокойной ночи, Клей. — Я до ужаса устала, как мысленно, так и физически. Мне нужно в постель.

Возле двери до меня доносится шепот Клейтона:

— Кэтрин?

Шепчу в ответ:

— Да?

— Спасибо тебе. Никто никогда не заступался за меня.

У меня сжимается сердце.

— Всегда рада помочь.

— Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю. А теперь отдыхай.

Кейт

Утром на работе меня встречают две пары чрезвычайно обеспокоенных глаз.

Они пристально изучают синяк, который за ночь налился с левой стороны лица от виска до скулы. Он уже не так сильно болит, но смотрится внушительно. Что болит, так это тело... все. Если бы я могла поставить себе капельницу с ибупрофеном, то так бы и сделала. Я проспала почти четыре часа, но утром, выбравшись из постели, чтобы пойти на занятия, обнаружила, что тело недовольно мной на каком-то ином, новом уровне. Нет необходимости говорить, что сегодня мы с ним не на одной волне.

Надеюсь, что однажды мы все-таки помиримся.

В глазах Клея стоят слезы.

— О, Кэтрин, мне так жаль. Посмотри на свое лицо.

Я не видела его со вчерашнего дня. Когда уходила утром на занятия, он еще спал, а когда заглянула к нему в районе обеда, его уже не было.

— Клей, как ты себя сегодня чувствуешь? — Не хочу говорить о себе.

— Как будто по мне проехали катком и оставили умирать на обочине.

Могу себе представить.

— Без обид, но именно так ты и выглядишь. — Порезы на лице выглядят уже не так ужасно, как вчера, но нижняя губа и правая щека все еще опухшие и радуют взгляд странными оттенками красного и фиолетового.

Клей улыбается.

— Я просто хотел поблагодарить тебя еще раз за все, что ты вчера для меня сделала.

— В этом нет необходимости, Клей.

Он целует меня в целую щеку.

— Есть. Ты первый настоящий друг в моей жизни, Кэтрин. Однажды я стану пожилым безукоризненно одетым джентльменом и буду проводить все свободное время в кресле-качалке. Оглядываясь назад, на свою великолепную и успешную жизнь, я буду знать, что судьба была благосклонна ко мне, подарив лучшего друга, о котором можно только мечтать.

Если я открою рот, то начну плакать. Поэтому просто киваю.

Клейтон поворачивается и пожимает руку Шелли.

— До встречи, королева танцпола, — говорит он и уходит.

Шелли даже не пытается скрыть переживание во взгляде.

Я знаю, по тому, как она смотрит на меня, что Клей ей все рассказал. Я бы предпочла, чтобы никто не знал, но, по крайней мере, не мне пришлось излагать вчерашние события.

— Шелли, я в порядке. Может, поговорим сегодня о чем-нибудь другом? — Улыбаюсь, чтобы она знала, что я не пытаюсь быть сукой. — Давай приступать к работе.

Она кивает, и я знаю, что ей до ужаса, хочется что-нибудь сказать, но она молчит. За это я ее обожаю.

— У меня сегодня несколько доставок. Ты справишься со всем одна?

— Конечно. — Когда она подходит к двери, я добавляю, показывая на свое лицо: — Пожалуйста, не говори ничего Келлеру. Меня весь день преследовали жалостливые взгляды. — Сомневаюсь долю секунды, а потом говорю: — Похожие на твой. — Она отводит глаза. — Я чувствую себя неуютно от этого. Ненавижу жалость. Она высасывает из меня

жизнь. — Это действительно так.

Шелли громко вздыхает. Судя по звукам, она скорее приняла поражение, чем раздражена. Через несколько секунд Шелли кивает головой и выходит за дверь.

Я погружаюсь в работу. Сегодня я медленнее, чем обычно, двигаясь со скоростью девяностолетней старушки, восстанавливающийся после операции по протезированию тазобедренного сустава.

Звонит колокольчик. Пришел клиент. Я стою спиной к двери, придерживая ленточку, которую пытаюсь завязать в бантик вокруг букета роз.

— Подождите секундочку, — говорю через плечо.

— Так, так, ты сегодня утром не заглянула выпить кофе. Что случилось? Что от меня требуется: шантаж или взятка?

Это Келлер. Что он тут делает?

Все еще спиной к нему, отвечаю:

— Дружище, моя зависимость сильна, но все же может быть удовлетворена бесплатным, хотя и без сомнения не таким вкусным, кофе из столовой. К тому же я поздно встала и опаздывала. — Бант завязан, я поворачиваюсь лицом к Келлеру, готовая ко всему.

— Как дела?

У него перехватывает дыхание.

— Боже, Кейти, что с тобой произошло?

Хорошо, что желтые синяки на животе и бедрах скрыты под одеждой, иначе он был бы по-настоящему в шоке.

— А ты поверишь, если я скажу, что просто упала с лестницы?

Он крепко сжимает губы, отчего они превращаются в тонкую, белую линию. В его глазах одновременно и страх, и гнев. Он качает головой.

— Пыталась оседлать быка?

— Нет.

— Подпольные бои?

— Уже теплее. Кто тот ублюдок, что сотворил с тобой такое?

Ну почему, если у женщины появляются синяки, особенно на лице, то люди сразу же делают вывод, что она подверглась домашнему насилию? Хотя я и сама делаю такие же предположения. К сожалению, это результат слишком часто повторяющейся реальности.

— Это не то, что ты думаешь. — С раздражением фыркаю. — Сегодня рано утром мой друг Клейтон познал, что такое невежество, ненависть и слишком много алкоголя в крови. — Показываю на свое лицо. — А это — просто небольшой отголосок. Я в порядке. Келлер.

Страх и злость исчезли из его глаз, а на их место пришло стремление защитить. По крайней мере, не жалость.

— Это не порядок. — Опускаю взгляд и вижу, что он так крепко сжимает край прилавка, что его костяшки побелели.

Перегибаюсь и кладу свои руки поверх его.

— Эй, расслабься. Я в порядке. Правда.

Келлер качает головой и стягивает с головы вязаную шапку. Его волосы торчат во все стороны. Боже, даже после шапки он отлично выглядит. Не могу сдержать улыбку.

— Чему ты улыбаешься? — спрашивает он, наклонив голову.

Улыбка расплывается еще шире.

— Твои волосы. У тебя отличные волосы.

Келлер поднимает руку и пропускает их через пальцы, неудачно пытаясь пригладить. Все равно, я считаю, что это одна из его самых привлекательных черт.

— Чем могу тебе помочь, Келлер? — Теперь, когда с синяками разобрались, я не могу отрицать, что рада его видеть.

Он прикусывает щеку, как будто не уверен, как ответить на вопрос, а может быть, все еще не покончив для себя с предыдущей темой.

— Ты уверена, что в порядке? Потому что мне больно даже смотреть на тебя.

Нужно заканчивать с этим.

— Я в порядке.

Он кивает головой, все еще колеблясь.

— Ром дал мне задание с налетом романтики. Мне нужно выбрать орхидею для Дэна. У них годовщина и он хочет подарить ее сегодня вечером. Собирался сам заглянуть во время обеда, но не смог уйти. У вас есть, что предложить?

Выхожу из-за прилавка, и мы вместе выбираем белую орхидею. Келлер оплачивает покупку, а я оборачиваю ее в толстый слой упаковочной бумаги, чтобы она не замерзла.

Уже на выходе он тормозит.

— Загляни завтра утром в «Граундс». Я куплю тебе кофе. Ну, знаешь, чтобы тебе не пришлось пить этот яд в столовой два дня подряд.

Я смеюсь.

— Я стараюсь избегать этого. Увидимся завтра. Но я сама за себя заплачу. Кроме того, я все еще должна тебе за поездку в Милуоки.

Он прерывает меня.

— Нет, не должна.

Улыбаюсь. Келлер не знает меня. Хотя он и настаивает на том, что не возьмет деньги, я найду способ вернуть их ему.

— Скоро я буду настолько у тебя в долгах, что мне придется стать твоей персональной рабыней.

— Ммм. — Его взгляд светлеет. — Я бы нашел для тебя работенку.

— Не так быстро. Я предпочитаю сделку наличными. У меня не так много времени, чтобы делать за тебя грязную работу.

Он криво ухмыляется.

— Грязная работа? Это еще лучше. — Келлер подмигивает и открывает дверь.

Мои внутренности находятся в расплавленном состоянии. Знаю, между нами ничего не может быть, но Боже, как мне нравится флиртовать с этим парнем.

— Мне нужно подстричься. Сделай это, и мы будем в расчете. — Предлагает он, стоя в дверях.

— Я не умею стричь. Плохая стрижка определенно не искупит мой долг.

— Я доверяю тебе.

Так приятно это слышать. Доверие очень важно для меня.

— Правда?

— Свою жизнь... и волосы. Ты свободна в пятницу вечером?

Киваю.

— Да.

— Тогда в восемь?

Опять киваю.

— Хорошо.

— У тебя или у меня?

Знаю, это не свидание, но вы даже не представляете, как мне нравится этот вопрос из уст Келлера.

— Вечера в пятницу в доме у Кейт и Шугар очень непредсказуемы. Так что у тебя.

Он улыбается.

— Отлично. Пока, Кейти.

— Пока, Келлер.

Кейт

В 8:12 стучусь в дверь Келлера. В животе порхают бабочки. Странные ощущения. Я абсолютно трезва, но чувствую себя, как будто выпила несколько коктейлей.

Келлер открывает дверь, я вхожу, и он помогает мне снять пальто. Мы ничего не говорим. Чувствуем себя немного неловко. Не уютно, а именно неловко.

Поэтому, я предлагаю:

— Еще не поздно отказаться, дружище. Теперь, после того, как у тебя было время подумать, ты уверен, что все еще хочешь довериться мне? — Мне очень важно, чтобы он доверял мне. Есть разные уровни доверия и так как я считаю, что большинство людей хорошие, я им ВЕРЮ. Дружба жизненно необходима для меня, а ВЕРА часть ее. Но на более глубоком уровне, есть ДОВЕРИЕ, то, чем я не слишком разбрасываюсь. Только несколько людей заслужили его: Грейс, Гас и Одри. ДОВЕРИЕ строится годами. Но по какой-то причине, у меня такое ощущение, что Келлер уже попал на этот уровень. Это хорошо, но скорость, с которой это случилось, немного пугает.

Он улыбается и все неловкость между нами улетучивается.

— Безоговорочно.

Черт возьми, хороший ответ.

— Хорошо. Тогда начнем вечеринку.

Келлер довольно улыбается. Он хочет что-то сказать, но вместо этого вытаскивает складной стул из шкафа и раскладывает его позади кресла. Мечтательно наблюдаю за его движениями. Думаю о том, как выглядит его грудная клетка под рубашкой, насколько теплая у него кожа и сильные мышцы. Как он выглядит без этих...

— Сухие или влажные? — Он замолкает, когда я не отвечаю, а потом показывает на волосы. — Хочешь, чтобы я намочил их?

Ах, да. Его волосы. Вот почему мы здесь.

— Гм, думаю лучше намочить. Разве не так делают профессионалы? — Мои волосы всегда подстригала Одри. Дважды в год на кухне у Хоторнов. Никогда не была в салоне.

— Так. Я скоро.

Келлер исчезает в ванной и через две минуты появляется в одних джинсах. Иисус, Иосиф и Мэри. Без рубашки он выглядит умопомрачительно. В голове сразу появляются разные картинки. У меня такое ощущение, что Келлер видит каждую из них. В животе опять начинают порхать бабочки. Черт возьми, что со мной не так?

Он садится на стул, и я пытаюсь сделать вид, что все в порядке.

— Ну и что мы будем делать, мистер Бэнкс. Вас подравнять? Или вы предпочитаете стрижку под машинку? Я могу сделать все, что ваша душа пожелает.

И с большим, черт возьми, удовольствием.

— Я собирался просто подравнять волосы, но что предложишь ты? Может, попробовать что-нибудь новенькое?

— Нет. Мне нравится твоя стрижка. — Очень, очень сильно.

— Ну, тогда просто подравняй.

Теперь я чрезвычайно нервничаю, потому что не хочу все испортить.

— Келлер, дружище, а у тебя есть запасной план на случай, если что-то пойдет не так?

Он смеется и пожимает плечами.

— Это просто волосы, Кейти. Если ты их испортишь, а этого не произойдет, мы просто сбреем все налысо.

Это совсем не помогает.

— Но, но, никакого давления.

Он абсолютно спокоен.

— Никакого.

Как только начинаю стричь, все мысли сразу уходят из головы. У него на самом деле великолепные волосы: густые, блестящие, темно-каштановые, практически черные. Они слегка вьются, что добавляет им объема. Спереди, волосы слегка закрывают уши, а сзади доходят до воротника. И они всегда в беспорядке, что самое привлекательное, с моей точки зрения. Мне не нравится, когда парни слишком много внимания уделяют своей прическе. Естественная растрепанность очень сексуальна.

Час спустя я заканчиваю. Все это время мы практически не разговаривали. Я была сконцентрирована на том, чтобы не устроить волосам Келлера полную катастрофу. Посмотревшись в зеркало в ванной, он возвращается и отряхивается. Глядя на него, улыбаюсь, потому что не подкачала.

— Что сказать, ты определенно не самый быстрый парикмахер, но зато основательный. Хорошая работа.

Смеюсь.

— Основательность — мое второе имя. А может, я просто хотела, чтобы ты чувствовал себя так, как будто окупил все затраты.

— Каждый пенни. Спасибо Кейти. Хочешь что-нибудь выпить? У меня есть пиво в холодильнике. Ты это заслужила.

Хочется остаться, но меня мучает совесть. У него есть девушка. Я уверена в этом. Мне не следует оставаться с ним наедине, особенно со всеми грязными мыслишками, которые опять начали появляться в голове.

— Нет, спасибо. Мне лучше пойти в общежитие.

Он стоит, опустив голову и перед тем как поднять ее и улыбнуться мне, на его лице мелькает вспышка разочарования.

— Ты на машине или пешком?

— На машине. На улице чертовски холодно.

Он смеется, подшучивая надо мной.

— Холодно. — Келлер берет с кресла худи, и надевает его. — Я провожу тебя до машины. —

Мы стоим возле водительской двери, и все внутри меня поет. Парни никогда не провожали меня до машины. Знаю, это не свидание, но все равно очень по-рыцарски. Обычно, меня не привлекают такие вещи, но сегодня... да.

— Еще раз спасибо, Кейти.

— Рада была стараться. Так приятно сбросить со своей шеи груз долгов и обязательств.

Мы оба смеемся, а потом замолкаем. Просто смотрим друг на друга и не знаем, что делать дальше. Это могло бы продолжаться всю ночь, поэтому я делаю то, что сделала, если бы передо мной стоял один из друзей. Раскрываю свои объятия.

— Иди сюда.

Мгновение он не двигается, а потом медленно делает шаг вперед и обнимает меня. Я на

седьмом небе от счастья. Некоторые люди превосходны в искусстве обнимания. Каким-то образом они делают это не только руками, но всем своим существом. Каждая частичка твоего тела как будто окутана их теплом. От этого чувствуешь себя очень уютно.

Келлер определенно освоил это искусство.

Объятие мечты длилось в два раза дольше, чем следовало бы, но даже и близко не так долго, как хотелось бы мне. Когда мы отстраняемся, мне сразу становится холодно, и я хватаюсь за ручку двери, чтобы побыстрее забраться в машины.

— Едь аккуратно, Кейти.

— Всегда. Хороших выходных, дружище.

— Улетаю утром в Чикаго. Буду рано утром в понедельник. — Он улыбается.

Вот почему мне следует быть осторожной. Чикаго. Его другая жизнь. Девушка.

— Повеселись там. Увидимся в понедельник.

— В понедельник, — повторяет он. — Увидимся в понедельник.

— Спокойной ночи, Келлер.

Он кивает.

— Спокойной ночи, Кейти.

Кейт

Занятия из-за снега сегодня отменили. Все называют это «не по сезону ранний снегопад».

Я же называю «Мать Природа на стероидах». В таких условиях, с ней невозможно пойти на компромисс.

Теперь я понимаю, к чему вся эта суета. Хорошо хоть сейчас немного стихло, но утром, когда я в сапогах тащила по только что выпавшему снегу в «Граундс», эта фигня все еще бушевала. Тем не менее мое небольшое путешествие того стоило. Так приятно провести утро здесь, за чашкой кофе и чтением.

Звонит колокольчик, но я игнорирую его в пользу книги. У меня отличное место в кресле перед камином и ничто не может отвлечь меня от такого прекрасного утра.

Ну, кроме низкого, урчащего голоса рядом с ухом.

— Это место занято?

Слегка поворачиваю голову влево и вижу лицо Келлера прямо перед собой. Ближко-ближко. Он стоит, облокотившись локтями на заднюю спинку кресла, и положив подбородок на сомкнутые руки. Он побрился. Я уже давно его таким не видела. Теперь он выглядит гораздо моложе.

— Привет. Конечно, нет. Садись. — Скидываю сумку на пол и освобождаю место.

Келлер снимает пальто, шапку, перчатки и садится рядом.

— Черт, теперь, со всем этим снегом, и правда понятно, что мы живем в Меннесоте.

Закатываю глаза.

— Не напоминай мне.

Он смеется и аккуратно толкает меня локтем, доставая из бумажного пакета завернутый в пленку сэндвич.

— Все не так и плохо. Посмотри на улицу. Как красиво. — Келлер говорит так искренне, что я сдерживаю желание закатить глаза и смотрю на картину за окном позади нас.

Хмуро. Как будто начинает смеркаться, несмотря на то, что еще ранее утро. Опять идет снег. Улицы пустынные. Но так как я сижу внутри, перед камином, в тепле, все, в целом, прекрасно.

— Как ты добрался из Чикаго, — показываю на улицу, — со всей этой красотой.

— Ранним рейсом, еще до того, как начался снегопад. Передавали, что он будет очень сильным. Полагаю, хоть на этот раз они не ошиблись. — Келлер опять толкает меня локтем. — Хочешь половину моего сэндвича, Кейти? С индейкой.

— Нет, спасибо. — Я всегда стараюсь избегать говорить, что вегетарианка, потому что это обычно пугает людей. Не знаю почему, но иногда они смотрят на тебя, как будто ты только что сказала им что-то непостижимое, и сразу начинают неудобно себя чувствовать. Поэтому я все объясняю, только если вынуждена это делать.

Келлер предлагает еще раз и пытается вручить его мне.

— Нет, правда, он просто огромен. Было бы очень грубо есть перед тобой. Возьми половину.

Меня только что вынудили.

— Ничего страшного, дружище. Я вегетарианка. И в любом случае, не голодна; не так давно съела маффин.

Он несколько раз мигает.

— Так... все нормально, если я буду есть перед тобой? Это не будет выглядеть неуважительно? Потому что я могу и подождать... или пойти и сесть вон там. — Он кивает головой на стул в другой стороне помещения.

Долго смотрю на него перед тем, как ответить. Келлер такой внимательный.

— Нет. Давай, ешь. Хотя, спасибо, что спросил. Это было... это было очень мило.

Он улыбается и откусывает сэндвич. Майонез и горчица оставляют след в уголках его рта. Между укусами он начинает задавать вопросы.

— А почему вегетарианство? По причинам здоровья, религиозным верованиям или ты защитница прав животных?

Пожимаю плечами.

— Не знаю. Мне никогда не нравилась мысль о том, что животные рождаются, вырастают, а потом их убивают просто, чтобы я могла поесть. Для пропитания есть куча других вариантов.

Он приподнимает брови так, как будто никогда не думал об этом в таком ключе.

— Довольно справедливо. — Доев сэндвич, он комкает пакет, бросает его мусорку и хлопает в ладоши. — Может, я поучу тебя водить после обеда. Сейчас примерно добрых восемнадцать футов снега.

Оборачиваюсь и, судя по машине, припаркованной через дорогу, он прав. Сейчас самое лучшее время учиться водить по снегу.

— Конечно. Как насчет часа? Мне нужно на работу в три.

— Отлично.

Перекладываю книгу, которую читала, с колен на кофейный столик перед нами, чтобы растянуть сумку на полу.

— Заехать за тобой домой?

Он как-то отвлеченно кивает головой, беря в руки мою книгу.

— Стоит читать?

— Ты никогда не читал ее? — Я в шоке.

Он качает головой.

— Нет, но всегда хотел.

Вспоминаю его реакцию, когда сказала ему, что не читала «Повесть о двух городах» и ехидничаю в ответ:

— И какой выпускник не читал «Убить пересмешника?»

Келлер ухмыляется.

— Я заслужил это.

— Так оно и есть. Я читаю ее примерно раз в год. Это одна из тех книг, которая из года в год становится только лучше. И каждый раз ты заново влюбляешься в нее.

Он улыбается, и я знаю, что для него это «Повесть о двух городах», перечитанная им несколько раз.

— Кроме того, один из главных героев — мой герой. Знаешь, есть такое выражение «Что бы сделал Иисус?»

Он кивает.

— Моя версия «Что бы сделал Аттикус?» — Он справляется со всем. Он всегда знает,

что делать. — Я встаю, засовываю руки в карманы пальто и достаю перчатки. Перекидываю через плечо сумку и машу ему на прощание. — Увидимся в час.

Он машет в ответ.

— В час. Я бы довез тебя до общежития, но Дунк забрал машину.

— Не переживай. На улице же Страна Чудес в зимнем варианте. — Для эффекта широко распахиваю глаза. — Не могу дождаться, когда выйду отсюда.

Он смеется над моей попыткой сарказма.

Уже открывая дверцу машины, слышу, как кричит Келлер:

— Кейти, ты забыла книгу.

Улыбаюсь, потому что специально оставила ее там.

— Она твоя. Нужно же как-то привлекать новых поклонников. — Это моя любимая книга. И мне приятно знать, что я оставляю ее тому, кто сможет по-настоящему ее оценить.

— Но ты же не закончила читать. — Он поднимает книгу, показывая на закладку.

— Я уже знаю, чем все закончится. А ты — нет. — Подмигиваю и улыбаюсь. Простота этих слов больно ранит меня. Он не знает. Он не знает мою историю. Нужно, чтобы так все и оставалось, потому что я всегда предпочитала счастливые хэппи энды.

— Тебе нужно познакомиться с Аттикусом Финчем. Он крутой юрист.

В 1:15 останавливаюсь возле дома Келлера. Не успеваю нажать на гудок, как он выходит из двери, как будто прислушивался или высматривал меня. Келлер качает головой.

— Боже, женщина, ты когда-нибудь приезжаешь вовремя? — Он шутит, но я знаю, что это его больное место.

— Нет. Еще одна плохая привычка. Хроническая, неизлечимая. — Пожимаю плечами, потому что я такая, какая есть. И вообще, есть куда как более плохие вещи, чем опоздание. — Кроме того, мне пришлось сражаться со всей этой красотой. Поэтому я поздно.

Он ухмыляется.

— Ты это сделала. Хорошее начало.

Келлер рожден быть инструктором по-зимнему вождения. У него терпение ангела. Мы едем по пустынным, занесенным снегом и скользким улицам в направлении парковки возле актового зала. Хорошо, что на улице никого нет, иначе произошло бы непредумышленное убийство. По крайней мере, когда я не справляюсь с управлением, дорога свободна. Келлер ни разу не повышает голос. Он, как всегда низкий, спокойный, успокаивающий. Этот голос сопровождает меня на скользкой дороге, напоминая ослабить хватку на руле, снизить скорость, притормозить и не задерживать дыхание. Он меня расслабляет и поддерживает. Я ценю поддержку.

Кейт

— С Днем Рождения тебя, С Днем Рождения тебя. С Днем Рождения, дорогая Опти! (С Днем Рождения тебя!

Вы зря прожили жизнь, если не слышали, как Густов Хоторн поет «С Днем Рождения тебя» по телефону. Он это делает каждый год... громко и с огромным энтузиазмом.

— Черт, так можно и проснуться, Гас.

— Я тебя разбудил? Но у вас ведь шесть часов? Я думал ты уже встала.

— Все в порядке, приятель, я не сплю. — Я на ногах с 4:45 и уже позанималась на беговой дорожке в тренажерном зале при кампусе, через дорогу от общежития.

Теперь мне с трудом удается пробежать даже милю. И сейчас, бодрая, после душа, иду в «Граундс» за своей утренней чашкой кофе.

— О, хорошо. — Он облегченно выдыхает и теперь, когда перестает тараторить и начинает говорить, как обычный Гас, я понимаю, что он подвыпивший.

— Дружище, ты пьян. Где ты?

— Гм, — сонно произносит он, а потом кричит: — Эй, Робби, где мы сейчас?

Слышу вдалеке голос Робби, а потом ответ Гаса: — Индианаполис. Мы в Индианаполисе, Опти.

Он пьян в дрова. Даже не могу вспомнить, когда видела его таким последний раз. На заднем фоне очень много шума, так что я уверена, что он не в автобусе.

— Как прошло вчерашнее выступление?

— Нереально! — Столько воодушевления. Это слишком, даже для Гаса.

— Очень хорошо. — Пора спускать его обратно на землю. — У меня вопрос, Гас. Знаю, что сейчас вы в Индианаполисе, но где?

На секунду он замолкает. Я так и представляю, как он оглядывается, пытаюсь найти хоть какие-то подсказки. — Не знаю. Вроде как в номере отеля. Здесь вся группа! — Неожиданно Гас вскрикивает: — Как дела, Робби! — как будто впервые видит его за весь вечер и даже не помнит, что разговаривал с ним всего лишь двадцать секунд назад.

— Гас, дружище, спасибо за поздравления. Мне нужно идти. Но сделай одолжение и найди кого-нибудь трезвого, кто сможет сказать, где вы находитесь. Я уверена, что сегодня, парни, у вас выступление в Чикаго. — Я стараюсь быть в курсе его графика. Так я чувствую нашу связь, даже когда мы не можем разговаривать каждый день. — Скорее всего, сейчас ты должен быть в дороге.

Слышу, как до него доходит, что я говорю.

— Черт, — произносит он в телефон, а потом вопит: — Черт, парни, у нас сегодня выступление в Чикаго. Нужно выбираться отсюда.

— Успокойся, Гас. Все будет в порядке. Спустись к администратору и попроси вызвать вам такси до места, где вы выступали прошлым вечером. Также позвони своему тур-менеджеру; он, наверное, в ярости.

— Хорошо. Спасибо. — По голосу чувствуется, что он практически протрезвел.

— Я люблю тебя, Гас.

— Я тоже тебя люблю, Опти. С Днем Рождения.

— Спасибо. Пока.

— Пока.

Вообще, мое отношение к своему дню рождению своеобразно. Я не рассказываю людям о нем, потому что никогда не получала удовольствия от этого праздника. Когда мы были маленькие, мама заваливала нас подарками в дни рождения. Она не уделяла нам время, поэтому восполняла это подарками. Своего рода суррогат, который был очевиден даже для пятилетнего ребенка. Мы стали старше, а она менее уверенной в своем стабильном будущем. Больше никаких подарков... и все еще отсутствие времени на нас.

Хорошо хоть тут никто не знает, что у меня сегодня день рождения. Ну, я так думала, пока в библиотеке не получила смс от Шелли примерно в 6:30.

Шелли: С Днем Рождения!

Я: Спасибо. Как ты узнала??

Шелли: Водительские права и личная карточка сотрудника.

Я: Нарушение конфиденциальности информации?

Шелли: Может быть. Пицца. Заеду за тобой в 7:00.

Я: Ок.

С Шелли невозможно спорить, поэтому бегу в общежитие и переодеваюсь в джинсы и чистую футболку. В 6:45 получаю новое смс.

Шелли: Какая у тебя комната?

Я: 210.

Меньше чем через минуту раздается стук в дверь. Открываю ее и вижу Шелли в темно-фиолетовом пальто, похожем на бушлат. От холода у нее порозовели щеки и нос.

Смотрю на часы.

— Что за черт? У меня есть еще пятнадцать-двадцать минут.

Она улыбается, заходит внутрь и ложится на мою кровать.

— Я знаю. Просто за рулем Келлер. А он всегда приходит раньше... как ты — позже. Он из-за этого нервничает. Прости.

Стягиваю с волос резинку и расчесываю волосы пальцами.

— Келлер тоже идет?

Она смотрит на фотографии на моем столике.

— Да, я сказала утром, что у тебя день рождения. Это была его идея по поводу праздничного ужина.

— Это будет самое приятное день рождения, чем все девятнадцать до этого.

Шелли показывает на снимок.

— Кто эти люди, Кейт?

Я никому не рассказываю о семье или Гасе. Только Клей и Пит знают о нем, и то по необходимости. И Шугар знает имена, но ничего больше.

— Это моя сестра Грейс и лучший друг Гас.

Она ласковым жестом обводит лицо Грейс.

— Не знала, что у тебя была сестра.

— Самая лучшая. — И все. Я очень рада, когда она переводит взгляд на фотографию Гаса.

Шелли берет ее в руки и восклицает:

— Черт, Кейт, он такой аппетитный.

— Если учесть, что половина его лица скрыта волосами, то это слишком уж громкое

заявление. — Хорошо, что она не узнала в нем Густава Хоторна. С длинными волосами он выглядит совершенно по-другому.

Она смотрит на меня большими, широко раскрытыми темными глазами.

— Но ведь это так, правда? Вживую этот парень должно быть ослепительно хорош.

— Да, на него приятно смотреть.

Шелли качает головой и ставит рамку обратно на стол.

— Черт, — все, что она может сказать.

Я хватаю свое пальто, шапку и в 6:55 мы выходим. Это своеобразный рекорд — прибыть на пять минут раньше.

Шелли открывает заднюю дверь машины, припаркованную на тротуаре перед общежитием.

— Мы сыграли в камень-ножницы-бумагу. Парни сидят спереди, а нам придется ютиться сзади. Прости.

— Никаких проблем, — говорю я, пока не замечаю одну маленькую проблемку с задним сиденьем.

Его нет. Никакого заднего сиденья. Вместо него три набивных пуфа.

— Боже мой, Келлер. Пуфы?

Келлер улыбается.

— Привет, именинница. Прости, но чем богаты.

— О, черт. — Забираюсь внутрь и шлепаюсь на один из них.

Шелли шутливо представляет мне Дункана. Он, в свою очередь, извиняется за нашу первую встречу, когда мы обменялись лишь несколькими фразами, а потом он отрубился.

— Не самое приятное воспоминание, — говорит он.

Оказалось, что сидеть на пуфах довольно удобно, поэтому к тому времени, как мы припарковались возле «Рэд Лайон Род» я совершенно поменяла мнение.

— Почему во всех машинах нет пуфов? — спрашиваю я Шелли.

Дункан поворачивается и соглашается:

— Ведь правда?

Шелли закатывает глаза.

— Если только не принимать во внимание тот факт, что при ударе, вам гарантирована мгновенная смерть. Ну не знаю, Кейт.

Я киваю головой и улыбаюсь.

— Да, если только не принимать во внимание эту отвратительную маленькую деталь. Теперь, по дороге домой, я буду переживать. Спасибо, что все испортила, Шелли.

— Мы выпрыгиваем из машины и идем вместе к ресторану.

В кабинке, она садится рядом с Дунканом, поэтому Келлеру приходится сесть со мной. Кабинка очень маленькая. Я пытаюсь держаться подальше от него, но наши локти все равно соприкасаются.

Келлер слегка толкает меня локтем и тихонько спрашивает.

— Наверное, нужно было сначала спросить, но, надеюсь, тебе нравится пицца?

Я киваю.

— Конечно.

Шелли смотрит на нас.

— Две большие пепперони?

— Одну пеперони, одну с сыром. Кэйти вегетарианка, — со знанием дела говорит

Келлер.

Шелли морщит лоб.

— Ты вегетарианка?

Киваю головой.

Она выглядит так, будто мы с Келлером пытаемся подшутить над ней.

— Правда?

Келлер отвечает за меня:

— Правда, Шел, — говорит он и кладет на стол десять долларов. Смешно, но так горд собой от того, что знает обо мне то, чего не знают другие.

Шелли и Дункан тоже передают по десять долларов и Шелли говорит:

— Каждый день узнаешь что-нибудь новенькое.

Порывшись в кармане, достаю две банкноты по пять долларов и кладу на стол. Келлер вручает мне их обратно.

— Никаких денег, именинница.

Я беру их и внимательно осматриваю.

— Почему у тебя всегда какие-то проблемы с моими деньгами? Они вроде не стиранные или чего хуже. Если ты не будешь давать мне платить за себя, я вскоре начну чувствовать себя дармоедкой.

— Это ужин в твою честь. Ты не платишь. Кроме того, я подрабатываю тут барменом несколько дней в неделю, так что у меня есть скидка.

— Ты работаешь на двух работах? — Знаю, он всегда занят, но даже и не догадывалась об этом.

Он пожимает плечами.

— Приходится. Тут отличные чаевые.

Дункан ухмыляется.

— Чаевые хорошие, потому что трезвым женщинам Келлер нравится, а пьяные его обожают.

— Я хороший бармен, — пытается защититься Келлер. Он такой серьезный.

Дункан смотрит на меня и улыбается.

— Кейт, Келлер думает, что у него отличные чаевые, потому что он хорошо готовит коктейли. — Дункан искренне смотрит на Келлера. — Ты хороший бармен.

Келлер кивает.

— Спасибо.

И тут Дункан добавляет:

— К сожалению, мой друг отказывается признавать, что половина здешних женщин приходят сюда по вторникам и четвергам по одной причине: увидеть Келлера Бэнкса. На самом деле, это очень смешно.

Иногда у меня такое чувство, что и я прихожу в «Граундс» просто посмотреть на него. Он великолепен. Так что я их понимаю.

Как по заказу, мимо проходит очаровательная рыжая девушка и улыбается Келлеру.

— Привет, Келлер! — говорит она кокетливо.

Он приветственно поднимает руку, выглядя при этом немного смущенным.

— Ты ее знаешь? — Это опять ухмыляющийся Дункан.

Келлер качает головой.

— Без понятия.

Дункан от души смеется.

— Видишь. Дело совсем не в твоих талантах бармена, чувак.

Келлер заливается краской, но Шелли приходит ему на помощь. Она перегибается через стол и показывает на нас пальцем.

— Простите, но позвольте отмотать вашу беседу немного назад. Ты хочешь сказать, что Келлер Бэнкс, этот жмот, что-то покупал тебе... за свои деньги?

Я пожимаю плечами, а Келлер выскальзывает из кабинки с деньгами в руках, чтобы сделать заказ в баре.

Когда он уходит, Шелли начинает улыбаться во весь рот.

— Интересненько.

Через двадцать минут нам приносят по бокалу пива, пеперони, а потом и пиццу с сыром с двадцатью зажженными свечами. Шелли, Келлер и Дункан сразу же затягивают «*С Днем Рождения, тебя*». Не люблю быть в центре внимания, но так приятно знать, что у меня такие внимательные друзья.

Кейт

Кофе. Определенно мне нужен кофе. Мы отлично провели время вчера. Я не пила, но очень плохо спала. Чтобы взбодриться, мне нужна большая доза кофеина. Сегодня концерт «Rook», они придут после обеда. Так что нужно проснуться.

В «Граундсе» небольшая очередь. Ромеро приветственно машет и улыбается мне, принимая деньги от мужчины в костюме. Келлер стоит за барной стойкой ко мне спиной. Когда он начинает принимать заказ у брюнетки, я понимаю, что он еще не заметил меня. Она флиртует с ним. Он нет. Потихоньку смеюсь про себя. Господи, я никогда не замечала до этого, но Дункан прав: девушки так и пристают к нему. Келлер ловит мой взгляд и едва заметно подмигивает. Если бы я не пялилась на него, то даже не заметила бы этого. Брюнетка отбрасывает волосы назад и хмуро смотрит на меня. Во мне поднимаются животные инстинкты: необходимость как-то заклеить его. Пытаюсь подавить в себе желание перегнуться через стойку и поцеловать Келлера. А потом вспоминаю, что он не мой. Все инстинкты куда-то исчезают, оставляя лишь чувство непонимания. Что, черт возьми, только что произошло?

Наконец, доходит очередь до меня. Келлер хлопает Ромеро по руке.

— Можешь приготовить кофе для Кейти, Ром? Большой. Черный. Я скоро вернусь. — Он бежит к двери в свою квартиру. — И я заплачу, не бери с нее денег, — добавляет он уже на выходе.

Ромеро еще ничего не успел сделать, как Келлер уже возвращается и подзывает меня к краю барной стойки. Он обходит ее и вручает мне маленький конверт. На нем неаккуратно, по-мальчишески написано «С Днем Рождения, Кейти». Наверное, ему стоило бы учиться на доктора, а не на юриста.

— С Днем Рождения, Кейти, — говорит Келлер, улыбаясь.

— Ты собираешься поздравлять меня всю неделю? В этом нет необходимости. Ты уже приглашал меня на праздничный ужин вчера вечером, помнишь?

— Он пожимает плечами. Это было от нас всех. — Он мило улыбается. — А это от меня лично.

Я открываю его. Это двадцати долларовая подарочная карта в «Граундс».

— Спасибо. Великолепный подарок. — Вспомнив наш разговор в цветочном магазине несколько дней назад, добавляю: — Это шантаж или взятка?

— Ни то, ни другое. Это страховка.

— Страховка?

— Да. 12 чашек кофе. 12 посещений «Граундс». 12 возможностей увидеть тебя. — На его лице сияет очаровательная, мальчишеская улыбка. Он снова чисто выбрит, поэтому выглядит невероятно юным.

Я обнимаю, целую его в щеку и шепчу в ухо:

— Твоя страховка слишком уж похожа на взятку. — Выпускаю Келлера из объятий и смотрю в его глаза. — Знаешь, тебе не нужно подкупать меня. Я люблю проводить с тобой время. Спасибо.

Ожидаю, что на его лице появится ухмылка, но нет, он все также мило и искренне улыбается.

— Не за что. Мне тоже нравится проводить с тобой время, Кейти. — Он показывает на барную стойку позади себя. — Слушай, мне лучше вернуться к работе, но я не прощаюсь. Увидимся вечером. Жду не дождусь этого выступления. «Rook» сегодня всех порвет.

Пятясь задом к двери, подмигиваю ему.

— Будь готов.

Он улыбается и машет мне рукой.

— Буду.

Около двух часов дня получаю смс от Гаса:

Я здесь! Мы в зале для выступлений.

Я: Буду через десять минут.

Хватаю с кровати сумку и бегу к машине. Сбегаю по лестнице, пытаюсь нашарить в кармане ключ и вдруг... вижу его, прислонившегося к водительской дверце моей машины. Бегу еще быстрее, на его лице огромная улыбка. Он подхватывает меня и начинает кружить. Люблю объятия Гаса. Он такой большой, а я такая маленькая в его руках.

Гас ставит меня на землю и обхватывает лицо.

— Не могу поверить, что это ты, Опти. Скайп такой дерьмовый заменитель реальности. Соглашаюсь. Улыбаюсь и дотрагиваюсь до его волос.

— Ты хорошо выглядишь.

Он трясет головой, а потом кивает на здание позади меня.

— Так это твое общежитие?

Киваю.

— Ну, так проведи мне экскурсию. Я просто обязан увидеть этих личностей, которых ты называешь друзьями. Я свободен до пяти часов.

Сначала мы останавливаемся возле комнаты Клея и Пита. Клейтон сейчас в Миннеаполисе с Моррисом, зато Пит здесь. Поначалу он вежлив и застенчив, но пообщавшись несколько минут, расслабляется. Ну, настолько, насколько Пит вообще это делает. Рассказываю Питу, что Гас в городе для шоу (не упоминая, что он, в принципе, и есть то самое шоу). Гас спрашивает откуда он, что за специализация и нравится ли ему Миннесота. Думаю, Пит немного удивлен этими вопросами, особенно тем, что Гас реально, с интересом слушает его ответы. Когда я говорю, что нам пора идти, взгляд Гаса падает на рамку с фотографией Пита и Эвелин и в его глазах появляется шаловливый блеск. Мне это не нравится. Я видела подобное слишком много раз. Это не к добру.

Он берет рамку в руки.

— Это твоя девушка, Пит?

— Да, ее зовут Эвелин, — подтверждает он с улыбкой на лице.

Гас ставит фотографию на место.

— Хорошо смотрите вместе. Скажи мне, ей нравятся ковбои, Пит?

— Ковбои? — Он в недоумении сводит брови.

— Может быть, чапы (прим. рабочая одежда ковбоев)? — настаивает Гас.

Вот, черт, он все ведет К ЭТОМУ.

Пит сконфуженно пожимает плечами.

— Не знаю.

Гас склоняется к нему, будто собирается поделиться супер секретной информацией, и не понижая голос говорит:

— Дружище, вот тебе совет: девчонкам нравятся чапы. А небольшие ролевые игры

оживляют спальню. — Он приподнимает бровь и улыбается так, как будто сделал Питу одолжение. — Это все, что я хотел сказать.

Пит становится красным, как помидор.

Я насильно выталкиваю Гаса из комнаты.

— Прости, Пит.

Гас, в свою очередь, громко кричит через плечо:

— Пицца для размышления, приятель. Пицца для размышления.

На губах Пита появляется смущенная улыбка.

— Спасибо.

Как только мы оказываемся в моей комнате, пихаю Гаса в плечо.

— Не могу поверить, что ты это сделал.

— Что? — спрашивает он с невинным видом. А потом начинает ржать. — Я просто оказал парню услугу. Ты видела его лицо, когда мы ушли. Он раздумывает над этим, подруга. Эвелин еще будет благодарна мне. Очень благодарна.

Качаю головой. Может, он и прав.

Шугар в комнате нет, так что мы можем расслабиться. Гас с любопытством осматривает каждый дюйм нашего маленького жилища. Подобное любопытство присуще детям, котам и... Гасу Хоторну. Он не сует нос, куда не следует, нет, просто хочет знать абсолютно все и обо всем.

Мы прогуливаемся по кампусу, и я показываю ему, где проходят занятия. Гас, в свою очередь, задает тонну вопросов о каждом предмете. Если бы это был кто-то другой, я бы решила, что утомила человека, но только не Гаса.

Ему интересно все, что происходит в моей жизни, так же как мне в его. Так было всегда. Это одна из причин почему мы дружим уже столько времени.

Наше время подходит к концу, поэтому идем обратно к машине.

— Хочешь, выпьем кофе перед саундчеком?

— В знаменитом «Граундс», о котором я столько слышал?

Киваю головой.

— Черт, да. Так волновался, что увижу тебя сегодня, что практически не спал прошлой ночью. Я совсем не прочь выпить кофе.

Улыбаюсь.

— И я тоже.

Гас открывает дверь в «Граундс» и сразу же раздается звон колокольчика. Он поднимает взгляд и какое-то время смотрит на него, придерживая дверь, чтобы я могла войти. Потом склоняет голову и шепчет мне в ухо:

— Что за фигня с колокольчиком?

Я смеюсь и соглашаюсь.

— Тоже так считаешь?

Перевожу взгляд на барную стойку и с удивлением смотрю на мужчину за ней. Это не Келлер и не Ромеро. Я никогда его не видела. Ему, должно быть, за сорок и он очень привлекателен. С серебристыми висками и темными, серьезными глазами, он смотрится здесь не на своем месте. Мужчина приветливо улыбается нам.

— Добро пожаловать в «Граундс».

И тут до меня доходит. Это должно быть Дэн, партнер Ромеро.

— Дэн?

Он неуверенно отвечает

— Да.

Протягиваю ему руку.

— Много слышала о тебе. Меня зовут Кейт.

У него загораются глаза, как будто он понял, кто я.

— Кейти Келлера?

Гас смотрит на меня, как будто плохо расслышал, а мы с Дэном оба выглядим одинаково сконфуженными.

— Гм, да, Келлер мой друг.

Дэн немного запоздало пожимает мне руку.

— Так приятно наконец познакомиться с тобой. Я тоже много слышал о тебе.

Представляю Гаса и обращаю внимание на то, что Дэн немного холоден с ним.

Заказываю себе обычный большой черный кофе. Гас просит тоже самое, а потом предсказуемо добавляет в него пол чашки сахара. Каждый раз, когда я вижу, как он это делает, у меня болят зубы.

В машине, пристегнувшись, Гас поворачивается ко мне.

— Опти, ты с кем-то встречаешься?

— Нет. Келлер и я просто друзья.

— А он об этом знает? Потому что тот парень вел себя так, как будто встретил невестку. Это было довольно странно.

Иду с Гасом в зал, где они будут выступать. После объятий с другими членами группы «Rook» остаюсь на саундчек. У меня нет слов. За последний месяц благодаря ежедневным репетициям, они очень продвинулись. Все звучит просто идеально. В Сан-Диего я довольно часто бывала на их репетициях. Они всегда работали над новым материалом и оттачивали звучание, но, тем не менее, находили время, чтобы исполнить кавер-версии. А я обычно пела. Это классно, как будто поешь в караоке, а тебе подыгрывает настоящая группа. Именно поэтому я так рада, когда Гас спрашивает:

— Готова что-нибудь исполнить, Опти?

Смотрю на парней — они все улыбаются. Если забыть на время о большом пустом зале, в котором мы находимся, то такое ощущение, что это просто еще одна репетиция. Не могу сдержать улыбку.

— Что будем играть?

Франко вертит между пальцев барабанные палочки. Думаю, он даже не осознает, что делает это. Привычка.

— Я голосую за «Sex».

— За процесс или песню? — подшучиваю я.

Он потирает подбородок, как будто о чем-то раздумывает.

— А можно за оба?

Гас чуть опускает стойку микрофона под мой рост, пока мы с группой забираемся на сцену.

— Нет, не можно. И мы не будем играть «Sex», — говорит он.

— Почему нет? — спрашиваю я. — Это отличная песня. Тебе же нравится «The 1975»

Гас улыбается и качает головой, а потом смотрит через плечо на Франко.

— Опти, сама подумай. У Франко есть скрытые мотивы. Если ты начнешь петь эту песню, то будет...

Франко перебивает его, ухмыляясь от уха до уха.

— Девочка не девочке.

Гас опять качает головой.

— Она не будет этого делать, чтобы подогреть твои фантазии, засранец.

Франк искренне смеется, пожимая плечами.

— Нужно же было попытаться.

Гас настраивает свою гитару.

— Давай исполним «Panic Swtich».

Он знает, что она мне нравится. Вся группа знает. Как и все лучшие песни «Silversun Pickups», эта — сплошной хаос. Если слушать барабаны, басы гитару и вокал по отдельности, то складывается ощущение, что исполняются четыре совершенно разные песни. А если сложить все вместе, то получится гениальное произведение.

— Черт, да, я за.

Что-то настроив, Гас начинает играть. Так хорошо расслабиться и снова запеть. К тому же, здесь все свои. Я пою и танцую на сцене, как будто нас только пятеро и мы находимся в подвале у Гаса.

Когда саундчек закончен, отправляю смс Келлеру, Шелли, Клейтону и Питу, что встречу их на выступлении. Потом впихиваю всю группу в свою машину, и мы едем в Миннеаполис на ужин, потому что в Гранте не слишком большой выбор. Шоу начинается в 9:00, так что у нас достаточно времени, чтобы поесть, выпить (так как я за рулем, то пью воду) и поболтать. За все время ничего не изменилось. Джейми все еще самый милый, Франко самый кокетливый и саркастичный, а Робби самый спокойный. С ними всегда было легко дружить, особенно с Франко. Мы уважаем и поддерживаем друг друга.

По дороге обратно спрашиваю их:

— Парни, у меня есть вопрос. Я плохой водитель?

Гас резко поворачивается, чтобы посмотреть на меня с пассажирского сиденья. В его глазах шок. Но не успевает он раскрыть рот, как позади меня раздается голос Франко:

— Плохой водитель — какой он?

— Не знаю, дружище. Опасный? Со мной за рулем у тебя есть ощущение, что твоя жизнь в опасности?

Теперь очередь Гаса.

— Ты хорошо водишь. Кто сказал тебе, что это не так? Я сам учил тебя водить, помнишь?

— Именно поэтому ты пристрастен. Молчи, я не хочу знать твое мнение. — Смотрю в зеркало заднего вида на остальных трех пассажиров. — Парни?

Джейми улыбается мне.

— А почему ты спрашиваешь?

Быстро смотрю на дорогу и перевожу взгляд обратно на него.

— Кое-кто остался очень обеспокоенным после поездки со мной.

Робби, сидящий рядом с Джейми, начинает хохотать и говорит:

— Кейт хочет сказать, что до усрачки перепугала пассажира.

Я слегка виновато улыбаюсь.

— Или двух.

Гас начинает:

— Это ерунда, — но я обрываю его, подняв вверх палец. Он откидывается на своем

месте.

Франко довольно ощутимо пихает мое сиденье коленом.

— Не переживай, Кейт. Они трусишки. Тебе нравится быстрая, агрессивная езда. В этом нет ничего плохого. Еще вопросы будут?

Уголкем глаз вижу, что Гас согласно улыбается. Это радует.

Келлер

Не стану обманывать, я был очень разочарован, когда получил от Кейти смс, что она встретится с нами на выступлении. Мы никогда этого не обсуждали, но я предполагал, что мы соберемся и поедем все вместе. А теперь, время, которое я мог бы провести рядом с ней, потеряно. Я с нетерпением ожидаю каждой минуты общения с Кейти. Но даже каждой минуты каждого дня для меня было бы недостаточно.

Я был раздавлен, когда пришел в «Граундс», чтобы выпить кофе около 6:00. Дэн сказал, что заходила Кейти. И что с ней был какой-то парень. Он не запомнил его имени, но сказал, что это высокий, мускулистый блондин. Описание ничего мне не сказало. Я надавил на Дэна, и он сказал:

— Мне жаль.

Хорошие новости никогда не начинаются с этих слов. Он сообщил, что они чувствовали себя очень комфортно в обществе друг друга. Что парень обнимал ее, когда они зашли в «Граундс» и поцеловал в лоб перед тем, как сесть в машину. Черт! Почему я просто не сказал ей, что чувствую? А теперь у нее кто-то есть. А может, она с ним встречалась все это время. Я знал, что не нужно было открывать ей свое сердце. Она разобьет его. Я знал это с того момента, как увидел. Она бы никогда не причинила мне боль намеренно, но это неизбежно... так и произойдет. Это моя чертова ошибка. От этого не менее хреново. Я понимаю, это нелогично, но на нее я тоже злюсь. Никто не заставит меня пойти на это шоу сегодня.

Закончив ежедневный вечерний звонок домой, в Чикаго, достаю единственную бутылку спиртного, которое у нас есть — текилу. Текила — фантастический способ забыться, она отлично притупляет эмоции. Я знаю это, потому что к тому моменту, как за мной в 8:30 приезжают Дунк и Шел, бутылка уже пуста, и я еду на концерт, который клялся не посещать любой ценой всего несколько часов назад.

Все время пока мы стоим в очереди, чтобы пройти в зал, Шел переписывается с Кейти. Она же сообщает нам, что та ужинала со старыми друзьями, которые приехали в город на шоу. Да, знаю я с какими друзьями. Именно поэтому я сейчас в стельку пьян.

К тому моменту, как мы, наконец, проходим внутрь, группа уже выходит на сцену и толпа начинает неистовствовать. Шел кричит в телефон, пытаюсь выяснить местоположение Кейти. Мы протискиваемся мимо сотен студентов и, наконец, находим Кейти с друзьями. Я уже встречал Клейтона, когда он приходил в «Граундс», но остальные мне не знакомы. Никто из них: ни высокий, ни блондин, как описал Дэн.

Наконец, я могу спокойно вздохнуть, потому что, по крайней мере, она не с ним. Не хочу на нее смотреть, но ничего не могу с собой поделать. Она также прекрасна, как и всегда. Волосы распущены и в беспорядке, как будто она только что вылезла из постели... после секса. Черт. На ней одна из ее самодельных футболок, которые бы смотрелись смешно на ком-то еще, только не на Кейти. На этой написано «Я ♥ Сан-Диего». Вроде, такую я еще не видел. Кейти улыбается мне так, как будто счастлива видеть. Господи, как бы я хотел, чтобы это было правдой.

Она хватает меня за бицепс. Ее руки холодные, как всегда, но моя кожа горит в месте прикосновения.

— Я так рада, что ты здесь! — кричит она мне в ухо, пытаясь перекрыть музыку.

Ничего не могу с собой поделать.

— Где твой друг? — злобно говорю ей. Это не может быть моим голосом.

Кейти ошеломленно смотрит на меня.

— Ты пьян?

— В доску, — отвечаю я. — Дэн сказал, что после обеда ты приходила в «Граундс» с другом. — Показываю «кавычки», произнося слово «друг» и сразу же начинаю жалеть об этом. Почему я такой ублюдок? Мы же не вместе.

Отвечая, она тоже показывает «кавычки»:

— Мой друг здесь. Вы все встретитесь с ним после выступления. — Кейти выглядит обиженной, она отворачивается и смотрит на сцену, зажата между Шел с одной стороны и Клейтоном с другой. Я стою прямо за ней.

Несколько песен музыка — просто звук, шум в моих ушах. Я даже не смотрю на сцену. Чувствую себя психопатом, но просто не могу отвести взгляд от Кейти. Она стоит спиной всего лишь в дюйме от меня. То, как она двигается, распаляет мои обычные фантазии донельзя. Голову наполняют образы, как я срываю с нее одежду и прямо тут, перед всеми беру ее в различных позах.

Вскоре туман в голове рассеивается, и какофония звуков превращается в слова, гитары и барабаны. Гнев начинает испаряться. Может, этому поспособствовали непристойные мысли, а может, просто тот факт, что это Кейти. Не думаю, что кто-то смог бы по-настоящему злиться на нее.

Следующая песня — медленная баллада. На сцене остался только певец, который сменил электрогитару на акустическую. Должен признать, что парень талантлив. Песня очень грустная и даже мой пьяный мозг понимает, что она о том, как теряешь кого-то, кто тебе дорог. Очевидно, что песня очень личная, потому что его голос наполнен пронзительной болью. Она вызывает у меня непреодолимое желание дотронуться до стоящей передо мной девушки, поэтому кладу руки на бедра Кейти, а когда она не возражает, медленно перемещаю их вверх. Ее футболка очень тонкая. Я чувствую, какая она под ней. Кейти опирается на меня и позволяет обнять себя. Она кладет свои ладони мне на руки и кожу от этого жеста опалает огнем.

Должно быть, я сошел с ума. До встречи с ней все было так просто и понятно. Я делал, что должен был, когда должен был и как должен был. А сейчас? А сейчас мои руки обнимают ее. Но у нее есть парень. И она прекрасна. Я одержим ею и в двух секундах от того, чтобы сделать что-то очень глупое.

Одна секунда.

Я не могу сдержаться.

Опускаю подбородок на ее макушку и делаю глубокий вдох. Она так хорошо пахнет. Кейти замирает, но не убирает свои руки. Расцениваю это как разрешение. Утыкаюсь носом чуть пониже уха, а потом медленно провожу кончиком носа вверх и вниз по ее шее. Сердце стучит, как сумасшедшее, и я знаю, что она чувствует это. Ее рука опускается и обхватывает мое бедро. Голова слегка склоняется набок, открывая мне доступ к шее. Прижимаюсь к ней всем телом. Она прижимается в ответ. Я слишком пьян и возбужден. Плевать на толпу людей. К тому же мы тут как кильки в бочке и внимание каждого обращено к сцене. Никто ничего не заметит. Мои губы прижимаются к ее шее. Она такая теплая, мягкая и немного влажная. Я бы запросто съел ее. Но как только язык дотрагивается до кожи, самый жаркий

момент в моей жизни внезапно прерывается.

Песня заканчивается, толпа взрывается аплодисментами и все сразу начинают двигаться.

Дунк пихает меня локтем, а когда я смотрю на него, поднимает брови и улыбается. Ублюдок все видел.

Кейти, закусив губу, поворачивает ко мне голову. Ее потемневшие глаза ловят мой взгляд, а потом опускаются на губы. Сердце пропускает удар.

Шел, весь вечер заливавшая в себя пиво, а потому такая же пьяная как и я, в очередной раз портит мне настроение. Она прыгает на месте, как подросток под воздействием крэка, обнимает Кейти и что-то невнятно бормочет о том, как ей нравится эта песня и насколько «горяч» певец.

Последний гвоздь в крышку гроба вбивает тот момент, когда вся группа снова занимает свои места на сцене, и певец снимает потную влажную футболку, одновременно меняя гитару. Все лица женского пола в зале начинают вопить, кроме Кейти, которая просто качает головой и улыбается. Повышенная энергетика в зале отдаляет ее от меня.

Фронтмен берет микрофон и движением руки просит народ успокоиться. Они так и делают. Нужно отдать этому ничтожеству должное — он весь вечер держит толпу в своих руках. Они готовы есть из его рук.

— Сейчас мы исполним последнюю на сегодня песню. К сожалению, вживую, она звучит не так хорошо, как ее версия в альбоме, потому что вы вынуждены наслаждаться только моим поганым голосом. — По залу раздаются смешки, и он снова поднимает руки, чтобы всех утихомирить. — Понимаете, у нас есть подруга с ангельским голосом. Именно благодаря ей эта песня так по-особенному звучит, но как видите, — он показывает рукой на остальных участников, — она не в группе. — Толпа безумствует, потому что знает песню, о которой он говорит. Так же как и я. «Killing the Sun». Ее постоянно крутят на радиостанции колледжа. Это хорошая песня, но он прав, женский голос — то, что делает ее хитом. Подобный голос пробирает до самых костей. Он одновременно и сексуальный, и ранимый и уверенный.

Сделав еще одну паузу, он продолжает.

— Но для вас, Грант, у меня хорошие новости. — Он поворачивается к барабанщику и хотя и не говорит в микрофон, все его слышат: — Дружище, она будет до чертиков зла на меня. — А потом обращается к зрителям: — Эта девушка в здании, и я очень надеюсь, что она поднимется и споет сегодня с нами. — Все начинают хлопать, свистеть и топтать ногами.

Мы находимся где-то в тридцати футах от сцены, и я не могу не обратить внимание на то, что он смотрит в нашем направлении.

— Ну давай, Опти, не заставляй меня умолять. — Он падает на колени и прижимает руки к широкой обнаженной мускулистой груди. Парень выглядит как Тор из фильмов. — Пожалуйста... пожалуйста... — Жестом он просит толпу присоединиться к мольбам. Толпа так и делает. Теперь все в здании умоляют, в том числе и я, потому что хочу посмотреть, как выглядит девушка с таким голосом.

Парень трясет головой и смеется.

— Хорошо, ты сама напросилась. Либо ты идешь сама, либо я тебя несу. Выбор за тобой. — Он складывает руки на груди и несколько секунд ждет. — Я тебя предупреждал. — Не медля, он бросает микрофон, спрыгивает со сцены, перелезает через ограждение и пробирается сквозь толпу. Каждая девушка пытается дотронуться до него, поэтому все

происходит немного замедленно, но, в конце концов, он останавливается перед Клейтоном, который выглядит так, как будто упадет в обморок. Именно тогда я замечаю, что Кейти как будто пытается спрятаться за спиной Клея. Парень его обходит и хлопает Кейти по плечу. Она поднимает на него взгляд и качает головой.

— Этого не будет, дружище, — кричит она.

— Ну давай, Опти. Мне не хочется устраивать здесь сцену.

Она выпрямляется и встает в позу.

— Немного поздновато для этого, ты так не думаешь?

Он осматривается. Все взгляды в помещении устремлены к нему. Парень пожимает плечами.

— Наверное. — С этими словами он перекидывает ее через плечо, как будто она ничего не весит. Кейти расслабляется, принимая поражение.

Что

За

Хрень?

Смотрю на ее друзей, но они также ничего не понимают. По крайней мере, я не один такой. Она поет? Почему никто ничего не знал? Ее крутят по радио! Почему она нам не сказала?

Фронтмен уже поднял ее на сцену, а сам взбирается следом. Басист подходит и обнимает Кейти, в то время как певец опускает микрофон. Когда он заканчивает, она придвигается к нему и смотрит на толпу. То, что должно быть частным разговором, становится известным всему залу благодаря чувствительному микрофону.

— Вот дерьмо. Посмотри на всех этих людей!

Барабанщик выкрикивает:

— Не облажайся, Кейт.

Даже не оборачиваясь, она показывает ему средний палец. Он смеется. У нее есть характер, мне нравится это в ней.

Фронтмен перекидывает ремень гитары через плечо и занимает место у микрофона в нескольких шагах от Кейти. Он так лыбиться на нее, словно наслаждается каждым мгновением происходящего. Она сердито смотрит на него в ответ, но в уголках губ играет улыбка.

— Я тебя убью. Ты ведь понимаешь это?

Толпа начинает смеяться и аплодировать, ожидая продолжения. Раздаются первые аккорды, и он говорит:

— Подожди, как мы покончим с этой песней, Опти. Потом я весь твой.

Может, это из-за алкоголя в крови, но то, что следует за этим — просто какой-то сюрреалистичный сон. Кейти выглядит такой маленькой, но в то же время такой величественной. Каждый раз, когда она с закрытыми глазами открывает рот, меня омывает волна невероятных звуков. Это акустическая версия великолепного секса.

Песня рассказывает о том, что нужно жить и любить здесь и сейчас. Что нужно наслаждаться этим вечером, как будто он последний, и ты можешь сделать так, чтобы он длился вечно. Ты можешь отсрочить приближение утра, конца, убив солнце. Это гимн. Толпа прыгает и подпевает. Энергетика в зале просто невероятная. Тысячи людей пропускают через себя эту песню, эти слова.

И каждый из них сейчас влюблен в Кейти. Она выложились подчистую. Спев последние

строки, она отходит от микрофона, пытаясь, я уверен, скрыться от всех этих глаз. Она пританцовывает на месте и с широкой улыбкой смотрит на остальных членов группы, как будто не хочет упустить ни одного мгновения происходящего. Это одна из лучших черт Кейти: она никогда не принимает ничего как должное. Она ценит каждое событие в жизни.

Барабанщик и басист подпевают последним строкам песни вместе с фронтменом. Улыбка Кейти становится еще шире.

Когда песня заканчивается, парень кричит в микрофон:

— Давайте поаплодируем моей девочке! — Он подбегает, закидывает гитару за спину, обнимает Кейти и кружит ее. Она крепко за него держится и смеется. Не хочу смотреть на них, это слишком личное, слишком интимное. Но не могу отвести взгляд.

Сердце снова пропускает удар. Ну конечно, этот тот парень, с которым она была в «Граундс». Чертова рок-звезда. Разве я могу соперничать с ним? Злость и обида снова охватывают меня. Я ревную до безумия.

Группа благодарит всех за концерт и покидает сцену. Когда толпа понимает, что ничего больше не будет, то начинает расходиться. Кейти ждет нас за сценой, перед ограждением. Два больших охранника стоят перед ней и не дают никому приблизиться.

Теперь, когда мы, наконец, снова можем хоть что-то слышать, еще раз представляемся друг другу. Я вежлив, но настолько раздражен, что даже не могу через две секунды вспомнить их имена. После того как все соглашаются, что Кейти стала звездой шоу и что никто даже не представлял о ее тайном увлечении, мы направляемся поздравить ее. Ну, все, кроме меня. Я слишком возбужден, пьян и в то же время восхищен. Очень плохая комбинация. Я не могу смотреть на нее.

Мы показываем свои VIP билеты и нас пропускают вместе с Кейти за сцену. Она не имеет понятия куда идет. Шел в свою очередь писает от восторга, что познакомиться с парнем, которому я хотел бы набить морду.

Натыкаемся на барабанщика. Он налысо побрит, а руки покрыты татуировками. Парень смотрелся бы устрашающе, если бы не улыбка на лице. Он обнимает Кейти.

— Кейт, ты выступила отстойно. Спасибо, что запоролла все выступление.

Она хитро улыбается.

— Звуки, которые издавал ты, отвратительны, приятель. Определенно, ежедневные репетиции никак не улучшили твою игру.

Он смеется.

— Я скучал по тебе, девочка. — Парень целует ее в макушку, перед тем как отпустить.

Кейти представляет нас. Его зовут Фрэнк, или Фред, не знаю. Я слишком пьян и раздражен, чтобы думать об этом.

Когда она спрашивает, где остальная группа, он показывает на дверь в конце коридора, которая ведет на улицу. Там стоит их автобус с заведенным двигателем. Ублюдок стоит, прислонившись к стене, и курит. Когда он видит Кейти, его чертово лицо освещает такая улыбка, как будто наступило Рождество. Он бросает сигарету, тушит ее ботинком и идет к нам.

Произошедшее потом — это эмоции и алкоголь. Неважно, в каком порядке.

Нас представили. Это ее лучший друг Гас. Парень, которого она знает всю свою жизнь. Парень, с которым она переспала, перед тем как переехать сюда. Ненавижу его.

Все фотографируются и ставят автографы.

Шел блюет рядом с автобусом.

Клейтон, его друг и еще один парень с девушкой уходят.

Гас обнимает Кейти (Это я должен обнимать ее.)

Говорит, как восхитительна она была сегодня. (Это должен быть я).

Как он гордится ею. (Это должен быть я).

Как он по ней скучал. (Это я скучаю по ней, хотя она в пяти шагах от меня).

Водитель открывает дверь и вопит:

— Густов, отправляемся через две минуты.

Кейти грустно улыбается. Она не хочет, чтобы он уезжал. Эта улыбка убивает меня.

Он крепко сжимает ее в объятиях и целует в лоб.

— Спасибо, Опти. Завтра позвоню тебе. Я люблю тебя.

Когда она отвечает, что тоже любит его, мне сносит крышу.

— Почему ты не сказала мне, что ты — с ним? — С отчаяньем в голосе спрашиваю ее.

Неужели это я?

— Что? — Она сконфужена. — Гас и я, мы не вместе.

Он выпускает ее из объятий.

Я делаю шаг вперед.

— Ты ужасная лгунья, — слишком громко говорю я.

Неожиданно Кейти исчезает из поля зрения, и я оказываюсь подбородок к груди к нему.

— Никто не смеет с ней так разговаривать. — Звучит как угроза.

Я хочу, чтобы он ударил меня. Выбил из меня все это. Поэтому прищуриваюсь и насмешливо говорю:

— Я не с тобой разговаривал, бро. — Я такой идиот, когда пьяный.

Его терпение вот-вот лопнет, я чувствую.

— Ты не знаешь меня. И не надо, черт возьми, называть меня бро.

— Отсоси.

Гас хватается за футболку.

— Что ты только что сказал?

Я не успеваю ответить, когда кто-то обхватывает меня сзади. Над ухом раздается громкий, твердый голос Дунка:

— Хватит, Бэнкс. — Футболка разорвана до середины, и ублюдок больше не держит меня. Друг пытается привести меня в чувство. — Расслабься, чувак. Хватит.

Кейти снова появляется передо мной.

— Он мой лучший друг, Келлер. В чем проблема? — Она не злится, просто обижена.

У меня вырывается хриплый дебильный смешок.

— В чем проблема? — Понижаю голос, чтобы только она слышала меня. — Проблема в том, что я не трахаю своих лучших друзей. — Она меняется в лице. Знаю, я должен заткнуться, но слова так и продолжают литься из меня: — Что, правда глаза режет? — Дунк оттаскивает меня, и я больше не сопротивляюсь этому. Тычу пальцем в него. — Ты выиграл, бро. — Задыхаясь, говорю я. И повторяю про себя: — Ты выиграл. — Во мне поднимается злость от поражения. — Она вся твоя.

В следующий миг я уже сижу в машине. Отключившаяся Шел лежит на пуфах.

Всю дорогу Дунк отчитывает меня. Я не в настроении это слушать.

Это все, что я помню до того, как отключится в своей кровати, предварительно заблевав ее.

Келлер

Если бы существовала премия «Самый большой в мире мудака», то вчера вечером я бы определенно выиграл ее. На душе так дерьмово.

Когда просыпается Дунк, мы идем в «Граундс», покупаем по чашке кофе и возвращаемся в квартиру для тет-а-тет разговора.

— Келлер, дружище, что вчера было? — Я знаю, что тебе нравится Кейт, но вчера все было за гранью. Это не был Келлер, которого я знаю. Никогда не видел тебя таким.

Дунк не столько ругается, сколько просто разговаривает.

— Я знаю, — говорю, не отводя взгляда от своей чашки кофе.

— Ты разговаривал с ней сегодня утром?

Качаю головой, что вызывает острую боль. Даже от мысли о разговоре меня охватывает ужас. Я должен извиниться, но пока не готов к этому. Я не зол на нее, нет. Я зол на себя. Не хочу, чтобы она снова видела мою злость, даже если она направлена не на нее.

— Она была тут вчера, ты знаешь?

Вот это новости.

— Что? Кейти приходила сюда?

— Да, через минут тридцать, после того, как мы вернулись домой.

Отлично. А я отключился в луже собственной блювотины. Это говорит о многом.

— Она переживала за тебя.

— Она переживала за меня?

Он кивает.

— Мы долго разговаривали. Ты много для нее значишь, Келлер. Ей было очень больно видеть тебя таким расстроенным.

Закрываю лицо руками.

— Я обращался с ней, как с куском дерьма, Дунк. Я обращался с ней, как с куском дерьма, а она не хочет, чтобы я расстраивался. — Смеюсь от того, насколько абстрактна вся эта ситуация.

— Я знаю, ты отказываешься от любых потенциальных отношений из-за того, что случилось с Лили, но прошло уже почти четыре года. Я тоже ее любил, дружище, но настало время двигаться вперед.

Тру ладонями горящие глаза. Сейчас ее имя не причиняет мне боль, как раньше.

— А что насчет Стеллы?

Он приподнимает брови с таким видом, как будто у него нет ответа на этот вопрос.

— Послушай, Бэнкс, это твоя жизнь, но Кейт очень хороший человек. Она так добра к Шелли, ты видел, как она изменилась с тех пор, как общается с Кейт. Шелли без ума от нее, а это означает, что и я тоже. Поговорив с ней вчера, я могу честно сказать, что Кейт, наверное, самый заботливый и искренний человек, которого я встречал. Она то, что нужно, дружище. Я задал ей кучу вопросов, и она ответила на все, хотя и не обязана была. У нее с Гасом очень близкие отношения, но я верю, когда она говорит, что они просто друзья. Она знает парня всю свою жизнь.

— Она спала с ним, — прерываю я его.

Он снова поднимает брови.

— А ты никогда ничего не делал, не думая о последствиях, Бэнкс?

— Да, но...

Он обрывает меня на полуслове:

— Но что, чувак? Ты даже не знал ее тогда. Не суди. Это нечестно.

У Дунка хорошо получается рассматривать ситуации со всех сторон.

— Ты прав, — выдыхаю я. Голова все еще гудит, но я приподнимаю подбородок и смотрю ему прямо в глаза. — Она мне очень нравится, Дунк. До ужаса. И меня это пугает. Кейти вызывает во мне желание бросить все к черту и переписать будущее. — Мое будущее было расписано, когда я родился. Даже когда я напортачил, мне пришлось очень скоро вернуться в привычную колею. Родители позаботились об этом.

Он улыбается, встает и хлопает меня по спине.

— Я бы мог тебе сказать все это еще два месяца назад. Нужно было просто спросить меня, и тогда не было бы всех этих неприятностей.

— Позвонить ей? — спрашиваю Дунка. Кажется, он лучше в этом понимает, чем я.

— Извиниться нужно обязательно. Отдохни сегодня, а завтра, когда сможешь трезво мыслить, позвонишь ей.

Кейт

Я проснулась с ужасной головной болью в пять утра, нет сил даже на то, чтобы вылезти из кровати и выпить ибупрофен. Боль не проходит все утро. Я знала, что так и будет. Я хотела этого. Сегодня день, которого я со страхом ждала с того момента как наступил октябрь. День рождения Грейс.

В первый раз за все время я до боли скучаю по Сан-Диего. Это такой вид боли, от которого скручивает живот, а голова болит настолько сильно, что я даже не могу нормально видеть. Единственное, что поможет мне — разговор с Гасом. Он в дороге, едет на выступление в Денвер.

По понедельникам, средам и пятницам я настолько загружена занятиями, что с 7:30 до 2:00 у меня нет даже десяти свободных минут. Как только лекция заканчивается, и я выхожу в коридор в 2:01, сразу же набираю Гаса.

— Опти, ты в порядке? — Совсем не похоже на обычное приветствие.

Пытаюсь казаться веселой. Мне уже давно не приходилось притворяться.

— Бывало и лучше. — Едва ли.

— Тяжелый день, да?

— Да. — Это и признание, и согласие, и принятие. Всего в одном маленьком слове.

В груди все сжимается, а горло начинает чесаться. Я знаю, что как только открою рот, то начну плакать. А я не плачу. На моей памяти делала это всего лишь раз. Это было ужасно. Как будто меня разорвало на миллионы кусочки, которые невозможно снова склеить. Не хочу еще раз проходить через этот ад.

Гас некоторое время молчит, а потом начинает рассказывать историю. Господи, я люблю этого парня. Даже по телефону, он знает, что я просто хочу слышать его голос.

— Я все утро думал о Грейс и решил, что если бы у меня была возможность выбрать в какой точке мира сегодня провести время, я бы пожелал оказаться в Сан-Диего и рыбачить на пирсе с тобой и Грейс. Никогда не забуду, как Грейс впервые поймала рыбу. Она вытащила ее из воды и была так возбуждена, пока не осознала, что у нее на крючке настоящая живая рыба. Она сразу расстроилась и стала умолять меня снять и бросить ее воду пока рыбка не умерла.

Эта история немного успокаивает мою боль.

— Да, но на следующей неделе она снова захотела рыбачить.

— И мы никогда не вешали наживку ей на крючок после того случая. — Гас уже не грустит. Я слышу улыбку в его голосе. — Она могла часами сидеть на своем месте и смотреть на удочку. Каждые пять минут она думала, что поймала большую рыбу и как сумасшедшая начинала сматывать леску, пока из воды не показывался крючок. И никогда не огорчалась, что на нем ничего не было. Только облегченно вздыхала.

Я могу представить эту картинку, как будто все было только вчера. Именно это мне и было нужно.

— Что она обычно говорила тебе по дороге домой? Кажется, в рыбной ловле удача обошла меня стороной, Гас.

Он смеется.

— Да, каждый раз.

— А ты отвечал ей: «Это не тебя удача обошла стороной, это просто у рыбы был очень удачный день. К тому же, мы все равно ее не едим, а Ма, если захочет, всегда может купить в магазине»

— Она всегда широко улыбалась в ответ. Так, что ее глаза превращались практически в щелки.

— А потом ты обычно втягивала щеки и вытягивала губы, как у рыбы. А Грейс хохотала и говорила, какая ты дурочка.

Теперь Гас смеется громче.

— У Грейси был самый красивый смех. Она смеялась все время. В этом вы были очень похожи: обе любили смеяться.

— Она была такая счастливая, Гас. Самый счастливый человек, которого я встречала. И даже когда жизнь была полным дерьмом, она не сдавалась и всегда улыбалась. Господи, я так скучаю по ней.

— Я тоже, Опти. Я тоже.

Обычно я стараюсь избегать неприятных разговоров, потому что они вызывают негативные мысли, а порой и того хуже — негативные действия. Но к восьми часам вечера, покидая столовую, я поняла, что достигла своего предела и с чистой совестью могу признаться, что...

Сегодня Действительно Отстойный день.

Я скучаю по Грейс, голова все еще гудит, а желудок болит. По дороге в комнату молюсь: Пожалуйста, Господи, пусть Шугар сегодня не будет дома. Мне нужны тишина, покой и хороший сон.

Даже еще не открыв дверь, слышу голос Шугар. Наверное, сегодня, у Бога выходной.

Сначала я вижу, что она сидит на своей кровати и говорит по телефону, бросая на меня свои излюбленные взгляды «ты мне мешаешь, хочу, чтобы ты ушла». Шугар была на концерте в субботу, и я обратила внимание, что после него она превратилась в полную суку по отношению ко мне.

Я слегка улыбаюсь и киваю ей головой.

— Как дела, Шугар?

А потом я вижу, что работа, которую я закончила и распечатала вчера в библиотеке (потому что у меня нет принтера), та работа, которую нужно сдать завтра в 7:30, потому что мой профессор не верит в технологии и сдачу работ в электронном виде, разбросана по полу и кто-то потоптался по ней грязными сапогами.

Сразу же перевожу взгляд на обувь Шугар. Конечно же, это она.

Обычно, я бы просто пошла в библиотеку и снова распечатала работу, но, как уже было сказано, сегодня был дерьмовый день и я настроена на негативный разговор.

Тем не менее, спокойно говорю:

— Что за черт? — Я просто хочу спать.

Она даже не смотрит на меня.

Подхожу к ее кровати. Кровь закипает, но голос все еще звучит четко и ровно. Таким голосом я обычно разговаривала с мамой, когда была зла на нее, и мне нужно было высказаться, но в комнате была Грейс, а я не хотел ее расстраивать. Я мастерски научилась пользоваться этим голосом.

— Шугар, что за дела, подруга? — Показываю на листы бумаги.

Она игнорирует меня, продолжая что-то шептать по телефону. Не могу поверить в это.

Эта девушка нанесла ущерб моей собственности, а теперь, черт возьми, просто игнорирует меня.

Слегка повышаю голос:

— Шугар, что произошло с моей работой?

Она все еще игнорирует.

К черту.

Она вывела меня из себя. Я не люблю кричать. Крик, для меня, — кульминационный момент потери контроля над собой. Поэтому я не кричу. Вместо этого просто понижаю голос практически до шепота, так, что человеку приходится напрячься, чтобы расслышать его. Так я знаю, что каждое мое слово слушают.

— Шугар, клянусь Богом, я не любитель насилия, но если ты не прекратишь свою беседу и не скажешь мне, что здесь произошло, я вырву этот чертов телефон у тебя из рук и засуну его в твою чертову задницу.

Шугар в шоке широко раскрывает глаза.

— Гм, мне нужно идти. Я тебе перезвоню.

К тому моменту, как она убирает телефон, на ее лице снова появляется дерзкое выражение.

— Что? — огрызается она.

— Подруга? — Показываю на пол.

Она закатывает глаза.

— Это была случайность. Должно быть, смахнула их со стола, когда проходила мимо.

Я качаю головой.

— А потом что? Случайно станцевала на них танец с сомбреро?

Она пожимает плечами.

— Прости. — Самое неискреннее извинение в моей жизни. Она с таким же успехом могла сказать «Да пошла ты».

Хватаю сумку и флэшку со стола и уже в дверях поворачиваюсь и тычу в нее пальцем:

— Знаешь, что, Шугар, мне бы хотелось, чтобы мы подружились, но ты все делаешь для того, чтобы этого не произошло. Ты испоганила и не вернула мне несколько футболок, ты ешь мою еду из холодильника и несколько раз в неделю не пускаешь меня в собственную комнату. Но с меня довольно. — Показываю на пол. — Как ты посмела испортить мою работу? Не знаю, для чего здесь ты, а я для того, чтобы получить образование, потому что это важно для меня. — Прищуриваюсь и сквозь сжатые зубы угрожающе произношу: — С этого момента, держи свои руки подальше от моих вещей.

В ее глазах страх, но она пытается закатить глаза. Это просто жалко. Сейчас она боится меня. Шугар зло выдавливает из себя:

— Как пожелаешь.

Мне хочется придушить ее, тем не менее, я говорю простые, но от этого не менее эффективные слова:

— Пошла в задницу, Шугар. — И хлопаю дверью.

На улице, по дороге в библиотеку холодно и заснежено. Чтобы заново распечатать работу, у меня уходит всего несколько минут, тем не менее, я сижу и еще около часа читаю, пока не успокаиваюсь достаточно, чтобы вернуться в свою комнату.

Ненавижу злиться. Чувствую себя еще более опустошенной, чем до этого.

В комнате Шугар нет. Странно, но чувствую себя немного виноватой, потому что,

скорее всего, она ушла из-за меня. Но как только я оказываюсь в кровати, чувство вины моментально испаряется.

Думаю, Бог все же услышал меня.

Кейт

В последнее время я постоянно принимаю ибупрофен. Сегодня обнаружила, что его осталось совсем на доньшке, поэтому по пути с работы домой, останавливаюсь возле продуктового через дорогу от "Граундс".

Увидев Келлера, едва узнаю его, настолько он бледен. Я не видела его с вечера субботы и совсем не так планировала встретиться с ним — хотела дать ему несколько дней, чтобы остыть. Эгоистичная часть меня, отвечающая за самосохранение, требует развернуться и исчезнуть, пока он не увидел меня. Но сострадающая подавляет ее:

— Он выглядит как смерть. Помогите ему.

Сострадание всегда одерживает верх над самосохранением.

— Келлер? Тебе нужна помощь?

Если я его и напугала, то он никак этого не показывает. С большим трудом

Келлер поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. Он выглядит так, как будто не принимал душ несколько недель — слипшиеся волосы, налитые кровью глаза и огромные фиолетовые синяки под глазами. Понимаю, что он болен.

Келлер безучастно смотрит на меня, и я не знаю: то ли у него нет сил говорить, то ли он просто не хочет.

Дотрагиваюсь до его лба — он пышет жаром и влажный от пота. Меня всегда пугала лихорадка. Когда ее подхватывала Грейси, я не могла спать, поэтому просто сидела на кровати возле нее. Она всегда хотела, чтобы я держала ее за руку.

— Келлер, почему ты не в постели? Ты весь горишь.

Он измучен донельзя. И как только нашел силы, чтобы перейти дорогу?

Осматриваю полки, перед которыми он стоит.

— Что тебе нужно?

Келлер пожимает плечами. Он в каком-то бредовом состоянии.

Пытаюсь взять его за руку, но вместо этого он обнимает меня за плечи, такой тяжелый и беспомощный. Веду его к лавочке возле окошка фармацевта и сажаю на нее. Проконсультировавшись, покупаю себе ибупрофен и таблетки для Келлера. Заодно беру две банки куриного супа с лапшой, одну с томатным супом и пакет апельсинового сока.

Оплатив покупки, возвращаюсь к Келлеру и мы с большим трудом двигаемся через дорогу в его квартиру. Возле двери мне приходится обыскать его карманы, чтобы найти ключ.

Переступив порог, он сразу же падает на кровать. Даю ему лекарства, а потом начинаю обдумывать, как бы охладить его. В конце концов, принимаю решение поступить так, как обычно делала с Грейс. Ему сейчас не до скромности, поэтому раздеваю его до трусов.

Я очень переживаю, когда люди находятся в подобном болезненном состоянии. Переживаю настолько, что хочется уйти и не иметь с этим дела, но я не могу. И не из-за чувства вины, а просто потому, что ты нужен этим людям.

У Келлера двуспальная кровать, но я едва уместаюсь на матрасе рядом с ним. У нее нет спинки, поэтому сажу, прислонившись к стене, держу его за руку, убираю влажные волосы со лба и что-то напеваю про себя. Это дурная привычка, но благодаря ей, я бодрствую. Как только температура спадает, расслабляюсь и засыпаю.

Открываю глаза и какое-то время пытаюсь привыкнуть к темноте. Часы на комодке Келлера показывают 12:17 утра. У меня болит шея, потому что я так и уснула сидя. Голова Келлера лежит на моем бедре, а рукой он обнимает ноги, заключая меня в своеобразную ловушку. Задерживаю дыхание и обращаюсь к всевышнему:

— Пожалуйста, сделай так, чтобы у него больше не было лихорадки.

Нежно дотрагиваюсь до его лба — он сухой и прохладный. Делаю выдох и смотрю на потолок. Большое спасибо, дружище.

Мне хочется в туалет. А еще урчит в животе.

Взвешиваю все за и против. Келлер так мирно спит, и он здесь, со мной.

Поэтому делаю то, что должна. Откидываю голову к стене и наслаждаюсь физической близостью. Прикосновения обычно недооценивают, но человеку просто необходим контакт. В свое время Грейси, Гас и Одри постоянно обнимали меня, держали за руку и целовали в лоб. Мне так этого не хватает. Поэтому сейчас я с жадностью собираюсь воспользоваться каждой секундой наедине с Келлером.

Пытаюсь бороться, но все же сон одолевает меня. Бессонницу сменило непроходящее чувство изнеможения.

Меня будит кашель и на долю секунды инстинкты берут верх над разумом.

— Грейси?

Смешно, насколько беспокойство влияет на сон. Девятнадцать лет я спала одним глазом, другой был всегда на Грейс. Когда кто-то зависит от тебя — чтобы прогнать плохие сны, помочь с туалетом посреди ночи или просто держать за руку, чтобы уснуть — ты меняешься, и на бессознательном уровне эти изменения остаются с тобой навсегда.

— Кейти? — Келлер сбит с толку.

Еще на долю секунды цепляюсь за воспоминания о Грейс, а потом вздыхаю и извиняюсь:

— Прости Келлер. Да, это я, Кейт.

Он убирает голову с моих бедер и кладет ее на подушку. А потом пристально смотрит на меня в темноте.

— Что ты здесь делаешь?

— Я вчера столкнулась с тобой в продуктовом. Ты искал лекарства. Уверена, ты даже не помнишь об этом, потому что был не в себе. Я довела тебя до дома. Дункана не было, и я побоялась оставлять тебя одного. Надеюсь, в этом нет ничего страшного.

— Смотрю на часы. 3:53 утра.

— Ты не обязана была этого делать, — с грустью говорит он.

— Вообще-то обязана. — Улыбаюсь ему. — Я говорила тебе, что у меня аллергия на чувство вины. Я могла бы пройти мимо, но потом бы вся извелась.

Келлер даже не улыбается, поэтому перехожу к самому насущному вопросу.

— Ты голоден? Я купила куриный суп с лапшой. Будешь?

— Мне жаль, Кейти, — шепчет он, извиняясь отнюдь не за лихорадку.

Некоторым людям нужны извинения, потому что прощение — такой величественный и благородный жест, который идет рука об руку со снисхождением. Мне же на это наплевать. Хорошо это или плохо, но я с легкостью прощаю людей.

Убираю волосы Келлера назад и целую его в лоб.

— Я знаю. — Спускаю ноги с кровати и встаю. — Пойду, приготовлю суп.

После ванной комнаты, принимаю три таблетки ибупрофена и начинаю готовить.

Келлер надевает шорты и футболку и присоединяется ко мне. Он пытается помочь, но я отправляю его посидеть в кресле.

— Кто такая Грейси?

— Моя сестра.

У него сонный вид, но на губах играет ласковая улыбка.

— Не знал, что у тебя есть сестра.

Киваю головой, одновременно помешивая суп, который только что начал закипать.

— Старшая или младшая?

— Старшая. — Разливаю суп по чашкам и несу их к кофейному столику перед Келлером.

— Она в Сан-Диего?

Обычно я стараюсь избегать вопросов о моей прошлой жизни. Слишком уж это личное, особенное. Но по какой-то причине прямо сейчас я чувствую потребность поговорить о Грейс.

— Вчера был ее двадцать первый день рождения. Она — моя героиня. Я всегда равнялась на нее. Она была самым чистосердечным человеком. — Келлер сидит в кресле и, несмотря на его ужасный вид, выглядит он исключительно спокойным. Он так внимательно меня слушает, как будто нет ничего важнее этого разговора. И от этого мне хочется разделить воспоминания о Грейс с тем, кто никогда ее не знал.

— Ты когда-нибудь встречал абсолютно счастливого и довольного всем человека? Такого, рядом с которым находится... заразно, потому что тебе сразу же хочется стать лучше, чтобы быть достойным его.

Он улыбается и кивает. Я знаю, что Келлер понимает, о чем я говорю. В его жизни есть своя Грейс.

Я киваю в ответ и тоже улыбаюсь, хотя внутри мое сердце разбивается на миллионы кусочков и каждый из них несет частичку моей скорби.

— Такой была Грейс.

Он смотрит на меня так, как будто подозревает худшее, но боится об этом сказать. Поэтому я решаю пощадить его нервы и отвечаю на незаданный вопрос:

— Она умерла в мае прошлого года из-за осложнения после пневмонии и заражения крови. Я три раза привозила ее в скорую прежде чем ее положили в больницу. Она не могла дышать, и была до ужаса бледной. Я так психанула, когда во время последнего визита они пытались отослать нас домой с рецептом на лекарство от кашля, что меня чуть не выпроводили с охраной на улицу. Но в итоге они все же приняли ее. — Делаю глубокий вдох, а потом продолжаю свой рассказ. — В ее легких оказалось полно жидкости, и в первый же день в больнице она подхватила заражение крови. Через двое суток она умерла. — Закрываю глаза, пытаюсь сдержать слезы.

Пытаюсь напомнить себе о том, что никогда не плачу. Чувствую, как начинают дрожать губы. Единственный раз я плакала в ночь, когда ушла Грейс.

Я не открываю глаза, когда Келлер берет меня за руки и поднимает. Не открываю их и тогда, когда он крепко прижимает меня к себе, а я орошаю его футболку своими слезами. Я не открываю глаза даже когда он, глядя меня по спине, тихо шепчет:

— Соболезную, Кейти.

Открываю я их лишь, когда мне становится легче. Отпускаю футболку Келлера, которую сжимала пальцами на спине и делаю шаг назад, вытирая глаза ладонями.

Делаю глубокий вдох и смотрю на него.

— Мне жаль. Ты не обязан был этого делать.

Уголок его рта дергается в улыбке, но в ней нет веселья.

— Вообще-то, обязан.

— Что, тоже аллергия на чувство вины?

— Нет. Мне плохо от того, что тебе грустно. Что-то пошло неправильно, если вселенная позволила этому случиться. Ты и грусть... просто несовместимы. — Он опять обнимает меня. — Ты сказала, что не любишь говорить об этом. Поэтому, никогда не упоминала о ней раньше

Опять хватаю его за футболку. Мне нужно держать себя в руках.

— Это больно. Она была для меня целым миром. Знаешь, каково это, когда в твоей жизни есть кто-то особенный, кого любишь до безумия, а потом его у тебя забирают... навсегда.

Келлер кладет подбородок мне на макушку и крепче сжимает в объятиях.

— Знаю.

— Прости. Я не хотела жаловаться... просто это такая мука, ведь правда? — шмыгая носом, спрашиваю я.

— Правда, соглашается он

— Ты не обязан отвечать, если не хочешь, но кто это?

— Моя девушка. Невеста. Все произошло четыре года назад. Ее звали Лили. — Келлер вздыхает, но это больше похоже на облегчение от того, что он произнес эти слова вслух, чем на грусть.

— Ты никогда не говоришь о ней. Кто-нибудь в курсе? — Я так и стою, прижавшись щекой к его груди. Не хочу смотреть на него, потому что зрительный контакт может оборвать его желание откровенничать.

— Дунк и Ром. Я не распространяюсь о своей жизни в Чикаго здесь, в Гранте. К тому же, как ты и сказала, это больно. Хотя уже не так, как раньше. Не то, чтобы я не скучаю по ней... но я понял, что живых тоже нужно любить. Любить кого-то еще, не значит предать свои чувства к ней. До нее я и не знал что это такое. Мои родители очень... целенаправленные. Они не дарили мне любовь... только всегда чего-то ожидали — хорошего поведения, хороших манер, отличных оценок. Они ожидали, что я буду соответствовать всем их требованиям. Родители хотели, чтобы я пошел учиться в юридическую или медицинскую школу, потому что моя мама — юрист, а папа хирург. Вся моя жизнь была попыткой оправдания их надежд, пока я не встретил Лили. Она любила меня, не ожидая ничего. Я чувствовал себя таким свободным. Когда я потерял ее, я потерял и свободу. Все ожидания вернулись, но уже с целым сводом новых правил.

Поднимаю глаза и смотрю на него, потому что это уже не просто потеря любимого человека, это потеря самого себя.

— Келлер, это твоя жизнь, и только ты ее творец, дружище.

Он усмехается.

— О нет, я совсем не творец, а всего лишь пассажир. Стелла, вот кто главный.

— Стелла? — Тут моему сердцу стоило бы разбиться, но я рада за него. Я знаю, что нам не быть вместе (особенно после рассказа о Лили), но мысль о том, что в его жизни есть женщина, которая любит и делает его счастливым, радует меня. Искры между нами и все, что случилось на концерте — это просто недопонимание с моей стороны. Мы — друзья, а

Стелла — его сказочная фея.

Он наклоняет голову на бок и смотрит на меня, как будто что-то решает для себя.

— Что ты делаешь на выходных?

— Скорее всего, буду заниматься. А что?

— А не хочешь позаниматься в Чикаго? Я хочу, чтобы ты познакомилась со Стеллой. —

Келлер улыбается своей фирменной улыбкой, которой я просто не в силах противостоять.

Вспоминаю нашу поездку в Милуоки и как мне пришлось его убеждать поехать со мной.

— Ты всегда такой импульсивный? — подшучиваю я.

Его рот растягивается до ушей, и он выразительно качает головой.

— Никогда. Ты оказываешь на меня ужасное влияние.

— Нужно признаться, что я очень любопытная. Так что мне бы хотелось поехать с тобой в Чикаго и посмотреть на эту загадочную Стеллу.

Келлер снова обнимает меня, но как-то по-другому, по-дружески. Уверена, я смогу со временем относиться к нему также. Он целует меня в макушку и это напоминает мне о Гасе.

— Спасибо, Кейти. Ты замечательная девушка, хотя и оказываешь на меня плохое влияние.

— Это одна из самых милых фраз, которую я слышала в свой адрес. Ты и сам не так уж плох.

Он смеется.

— Я дурак, но все равно, спасибо.

Со вздохом освобождаюсь из его объятий.

— Тебе стоит отдохнуть, дурачок. Никаких занятий или работы на сегодня. Ты все еще выглядишь, как живой труп.

Келлер качает головой.

— Ты просто засыпала меня сегодня комплиментами.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Прости Келлер, но это правда. Понимаю, что женщины, скорее всего, тебе никогда такого не говорили, но, дружище, у тебя была тяжелая ночь. Так что, давай, ешь свой суп, принимай душ и отправляйся в постель.

Он сонно улыбается.

— Мне нравится, когда ты так категорична.

Я закатываю глаза, хотя мне и самой нравится, когда рядом находится человек, с которым так легко общаться. Подогреваю еще раз суп, мы едим, потом Келлер идет в душ, а я мою посуду. В пять утра я укладываю его в постель и целую в лоб.

— Теперь от тебя пахнет гораздо лучше.

— Кейти, ты нанесла сокрушительный удар по моему эго.

— Спокойной ночи, Келлер. Позвони мне позже и дай знать как у тебя дела, хорошо?

— Хорошо, доктор Седжвик.

Уже возле двери он останавливает меня.

— Могу я кое-что спросить?

— Валяй.

— Почему никому не сказала, что ты — рок-звезда?

Мне становится смешно от нелепости этого титула.

— Гм, потому что я — не рок-звезда. Это работа Гаса, а не моя.

— Ты была невероятна. У тебя такой красивый голос. Не могу поверить, что никто не знал.

Пожимаю плечами. Я старательно избегала вопросов в кампусе всю неделю, говоря, что меня, наверное, с кем-то перепутали.

— Помнишь, ты сказал, что не распространяешься о жизни в Чикаго здесь, в Гранте?

Он кивает.

— Вот так и я. — И это правда.

— Спасибо за то, что позаботилась обо мне, Кейти.

Улыбаюсь ему и закрываю за собой дверь. По дороге в общежитие, мне пришлось дважды останавливаться и садиться. Все тело невыносимо ломит. Я вымотана до предела, поэтому, едва войдя в комнату, не раздеваясь, падаю на кровать.

Просыпаюсь только к обеду.

Келлер звонит в 2:45, когда я иду в цветочный магазин на работу. Он говорит, что чувствует себя гораздо лучше и спрашивает мой e-mail. Получаю от него четкие инструкции проверить почту, как только приду домой.

Вечером, открыв компьютер, обнаруживаю подтверждение о бронировании билетов в Чикаго на вечер пятницы и в Миннеаполис на вечер воскресенья. Что? Я думала, мы поедем на машине. Когда я перезваниваю ему по поводу билетов и их стоимости, он просто отмахивается от меня и говорит, что это подарок за то, что я была отличной сиделкой.

Кейт

В 4:15 заезжаю за Келлером и мы едем в аэропорт. Судя по всему, ему нестерпимо хочется высказаться по поводу моего опоздания, так как я должна была подъехать в 4:00. Если принять во внимание, что наш вылет в 6:30, то становится очевидным, что он из тех парней, кто прибывает в аэропорт за два часа до часа икс. Но меня это даже не удивляет. Я же отношусь к числу тех девушек, которые забегают в самолет за две минуты до взлета.

Так как у нас нет багажа, мы быстро проходим контроль безопасности и занимаем места в зоне вылета в 5:15. Я могла бы упрекать его, но не стала этого делать. Келлер старается все делать вовремя, и я ценю это в нем. Мне следовало бы равняться на него.

Мы решаем перекусить, потому что ужин с мамой Келлера будет поздним. По какой-то причине, меня это немного нервирует. Мне все равно, что она юрист и, вероятно, состоятельный. Я могу найти общий язык практически с любым человеком... На моем пути встречались разные индивидуумы. И знаете что? Они все — люди, как и я. Так что такие вещи меня не впечатляют. Что меня нервирует, так это интонации в голосе Келлера, когда он говорил о родителях вчера вечером. Там были страх и обида. Это всегда вызывает неловкость при общении. Хорошо, что отличный буфер в таких случаях.

Закончив перекусывать, решаю позвонить Гасу и рассказать, куда я направляюсь. Последние несколько дней мы переписывались по смс, но я так и не сообщила ему, что еду в Чикаго, потому что не знала, насколько буду занята на этих выходных. Мне не хотелось, чтобы он думал, что я его игнорирую. Мне также не хочется быть невежливой, разговаривая в присутствии Келлера, поэтому спрашиваю, не возражает ли он, если я быстро позвоню по телефону.

— Конечно, нет. Разговаривай сколько нужно, — говорит Келлер.

Гас берет трубку на втором гудке.

— Морг имени Гаса: вы убиваете — мы успокаиваем.

Так он меня еще не приветствовал. Меня разбирает громкий смех.

— Привет, Гас.

— Опти, как дела в царстве десяти тысяч озер?

— Думаю, это неверно, потому что за три месяца я не видела ни одного чертова озера. Я в аэропорту, дружище, лечу в Чикаго на выходные. А как у тебя дела, амиго?

— Через тридцать минут саундчек. Я только что съел то, что может войти в историю, как самая некитайская китайская еда, которую я пробовал. Как-то странно обнаружить в китайском супе с яйцами (даньхуатан) кукурузу, сладкий картофель и зеленые бобы.

— И правда странно. К тому же, его, скорее всего, приготовили на курином бульоне. Надеюсь, тебя не проберет на выступлении.

Келлер занимается своими делами, читая учебник на ноутбуке, но я замечаю, что на последней фразе на его лице проскальзывает улыбка.

— Официантка поклялась жизнью первого ребенка, что бульон овощной.

— Дружище, а что если у нее нет никаких детей? Или она атеистка?

— Хм, об этом я не подумал. Тогда есть вероятность, что я попал. А зачем ты летишь в Чикаго?

— Келлер пригласил меня. Он из Чикаго.

— А это хорошая идея? — В голосе Гаса чувствуется предостережение.

Я кратко отвечаю, что да и украдкой смотрю на Келлера. Он, явно чувствуя неловкость, меняет позу в кресле.

Гас фыркает.

— Послушай, я знаю, что ты большая девочка, но ты моя девочка и я переживаю за тебя. Знаю, по твоему мнению, он хороший парень и просто перепил в прошлую субботу, но это не меняет того факта, что чувак был абсолютно не в себе.

— Дружище, я — большая девочка. Все в порядке.

Келлер трогает меня за плечо и показывает, чтобы я дала ему телефон. Я с выпученными глазами качаю головой. Он вздыхает и опять жестами просит телефон.

— Ты покойник, — шепчу я и вручаю его ему.

Келлер прочищает горло и прикладывает телефон к уху.

— Гас? Гас, это Келлер.

Я слышу голос Гаса, но не разбираю слов. Он говорит очень громко. Несмотря на внешний вид, Гас совсем не буйный парень. Нужно очень постараться, чтобы он начал ругаться. Но, если он начал... то он начал.

— Гас? Гас, — говорит Келлер, пытаюсь вставить хоть слово. — Пожалуйста, могу я кое-что сказать? Буду краток. Извини. Извини, что был груб с тобой. Извини за мое отношение к Кейти. — Он смотрит на меня. — Я очень сожалею. Если бы я мог взять свои слова обратно, то сделал бы это. Чувствую себя полным дерьмом...

Гас обрывает его на полуслове.

— Я знаю. Такого больше не повторится...

Гас опять прерывает его.

— Ты прав. Она не заслуживает такого...

Опять Гас что-то говорит, но уже тише.

Келлер кивает головой, как будто Гас его может видеть.

— Да, я позабочусь о ней. Мы остановимся в доме моих родителей.

Опять Гас.

— Спасибо. До связи, Гас.

Келлер отдает мне телефон.

Почему у меня такое чувство, что мне четырнадцать, и я иду на свое первое свидание?

Прикладываю телефон к уху.

— Дружище, или следует говорить Папочка? Я что в пятом классе?

Гас раздражен, но понимает, что неправ.

— Опти, — он замолкает и до меня доносится щелчок зажигалки и глубокий вдох.

— Ты должен бросить. — Не могу сдержать улыбку. Он услышит и расслабится. Я это знаю. Гас тоже не может долго злиться. В этом мы с ним очень похожи.

— Иногда ты сводишь меня с ума. — Гас улыбается. Он не хочет, но ничего не может с собой поделать.

— Я знаю, дружище. Прости, но это одна из прерогатив проживания в своем собственном мире, где светит солнце и сияет радуга.

Он смеется.

— Ты забыла про единорогов.

Я тоже смеюсь.

— Забыла. Спасибо за напоминание. Отлично тебе сегодня выступить, дружище.

— Спасибо, Опти. Хорошего тебе путешествия. Позвони, если что-то будет нужно. Ты знаешь, где меня найти.

— И ты тоже. Люблю тебя, Гас.

— И я тебя люблю.

— По.

— Ка.

Келлер смотрит на меня и качает головой.

— Это самый странный из всех разговоров, которые я слышал.

— Это одна из привилегий проживания в своем собственном мире, где светит солнце и сияет радуга, — пожимаю плечами и повторяю специально для него.

— И бродят единороги.

На моем лице расплывается улыбка.

— Почему, черт возьми, я постоянно забываю о единорогах?

Келлер смотрит на меня и все веселость исчезает с его лица.

— Гас вроде бы хороший парень.

Я согласно киваю головой.

— Так и есть. Он мой лучший друг. А быть хорошим человеком — это самый первый пункт в списке «как стать моим лучшим другом».

Уголок его рта приподнимается в улыбке.

— Он немного покровительственно к тебе относится.

— Прости за все это, — пожимая плечами, говорю я. — Судя по тому, что я смогла услышать, он был в образе “Гасу шесть лет”. Ты определенно не захотел бы с ним встретиться, когда ему было восемь-девять. Отца никогда не было рядом, поэтому Гас иногда примеряет на себя эту роль.

Келлер удивленно поднимает брови. "Ты так думаешь?"

— Прости.

Келлер кладет руку мне на колено.

— Мне действительно жаль, Кейти.

Я смотрю на его руку, а потом перевожу взгляд на глаза.

— Я знаю. — С этими словами я беру его за руку, встаю и тяну за собой.

— Пошли.

Мне нужно сменить тему разговора.

Он тоже встает, и я отпускаю его руку.

— Куда мы идем? — спрашивает Келлер.

— Смотреть закат. — Я уже несколько дней не наблюдала, как садится солнце и чувствую, что мне это крайне необходимо.

Мы проходим в другой конец зала и сквозь окна молча наслаждаемся заходом.

К тому моменту, как мы возвращаемся на свои места, нас обоих охватывает умиротворение.

Наш рейс отправляется во время. Не успеваю закрыть глаза, как Келлер уже будит меня, потому что мы приземлились. Даже не думала, что я такая уставшая. Засыпала я, положив голову на его плечо, и, оглядываясь назад, это немного странно, если учесть, что я знала, что меньше чем через час встречу с его девушкой.

Такси останавливается возле шикарной многоэтажки с явно недешевыми апартаментами. Возможен, о даже тут живет Опра.

— Добрый вечер, мистер Бэнкс, — приветствует Келлера швейцар. Он также официально отвечает ему. Такое ощущение, что мы находимся в параллельной вселенной. По пути нам встречаются деловито спешащие и все как на подбор взволнованные люди, затянутые в костюмы с портфелями в руках. Ничего не имею против. Только никто из них не улыбается. Это грустно. Здесь и сейчас все движется и живет... вот только жизни нет. Это различие ощущается очень остро.

Мы поднимаемся на лифте на тридцать второй этаж сорокаэтажного здания.

— Твои родители всегда тут жили?

Келлер явно нервничает.

— Да. Тридцать лет. Я вырос тут.

Так и хочется сказать, что мне очень жаль, потому что менее приветливой обстановки для детей я не встречала. Но не мне судить. Стоит притормозить и отнестись ко всему непредвзято.

— И как это было?

Мы выходим из лифта и оказываемся в холле с белыми мраморными полами и стенами из красного дерева. Рядом с единственной дверью находится античный резной столик, на котором стоит ваза с большим букетом свежих цветов. Келлер достает из кармана джинсов ключ и оглядывается, перед тем как вставить его в замок.

— Ты скоро это узнаешь.

Он открывает дверь и заходит внутрь вперед меня. Осмотревшись, Келлер дает мне знать, что все чисто и приглашает войти. Такое ощущение, что мы находимся в военной зоне. Мы снимаем обувь и ставим ее возле двери. Келлер берет мое пальто с сумкой, и я следую за ним через гостиную в коридор. Он останавливается возле двери и заглядывает внутрь.

— Стелла, милая, ты тут?

Никогда не слышала, чтобы его голос звучал так нежно и мягко. Ему идет.

Келлер закрывает дверь.

— Должно быть она с Мелани. Давай положим твои вещи в комнате для гостей.

— Хорошо.

Комната для гостей просто великолепна. Практически все пространство занимает огромная кровать с шикарным бордовым покрывалом, которую запросто можно представить в каком-нибудь замке. Уверена, только постельные принадлежности стоят больше, чем моя машина. Келлер складывает пальто и рюкзак на роскошный античный диван, стоящий напротив кровати.

— Пойдем, посмотрим, есть ли кто дома. — Он предлагает мне руку, и я беру ее. Знаю, мы друзья и хотя я не против подержаться за руки с друзьями, в данный момент это ощущается немного неуместно.

Отмечаю про себя, что у Келлера немного вспотела ладонь.

Возле двери я торможу. Что-то не так. Келлер нервничает, но к этому примешивается что-то еще... похожее на страх. Он останавливается и поворачивается ко мне лицом. Как только я встречаюсь с ним глазами, начинаю говорить:

— Дружище, ты в порядке? — Его тело натянуто, как струна, в широко открытых глазах плещется тревога, как будто он мысленно и физически готовится к чему-то ужасному.

— Давай поскорее покончим с худшей частью, — коротко кивнув, отвечает Келлер.

Я сжимаю его руку, и мы направляемся в другой конец апартаментов. Он стучит в запертую дверь. Я слышу, что на другой стороне кто-то разговаривает. Келлер очень

медленно начинает открывать дверь, за которой взрослая, темноволосая женщина в черной юбке-карандаш, красной шелковой блузке и черных туфлях на высоких каблуках ходит из угла в угол перед огромным рабочим столом из розового дерева. Ее телефон на громкой связи, она со скоростью света задает кому-то вопросы и так же быстро получает ответы. Эта женщина знает, что она — главная и человек по ту сторону трубки зависит от нее. Выражение ее лица говорит мне, что она наслаждается этим. Наконец она завершает разговор, с раздражением отключаясь от собеседника.

Ничто не меняется в ней, когда она замечает Келлера.

— Келлер.

— Мама, — коротко кивает он.

— Ужин в восемь. Надеюсь, ты будешь соответственно одет к этому времени. — Это оскорбительно и унижительно. Как будто перед ней стоит проказливый восьмилетний незнакомый ребенок.

На Келлере сегодня черные джинсы и черная рубашка с длинными рукавами. На мой взгляд, он выглядит чертовски хорошо.

— Где Стелла? — игнорируя сказанное, спрашивает он.

— В музее искусств с Мелани. Наверное, они застряли в пробке. — В этот момент она замечает позади Келлера меня.

— О, — единственное слово, вырывающееся из ее нее.

Никогда в жизни мне не хотелось съезжиться и просто исчезнуть. Сейчас же это желание просто невыносимо. Но вместо этого я делаю глубокий вдох и натягиваю на лицо свою лучшую улыбку из арсенала "рада с вами познакомиться". Именно ее я обычно тренировала на всех маминых ухажерах, которыми она хотела меня впечатлить. Выхожу из-за спины Келлера и протягиваю руку.

— Рада с вами познакомиться, миссис Бэнкс. Меня зовут Кейт Седжвик. Мы вместе с Келлером учимся в Гранте.

Она крепко пожимает мне руку. Предполагается, что это должно меня напугать, но я могу играть в такие игры.

— Ты говоришь, что тебя зовут Кейт? Келлер никогда не упоминал о тебе до этого. — Это должно было меня ранить. Она внимательно осматривает меня с ног до головы и морщит нос, как будто от меня плохо пахнет.

— Это меня не удивляет, — пожимая плечами, отвечаю я. — Мы дружим всего несколько месяцев. Он пригласил меня с эту поездку в последнюю минуту. Надеюсь, я вам не помешаю? — Ради Келлера мне нужно держаться дружелюбно.

Она поворачивается, садится в кресло за рабочим столом и достает очки для чтения.

— Поздновато для подобного вопроса, ты не находишь, дорогая? — не отрывая взгляд от документа в руках, отвечает мне эта женщина. — Это ее "дорогая" — определенно оскорбление. Она так и продолжает чтение. Судя по всему, разговор с нами завершен.

Я делаю шаг вперед и чуть повышаю голос, пытаюсь привлечь ее внимание:

— Правда, миссис Бэнкс? Слишком поздно? Если так, то я буду рада снять номер в отеле.

Она что-то пишет, продолжая игнорировать меня.

— Госпожа, со всем уважением, но я задаю вам вопрос. Не могли бы вы посмотреть на меня?

Она откладывает ручку и сузившими глазами изучает меня.

— Будешь ночевать в гостевой комнате. Я запрещаю спать с моим сыном под крышей моего дома. — С этими словами она опять берет в руки ручку и продолжает быстро писать.

Я в шоке.

— Простите...

Келлер внимательно рассматривает свои носки.

— Когда должна вернуться Стелла, — кипит от злости и не глядя на мать, обрывает он меня на полуслове.

Она с раздражением отмахивается от него как от мухи.

— Не знаю. Позвони Мелани.

Келлер достает из кармана телефон и, хватая меня за рубашку, тащит за собой в коридор. Я закрываю дверь, радуясь, что она разделяет нас и эту раздражительную злобную женщину. Келлер просматривает контакты в телефоне, когда мы слышим, как открывается входная дверь.

— Давай мне пальто, сладкая, — раздается женский голос и следом за ним детский смех. Смех ребенка — самый чистый звук на земле. Я могла бы слушать его не переставая, весь день.

На лице Келлера расцветает улыбка, которую я еще не видела на нем. Она излучает тепло, любовь и гордость.

— Стелла дома. Пошли. — Он прикладывает указательный палец к губам, прося меня быть по-тише и мы на цыпочках входим в коридор, где элегантная блондинка вешает пальто в шкаф. Она выглядит примерно одного возраста с Келлером. Это и есть Стелла. Она сногшибательна. У хихикающей маленькой девочки длинные кудрявые темно-рыжие волосы. Они локонами падают на ее плечи. Раскинув руки в стороны, девочка кружится, пока ей не становится дурно, и она падает на пол, начиная смеяться еще громче. Не знаю, кто это, но мне так и хочется схватить и обнять ее. Она такая счастливая. Я могла бы впитать в себя частичку ее счастья, которое пригодилось бы прямо сейчас.

Блондинка поворачивается и замечает Келлера. На ее лице сразу же расплывается улыбка. Вот она, волшебная сказка Келлера. Я рада за него, за них. Но на мгновение, мне захотелось, чтобы она была моей.

А потом, как по мановению волшебной палочки, все, что я думала и представляла себе — меняется.

Маленькая девочка поднимает взгляд на красивую женщину и понимает, что та смотрит на что-то в другом конце комнаты. Она оглядывается, пока ее взгляд не упирается в Келлера. Ее глаза вспыхивают, как фейерверки на четвертое июля. Как будто нет ничего более важного и чудесного на всем белом свете, кроме него.

— Папочка, — вскакивая на ноги, кричит девочка и бежит к нему.

Папочка?

Он становится на колени, ловит ее и крепко обнимает.

— Привет, Стелла. Я так по тебе скучал, малышка.

— Я тоже скучала по тебе, папочка. — Она выбирается из объятий и целует его в губы.

Черт возьми! У Келлера есть дочь! Она восхитительна.

И любопытна. Девочка смотрит на меня такими же голубыми как у Келлера глазами, и машет маленькой ручкой.

— Привет. Ты кто?

Я улыбаюсь, машу ей в ответ и становлюсь на колени позади Келлера, чтобы быть на

одном уровне с ней.

— Привет, Стелла. Я — Кейт, подруга твоего папочки.

Она отодвигается и вопросительно смотрит на Келлера.

— У тебя тоже есть друзья, папочка?

Он смеется и кивает.

— Есть.

— И вы вместе играете? Как я с Эбби?

Келлер снова смеется.

— Не совсем так.

По мере обдумывания его ответа, ее улыбка тухнет.

— Плохо, потому что совместные игры — это весело.

Она выбирается из его рук и идет прямо ко мне. Я все еще стою на коленях.

— Хочешь посмотреть на мою черепаху? Ее зовут Мисс Хиггинс.

— Определенно, — киваю головой я.

Она берет мою руку и тянет в комнату, в которую заглядывал Келлер, когда мы только зашли. Келлер следует за нами. После общения с мисс Хиггинс я знакомлюсь с Мелани, красивой блондинкой. Она — няня Стеллы, спокойная и милая девушка, которая явно обожает девочку. Мне она сразу же понравилась.

Едва дотянув до конца ужина с миссис Бэнкс, Келлер, Стелла и я уходим в детскую, чтобы малышка могла подготовиться ко сну. Пока они плескаются в ванной комнате, я сижу в большом удобном кресле. Келлер оставляет дверь открытой, поэтому я вижу и слышу их. Искупав Стеллу, он помогает ей надеть мягкую розовую пижаму, а потом наблюдает, как она чистит зубы.

— Отличная работа, детка. — Гордая собой, Стелла взбирается на большую кровать и хлопает ладошками по обеим сторонам кровати, приглашая нас присесть.

— Что тебе почитать сегодня, мисс Стелла? — спрашивает Келлер перед тем как поцеловать ее в кудрявую макушку.

— Гм, — раздумывает она. Малышка такая же мыслительница, как и папа. — Книжку про пони. Только я хочу, чтобы ее почитала Кейт, папочка. Можно? — Она явно склонна к дипломатии и это в возрасте трех с половиной лет.

— Конечно. Я тоже хочу, чтобы Кейти почитала. — Он подмигивает мне поверх ее головы.

Я начинаю читать книжку про пони. Случайно или нет, но это одна из любимых книг Грейс. Я, наверное, читала ее раз двести, поэтому очень мастерски изображаю лошадиное ржанье и стук копыт. Когда я переворачиваю последнюю страницу, Стелла начинает хихикать.

— Ты такая глупенькая, Кейт.

— Я знаю. — Щекочу ее бока, и она хихикает еще громче. — Но так смешнее.

Вскоре у нее начинают закрываться глазки. Она смотрит на Келлера.

— Ты сыграешь мне перед сном?

— Конечно. — Он целует ее в лоб, встает с кровати, достает со стойки в углу комнаты акустическую гитару, возвращается на свое место и устраивается так, чтобы видеть нас обеих.

— Знаешь, я ждала этого момента с тех, пор как увидела гитару в твоей комнате. — Не могу сдержать улыбку я.

Опустив взгляд, Келлер сосредоточенно перебирает струны, настраивая инструмент, но уголки его губ тоже растягиваются в улыбке.

— Не возлагай на меня слишком больших надежд. Это так, для развлечения.

Обнимаю Стеллу, она прижимается поближе ко мне и Келлер начинает играть.

С третьей-четвертой ноты я узнаю песню.

Так же как и Стелла. Она начинает хлопать в ладоши.

— Моя любимая, папочка.

Откровенно говоря, он хорошо играет и вполне уверенно держит гитару в руках. Если ему попрактиковаться, то он будет великолепен. Еще одна галочка в его пользу, из-за чего мне невероятно сложно сопротивляться Келлеру.

Когда он заканчивает играть, я вопросительно поднимаю брови.

Келлер в ответ поднимает свои.

— Что? — тихо спрашивает он уголком рта, как будто пытается оставить это между нами, чтобы Стелла не слышала.

— "The Cure" — это такая посредственность. — Возвращаю обратно слова, которые он мне сказал несколько недель назад. Пытаюсь сузить глаза, но против воли на лице расплывается улыбка. "Lullaby" всегда была одной из моих любимых песен и несмотря на отсутствие пения, сыграл он ее красиво.

Келлер пытается сохранить непроницаемый вид, но ему это не удается.

— Я лгал. Мне нравится The Cure и...да, Роберт Смит — божественен. Рада?

— Угу. — Теперь я довольна.

— Папочка, а сыграй еще, — умоляет Стелла, складывая ладошки на груди. — Пожаалуйста.

Келлер смеется.

— У меня идея. — Он переводит взгляд на меня. — Давай послушаем, как поет Кейти.

Стелла поднимает голову. Ее большие глаза смотрят на меня с предвкушением. Я еще даже не согласилась, но уже пытаюсь придумать, что же исполнить. Пока я раздумываю, Келлер и Стелла в ожидании не отводят от меня глаз. Одинаковых глаз на двух разных лицах. Я не в состоянии отказать этим глазам, поэтому прошу у Келлера гитару.

— Ты хочешь мою гитару?

Я киваю и жестом еще раз озвучиваю свою просьбу.

— Ты играешь? — не может поверить он.

— Не очень хорошо, — с бурчанием отвечаю я, беру гитару из его рук и подмигиваю. — Притворяйся, пока это не станет правдой. Разве не так говорят?

Стелла подвигается поближе к Келлеру, а я устраиваюсь на краю кровати напротив них. Проигрываю несколько аккордов, чтобы настроиться. Я уже несколько месяцев не держала в руках гитару.

Смотрю на Стеллу, которая перебралась на колени к Келлеру. Согнув ноги, она обнимает их руками. В объятиях Келлера она смотрится маленьким розовым пушистым мячиком.

— Стелла, эта песня называется "Angels".

Начинаю играть и петь. Я часто исполняла эту песню для Грейси и она ей очень нравилась.

Закончив, понимаю, что все это время провела с закрытыми глазами.

Приоткрываю один и встречаюсь взглядом со своей публикой.

Наполовину спящая, наполовину бодрая Стелла одобрительно хлопает.

— Вау Кейт, ты замечательно поешь.

Келлер выглядит ошеломленным и от этого у меня появляется чувство гордости за себя.

— Так и есть. Я и не знал, что ты еще и на гитаре играешь.

Пожимаю плечами и сползаю с кровати, чтобы поставить инструмент обратно на стойку.

— Меня научил Гас. Ему надоело, что я расстраиваю его гитару, поэтому, когда мне исполнилось тринадцать он начал обучать меня. Ничего особенного, но достаточно, чтобы я могла наиграть несколько песен.

Келлер качает головой.

— Не просто наиграть, — говорит он с восхищением в глазах. — Это было прекрасно.

Киваю головой, принимая комплимент.

— The xx делает это гораздо лучше, но спасибо. Ты тоже был не плох.

— Папочка, а можно мы завтра поиграем с Кейт? — прерывает нас практически спящая Стелла.

Келлер обнимает ее.

— Отличная идея.

Она по два раза обнимает нас, а потом забирается под одеяло. Келлер включает ночник, перед тем как выключить свет.

— Спокойной ночи малышка. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, папочка.

— Спасибо, Кейти — раздается в темноте коридора голос Келлера, как только он закрывает за собой дверь. Он обнимает меня, и я чувствую, что напряжение, сковывающее его весь день, ушло. — Ты была великолепна сегодня, хотя и не представляла, что тебе ожидало. Знаю, я тебя ошарашил известием о Стелле, поэтому прости меня. Я думал, что ты испугаешься, если я расскажу тебе о ней. Мне стоило бы знать тебя получше — ты и глазом не моргнула. Стелла мгновенно влюбилась в тебя.

— Не буду тебя обманывать, я была в шоке. Но он прошел, как только она подняла на меня взгляд и поприветствовала. Ты счастливчик, что у тебя есть такой умный, смешной и восхитительный маленький подарочек. Две секунды — и вот я уже влюблена в нее. Как ты думаешь, она влезет в мой рюкзак? Я могла бы взять ее с собой.

Плечи Келлера трясутся от тихого смеха.

— Ей, вероятно, понравилось бы эта идея.

Хлопаю его по спине и освобождаюсь из объятий.

— Мне пора спать, дружище. У меня завтра игрушки, так что нужно отдохнуть.

Келлер снова смеется и провожает меня до комнаты для гостей.

— Спасибо, за то, что познакомил ее со мной, Келлер.

— Спокойной ночи. — Он целует меня в щеку. — Спасибо за то, что позволила мне это.

Келлер

Суббота и воскресенье пролетели незаметно, и вот уже настало время прощаться со Стеллой. Выходные прошли вроде бы обычно: мы гуляли по городу, играли в парке и ели хот-доги. Но с Кейти все выглядело более красочным, а не просто черным и белым. Стелла отлично повеселилась. Она смеялась столько же, сколько и Кейти, что уже о чем-то говорит, потому что Кейти смеется чаще, чем кто-либо из известных мне людей. Она просто мастер в искусстве наслаждения сиюминутным моментом. Никогда не видел ничего подобного. Это невероятно захватывающе. Я не такой. Пытаюсь что-то с этим делать, но я слишком сфокусирован на будущем, на будущем Стеллы. Но на этих выходных я забыл обо всем и чувствовал себя превосходно. Я наблюдал за Стеллой и Кейти, пытаюсь сдерживаться и не представлять нас троих семьей. Даже при мысли об этом меня окутывало абсолютное умиротворение. Если есть в мире человек, которым могла бы вдохновляться моя дочь, я бы хотел, чтобы это была Кейти.

Мы даже провели время с отцом с утра. Обычно он работает в отделении скорой помощи, когда я приезжаю на выходные, поэтому мы не слишком часто видимся.

Стелла цепляется за меня как обезьянка и плачет. Так происходит каждый раз, когда наступает время уезжать. Это разбивает мне сердце. Я медленно покачиваю ее, пытаюсь смягчить горечь расставания.

— Шшц, малышка, я скоро вернусь, — глажу ее по рыжим кудряшкам, доставшимся Стелле от матери.

— Я знаю, но скучаю без тебя, — сопит она и шепчет мне в ухо.

— Я тоже очень скучаю, Стелла. Очень, очень. Я буду звонить тебе или мы можем общаться по компьютеру каждое утро и вечером пока я не приеду. Хорошо? — шепчу я в ответ.

Она кивает своей маленькой головкой и вытирает мокрые от слез глаза о мое плечо.

— Я хочу попрощаться с Кейти. — Стелла начинает ерзать, и я отпускаю ее.

Моя красивая маленькая дочурка медленно идет к моей не менее красивой подруге, прося взять ее на руки. Кейти не сомневается ни секунды. Стелла обнимает ее руками и ногами, кладет голову на плечо Кейти и крепко прижимается. То, что я вижу сейчас, кажется таким правильным. Кейти держит ее крепко, но нежно, даруя спокойствие. Такие же ощущения возникают, когда она обнимает меня. Я так и представляю, как в этот момент умиротворение наполняет Стеллу.

— Я так рада, что познакомилась с тобой, Стелла, — говорит она, целуя ее в лоб.

Моя дочь поднимает голову и смотрит Кейти в глаза.

— А ты можешь еще раз приехать с папочкой, чтобы мы могли поиграть?

Кейти смотрит на меня и на секунду на ее лице мелькает душераздирающая боль, которая быстро сменяется улыбкой. Может мне просто показалось?

— Мне бы хотелось еще раз увидеться с тобой, Стелла, — шепчет она. Кейти целует ее в лоб, а потом опускает на пол. — Позаботься о мисс Хиггинс.

— Будет сделано, — улыбается Стелла.

После еще одного круга объятий, мы с Кейти выходим из здания и садимся в такси. Дорога в аэропорт проходит в молчании. Ненавижу эту свою часть отцовства — прощания.

Только в самолете меня охватывает желание поговорить. Кейти позволила мне побыть наедине с собой, и последние два часа я провел в своей голове, а не в реальном мире. Все это время она держала меня за руку. Вроде бы, незначительный жест, но она никогда не узнает, насколько успокаивающим он был.

— Знаешь что? Я никогда не видел отца смеющимся, — не глядя на нее, говорю я.

Кейти молчит. Никаких вопросов, никакого удивления. Она просто дает мне выговориться.

— Он никогда не играл со мной, даже когда я был ребенком. А ты вовлекла его в "Лови рыбку" (прим. карточная игра) просто попросив. А потом еще подшучивала, радуясь, что мы не играем в "Оперейшн", иначе он надрал бы нам задницы. И мой отец... смеялся. Он никогда не смеется. — Наконец я поднимаю взгляд на Кейти и качаю головой. — Он никогда не смеется.

Она застенчиво улыбается.

— Было весело. К тому же он хирург.

Не могу сдержать улыбку.

— Я знаю. Понял в чем шутка. Но то, что произошло... да все, что произошло в эти выходные кажется таким нереальным. Моя дочь в полном восторге от тебя. Мать обращалась к тебе по имени. Даже Дунка она начала называть "Дунканом" в прошлом году, а я знаю его без малого шесть лет. Он жил с нами целый год и она даже не разговаривала с ним. А мой отец сказал, что будет рад... видеть эту чувиху в гостях в любое время.

Кейти смеется.

— Так смешно, когда Стелла говорит чувиха, но твой отец сам виноват. — Она игриво хмурит брови. — Прости, я немного переборщила с неприличными словами, пока мы играли в "Лови рыбку". Хотя, мне кажется, что ему понравилось, иначе я бы не стала так увлекаться.

— Я думал, что могу довольно хорошо читать людей, но ты — это нечто фееричное. Твоему обаянию невозможно сопротивляться.

Кейти усмехается и меняет тему разговора. Она отлично умеет уклоняться от внимания к себе.

— Лили — была мамой Стеллы?

Я киваю.

— И она была сестрой Дункана.

— Была. Как ты это поняла?

Кейти пожимает плечами, как будто это и так очевидно.

— Волосы.

— Цвет волос — отличная подсказка. Стелла похожа на свою мать. Это хорошо, — смеюсь, говорю я.

Кейти улыбается.

— Уверена, Лили была хорошенькой, но Стелла все же похожа на тебя. Та же улыбка, глаза, — подмигивает она мне, — и это определенно хорошо.

— Да, у нее мои глаза. У Лили были коричневые, как у Дунка. — Думаю, настало время рассказать свою историю. — В старших классах я работал в пиццерии, просто, чтобы почувствовать себя нормальным. Хотел заработать собственные деньги и купить машину. Родители не были особо довольны, но не стали мне запрещать. Там я и встретил Дунка, а через него Лили. У них была своя квартира. Их мать была наркоманкой, а отца они никогда не знали, поэтому несколько лет жили сами по себе. Дунк на два года, а Лили была на три

года старше меня. Когда мы встретились, она собиралась учиться на медсестру. Лили была спокойной, сдержанной и умной. Не знаю, что она увидела во мне. Мы встречались почти год, когда она обнаружила, что беременна. Я как раз учился последний год и немного растерялся, узнав об этом. Я знал, что люблю ее, но будущее было уже давно распланировано за меня. Я слишком боялся крови, чтобы следовать по стопам отца, поэтому мне предстояло стать юристом, как мать. Ребенок никак не вписывался в планы родителей. Они были в ярости и хотели, чтобы Лили сделала аборт. Мы отказались, и я попросил ее выйти за меня замуж. Это казалось естественным, ведь я любил ее.

Кейти улыбается и кивает. Я воспринимаю это как приглашение продолжать и делаю глубокий вдох.

— Ребенок должен был родиться как раз ко времени моего выпуска и окончания учебы Лили. Мы планировали пожениться летом и перебраться в Грант, потому что у меня уже была стипендия, благодаря оценкам и щедрому бумажнику матери. Но планы изменились, когда Лили умерла при родах.

Кейти приоткрывает рот — это нормальная, искренняя реакция сочувствующего человека. Она отличный слушатель.

Я никогда даже не пытался делиться своей историей. Но сейчас хочу этого.

— Доктора сказали, что у нее были очень редкие осложнения, встречающиеся один раз на миллион. И это оказался наш случай. Потеря Лили была трагедией, но помимо этого, я был до смерти напуган перспективой стать отцом-одиночкой в восемнадцать лет. Я даже не представлял себе, как обращаться с ребенком. Мои родители сразу же взяли няню, потому что так, по их мнению, должен воспитываться ребенка в их доме. Именно так воспитывали меня. Я старался изо всех сил, но не знаю, чтобы я делал без Мелани. Мне пришлось пропустить первый семестр в Гранте из-за Стеллы. Родители опять были в ярости, потому что я откладывал осуществление их планов. Не пойми меня неправильно, они любят Стеллу. Но я оказался огромным разочарованием. Они убедили меня уехать учиться, и Дункан отправился со мной. Он всегда хотел поступить в колледж и заниматься политическими науками. Родители сказали, что для Стеллы лучше всего остаться с ними и няней, чтобы я мог полностью погрузиться в учебу и получить профессию, которая в будущем позволит обеспечить Стеллу всем необходимым.

— А что, по-твоему мнению, было лучшим для Стеллы? — задает она простой вопрос, моргнув своими великолепными глазами цвета нефрита.

Это вопрос, который постоянно преследует меня.

— Я не знал и до сих пор не знаю.

— Келлер, а почему никто в Гранте не в курсе о Стелле?

— Господи, ты, наверное, думаешь, что я ужасен, — говорю я, проведя рукой по волосам.

Она качает головой.

— Нет, не думаю. Иначе не сидела бы рядом с тобой. У меня аллергия на ужасных людей.

Я смеюсь, потому что Кейти всегда знает, когда необходимо пошутить.

— Думаю, для этого много причин. Она — моя, и часть меня не хочет делить ее с другими людьми больше, чем уже приходится это делать. Другая часть боится, что люди начнут осуждать меня за то, что я так молод, за то, что я не идеальный отец, за то, что далеко от нее. Я так люблю ее, Кейти и хочу самого лучшего для Стеллы. Всегда хотел.

Она крепче сжимает мою руку.

— Келлер, ты невероятно терпеливый, внимательный и любящий родитель. Как ты думаешь, почему Стелла смотрит на тебя так, как будто ты для нее — все? Почему она так грустит, когда ты уезжаешь? Ты — ее вселенная. Она любит тебя.

В горле скапливается ком. То, что Кейти сказала — это все, чего я хочу.

Она чувствует, что я весь в эмоциях и начинает успокаивающе рисовать на моей ладони круги большим пальцем.

— Келлер, дружище, у тебя только одна жизнь. Представь себе на минуту, что ты свободен от всего. Чтобы ты сделал? Как бы ты прожил свою жизнь, если не нужно было бы оглядываться назад? Каким было бы твое будущее?

Я ни секунды не сомневаюсь.

— Стелла жила бы со мной в Гранте. Я бы сменил специализацию на английский язык и через несколько лет преподавал бы в каком-нибудь маленьком городке, где Стелла росла бы счастливо и в безопасности. — В моих глазах скапливаются слезы. Стоило бы смутиться, потому что меня всегда учили, что мальчики не плачут. Но с Кейти, я — свободен.

Она берет меня за подбородок и поворачивает, пока я не смотрю ей прямо в глаза. Кейти не мигая изучает меня несколько секунд, привлекая мое внимание.

— Сделай это, — командует она. — Ничто не должно стоять на твоём пути, потому что именно такой должна быть твоя жизнь, Келлер. Та маленькая девочка должна видеть своего папочку каждый день. А ты определенно рожден быть учителем.

Кейти не отпускает меня, ожидая ответа.

— Это не так легко, — закрыв глаза, чтобы не смотреть на нее, отвечаю я.

— Посмотри на меня, — приказывает Кейти еще раз. В ее голосе нет злости, только какое-то отчаяние. Ей не все равно. Она заботится обо мне и о том, что я хочу.

Я уже и позабыл, каково это. После смерти Лили никто так не относился ко мне, но даже она никогда не давила на меня слишком сильно.

— Пожалуйста, просит Кейти.

Я так и делаю.

— Воспитание Стеллы станет для тебя сложнейшим испытанием в жизни. Знать, что другой человек полностью зависит от тебя — тяжело, утомительно, беспокойно и страшно. Но... с другой стороны, это весело и наполнит твою жизнь смыслом как ничто иное.

Она слишком эмоциональна. Судя по всему, ей близка эта тема. Кейти опускает руку на колени.

— Ты сама заботилась о своей сестре? — делаю предположение я.

Она кивает. Я жду, когда она будет готова к разговору, так как знаю, что тема сестры очень тяжела для нее.

— У Грейс был синдром Дауна. Умственно она ушла недалеко от Стеллы. У матери были свои заскоки, что делало вопрос воспитания очень... трудным. Поэтому я всегда заботилась о Грейси. Я купала, одевала, кормила ее. Я читала ей книги, играла и водила ее в школу. Когда ей было шестнадцать, а мне пятнадцать, она попала в аварию и не могла больше ходить. После этого Грейси оказалась прикована к инвалидному креслу...

— Вот почему у тебя был минивэн, — прерываю я ее, вспомнив, что она рассказывала мне о нем несколько недель назад.

Кейти кивает и улыбается, радуясь, что я не забыл об этом.

— Да, Олд Блю был оборудован для инвалидов. — Она делает глубокий вдох и

продолжает. — Когда мне было восемнадцать, за несколько недель до окончания школы, умерла мама.

Мое сердце разрывается на части, от осознания того, что жизнь бедной девочки была совсем непростой.

— Мне жаль, — все, что я могу сказать.

— Да. — Кейти выглядит задумчивой. — Жизнь всегда была нелегкой для Джэнис Седжвик. Мне нравится думать, что сейчас она в лучшем месте. Что она наконец-то счастлива. Так что все в порядке.

— Где ты жила после смерти матери? Ты говорила, что отца не было рядом.

— В первые месяцы после ее смерти на меня навалилась куча дерьма. После того, как пыль улеглась, я все продала и мы с Грейси сняли жилье у бывшего садовника матери. Ничего особенного, но это место было нашим. Грейси оно нравилось. Это было лучшее время в моей жизни. Мы снимали его до самой ее смерти.

Я откидываюсь на сиденье и просто смотрю на Кейти. Обычно мы почему-то думаем, что знаем людей окружающих нас. Знаем, какие они глубоко внутри. Но то, что я только что услышал, до крайности поразило меня. Женщина, сидящая рядом со мной в самолете — самое непредсказуемое существо, которое я встречал на своем жизненном пути.

— Как ты справлялась все эти годы?

— Обыкновенно. Она была моей сестрой, и я любила ее. Хорошо это или плохо, но я — все, что у нее было.

Именно такого ответа я от нее и ожидал.

— А кто заботился о тебе?

Кейте улыбается, и у нее загораются глаза.

— Гас. Он всегда был моим лучшим другом, живя по соседству. Его мама, Одри, тоже замечательная. Она была и до сих пор остается матерью и для меня с Грейси.

— Он любит тебя. Я думал, что этот парень кастрирует меня прямо по телефону в пятницу вечером. Это было жестко. Никогда не встречал подобных отношений, как у вас с Гасом. Два настолько близких человека и не пара. Мне все еще трудно это осознать.

Она пожимает плечами.

— Не усердствуй слишком сильно. У нас немного странные отношения. Мама Гаса клянется, что у нее родились близнецы и нас просто разделили при рождении, несмотря на то, что он на несколько лет старше. Она взяла одного ребенка к себе домой, а второй просто переехал по соседству несколько лет спустя.

— Могу себе это представить. — Я пытаюсь понять и принять их дружбу, но так тяжело не ревновать ее к Гасу. Я хочу быть той историей, что связывает их. Я хочу знать о ней все. Я хочу быть тем человеком, с которым она делится всем. Я хочу заботиться о ней. Я хочу ее.

Кейти останавливает машину возле моего дома.

— Спасибо за то, что поехала со мной, Кейти, — говорю я, не желая, чтобы она уезжала.

Она отстегивает ремень безопасности и наклоняется, чтобы обнять меня.

— Спасибо, что взял меня с собой, Келлер. Я знаю, тебе было сложно решиться на то, чтобы разделить эту часть своей жизни со мной.

— Только не с тобой, Кейти. Ты придаешь мне мужество, о котором я и не подозревал.

— Я ничего не делала. Оно было в тебе самом, нужно было только найти его, — шепотом поправляет она меня.

Слегка откидываюсь на спинку сиденья, зная, что не могу уйти, не сделав то, о чем мечтал с нашей первой встречи. Я встречаюсь с ней взглядом и обхватываю ее лицо ладонью. Она такая мягкая и так хорошо пахнет. Ее волнистые волосы растрепаны, как всегда, она выглядит чертовски сексуально. Кейти не сопротивляется, поэтому я медленно наклоняюсь и задерживаю дыхание. Когда наши губы встречаются, все мысли и переживания оставляют меня. Все исчезает, кроме нее. Она — все, что я чувствую, слышу, вижу и пробую на вкус. Ее нежные губы двигаются в унисон с моими, а когда она слегка приоткрывает их и наши языки сплетаются в одно целое, мое тело пробирает дрожь. Руки Кейти скользят вверх по моим и она обнимает меня за шею. Ощущения от ее прикосновений вызывают у меня тихий стон. Я не могу контролировать его. Ее касания, вкус — это слишком для меня. Она, должно быть, тоже это чувствует, потому что отодвигается от меня. Я открываю глаза и замечаю, что ее зрачки потемнели, полностью перекрыв характерную для них зелень.

— Пошли ко мне, — говорю я.

— Мне нужно идти, — одновременно со мной восклицает Кейти.

Она тяжело дышит, потому что тоже чувствует это. Она хочет этого.

— Почему ты уходишь?

Кейти смотрит вдаль.

— Потому что я должна.

— Что случилось с той девушкой, которая поучала меня жить настоящим? Потому что, Кейти, я никогда не жил настоящим больше, чем именно сейчас, с тобой.

Она кладет обе руки на руль, все еще не решаясь посмотреть на меня. Кейти сглатывает ком в горле, и я начинаю бояться, что она так ничего и не скажет, когда до меня доносится ее шепот.

— Это совсем другое.

— Почему? Пожалуйста, останься, — упрашиваю я ее.

Она несколько раз моргает.

— Есть вещи, которые ты не знаешь обо мне. В конце концов, я только причиню тебе боль, а для этого ты мне слишком дорог.

Я потерян, смущен и зол одновременно.

— Что? Посмотри мне в глаза и скажи, что ничего не испытываешь ко мне. Потому что этот поцелуй — самое восхитительное, что случилось в моей гребаной жизни. Я знаю, что ты тоже это почувствовала. Ты, черт возьми, тоже почувствовала это.

Она смотрит на меня блестящими от слез глазами.

— Так и есть. Именно поэтому я должна уйти.

— Это не имеет никакого чертова смысла, — вскидывая руки в воздух, говорю я.

— Я знаю, Келлер. Мне пора.

Резко открыв дверь, я выхожу из машины и хлопаю дверью, перед тем как открыть багажник и схватить свою сумку. Мне стоило бы спокойно уйти, но я слишком зол.

— Это все фигня и ты сама знаешь это. Не знаю, что с тобой происходит, но ничего из того, что ты могла бы сказать, не изменит моих чувств к тебе. Я так долго никому не открывал свое сердце. Если бы ты сказала, что я тебе не интересен, то не было бы проблем. Да, мне было бы больно, но я бы ушел, зализал свои раны и продолжал жить как раньше. Но ты... ты даже не хочешь попробовать, и это меня злит. — Не знаю, в чем ее проблема, может в доверии или она не хочет никаких обязательств. Как бы то ни было, мне не нравится, что Кейти отрицает саму себя. Потому что именно это она и делает. — Я не знаю как ты, но эта

связь между нами, это притяжение не возникает каждый день. Я столько лет не чувствовал ничего подобного. И даже не думал, что когда-нибудь почувствую снова. Мне страшно? Черт, да. Могу ли я предвидеть будущее? Нет. Просто знай, что я никогда, никогда не причиню тебе боль. В этом я уверен на все сто процентов. Так что все в твоих руках, Кейти. Ты должна начать доверять хоть кому-то.

Я не жду от нее ответа, потому что знаю, что не получу его. Я просто захопываю багажник и, не оглядываясь, иду в свою квартиру.

Кейт

На двери лекционного зала по психологии висит записка, что занятия отменяются из-за того, что профессор подхватил желудочный грипп. Моей первой мыслью было "Йес!", но веселье быстро сменилось чувством вины, потому что не хорошо радоваться за счет того, кто страдает от расстройства желудка.

"Господи, спасибо тебе за маленький, но такой необходимый подарок. Мне жаль, что профессор Гаррик не встает с туалета, но это позволит Кейт хоть немного выспаться. Я твоя должница".

Никогда еще не гуляла по кампусу в это время дня. Гораздо спокойнее, чем обычно. Расслабляет. Подойдя к общежитию, замечаю, что кто-то стоит возле машины Клея. И это не он. Подхожу поближе, чтобы рассмотреть происходящее и при этом не быть замеченной.

Но сделав это, сразу же жалею и не потому, что не хочу находиться здесь, а потому что придурки очень, очень сильно бесят меня.

Клейтон зажат между водительской дверью и крепко прижимает к груди свою сумку. Широкоплечий парень в сером худи склоняется над ним и покачивает головой из стороны в сторону. Это не похоже на дружескую беседу. Его руки сжаты в кулаки, а поза выглядит угрожающей. Это не есть хорошо.

Задумываюсь лишь на долю секунды. Я ни в коем случае не позволю ему поднять руку на Клейтона, но мне не хотелось бы понять ситуацию неправильно.

— Что происходит? — громко говорю я, медленно подходя сзади.

Придурок поворачивается на мой голос. Он отвлекся от Клея, от чего тот чуть-чуть расслабляется и в облегчении опускает плечи.

Эта сволочь раздевает меня глазами. Чувствую себя так, как будто меня изнасиловали.

— Что происходит? — Облизнув губы, он с намеком сжимает свою промежность. — Прямо сейчас, при виде тебя, милашка, я бы сказал, что кое-что происходит с моим членом.

Какая гадость. И он... просто подмигивает мне.

— Это было что-то типа подката? — спрашиваю я. Меня искренне расстраивает, когда парни считают подобные вещи привлекательными.

Придурок снова подмигивает.

Полагаю, что ответ на мой вопрос утвердительный.

— Притормози, ковбой, не уверена, что расслышала как тебя зовут, — качая головой, говорю я.

— Бен, — вкрадчиво улыбается он.

— Бен, а фамилия? — закидываю удочку я. Если этот мудака хоть что-то сделал Клейтону, то мне нужно его полное имя, чтобы доложить обо всем в соответствующие службы.

— Бен Томпсон. Хочешь свалить отсюда? Пойдем ко мне в комнату. — Он смотрит на часы. — У меня есть свободный час перед началом лекции. Можно по быстренькому перепихнуться.

Если бы можно было вручить награду за "Худшее, что я слышала за всю недели" — черт, да за весь год — этот парень стал бы победителем. Он, блин, застолбил бы этот приз.

— Бен Томпсон, я знаю тебя всего тридцать секунд, но меня уже от тебя тошнит. Когда

я спросила, что происходит, то не имела в виду твой член, идиот. Я разговаривала со своим другом.

Клейтон с выпученными глазами трясет головой за спиной Придурка. Может мне и следует быть испуганной, но со всеми событиями на этой неделе мне кажется, уже нечего терять.

Улыбка Бена вызывает у меня мурашки по телу.

— О, да ты я посмотрю говорливая. Меня это только возбуждает, принцесса.

— Послушай ты, кусок дерьма, это не прелюдия к сексу. — Наклоняюсь и хватаю Клея за руку. — Ты отвратителен. Убирайся отсюда.

Наконец-то, до него доходит.

— Чертова динамо. — Со злостью в глазах он показывает на Клейтона и этот жест явно выглядит угрожающим. — Ну а с тобой, маленький пидорок, мы еще не закончили. Оглядывайся почаще.

Мне так хочется, чтобы Клейтон хоть что-то сказал в ответ, но он, склонив голову, идет к общежитию. Мне приходится идти за ним, потому что я держу его за руку. Но, конечно же, последнее слово остается за мной.

— Отвали, придурок.

Перед тем, как уйти в противоположном направлении, он пинает машину Клея.

Возле общежития я останавливаюсь и поворачиваюсь так, чтобы смотреть на Клейтона. В его глазах блестят слезы. Я чувствую, как во мне одновременно зарождается злость, грусть и чувство вины. Он стоит, не поднимая глаз и пытаюсь стереть с лица мокрые дорожки.

— Эй, — говорю я самым нежным голосом. Клейтон очень смущен, а это последнее, что я хочу от него. — Клей, это я, Кейт.

Он поднимает дрожащий подбородок и встречается со мной взглядом, изо всех сил, стараясь не плакать.

— Он тебе угрожал?

Клейтон кивает.

Мне не хочется задавать следующий вопрос, потому что, я боюсь, что уже знаю на него ответ.

— Он угрожал тебе и раньше?

Опять кивок.

— Как давно это продолжается, Клей?

Его подбородок снова начинает дрожать.

— Около месяца.

— Как часто?

— Каждый день, — со слезами отвечает Клейтон.

Чувствую себя отвратительно. Я горжусь тем, что являюсь хорошим другом. Потому что все, что на самом деле имеет значение в жизни, — это... люди. Быть хорошим другом — значит хорошо к ним относиться и быть с ними, когда это необходимо.

Я УЖАСНЫЙ ДРУГ. Как я могла не знать об этом?

Крепко обнимаю Клейтона, давая ему выплакаться на своем плече. Мне так хочется облегчить его состояние.

— Дружище, ты кому-нибудь рассказывал об этом? — выпуская из объятий хлюпающего носом Клея, спрашиваю я.

Он качает головой.

— Нужно незамедлительно заявить службе безопасности кампуса. Сходи к декану. Да хотя бы поговори с Джоном. Такие ситуации просто неприемлемы. Ты имеешь право ходить по кампусу, да вообще где тебе угодно, не оглядываясь вокруг.

Клейтон вздыхает и, судя по всему, это означает полное поражение.

— Я не могу.

— Почему?

— Это никогда не приводит ни к чему хорошему.

Мне становится грустно. Практически те же слова, он сказал после происшествия возле "Спектэкл."

— Ты знаешь, сколько раз я жаловался психологам, учителям и директорам за все годы издевательств надо мной?

Боже, я даже не хочу этого знать.

— Слишком много, Кэтрин. И никто ни разу ничего не сделал. Мне говорили, что я слишком эмоционально реагирую, что не так все понял или даже, что сам напрашивался. Ты можешь в это поверить? Люди смотрели мне в глаза и говорили, что я сам напрашивался на подобное отношение, потому что я — гей. И мне об этом говорили не раз, так что это мнение не одного невежественного субъекта.

— Ты не можешь позволить победить им, Клей.

— Это не игра. Это моя жизнь. И я устал, Кэтрин. Я только надеялся, что в колледже все будет по-другому. Терпимее...

— Терпимость — это полная чушь. — Обрываю я его на полуслове. — Тут нечего терпеть. Мы не терпим замечательных людей, мы наслаждаемся их компанией.

Ненавижу это слово.

— Я тоже, — сопит он. — Но я понял, что колледж ничем не отличается от школы. Другое учебное заведение, а неандертальцы те же самые. Я стараюсь изо всех сил закончить этот семестр, чтобы не выбрасывать деньги родителей на ветер. — Он снова вздыхает. — Но я не вернусь в следующем полугодии.

"Он не может позволить всяким придуркам одержать над собой верх!" Провожая Клейтона до его комнаты и вручаю ему "Твикс" из своего холодильника. Даже если день прошел дерьмово, мне всегда становится лучше после укуса батончика.

После этого я направляюсь напрямик в службу безопасности кампуса. Меня приветствует мужчина средних лет в голубых джинсах. Сразу же перехожу к делу.

— Я бы хотела подать два заявления.

— Два? — переспрашивает он.

— Все верно, — киваю головой я. Этот Придурок, Бен Томпсон, не уйдет от расплаты.

Подаю жалобу от имени Клейтона и как свидетельница отмечаю, что это происходило ежедневно на протяжении месяца. Следом заявляю о сексуальном домогательстве и развратном поведении в отношении меня. Даже то, как этот мудака смотрел на меня, убеждает в том, что он из тех парней, кто думает, что "нет" означает "да", а "да" — "да, да и еще раз да!"

Все время, пока я нахожусь в службе безопасности, думаю о матери Келлера. Да, она резка и может оскорбить, но полагаю, это делает ее чертовски хорошим юристом. Замечаю, что пытаюсь скопировать ее непроницаемое выражение лица. Я даже сдержанно улыбаюсь, как она, рассказывая о произошедшем, — и это работает.

Наконец закрыв за собой дверь, делаю несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Не знаю, изменит ли что-нибудь мой поступок, но я должна была попытаться.

Напряжение начинает покидать меня, и я осознаю, как сильно сегодня ломит тело. Оно не радо стрессу, которому я себя подвергла. Мне нужно поспать. Как можно скорее.

Кейт

Всю неделю я избегала "Граундс", потому что знала, что встреча с Келлером просто уничтожит меня. Я думала, что дистанция между нами — лучший выход. После поездки в Чикаго и поцелуя, я не могу больше отрицать своих чувств к нему. Но то, что у него тоже есть чувства? Это беспокоит меня по многим причинам.

Номер один: Я не эгоистка. Никогда не была и не хочу даже начинать. Отношения с Келлером будут чистой воды эгоизмом.

Номер два: Чувство вины, как следствие причины номер один. Чувство вины слишком близко, к сожалению, а я не хочу ни о чем сожалеть.

Это ведет к **номеру три:** Доверие. Келлер завоевал его. Абсолютно точно. Доверие и мое сердце взаимосвязаны. Если я доверяю, это означает, что я впускаю человека в свое сердце и верю, что он не причинит мне боль. Высшая степень доверия, самая пугающая, та, для которой я никогда не открывалась — это истинная любовь. Каждый раз, когда я позволяю себе помечтать о собственной волшебной сказке, все заканчивается тем, что я доверяю свое сердце Келлеру. И это кажется таким правильным, теплым и уютным. Однако мой мозг сразу же возвращается к причине номер один — Я не эгоистка.

Этот круговорот помогает мне удержаться от чего-то большего, чем просто дружба с Келлером. Я не могу выбросить его из своей жизни. Я хочу этой дружбы, потому что она делает меня счастливой, даже немного ветреной. Она как наркотик. Только с ней мне живется гораздо лучше. Вот почему я решила сходить в "Граундс". Ну, помимо того, что я умираю без чашки хорошего кофе. Мое тело может запросто перестать функционировать без него.

Тело. С ним другая история. С недавних пор оно недовольно мной. Даже обычное существование стало борьбой. Боль настолько сильна, что ибупрофен уже не помогает. Эта боль не прекращается и не ослабевает. Она просто выворачивает меня наизнанку. Она не дает мне спать. Она меняет мою внешность. Я потеряла несколько фунтов, потому что джинсы стали свободнее, чем обычно. Кожа выглядит бледнее, под глазами темные круги. Я знала, что все к этому идет, поэтому нехотя, но договариваюсь о приеме с доктором Коннелом. Мы не виделись со времени моего последнего визита в конце августа. Не думаю, что он рад этому. Мне практически каждую неделю звонят из его офиса, но я их игнорирую. Знаю, это по-детски, но так я пытаюсь справиться с происходящим. К тому же ибупрофен и сон тоже неплохо помогали.

Прибыв в "Граундс", обнаруживаю Келлера за барной стойкой. Его приветствие совсем не похоже на обычное, дружелюбное и радостное, к которому я привыкла.

— Привет, — вот и все, что я получаю.

Я понимаю. Я полностью его понимаю.

Пытаюсь улыбнуться, но мне это не особо удастся. Я не очень хорошо притворяюсь. Ну, по крайней мере, так всегда говорит Гас. Я — отвратительная лгунья. Удерживать информацию — да, в этом я спец, но вот ложь... В этом я ужасна.

— Привет, — отвечаю я.

Он наливает большую чашку кофе и молча отдает ее мне. Я вручаю ему подарочную карту на день рождения в качестве оплаты. Не говоря ни слова, он проводит необходимымую

операцию. Келлер так ни разу и не посмотрел мне в глаза.

— Послушай, мне жаль. Я никогда не хотела причинить тебе боль. — В помещении никого нет, но, тем не менее, я шепчу.

— Слишком поздно, — резко отвечает он. Мгновение спустя, Келлер качает низко опущенной головой. — Это было грубо. Прости.

Наконец, он поднимает глаза и смотрит на меня. Боль в них сменяется на беспокойство.

— Что такое? Тебе плохо, Кейти?

Келлер не видел меня всю неделю, поэтому ему виднее, чем тем, кто встречается со мной каждый день.

— Да. — Часть меня хочет рассказать ему обо всем. — Завтра после обеда я встречаюсь со своим доктором.

Келлер как будто каменеет. Он выглядит так, словно не знает, что делать. Я была бы совсем не против, если бы он меня обнял. Но не в моем характере выпрашивать утешение.

— Хорошего тебе дня, приятель. Передавай Стелле и мисс Хиггинс привет от меня.

— Передам, — кивает головой Келлер. Он выглядит обеспокоенным. — Дай мне знать, как пройдет прием.

Кейт

Прием у доктора Коннела прошел под знаком уныния и безнадежности. Те же самые тесты, ухудшение результатов анализов, а значит — свежие новости. На данный момент я бы не назвала их плохими. Когда все только началось, я поклялась, что не буду печалиться, но по пути из Миннеаполиса в Грант, решила дать себе время до полуночи и погрязнуть в жалости к самой себе.

Буду оплакивать себя, как последняя дура.

Мне выдали рецепт на болеутоляющие по сильнее, поэтому я останавливаюсь и приобретаю их по пути домой. Однако, к моменту прибытия в общежитие, решаю, что сегодня таблетки заменит алкоголь. Напьюсь до бесчувствия, так, чтобы не чувствовать боль, чтобы не помнить то, о чем пытаюсь забыть. Завтра я решу, как справиться со всем, а сегодня собираюсь забыться.

Отключаю телефон и бросаю его в сумку. Мне везет — Шугар дома. Все складывается как нельзя лучше.

— Подруга, у тебя есть спиртное? — Не знаю, кто покупает его ей, но у Шугар всегда что-нибудь припрятано в шкафу. Думаю, это часть "набора для свиданий", с которым приходят ее поклонники.

Она выглядит немного шокированной. Мы не особо с ней разговариваем, и ворваться в комнату с вопросом, подобным этому, совсем не похоже на меня.

— Гм, не знаю. А что тебе нужно?

— Все что угодно, кроме пива.

Шугар настолько сбита с толку, что даже на время забывает о своем отношении ко мне.

— Хорошо. Давай посмотрим. — Порывшись в шкафу, она достает дешевое вино, практически пустую бутылку виски и на три четверти полную пинту водки.

Шугар немного возбуждена, показывая свои запасы. В сфере нелегальной деятельности, все это просто детские игры. Тем не менее, она скалится так, как будто является криминальным авторитетом, выставляющим напоказ свою незаконную активность. Отмахиваюсь от этих мыслей и обещаю себе пообщаться с Шугар на тему, что все тайное, в конце концов, становится явным, когда не буду раздавлена своими собственными проблемами. Может быть завтра.

Порывшись в кармане джинсов, достаю двадцатку, бросаю ее на пол и хватаю водку.

— Спасибо. — Проверяю второй карман на наличие ключа от комнаты, застегиваю пальто, запихиваю под него бутылку и молча ухожу.

Время ужинать, но я решаю пропустить его. На улице холодно, поэтому направляюсь в ближайшее здание, которое вероятнее всего будет пустовать в пятницу вечером — в библиотеку. Я знаю это, потому что провела здесь кучу ночей. За рабочим столом сидит все тот же парень, который обычно засыпает в 9:00. Я могла бы просидеть между стеллажами, заливая в себя спиртное, всю ночь и не увидеть ни одной живой души.

Именно это я и делаю. Нахожу себе маленький уголок в секции биографического материала, сажусь на ковер, достаю бутылку и начинаю медленно пить — все-таки я хочу забыться, а не сдохнуть. Водка обжигает внутренности. Никогда не любила неразбавленный алкоголь. Его относят к огнеопасным веществам, и, черт возьми, он и на вкус таков. В

животе становится тепло, вскоре у меня краснеют уши и я не чувствую носа и пальцев. Названия на корешках книг начинают расплываться. Делаю еще один глоток. Теперь книги едва различимы, все, что я вижу — это неясные цветные полосы, стоящие в ряд. Каждый раз, когда я наклоняю голову, чтобы сосредоточиться и посмотреть время на часах передо мной, комната начинает кружиться. Думаю, сейчас 11:45. Мое время практически вышло. Скоро полночь.

Хорошо, что бутылка практически пуста. Допиваю последние капли и прячу ее обратно под пальто. Почему-то, мне хочется прогуляться. Выхожу на холодную улицу, намереваясь идти в общежитие, но в последний момент ноги сами решают изменить курс в направлении центральной улицы.

Келлер

Меня будит стук в дверь. Щурясь, пытаюсь разглядеть на часах время, но без очков это довольно проблематично. 12:47. Снова раздается стук. Должно быть Дунк забыл ключи, хотя я думал, что он остается на всю ночь у Шел. Откидываю одеяло и потягиваюсь перед тем, как выбраться из кровати. Открываю дверь и разворачиваюсь, чтобы уйти, потому что в одних боксерах мне ужасно дуется.

— Черт возьми, Дунк. Давай пошевеливайся. — Но никто не заходит.

Оглядываюсь и понимаю, что это не Дунк, а... Кейти. Кейти, которую не узнать. Если вчера она выглядела больной, то сегодня еще хуже. Она какая-то мертвенно-бледная и хрупкая. Поверженная. И насквозь промокшая. На улице идет снег, интересно, сколько времени она провела снаружи. У нее стучат зубы и посинели губы. На ней пальто, но нет шапки и перчаток, а на улице чуть выше нуля.

Кейти так и стоит на месте. Она ждет моей реакции. Я хватаю ее за руку и втягиваю внутрь.

— Заходи. — Она спотыкается, и я ловлю ее. Очень медленно Кейти моргает.

— Ты пьяна?

— Ты всегда был самым сообразительным из всех моих знакомых, — с трудом говорит она.

Я практически на себе тащу ее до дивана, усаживаю и снимаю туфли. Расстегиваю пальто, и на пол падает пустая бутылка водки.

— Ты все это выпила? — подняв ее, спрашиваю я.

Она краем глаза смотрит на бутылку в моих руках и кивает.

— Ага, выпила. — Для ее размеров, это слишком много. Из своего опыта я знаю, что это не очень хорошая идея.

Руки и лицо Кейти холодны, как лед.

— Как долго ты была на улице? — Вся ее одежда промокла насквозь.

Она с жалким видом пожимает плечами.

Я могу думать только том, как согреть ее, в первую очередь, а потом уже помочь протрезветь. Беру ее за руку и, когда она медленно встает, веду ее в ванную, ставлю под душ и снимаю с нее футболку. Обе ее руки перетянуты бинтами в районе локтей. Она говорила, что собирается сегодня на прием к доктору. Должно быть, у нее брали кровь на анализы. При мысли об этом у меня встает в горле ком. Ей больно? С ней все хорошо? Увиденное просто убивает меня. Когда я расстегиваю джинсы, она даже не протестует. Не думаю, что Кейти понимает, что происходит. Стягивая мокрые штаны, я не могу не думать о том,

сколько раз представлял себе этот момент и насколько неправильно это выглядит прямо сейчас.

— Положи руки мне на плечи, — встав на колени перед ней, говорю я.

Вздрагиваю, когда холодные пальцы касаются меня. Она избавляется от джинсов, и я поворачиваю ее спиной к себе. Не хочу видеть ее такой. Чувствую себя так, как будто оскверняю ее. Закрываю глаза и расстегиваю лифчик. Снимаю его и бросаю на пол. Потом стягиваю с нее плавки. С закрытыми глазами нащупываю кран, чтобы включить воду.

— Я собираюсь включить воду, Кейти. Прошу, оставайся на месте пока не согреешься. Договорились? — предупреждаю я ее, как обычно делаю это со Стеллой.

— Хорошо, — устало отвечает она.

Собираю мокрую одежду и складываю ее в сушку, заодно прихватывая футболку и боксеры. У меня нет ничего подходящего для Кейти, так что придется подождать, пока все высохнет.

Перед тем как войти в ванную, стучусь. Ощущаю себя извращенцем, вторгаясь в ее личное пространство. Черт, да я ощущаю себя так просто стучась в дверь.

— Ты в порядке, Кейти?

— Да, я согрелась, — эхом разносится ее голос из душа.

— Постой еще минутку. Ты была такой холодной. Я оставлю на полу полотенце и одежду для тебя.

Через пять минут она выключает душ. Подхожу к закрытой двери и прислушиваюсь, на случай если она упадет. Слышу, как она несколько раз ударяется о стену, но в остальном все вроде бы в порядке, поэтому я возвращаюсь в кресло.

Открывается дверь и выходит Кейти, она все еще пьяна, но уже не выглядит настолько жалко, как до этого. Футболка слишком длинна, мне даже не видно боксеров под ней. Это невероятно сексуально. Ее волосы завернуты в полотенце так, как делают это только девочки. Она о чем-то напряженно думает.

— Спасибо, Келлер.

— Ты голодна?

Медленно, Кейти выходит из своей задумчивости.

— Немного, я не ужинала. Сегодня был вечер потребления жидкостей.

— Ну, тогда давай я приготовлю для тебя что-нибудь посущественнее.

Разогреваю остатки фетучини с соусом альфредо, которые готовил на ужин. Обычно я кладу курицу, но не сегодня. Наверное, я думал в это время о Кейти.

Проходит довольно много времени, когда она доедает всю подчистую. Ничего не имею против этого, потому что могу смотреть на ее рот и вспоминать каким нежным он был, когда я целовал ее неделю назад.

Наконец, она откладывает вилку в сторону и вытаскивает меня из мира фантазий.

— Это было великолепно, Келлер.

— Спасибо. Как ты себя чувствуешь? — Кейти стаскивает с головы полотенце, и теперь ее волосы разбросаны в полном беспорядке. Она снова выглядит как прежняя Кейти.

— Прямо сейчас довольно сносно. Кажется, мой план сработал. Хотя утром, скорее всего, будет не так хорошо.

Решаю умолчать, что уже и так утро. На часах 2:30.

— Утром, скорее всего, будет не так хорошо, — соглашаюсь я. — Что ты имеешь в виду, говоря, что твой план сработал?

Она качает головой, не желая говорить об этом. Кейти избавилась от бинтов, и теперь я вижу синяки и следы от иглы. Показываю на них, но она сразу же обхватывает себя руками, чтобы скрыть их.

— Ты сегодня ходила к доктору?

Кейти кивает.

— Узнала в чем проблема?

Она горько вздыхает.

— Все и так было известно. — Кейт вытягивает перед собой руки. Так они выглядят еще хуже. Меня начинает скручивать изнутри. — Вот, что делают врачи, чтобы оправдать себя. Убедить, что делают свою работу. — Она снова горько вздыхает. — Но это все просто игра, потому что ничего нельзя изменить, — говорит Кейти, особо выделяя "ничего".

Что-то не так. К горлу подступает тошнота.

— Что нельзя изменить, Кейти?

Она смотрит на меня и улыбается. Но это самая грустная улыбка, которую я когда-либо видел. Ее, как всегда, искренняя улыбка на фоне безнадежных глаз.

— Конец.

Мое беспокойство только усиливается. Сердце начинает стучать как бешеное.

— Что происходит?

Кейти молчит, между нами повисает гнетущая тишина.

Меня трясет, я взволнован, весь на нервах, испуган и раздражен.

— Скажи мне, что, черт возьми, происходит, — в отчаянии кричу я.

Молчание. Она просто сидит, но ее начинает трясти.

— Я люблю тебя, Кейти. — Это одновременно и заявление, и обещание, и разъяснение. Не знаю, что происходит в ее голове, но она должна знать, как я отношусь к ней. Как я люблю ее.

Ее нижняя губа начинает дрожать, а глаза наполняются слезами.

— Пожалуйста, не говори этого.

Хватаю себя за волосы, потому что не знаю, что еще сделать с собой.

— Черт побери, я люблю тебя. Что в этом плохого? Я знаю, что и ты любишь меня. Просто откройся мне. Скажи это. — Мое терпение на исходе.

— Да, я люблю тебя, — хлюпая носом, тихо говорит Кейти. По ее лицу катятся слезы.

Совсем не так хочется услышать о том, что кто-то любит тебя. Это причиняет мне боль. Я вздыхаю и смотрю в потолок, потом перевожу взгляд на нее и, не понимая зачем, начинаю снова кричать, не в силах остановиться.

— Так в чем проблема? Ты любишь меня! Я люблю тебя.

— В этом вся проблема, черт побери. Ты любишь меня! Так не должно быть! — выходя из себя, взрывается она в ответ.

— Господи, Кейти, — вздыхаю я, — это не твой выбор, а мой. Я влюбился в тебя. Это бы все равно случилось, невзирая на твое отношение ко мне. В тебя невозможно не влюбиться. Ты — самая невероятная из всех знакомых мне женщин. Почему я не могу любить тебя? Почему?

Она встает, вскидывает вверх руки и вопит так, что закладывает уши. Это крик боли и одиночества. Крик страха и ярости.

— Потому что я умираю, вот почему, — ее начинают душить рыдания.

Такое чувство, что меня только что ударили ножом в самое сердце. Боль, охватившая

меня, когда умерла Лили, была худшим, что случилось в моей жизни... до этого момента. Как будто кто-то медленно вытаскивает нож, а потом вонзает его обратно. Снова и снова. Второй раз в жизни мое сердце разбивается на части. Я не могу двигаться. Не могу говорить. Не могу дышать.

В конце концов, Кейти вытирает слезы. Уже практически на пороге паники, я понимаю, что она пристально смотрит на меня. Она как будто держит тебя своим взглядом. Ты это чувствуешь. Это материально, как будто тебя пригвоздили на месте без возможности двигаться. Кейти встает и подходит ко мне, ее колени напротив моих. Я в ее власти, и, несмотря на то, что только что произошло, нет другого места, где я хотел бы оказаться. Она смотрит на меня, сидящего перед ней, своими бездонными зелеными глазами и делает несколько глубоких вдохов.

— Келлер, если я попрошу тебя об одолжении, ты сделаешь это для меня? — не отводя взгляда, спрашивает она.

Даже не сомневаясь, я сделаю все, о чем она только попросит. Захочет, чтобы я спрыгнул с утеса? Без проблем. Выйти на дорогу перед движущимся автобусом? Конечно, почему нет.

— Я хочу провести с тобой одну ночь. Только одну. Я знаю, это эгоистично и так неправильно, но...

Она даже не успевает закончить, как мои губы накрывают ее — скрепить договор, пока она не передумала. Не разрывая поцелуй, я хватаю ее за бедра и поднимаю, пока она не обхватывает мою талию ногами. Двигаюсь в направлении кровати. Я знаю, что не должен торопиться, но в моей крови столько адреналина, что я просто не могу справиться с собой. Слишком сильно мое желание.

Кейти напористо и требовательно целует меня в ответ. Как только ее спина касается простыни, она хватается за футболку и стягивает ее с меня. Согнув ноги, нависаю над ней. Кейти гладит меня по груди, очерчивает пальцами дорожку внизу живота. Я вздрагиваю, не в силах сдержать стон. Она опускает руки на болтающиеся на ней боксеры и с моей помощью стягивает их с себя. Сняв с нее футболку, я забываю о том, что нужно дышать. Глаза жадно осматривают обнаженное тело, лежащее подо мной. Оно сияет в свете прикроватной лампы. Разве можно быть настолько изящной, даже в расслабленном состоянии. Она такая гибкая и атлетичная, несмотря на невероятную худобу. Ее кожа нежна, как шелк. Она — богиня.

Нужно притормозить. "Притормози, парень. Притормози... черт... побери".

В постели с Лили я был скован из-за неуверенности, неопытности, молодости. Моя партнерша была такой же. Но я не жалею. То было другое время.

А это — сейчас. Прямо сейчас. Кейти вселяет в меня решительность, о существовании которой, я даже не подозревал. Она рвет на части все мои страхи. Сдержанность, все время сковывающая меня, испаряется. Я исследую, целую, облизываю, покусываю и трогаю каждый миллиметр ее кожи, пытаюсь запечатлеть в памяти все детали: изящный изгиб шеи, плавно переходящий в острые ключицы, маленькую, но округлую, мягкую и упругую грудь. Пупок, который так и хочется облизать, бархатные на ощупь запястья. В награду мой слух услаждают громкие стоны и учащенное дыхание. Она без стеснения выражает свои желания и одобрение. Я бы мог разрядиться просто от звуков и слов, вырывающихся из ее рта. Когда мои губы снова накрывают ее, Кейти переворачивает нас, и теперь я оказываюсь объектом ее исследования. Она стягивает с меня боксеры. Ее руки и рот блуждают по всему телу, целуя, посасывая, глядя. Я тяжело дышу, выкрикивая ее имя, умоляя не останавливаться. Это

высшая степень чувственности. Да, я мечтал о Кейти, но то, что сейчас происходит — это больше. Гораздо больше. Каждый мой нерв горит, бьется как сумасшедший, требуя, чтобы его схватили, скрутили, сжали и вырвали.

— Пожалуйста, Келлер. Мне так это нужно. Мне нужен ты, — упрашивает она, когда я говорю ей, что у меня нет презерватива. Голос Кейти полон боли. Я знаю, мне нужно остановиться... Я знаю... но не могу. Ничего так не хотел в жизни, как прямо сейчас глубоко погрузиться в нее. Аккуратно переворачиваю ее на спину, колени Кейти приветственно распахиваются передо мной. Ее глаза закрыты, и она отрывисто дышит.

— Посмотри на меня. — Она медленно открывает черные от страсти омуты и, не мигая, вглядывается в меня. — Я хочу видеть эти прекрасные глаза, когда буду любить тебя.

Медленно вхожу в нее. Кейти стонет, и ее глаза начинают закрываться. Черт возьми...

— Открой их, — прошу я.

Она снова находит меня взглядом. Я целую ее и устраиваюсь так, чтобы видеть наполненные желанием глаза.

Мы быстро сходимся в одном ритме. Ощущение ее кожи на моей — все, о чем я могу думать.

— Так хорошо, детка.

Не отрывая от меня глаз, Кейти убыстряет свои толчки. Всю свою жизнь я буду помнить об этом. Когда она выкрикивает мое имя и начинает дрожать, все заканчивается.

— Кейти. Кейти. Кейти — Не могу перестать произносить ее имя.

Наши тела расслабляются, и я переворачиваюсь на бок. Она такая маленькая, я боюсь раздавить ее.

Кейти выглядит абсолютно и совершенно довольной. Черты ее лица смягчаются, в глазах появляется мечтательное выражение. Я даже не могу передать словами, как мне нравится ее вид в этот момент.

— Господи, Келлер. Заявляю официально, это было невероятно. Я попаду в ад.

— Я последую за тобой. — Не в силах сдержать улыбку говорю ей.

— Не стоит торопиться. Я буду ждать тебя. — Дарит мне нежный поцелуй Кейти.

Я возвращаю его сторицей. Она отвечает. Между поцелуями рассказываю ей, какая она красивая и как я люблю ее. Несмотря на все, понимаю, что она устала.

Реальность накрывает меня с головой.

Кейти больна.

В последний раз целую ее и мысленно обещаю себе наслаждаться каждой секундой, которая у нас есть и начать жить так, как хочу.

Перевожу взгляд на часы. Уже почти 5:00 утра.

— Нам нужно поспать. Ты ведь знаешь, что сегодня я тебя не выпущу из кровати.

Она улыбается и уютно устраивается под моим боком.

— Надеюсь на это.

Суббота, 12 ноября

Келлер

За весь день мы покидали кровать лишь для того, чтобы сходить в общежитие за лекарствами, в магазин за презервативами, поесть и позвонить Стелле.

Мы были в раю.

Кейт

Никогда не думала, что все может быть настолько "правильным". Но это так. Это моя сказка, и даже, несмотря на то, что она будет короткой, с ужасным концом, она — моя. Рассказать Келлеру о раке было невероятно тяжело, но оно того стоило. Я не хотела, чтобы он взвалил на свои плечи эту ношу, но нельзя отрицать, что мне стало немного легче от того, что он знает и помогает мне. Поверьте, я осознаю как это неправильно.

Он все еще спит, лежа на спине. Я свернулась у него под боком, устроив голову на подушке, и наблюдаю. Келлер выглядит таким безмятежным, как будто ему нет дела ни до чего в этом мире. Но я знаю, что это не так. Он переживает обо всем.

— С добрым утром, Кейти, — говорит он, не открывая глаз.

— Как ты узнал, что я проснулась? — шепотом спрашиваю я.

— Потому что, когда ты бодрствуешь, то дышишь быстрее. — Он поворачивает голову, так что мы практически упираемся друг в друга носами, открывает глаза и улыбается. — Я чувствую, как поднимается и опускается твоя грудная клетка.

— Келлер, мне, наверное, нужно вернуться сегодня в общежитие.

— Плохая идея. Я хочу, чтобы ты была здесь. — Обнимает он меня.

— Но я не могу здесь жить.

— Почему нет? — без тени сомнения спрашивает Келлер.

У меня нет ответа на этот вопрос. Но как-то все слишком быстро.

— Ты всегда отказывала себе в том, чего действительно хочешь или это только со мной так?

Он застаёт меня врасплох.

— Что?

— Ты двадцать лет заботилась обо всех, кроме себя, ставила их нужды выше своих. Я прошу тебя быть честной с самой собой, Кейти. Позволить себе то, чего ты на самом деле хочешь. — Келлер целует меня в лоб и ухмыляется. — Помнишь, как хорошо это сработало вчера ночью?

Несмотря на то, что он только что сказал, я не могу сдержать улыбку. Он прав.

— Разве тебе не нравится быть здесь, со мной? — продолжает настаивать он.

— Конечно, нравится. Но я не хочу навязываться.

Келлер обводит пальцем мои губы, а потом опять целует.

— Ты не навязываешься. Я не знаю, что буду делать, если ты сейчас уйдешь.

— Но когда-нибудь мне придется уйти. Я не хочу, чтобы тебе было еще тяжелее. Не хочу быть настолько эгоистичной.

— Не переживай обо мне. Вспомни, я сам влюбился именно в тебя, — обхватив мое лицо руками, говорит Келлер.

— Я знаю.

— Кейти, я в курсе, ты не хочешь об этом говорить, но разве ничего нельзя сделать? Химиотерапия? Операция?

— Не операбелен. — Качая головой, отвечаю я. Химиотерапия — это вариант, но она лишь позволить мне протянуть еще несколько месяцев. Я не хочу, чтобы мне было плохо и от рака, и от химии лишь для того, чтобы отсрочить неизбежное. Это произойдет, не взирая

ни на что. Я хочу наслаждаться тем временем, что мне осталось, а не страдать от тошноты и выпадения волос.

Келлер выглядит так, как будто собирается заплакать.

— Сколько у тебя осталось времени?

— Доктор Коннелл говорит, что без лечения около трех месяцев. — Я улыбаюсь, потому что не могу позволить себе погрязнуть в жалости. Я должна жить настоящим, а с лекарством, которое мне выписали, боль вполне можно перетерпеть.

По щекам Келлера текут слезы.

— Должен же быть другой выход. Может, мой отец знает онколога. Что у тебя за рак?

— Не плачь, — стирая указательным пальцем его слезы, говорю я.

— Где, Кейти? — настаивает он.

— У меня рак обоих легких и печени.

На его лице появляется гримаса боли, слезы текут ручьем.

— Пожалуйста, не плачь. Давай не будем тратить на это время.

— Я не хочу потерять тебя, Кейти. Этого не должно случиться с такой, как ты. Это несправедливо.

— Я тоже не хочу уходить, Келлер. Именно так заканчивается моя история. Но я чувствую себя счастливейшей девушкой на земле, потому что могу провести оставшиеся месяцы с тобой, могу любить тебя и быть любимой. Я никогда не думала, что у меня это будет. Что у меня будешь ты.

— Давай больше никогда не будем говорить о раке. — Он как будто читает мои мысли.

— Договорились, — с улыбкой на лице киваю я.

Я уже попросила его никому ничего не говорить. Пока я могу это скрывать, не хочу, чтобы о моем состоянии знал кто-то еще.

Келлер

Сегодня холодно. Иду по главной улице в направлении "Трех Петуний". Знаю, мне не следует отвлекать Кейти от работы, но я договорился о дополнительной смене в "Ред Лайон Роад" на сегодня и просто не могу так долго ждать, чтобы поделиться с ней хорошими новостями. Чувство самореализации и возбуждение от собственного мятежа вызывает дрожь во всем теле. Ощущения невероятные. Неужели, так оно и должно быть, когда сам управляешь своей жизнью? Я чувствую себя всемогущим. Не в смысле придурком с большим эго, а как будто я только что окончательно разобрался со всем своим дерьмом.

Звон колокольчика извещает о моем прибытии. До встречи с Кейти я никогда не замечал его. То, как она шутила по поводу него в "Граундс", было до ужаса мило и я каждый раз вспоминаю об этом, когда слышу его.

Шел поднимает голову от букета цветов, лежащего перед ней и зловеще улыбается мне. Кажется, я попал.

— Привет, Ромео.

Решаю, что игнорирование ее попыток смутить меня, лучший вариант.

— Привет, Шел. — Меня выдают покрасневшие щеки, от чего ухмылка на ее лице становится только шире.

Кейти поворачивает голову на звук моего голоса. Простое действие, которое делает меня чертовски счастливым. Я не видел ее с утра, когда она ушла на занятия, но после совместных выходных, несколько часов для меня как целая вечность.

— Привет, красотка.

— Привет, красавчик. Никак не можешь расстаться со мной? — соблазнительно улыбается она.

Качая головой, захожу за прилавок и обнимаю ее. Никак не могу расстаться с ней. От Кейти пахнет моим мылом. Мне нравится знать, что она пользовалась моим мылом. В моем душе. В моей квартире. Этим утром. Теперь, когда она в моих руках, я не могу сопротивляться желанию поцеловать ее.

— Келлер, вообще-то мы тут на работе. Возьми себя в руки, — прочистив горло говорит Шел.

Я улыбаюсь, пожимаю плечами и невинно хлопаю ресницами, глядя на нее.

— Что? — Я знаю, она просто шутит. Увидев нас вместе в субботу и отойдя от первичного шока, Шел дала свое благословение, предупредив, что "отрежет мои чертовы яйца", если я причиню хоть какую-то боль Кейти.

Пришлось поклясться собственными органами, что этого не произойдет.

Шел угрожающе смотрит на меня: а потом у нее вырывается хриплый, но, тем не менее, женский смешок. — Мне нелегко это говорить, потому что обычно от всего этого меня просто тошнит, но вы двое такие милашки. Никакое другое слово даже и не приходит на ум. Вы чертовски милые.

— Шелли, я не хочу быть милой. Почему я не могу быть крутой, как ты? Ты никогда меня так не называешь, подруга. Знаешь ли, это вроде как искажает мой образ, который я сама создала у себя в голове. — Кейти смеется, когда Шелли закатывает глаза и игнорирует шпильку в свой адрес.

Я снова целую Кейти в макушку.

— Ты и крутая... и милая... и сексуальная.

— Достаточно, красавчик, — быстро обрывает меня Шел. — Тебе лучше иметь вескую причину, нежели приставание к моей сотруднице, чтобы находиться здесь.

В ответ я просто с улыбкой смотрю на Кейти.

— Так оно и есть. Могу я украсть ее на секунду?

Шел кивает головой.

— Только быстро. И если я услышу хоть что-то отдаленно напоминающее сексуальные действия, то сразу предупреждаю вас — я войду. Так что даже и не думайте об этом.

— Так точно, командир, — отдает честь Кейти.

— Спасибо. — Я веду Кейти в подсобку и закрываю за нами дверь.

Она улыбается мне, но в глаза плещется беспокойство.

— Что случилось?

— Я сегодня встречался со своим научным руководителем.

Широко открытыми глазами она с ожиданием смотрит на меня. Определенно, Кейти не терпится узнать, что я еще скажу.

— Я поменял специализацию, — мужественно говорю я.

С торжествующей улыбкой она кидается ко мне.

— О, Господи. Я так горжусь тобой. Келлер, ты сделал это. Ты делаешь это! — Перестав ерзать, она выбирается из объятий и смотрит мне в глаза. Внезапно, Кейти становится очень серьезной. — Ты в порядке? Все-таки это огромные перемены.

Теперь, когда я сказал эти слова вслух, напряжение начинает оставлять меня, а по телу разливается спокойствие. Это все правда. Киваю головой.

— Ты уже сообщил родителям?

— Нет, скажу на выходных. Хочу сделать это лично. — Прочищаю горло. — Могу я попросить тебя об одолжении?

Кейти даже не задумывается.

— Конечно. Все что угодно. — Такая безоговорочная поддержка просто поражает. Благодаря ей я чувствую себя Суперменом.

— Ты поедешь со мной на выходные в Чикаго? — Не знаю, что я буду делать, если она не согласится.

— Ты уверен, что это хорошая идея? — обхватив мою щеку своей маленькой ручкой, спрашивает она. Кейти не отказывается. Скорее всего, она просто хочет убедиться, что я хорошенько подумал.

— Да. Я сам расскажу им обо всем, но мне будет спокойнее, если ты будешь рядом.

Она кивает.

— Тогда без проблем, я поеду.

Ее поддержка вызывает у меня чувство собственного всемогущества. Я уже чувствую себя сильнее.

— Спасибо.

— Теперь, когда ты принял решение, что дальше?

На лице Кейти снова появляется выражение беспокойства, поэтому я кладу руки ей на плечи.

— Смена специализации означает, что мне придется проучиться лишних полтора года. Хорошо хоть, что я уже посещаю классы по английской литературе. Я отказался от всех

текущих лекций, которые не будут засчитаны для нового диплома.

— Было тяжело? Я знаю, что тебе не нравится оставлять дела незаконченными.

Эта девушка знает меня. Она знает меня.

— Да, в этом плане мне пришлось нелегко. Терпеть не могу бросать что-то недоделанным. Это вызывает во мне ощущение, что я потерпел неудачу.

Она прикладывает палец к моим губам, чтобы остановить поток речи.

— Ты не потерпел неудачу. Ты поменял планы. Это огромная разница.

Когда на моем лице расплывается улыбка, Кейти убирает свой палец.

— Спасибо.

— А что насчет стипендии?

— Пока не знаю. Научный руководитель собирается поговорить с доктором Воткинсом с отделения английской литературы, чтобы узнать, что можно сделать. Не удивлюсь, если я лишусь ее. Но даже если и так, я всегда могу взять студенческий заем. Ведь так?

Кейти кивает головой.

— Так. — На секунду она замолкает, а потом снова спрашивает: — Уверен, что ты в порядке?

— Если честно, то не думаю, что когда-либо в жизни был настолько "в порядке".

Она внимательно смотрит на меня. Обычно я терпеть не могу, когда меня пристально изучают, но с Кейти... я просто ощущаю себя живым. Как будто, наконец-то, в моей жизни появился человек, который видит меня, настоящего меня. И плохое, и хорошее. И мне не нужно ничего этого скрывать. Не нужно стыдиться. Не нужно притворяться. Я могу быть самим собой, Келлером Бэнксом.

Кейти тепло улыбается и берет мои руки в свои.

— Черт, я тобой восхищаюсь, приятель. Seriously. Ты делаешь это. Ты официально перестроил существенную часть своей жизни. Каково это, быть крутым?

— Довольно круто, — пожимаю плечами я. Мой ответ выглядит таким обычным, хотя слова Кейти — как укол адреналина в самое сердце. Грудь распирает от гордости и любви.

Она смеется, опять обнимает меня и еле-еле ощутимо проводит губами по уху.

— Ты такой сексуальный, когда крут. — Ее низкий, хриплый шепот сносит мне крышу.

Я глажу ее по спине, а потом опускаю руки на бедра, одновременно прокладывая дорожку поцелуев от шеи к уху.

— Ты даже не представляешь, что тебя ждет вечером. Надеюсь, что ты поспала сегодня, потому что, когда я приду домой...

Перед тем как ответить, Кейти ласкает мочку моего уха кончиком языка.

— Обещаешь?

— Клянусь.

Кейт

Я давно уже не общалась с Мэдди, хотя и в курсе происходящего через Клейтона, который много времени проводит в ее с Моррисом квартире. Тем не менее, мне хочется поговорить с ней один на один. Несмотря на вроде бы искреннюю беседу между нами, которая привела к заселению Морриса, с тех пор ничего не изменилось.

Она опять закрылась от меня.

Поэтому, даже не ожидая ответа, отправляю ей смс:

«Привет, не хочешь поужинать со мной в пятницу?»

Среда, 16 ноября

Кейт

Получаю ответ на свое сообщение от Мэдди:

«Может быть»

Ничего конкретного. Хотя, чего еще следовало ожидать?

Кейт

Мэдди только что прислала смс, что может поужинать со мной сегодня вечером в 7:15. На часах 6:37. Текст сообщения не столько уведомляет о принятии приглашения, сколько прямо таки кричит о том, что ее к этому принуждают. Я не принуждаю. А-то можно подумать, я выкручиваю ей руки. Уже жалею о том, что спросила. Сегодня я особенно уставшая и раздраженная, хотя и пытаюсь держаться.

Чувствую себя виноватой, окуная Келлера в мир Мэдди Спигелмэн, но одна я не справлюсь.

— Келлер, знаешь, как говорят: "Ты мне, я — тебе?"

Он поднимает глаза от книги и улыбается. Той самой кривоватой улыбкой, которую я так люблю. — Да, — с намеком говорит он. Теперь мне еще хуже, потому что он думает, что его ожидает нечто приятное.

— Завтра я лечу с тобой в Чикаго. Сходишь сегодня поужинать со мной и моей тетей?

Он закладывает страницу и откладывает книгу в сторону.

— Конечно. Мы встречаемся с ней в Миннеаполисе или она приедет в Грант? — Я говорила Келлеру, что у меня есть родственница в Миннеаполисе, но намеренно не вдавалась в детали, потому что это, вроде бы, такая ситуация, когда ничего хорошего рассказать нельзя.

— Миннеаполис. Будешь готов через пятнадцать минут?

Он уже на полпути в ванную.

— Захвати мне джинсы и рубашку. Я быстро приму душ. Хочешь со мной?

На лице сразу же расплывается улыбка. Его флирт немного снимает напряжение, сковывающее мое тело.

— Да... Но тогда нам потребуется больше, чем пятнадцать минут и мы пропустим ужин.

Келлер пожимает плечами.

— Неудачная попытка.

С каждым днем он все более и более притягателен.

Мы подъезжаем к дому Мэдди в 7:15. Она сказала, что будет готова.

В ее глазах появляется голодный, хищный взгляд, когда она открывает дверь и видит Келлера. Как будто ее мозг пытается решить для себя — то ли проглотить его целиком, то ли потянуть подольше и насладиться каждым кусочком. Келлер тоже замечает это. Черт, да даже слепой парень через дорогу заметил бы. Когда я представляю его, Келлер пожимает ей руку, не отпуская меня от себя.

Предлагаю пойти поужинать туда, где мы завтракали с Мэдди несколько месяцев назад. Вкусно, дешево и, самое главное, это не суши. Келлер поддерживает меня и Мэдди даже не жалуется, хотя я знаю, что обычно она не так проводит вечера пятницы. Вот и сегодня она выглядит как высокооплачиваемая работница эскорт-службы.

Мы идем рядом друг с другом вниз по улице. Келлер между нами. Он держит мою руку двумя своими. Наверное, боится, что одна из его рук окажется свободной, Мэдди сразу же схватится за нее. Возможно, он прав. Она полностью ведет разговор и до сих пор не задала мне ни одного вопроса. Все ее слова адресованы Келлеру.

Начинаю думать, что она вообще забыла о моем присутствии. Я так устала, что это даже в каком-то роде облегчение, потому что мне не нужно обмениваться фразами или следить за тем, что говорят. К тому же, еще и забавно наблюдать за тем, как она старается изо всех сил впечатлить его.

Он не впечатлен.

Совсем.

Буду ему должна.

Во время ужина я делаю для себя мысленные "заметки" и, судя по всему, за несколько месяцев в жизни Мэдди ничего не изменилось. Я надеялась, что совместная с Моррисом аренда квартиры облегчит ее финансовое положение, и она сможет заглянуть в себя поглубже, и найти смысл в других вещах. Судя по всему, этого не произошло.

Может из-за усталости или из-за лекарств, а может, потому, что в глубине души я просто черствая сука, но слушать ее я больше не могу. Моим планом на сегодняшний ужин было поговорить с ней начистоту. Я не уверена, что увижу ее еще раз, поэтому мне хочется быть уверенной, что я сделала все возможное, чтобы достучаться до нее.

— Мэдди, — она вздрагивает при звуке моего голоса. Определенно она забыла обо мне. — Мы давно не виделись. Как тебе живется с новым соседом? — Решаю начать с простых вопросов.

— Моррис — такая душка. Мне повезло, что я нашла его. — Мэдди снова разговаривает с Келлером. Он кивает головой, как делаю я, когда мне надоедает ее слушать или если она говорит что-то невероятное. Я едва сдерживаю смех. — Келлер, это было просто сумасшествием. Моррис только переехал из Лондона.

— Манчестера, — бормочу я, но она не слышит меня и продолжает говорить:

— Он не знал ни души и искал где бы остановиться. Несмотря на то, что мне нравилось быть единоличным обитателем двухкомнатных апартаментов, я просто не смогла сказать "нет", когда бедный парень практически умолял меня позволить ему въехать.

Вау. Это слегка отличается от того, что помню я. Такое ощущение, что мы играем в "испорченный телефон"... и я последний участник... в очень длинной цепочке.

Но Келлер тоже не идиот. Он может читать между строк.

— Это действительно такая удача. Как вы встретились?

Мэдди уклоняется от ответа, потому что в этой истории она должна выглядеть спасительницей, а все остальное — несущественно. — Я точно не помню.

Меня разбирает смех, потому что: а) она действительно не помнит, или б) просто делает вид, что не помнит; в любом случае, как по мне, так это дерьмово.

Обычно я предпочитаю не обращать внимания на подобное, но только не сегодня.

— Ты не помнишь, кто представил тебя Моррису?

Она отводит взгляд от Келлера и смотрит на меня, как на маленького ребенка, которому лучше помалкивать.

— Это неважно, Кейт.

Я натягиваю на лицо фальшивую улыбочку.

— Полагаю, что так, — и сквозь зубы едва слышно добавляю, что "рада была помочь".

Келлер потихоньку хихикает. Он слышал меня и знает, что происходит.

— Келлер, дорогой, над чем смеешься? — Она прямо-таки мурлычет, а не говорит. Правда, правда. Меня это начинает раздражать.

— Да так. Прости, я просто вспомнил о том, что мне чуть раньше сказала Кейти, —

прочистив горло, говорит он.

Мэдди мрачнеет, но сдаваться не собирается.

— Малышка Кейт никогда не говорила, что с кем-то встречается. И как давно она скрывает тебя?

Перед тем как ответить, Келлер смотрит на меня и подмигивает. Судя по-всему, нас ожидает небольшое развлечение.

— Я влюбился в нее с первого взгляда несколько месяцев назад, но встречаться мы начали только недавно. Кейти — необыкновенная, мы идеально подходим друг другу: и эмоционально, и интеллектуально, и сексуально. Другие женщины для меня не существуют.

Мне хочется покраснеть, потому что я знаю, что Келлер на самом деле так и думает, но выражение лица Мэдди... оно бесценно. Чувствую себя победительницей.

Триумф напрочь отбивает мое смущение.

Келлер целует меня в щеку, давая понять, что он хочет выйти.

— Детка, мне нужно в туалет, а потом... если ты не возражаешь, я готов отвезти тебя домой. — Еще одно подмигивание.

Черт, он знает, как красиво уйти. Его новообретенная уверенность невероятно возбуждает меня. Теперь я готова отправиться домой и совсем не потому, что мне надоела наша компания за ужином.

Я встаю и пропускаю Келлера, который шепчет мне на ухо, что "это все правда"

У Мэдди практически текут слюнки, когда она глазами поедает задницу удаляющегося от нас Келлера. У нее совершенно нет стыда.

Прочищаю горло, чтобы привлечь ее внимание. У нас есть еще не решенные дела.

— Гм, Мэдди, я хотела спросить, как у тебя дела? Ты ходила к доктору? — Все, легких вопросов больше не осталось.

Она закатывает глаза.

— Мы больше не будем об этом говорить. Понятно?

— Да, — киваю головой я. Мне кажется, что, если я не подниму этот вопрос, то подведу ее как члена своей семьи. — Но мы будем говорить.

— Я уже объясняла тебе, что это не проблема.

Мне нужно поторопиться, пока не пришел Келлер.

— Мэдди, послушай, я постоянно думаю и переживаю за тебя. Я просто хочу, чтобы ты была здоровая и счастливая. Твой образ жизни и питание.... это не вариант, подруга. — Я начинаю волноваться, потому что мне не удастся подобрать правильные слова. Я не хочу пристыдить ее или огорчить. Я пытаюсь быть тактичной, но настойчивой.

Ей это не нравится.

— Кейт, я счастлива. И у меня нет проблем со здоровьем. К тому же, мужчин больше привлекают худышки. — Она пожимает плечами, как будто это общеизвестная истина. — Такова жизнь. — Она оглядывает меня с ног до головы. — Но, судя по всему, ты и сама уже это поняла. С тех пор, как я видела тебя в последний раз ты, заметно похудела и... стала встречаться с Мистером Божественные Голубые Глаза.

Она шепчет так, как будто худоба как-то объединяет нас, как будто потеря веса — мой выбор, а не результат смертельной болезни.

— Это не совпадение, — подмигивает Мэгги, — поверь мне.

Я поднимаю взгляд и вижу стоящего позади нее Келлера. Судя по убийственному выражению лица, он все слышал. Я мгновенно качаю головой. Оно того не стоит.

Он подходит ко мне, достает из кармана двадцать долларов, бросает их на стол и берет меня за руку.

— С меня довольно.

Медди пропускает его слова мимо ушей.

— Кто хочет выпить?

Собираюсь отказаться, но меня опережает Келлер.

— Нам нужно домой. Впереди очень напряженные выходные, поэтому Кейти нужно отдохнуть.

Глазами умоляю его молчать и не говорить ей, что я больна.

Мэдди смеется.

— Да, судя по ее виду, Кейт действительно нужно поспать. Ранний сон творит чудеса. — Она перекидывает волосы через плечо. — Не все могут похвастаться такой внешностью, отдыхая всего лишь несколько часов в сутки.

Вау. Она что, действительно это сказала?

Келлер качает головой. Он тоже не может поверить в это.

— Знаешь, что мне больше всего нравится в Кейти?

Как и прежде, когда Келлер упоминал в разговоре мое имя, на лице Мэдди появляется печаль. Как будто таким образом он еще раз подтверждает то, что у нее с ним нет никаких шансов.

— Нет, что?

Он нежно притягивает меня к себе. Его руки трясутся. Он раздражен. Не знаю, стоит ли позволить ему высказаться или просто утянуть за собой. Решаю, что все-таки мне хочется услышать, что он скажет. Келлер только начал чувствовать в себе мужество, а на выходных оно ему потребуется как никогда.

— Мне нравится то, что Кейти никогда ни к кому не станет относиться так дерьмово, как обращалась с ней сегодня ты. Ты настолько поглощена собой, что даже не хочешь узнать ее поближе. Но поверь мне, если бы ты это сделала, то захотела бы измениться, стать лучше.

Я сжимаю его руку. Мне жаль Мэдди, но так приятно осознавать, что кто-то заступается за тебя.

Он опускает взгляд и улыбается мне. Но это улыбка гаснет, когда он опять смотрит на потрясенную Мэдди.

— Мне хотелось бы сказать, что я рад был познакомиться, но, это не так. Даже близко не так.

С этими словами мы идем на выход. Я не оглядываюсь. Каким-то образом, я уже знаю, что это наш последний разговор. После такого она не захочет со мной общаться.

На душе становится тяжело. Перед тем как сесть в машину, я крепко обнимаю Келлера.

Его все еще трясет.

— Это одна из самых самовлюбленных и грубых личностей, которые я встречал...

Поцелую я обрываю его на полуслове.

— Спасибо. Я, конечно, не из тех, кого нужно спасать, но ты просто, черт возьми, рыцарь на белом коне, Келлер Бэнкс.

Ему хочется улыбнуться, но он не может. Келлер гладит меня по волосам и пристально смотрит мне в глаза. Это его успокаивает, поэтому я ничего не имею против. — Разве она не раздражает тебя? Почему ты так спокойна? Она же, как яд.

Я пожимаю плечами.

— Мэдди, конечно, не самый приятный человек, но у нее есть проблемы. О них я и хотела поговорить сегодня вечером.

— Надеюсь это никак не связано с тем, что она самая большая сука на всем белом свете.

На моих губах появляется улыбка, потому что он говорит совсем как Гас. Просто не верится, что моей жизни есть два человека, которые готовы неистово защищать меня. Качаю головой, и улыбка сползает с моего лица.

— У нее булимия, Келлер.

— Это недостаточно веская причина. Я знаю, что это звучит так равнодушно, но Кейти, у тебя чертов... ну ты сама знаешь. Это она должна переживать за тебя.

— Жизнь — это не соревнование "кому дерьмовее". К тому же, я не хочу, чтобы она знала.

— Почему нет? — шепчет он, подняв мой подбородок.

Я молчу, пытаюсь проглотить ком в горле.

— Это потому, что у нее и своих проблем хватает? Ты не хочешь, чтобы она переживала за тебя? Сказать по-честному, ей это пойдет только на пользу.

Я качаю головой. Это — причина, по которой я не хочу, чтобы остальные знали о моем положении. С Мэдди все по-другому. Это страх, о котором я не хочу говорить. Потому что слова делают его реальным. И почему семейные отношения — это так сложно? И так больно?

Келлер обнимает меня и круговыми движениями успокаивающе гладит по спине.

— Что такое, детка? Чего ты боишься?

— Знаю, это глупо, но что, если ей все равно? Моей матери было наплевать. Я пережила это. Моему отцу было наплевать. Он оставил нас. Его выбор. Я пережила и это. Что если моя тетя узнает, что я умираю, и ей будет наплевать, Келлер? Она — единственная родственница, которая у меня осталась. Я не жду от нее любви или жалости. Я просто не смогу справиться с безразличием еще одного члена семьи. Я не хочу снова проходить через это. Я устала. Я хочу оставить все позади.

Он целует меня в макушку.

— Пусть так и будет. Я прекрасно понимаю, о чем ты говоришь. Сам был в таком дерьме целую вечность.

Я встаю на носочки и целую его.

— Сочувствие — лучшая подружка симпатии. Так приятно знать, что ты соперничаешь мне.

Перед тем, как ответить, Келлер целует меня.

— Детка, я готов соперничать тебе в любое время.

— Лучше я просто поцелую тебя.

— Куда как лучше. — Он углубляет поцелуй и не проходит и секунды, как мои руки ласкают его тело на общественной парковке. Мысли о Мэдди мгновенно вылетают их головы. Как раз то, что мне сейчас необходимо.

Тяжело дыша, Келлер разрывает поцелуй. Я быстро осматриваюсь. На улице темно и тихо. Перевожу взгляд на машину. Стекла затемнены.

— Ты когда-нибудь делал это в машине, красавчик?

Он качает головой, а на его лице появляется кривоватая ухмылка.

— Все когда-то случается в первый раз.

Келлер открывает заднюю дверь, устраивается сам, а потом усаживает меня колени. Не

отрывая от него губ, я протягиваю руку и отрезаю нас от окружающей действительности.

Кое-как нам удастся снять пальто. Не проходит и доли секунды, как Келлер расстегивает блузку, под которой обнаруживается мой единственный кружевной лифчик.

Он стонет мне в рот, заставляя вибрировать каждую клетку моего тела. Я чувствую его желание, когда он искушающе трется об меня бедрами. Разорвав поцелуй, он голодным взглядом изучает мою грудь.

— Господи, Кейти, ты такая красивая.

Келлер обхватывает грудь руками и начинает нежно ласкать соски указательным пальцем, отчего я выгибаюсь, направляя их поближе к его искусному рту.

В ответ на мою мольбу, он смыкает губы на чувствительной плоти и оттягивает ее зубами. Грань между удовольствием и болью очень тонка, но Келлер чертовски хорошо ее чувствует. Когда кончик его языка медленно очерчивает соски, я не могу сдержаться:

— Вот так, малыш, только не останавливайся.

Просовываю руку между нашими телами и расстегиваю джинсы Келлера. Обхватив его член, я медленно вожу по нему рукой.

— О боже, Кейти, — громко стонет он.

Черт. Я могла бы кончить просто от звука его голоса. Наклоняюсь и обвожу его ухо кончиком языка. Келлер начинает дрожать. — Скажи мне, что ты хочешь, — хрипло шепчу я. Ему нравится, когда я так говорю.

— Я хочу тебя. Всю тебя. — Он снова накрывает мои губы своими и медленно целует.

Келлер расстегивает мои джинсы. Просунув руки под ягодицы, он притягивает меня ближе к себе.

— Будь поконкретнее, малыш. Что ты хочешь? — сторая от желания, спрашиваю я.

Его губы ласкают мою шею, а бедра в дразнящем ритме двигаются напротив моих.

— Я хочу, чтобы ты сняла джинсы. И трусики.

Почти приказ. Мне это нравится. Очень. В виду отсутствия свободного места, у меня не получается быстро избавиться от одежды, поэтому я стараюсь, чтобы это хотя бы выглядело соблазнительно. Келлеру нравится, когда его соблазняют.

— Стяни мои джинсы и боксеры до колен, — раздается его следующее требование.

И я опять повинуюсь. Мне так хочется взять в руки его ничем не сдерживаемую плоть. Очень хочется. Но я жду.

— А теперь садись верхом на меня.

С радостью. Его член упирается мне в живот.

— Дотронься до меня, Крейти, — с закрытыми глазами, откинув голову на сиденье, просит Келлер.

Я аккуратно, но крепко обхватываю его пальцами и скольжу рукой вверх и вниз по всей длине. Он наблюдает за мной тяжелым, пронзительным взглядом. Зная, как он меня хочет, я чувствую себя могущественной. Но это могущество бледнеет на фоне его властности. В ней нет ярости или агрессии только желание получить то, что ему нужно. Это чертовски сексуально.

— Ты готова?

Киваю головой, потому что если я открою рот, то начну что-нибудь требовать. Мне же хочется, чтобы он закончил то, что начал. В данный момент у него на поводу иду я.

— Насколько готова?

Его рука скользит между моих ног. Желание становится невыносимым.

— Господи, Кейти, мне так нравится касаться тебя. — Я чувствую его дыхание на своем ухе. — Ты такая мокренькая.

Когда его пальцы погружаются в меня, я не могу сдержаться.

— О боже!

Мои бедра начинают двигаться навстречу ему, и я полностью погружаюсь в свои ощущения.

В глазах Келлера плещется страсть.

— Мне нравится наблюдать за тобой. Ты чертовски сексуальная. Я хочу тебя, детка. Я хочу слышать тебя. Хочу слышать твои грязные словечки. Скажи мне, чего ты хочешь.

Не отводя от него глаз, даже не мигая, говорю ему в точности, что мне нужно:

— Я хочу тебя внутри себя, малыш, глубоко внутри. Хочу чувствовать твоё безумство и желание. Я хочу, чтобы ты оттрахал меня так, как будто хочешь что-то доказать. Как будто хочешь, чтобы я этого никогда не забыла.

С рычанием, он приподнимает мои бедра и одним быстрым движением входит в меня. Открыв рот, я пытаюсь сделать вдох.

Мы начинаем двигаться. Я знаю, что никто из нас долго не продержится.

— Быстрее... да, вот так... еще. — Он дает все, чего требует мое тело.

Наконец, из груди Келлера вырывается рев. Этот животный, первобытный звук — самое эротичное, что я слышала в своей жизни. И я... достигаю своего пика вслед за ним.

Мы сидим, крепко обнимая друг друга, расслабленные и умиротворенные. Мой нос утыкается ему в шею. Несмотря на то, что в машине холодно, она немного блестит от пота.

— Кейти?

— Да?

— Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, малыш.

— Мне нравится, когда ты меня так зовешь. Скажи еще раз.

Я отклоняюсь назад и смотрю ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя, малыш.

На его лице расплывается улыбка. В ней нет радости или грусти. Только удовлетворение.

Келлер

То, как они смотрят, заставляет меня чувствовать себя маленьким и незначительным. Как будто их разочарование во мне достигло своего предела, а ведь я еще даже ничего не сказал. В последний раз я потребовал разговора с ними, чтобы сказать, что Лили беременна. Полагаю, именно поэтому они ожидают чего-то плохого и сейчас.

Перечитываю слова, которые Кейти утром написала на моей ладони, перед тем как отправиться в парк со Стеллой. Ты храбрый. Повторяю эту мантру про себя. Ты храбрый.

— Я решил поменять специальность, — прочистив горло, говорю я.

Мать резко встает. Одно предложение и она уже ведет себя как в суде. Теперь меня будут распинать.

— Ты не сделаешь этого. Ты не выбросишь на ветер годы обучения.

Отец кладет руку на плечо и вынуждает ее сесть. Он всегда был пассивным "инем" по отношению к ее агрессивному "яню". И вот опять они сидят напротив меня, выступая единым фронтом. Эмоционально далекие друг от друга, но, тем не менее, сплоченные. Некоторые вещи никогда не меняются.

— И какие у тебя планы, Келлер? — прерывает молчание отец.

Мне не хочется видеть разочарование на его лице, но, тем не менее, я поднимаю взгляд и смотрю прямо на него.

— Я хочу стать преподавателем литературы в средней школе.

Мать снова встает и обходит вокруг стола. Цоканье ее каблуков по деревянному полу сравнимо с царапанием ногтями по доске.

— Ради бога, Келлер, как ты собираешься содержать Стеллу на учительскую зарплату?

— Как и все люди. Моя цель — не деньги. Стелла и я справимся.

Она в раздражении отмахивается от меня.

— Это не игра, Келлер. У тебя есть дочь, которую нужно обеспечивать. Я думала, что ты хочешь изучать юриспруденцию...

— Ты хотела, чтобы я это делал, чтобы шел по твоим стопам. Никого никогда не интересовало, чего хочу я.

Она качает головой.

— И так ты собираешься отплатить нам за все, что мы для тебя сделали?

Невероятно.

— А как насчет меня, мама? Мне хочется заниматься тем, что нравится, что мне интересно. Я хочу приходить вечером домой с чувством, что я что-то для кого-то сделал.

Она тычет в меня своим наманикюренным пальцем.

— Ты считаешь, что я ничего ни для кого не делаю, Келлер?

Я никогда не достучусь до этой женщины.

— Господи, это не соревнование, — вздыхаю я. — Твоя работа куда более важная, чем моя или его, — я показываю в направлении отца. Он сидит и молчит. — Речь о том, что делает меня счастливым. Меня. Твоего сына.

— Ты потеряешь свою стипендию, — уверенно говорит мать. Интересно, за сколько ниточек потянула она в прошлом, чтобы я получил ее?

Я стою, даже не мигая. Не стоит показывать им страх. Смотрю на свою ладонь. Ты

храбрый.

— Возможно.

Она раздраженно фыркает.

— Возможно? Возможно? Определенно, Келлер.

— Я подам документы на студенческий заем.

У нее вырывается смешок, больше похожий на кашель. Такое ощущение, что заем — это низко для семьи Бэнкс.

— А что насчет Стеллы, Келлер? Ты подумал, как это решение повлияет на ее будущее? — наконец, спрашивает отец.

Я храбрый, храбрый, храбрый.

— Я забираю Стеллу в Грант, и она будет жить со мной. Как только закончатся экзамены...

Мать опирается ладонями о стол и подается вперед.

— Что?! Стелла не покинет этот дом, пока ты не закончишь обучение.

Я копирую ее позу. Теперь мы стоим друг напротив друга, практически касаясь носами.

— Она моя дочь.

— Я не стану платить за переезд Мелани в Грант. — Она думает, что это имеет для меня значение.

— Я поговорю с Мелани и дам ей знать, что после 19 декабря мы не будем больше нуждаться в ее услугах. Я планирую забрать Стеллу и ее вещи после экзаменов; к этому времени Дункан как раз переедет жить к своей девушке.

Теперь она уже просто кипит от гнева.

— Да ты даже не знаешь, как заботиться о ребенке. Видеться с ней на выходных со всем не то же, что двадцать четыре часа в день, семь дней в неделю.

— Я справлюсь.

Мать переводит взгляд на отца и качает головой.

— Ты это слышал? Он справится. — Она отчаянно всплескивает руками. — Просто замечательно. Он справится.

Отец смотрит на меня, и в первый раз за всю жизнь я вижу в его глазах симпатию. На секунду мне кажется, что он встанет на мою сторону. Но он молчит, и моя надежда увядает.

Больше не могу здесь находиться. Чувствую себя в ловушке. Я знаю, что мать посчитает мой уход признанием поражения. Она воспримет его как победу.

Но не в этот раз. Сегодня выиграю я.

Кейт

Я: Ужин. Столовая. 7:00. Возражения не принимаются.

Клейтон: Так не приглашают, Кэтрин.

Я: Хорошо. Ну пожаааалуйста. Я соскучилась.

Клейтон: Я тоже соскучился. Увидимся в 7:00.

Ставлю поднос на стол и обнимаю его, перед тем как сесть.

— Господи, я так давно тебя не видела. — Осматриваю его с головы до ног. — Ты отлично выглядишь, мой друг. Красавчик, как всегда.

Это правда. Ярко-розовый свитер и зеленые брюки восхитительно сидят на нем. Да и кажется он куда более счастливым, чем в прошлый раз.

Клейтон краснеет и хлопает ресницами.

— Спасибо, Кэтрин. — А потом он с озабоченным видом внимательно смотрит на меня. — Кэтрин, с тобой все в порядке? Ты немного бледная. И судя по всему, похудела. Не пойми меня неправильно, ты восхитительно выглядишь, но, кажется, с тобой что-то не так.

Я здесь не для того, чтобы обсуждать саму себя, поэтому делаю все, чтобы замять этот разговор.

— Я в порядке. Просто болела на прошлой неделе. Тебе не о чем беспокоиться.

Судя по виду, мои слова его не убедили, так что я меняю тему разговора:

— Как дела в Миннеаполисе? Как Моррис? — Клейтон каждую ночь проводит у Морриса и появляется в Гранте только на занятия. Это продолжается с тех пор, как я узнала о Придурке, Бене Томпсоне. Я стараюсь не думать плохо о людях, но, черт побери этого парня.

Такое чувство, что сейчас передо мной мультяшный герой с сердечками в глазах.

— Моррис замечательный. Кэтрин, я никогда не думал, что полюблю, но... я люблю его и все, что с ним связано. — Он оглядывается по сторонам, а потом наклоняется ко мне. — После Нового Года я переезжаю с ним в Лос-Анджелес. Его дядя открывает новый клуб и хочет, чтобы он занялся его управлением, потому что Моррис отлично справился здесь.

— Мать Божья! Лос-Анджелес? Это серьезное решение.

Я в шоке.

Клейтон улыбается, как маленький взволнованный ребенок.

— Я знаю. Разве это не захватывающе?

Я киваю, потому что да, это действительно захватывающе.

— Рада за тебя, приятель. Правда.

Он знает, что так оно и есть.

— Спасибо, Кэтрин.

— Мне не хочется выглядеть сверхопекающей сучкой, и я ни в коем случае не сужу тебя, но все-таки должна спросить. Ты ведь уезжаешь, потому что так правильно для тебя и этого хочешь ты сам? Ты ведь не бежишь от проблем, с которыми столкнулся здесь? Потому что мне будет очень грустно, если твоим друзьям придется расстаться с тобой из-за какого-то ублюдка.

— Нет. Думаю, пора выбираться из бассейна, чтобы наконец-то, поплавать в океане. Я раньше никогда не жил в больших городах, — смеется Клейтон.

— Я рада за тебя, — повторяю еще раз. — А потом ворчливая сторона берет надо мной верх. — Только пообещай мне, что не бросишь обучение. Ты должен получить диплом, приятель. Мир как-нибудь переживет хорошо одетого бухгалтера.

Не знаю почему, но мысль о Клее, сидящем за столом и занимающимся настолько приземленной работой, как бухгалтерия, всегда вызывает во мне смех. Он слишком импозантен, чтобы всю жизнь просидеть на стуле.

Клейтон закатывает глаза и поднимает правую руку.

— Да, Мамочка, я обещаю не бросать учебу. К тому же, кто еще позаботится о твоих налогах и пенсионных накоплениях?

Ой. Эти слова ранят прямо в самое сердце. Не хочу, чтобы Клейтон знал, что, скорее всего, мне даже и не придется в этом году иметь дело с налогами. Натягиваю на лицо вымученную улыбку.

Он потирает руки и хитро улыбается.

— Я тут кое-что слышал от Пита, — говорит он, сверкая глазами и показывая на меня. — Ты и Келлер официально встречаетесь. Это правда? И пожалуйста, со всеми грязными подробностями.

На мгновение я замираю.

— Пит распространяет слухи? Я должна срочно поговорить с ним.

Клей с широко открытыми глазами ожидает моего ответа.

— Ну же, Кэтрин. Я умираю от нетерпения.

Я смеюсь и киваю.

— Ну, может, в этом есть доля правды.

Он хлопает в ладоши, как и всегда, когда возбужден.

— О Господи, Кэтрин. Я так счастлив за тебя. Знаю, ты девушка серьезная, как и я, хотя, кого я обманываю, *c'est la vie*, но этот парень горячее, чем тамале.

Мне становится смешно от этих слов, но, тем не менее, я целиком и полностью соглашаюсь с ним.

— Да, он такой.

Раздается пронзительный визг Клейтона.

— Я, конечно, вас не тороплю, потому что знаю, что вам обоим сначала нужно закончить учебу, а потом, может быть, еще попутешествовать. Думаю, вы должны увидеть Европу, по крайней мере, Францию... и Греческие острова, — тараторит он, — но я очень надеюсь, что между вами двумя все срастется, потому что... О Боже Мой. У вас получатся очень красивые детки.

Клейтон прямо светится от счастья.

Его восхитительная улыбка немного смягчает эффект слов. У меня никогда этого не будет. Никогда. Жизнь — дерьмо.

Закончив ужинать, мы обещаем друг другу оставаться на связи и видеться почаще. Мне нравится Клейтон, и я хочу быть уверенной, что у него все хорошо, пока он не уедет и не перевернет новую страницу своей жизни... как и я свою.

Возле машины мы крепко обнимаемся. Так тяжело отпускать его.

Я стараюсь не думать о смерти, но в последнее время ничего не могу с этим поделать. И от этого мне грустно. А я не хочу грустить, потому что жизнь... У меня замечательная жизнь.

Сегодня, у меня замечательная жизнь.

Я не хочу думать о завтра.

Или послезавтра.

Поэтому я повторяю про себя: Сегодня, у меня замечательная жизнь.

Кейт

С утра на пороге у Келлера появляется Шелли с продуктами в руках: индейкой, соевым мясом для меня и всем необходимым для гарнира. Я даже и не знала, что она любит кухарничать.

Все подготовив и поставив индейку в духовку, Шелли, Дункан и я направляемся в "Граундс", чтобы выпить кофе. Сегодня они закрыты, поэтому мы предоставлены сами себе. Хорошо иметь нужные знакомства. Мы садимся возле камина и обсуждаем Келлера и его предстоящие выходные. Он сейчас в аэропорту, ждет Стеллу. Мелани собиралась в Сиэтл, чтобы провести праздники со своей семьей, и приобрела билеты с пересадкой в Миннеаполисе. Так что Стелла прилетит и улетит с ней. Это большой шаг для Келлера, она никогда раньше не приезжала к нему.

Шелли все еще в шоке от новостей о Стелле. Дункан рассказал ей вчера вечером с разрешения Келлера.

— Я бы тоже никогда не поверила в это, — попыталась я хоть как-то расслабить ее. — Тут и правда нужно сначала увидеть. — Стелла — это как будто отдельный мир. Мир, в котором бы я хотела жить вечно.

Келлер дважды присылает смс, что рейс задерживается. Наконец, в 10:30 дверь в квартиру открывается, и появляется она — сладкая, маленькая, хихикающая Стелла.

Мы с Шелли в это время готовим на кухне тыквенный пирог. Стелла несется к сидящему в кресле Дункану.

— Дядя Дункан! — восторженно визжит она.

Он сажает ее на колени и крепко обнимает.

— Как поживает моя любимая девочка? — щекочет он ее.

— Не щекочи, дядя Дункан.

Он целует ее в щеку и чуть ослабляет объятия.

— А где Кейт? — спрашивает она. — Папочка сказал, что Кейт будет здесь.

Дункан показывает пальцем мое местоположение.

— Вот так ты меня любишь, ребенок, — по-доброму ворчит он.

Заметив меня, Стелла снова начинает визжать.

— Привет, сладенькая, — машу рукой я.

Она бежит ко мне с поднятыми вверх руками. Я хватаю ее и крепко прижимаю к себе, зарываясь лицом в кудряшки. От нее пахнет свежестью и чистотой, как обычно пахнет воздух после дождя. Она отрывается и смотрит мне в глаза.

— А у нас для тебя сюрприз.

— Правда?

Келлер приносит сумки из Субурбана. Он ставит их прямо за дверью и чешет голову. — Мы тут кое-кого встретили в аэропорту...

И... в этот момент входит Гас.

— Сюрприз! — хлопает в ладоши Стелла.

— Черт во... — тут я вспоминаю, что все еще держу на руках Стеллу. — О Боже, что ты тут делаешь?

Он лениво ухмыляется и пожимает плечами.

— Поверишь, что я просто проходил мимо?

Опускаю Стеллу на пол и бегу к нему. Он заключает меня в свои фирменные объятия, по которым я так скучала.

— Нет.

Гас целует меня в макушку, протягивает руку и шутя толкает Келлера в плечо.

— Это была его идея.

— Ты все это спланировал? — я все еще в шоке.

Келлер с нежностью смотрит на меня и пожимает плечами.

Я перевожу взгляд на Гаса.

— Но как?

Он улыбается.

— Твой парень позвонил мне на прошлой неделе с твоего телефона. Ты спала в это время. — Гас подмигивает Келлеру. — Мы много общались за прошедшее время. Знаешь, я бы на твоём месте начал переживать, а то вдруг у нас случится небольшой броманс. А ты знаешь, что в его Субурбане пуфы? Это так круто! Я уже почти люблю его, Опти.

Стелла сидит на коленях у Келлера.

— Папочка, а что такое броманс?

Смеющийся Гас выпускает меня из объятий и подает свою большую руку Стелле. Она без колебаний берет ее в свою. Дети обожают его.

— Расскажи-ка мне о своей черепахе, Стелла. Мне интересно, что же все-таки ест Мисс Хиггинс? — Они направляются к креслу, чтобы закончить разговор, который определенно начался еще по дороге сюда. Я знаю Гаса, он дает мне время переговорить с Келлером.

— Спасибо, малыш, — обнимая его за шею, шепчу я.

— Мне нравится, когда ты так говоришь. — Он целует меня в шею. — Всегда рад стараться. Ему тоже нужно общаться с тобой.

Я осматриваю комнату.

— Все просто идеально. — Неожиданно я замечаю, что Шелли стоит на кухне с таким видом, как будто у нее вот-вот случится сердечный приступ.

— Эй, Гас, — прочистив горло говорю я.

Он прерывает беседу со Стеллой и смотрит на меня. Малышка сидит на кресле между ним и Дунканом. Жаль, что у меня нет фотоаппарата.

— Да, Опти, что такое? Я тут узнаю очень важную хер... информацию о черепахах.

Стелла хихикает, глядя на него.

Я показываю на кухню.

— Ты помнишь мою подругу Шелли?

Он оглядывается через плечо.

— Как дела, Шелли? Рад видеть тебя снова.

Она краснеет, как помидор. Никогда не видела ее такой смущенной. Шелли поднимает руку и робко машет ему.

— Привет, Гас. Я тоже рада тебя видеть.

Он разворачивается, чтобы лучше видеть ее.

— Должен признаться, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь разбрасывался пиццей с такой меткостью. Мне так и не удалось похвалить тебя.

Шелли закрывает лицо руками.

— Ну конечно, ты все помнишь. — Она все еще переживает, что ее рвало перед всеми.

Гас никогда не был подлым и на самом деле он делает ей комплимент.

— Нет, я серьезно. Отличный бросок. Я был впечатлен.

— Тебе повезло, приятель, — хлопая по плечу Дункана, говорит Гас.

— Боже мой, я хочу умереть, — бормочет Шелли.

Я иду на кухню и кладу руки ей на талию.

— Гас не стал бы пошучивать над тобой, если бы ты ему не нравилась. И, как бы странно это не звучало, он действительно был впечатлен. Он же парень.

Мы опять идем в Граундс и усаживаемся вокруг камина, пока готовится еда. Гас и Келлер располагаются в кресле по обе стороны от меня. Стелла сидит на коленях у Келлера, а Шелли у Дункана, в соседнем кресле.

Гас, как всегда любопытен. Он задает всем кучу вопросов. Конечно, и остальным интересно узнать о нем побольше. Так что ему приходится отвечать на столько же вопросов, сколько задает он.

— А почему ты зовешь Кейт «Оптимисткой»? — спрашивает Шелли.

Он смотрит на меня, а потом на нее. Потом опять на меня. И снова на нее.

— Ты встречалась с этой девушкой? — показывая на меня пальцем спрашивает он.

Все с улыбкой переводят взгляд на меня.

— Она — сама позитивность. Чертов лучик солнца. Кейт не просто выглядит оптимисткой... она так живет.

— Гм, а я всегда думала, что живу в мире, где светит солнце и сияет радуга, — шучу я.

Он пожимает плечами.

— Одна фигня. Хотя, Светит Солнце и Сияет Радуга — ужасное прозвище.

Все присутствующие заливаются смехом.

— Хотя, и у Опти есть темная сторона, — предупреждает Гас. — Не вздумайте обсуждать с ней семейные наклейки на машины, она их ненавидит и...

— Потому что это тупость, — не даю договорить ему я. — Почему, остановившись на красный свет, я должна любоваться бессмысленным изображением какого-нибудь семейства? Насколько должны быть плохими отношения в семье, если возникает необходимость лепить эти наклейки на стекло на всеобщее обозрение. Я всегда подозревала, что таким образом за этим фасадом они прячут собственную несостоятельность. Лицемеры.

Гас довольно смеется.

— Вот видите. А еще она презирает Фейсбук.

— Фейсбук — это крах цивилизации. Он искажает действительность. Люди больше не понимают, насколько важно живое общение. Все сводится к "лайкам" и куче никому не нужной информации. Да какое мне дело, что ты выпил диетическую коку и слопал пакет чипсов, пока пересматривал вечером CSI? Мне, черт в... все равно. "Друзьям" совсем не обязательно знать каждую деталь твоей жизни... твоей унылой, интернет зависимой жизни. Я предпочитаю личный разговор лицом к лицу, а не чат со всем миром. Фейсбук тормозит социальное развитие. Он душит на корню социальные...

— Мы все поняли, Опти, — вмешивается смеющийся Гас. Несмотря на улыбку, он согласно кивает головой в ответ на мои слова. Он ненавидит соцсети так же, как и я.

— И еще... никогда не играйте с ней в карты. Она мухлюет, — добавляет он.

Я оскорблено вскрикиваю:

— Не правда, — но хихиканье к концу фразы только подтверждает мою виновность.

— Мухлюет. Уж поверьте мне, — ухмыляясь, говорит он.

После ужина мы выходим с Гасом на улицу покурить и посмотреть на закат. Он берет меня за руку и улыбается.

— Время шоу.

Так всегда делала Грейси.

— Время шоу, — улыбаясь, шепчу я в ответ.

Сегодня невероятно оранжевый закат. Я давно уже такого не видела. Как будто он специально красуется перед нами, чтобы доказать, что и в Миннесоте они могут быть красивыми.

Вернувшись в квартиру, мы все вместе опять направляемся в "Граундс".

— Почему бы вам с Гасом что-нибудь не спеть? Я видела у него гитару, — спрашивает Шелли.

Он всегда таскает ее с собой. Она у него уже давно и повидала не мало.

— Что скажешь, Опти? — глядя на меня, интересуется Гас.

— Я хочу снова услышать, как поет Кейт, — хлопает в ладоши Стелла.

Келлер присоединяется к ней.

— И я тоже. — Это вызывает на моем лице улыбку.

Гас возвращается с гитарой в одной руке и кое с чем еще в другой... Я уже несколько месяцев не видела ее.

— Ты и на скрипке играешь? — спрашивает его Шелли.

Он качает головой и кладет инструменты на столик позади нас.

— Нет. — И многозначительно смотрит на меня.

— Гас, — вздыхаю я.

— Мне ее прислала Ма, чтобы я передал ее тебе. Она должна быть здесь, с тобой. Ты должна играть на ней. — Это вызов.

Все смотрят на меня.

— Ты играешь на скрипке? — спрашивает Келлер.

Гас качает головой.

— О нет, она не просто играет, а владеет этим инструментом. Я никогда не встречал никого талантливее Опти. Серьезно.

Его глаза сияют от гордости.

Шелли, прищурившись, пристально смотрит на меня.

— Что еще ты скрываешь от нас? — А потом ее озаряет. — О, Господи, это ты! — визжит она.

Келлер и Дункан выглядят сконфуженными.

— Это она? — спрашивает Дункан.

Шелли показывает на меня пальцем одной руки, а второй машет в воздухе как какая-то сумасшедшая фанатка.

— Это ты! Это ты играешь на скрипке в "Missing You".

— Да, она. Единственная и неповторимая, — улыбается Гас.

Келлер и Дункан все еще ничего не понимают.

— Что еще за "Missing You"? — интересуется Келлер.

— На данный момент самая популярная песня на радио. Гас ее исполнял на акустической гитаре на концерте, — отвечает Шелли с таким видом, как будто они обязаны это знать. — Ты должна сыграть ее, — умоляет она.

— Что скажешь? Встряхнем стариной? — спрашивает Гас, подняв брови.

Стелла опять начинает хлопать в ладоши.

— Сыграй, Кейт! Сыграй!

Я просто не могу сказать "нет".

Скрипка кажется какой-то чужой. Я уже несколько месяцев не брала ее в руки. Но как только я кладу ее под подбородок, она становится частью меня, как будто мы никогда не расставались. Поднимаю смычок и аккуратно провожу им по струнам.

— Я готова, — киваю Гасу я.

— Ты уверена, — с сомнением спрашивает он.

— Да. Может быть, нас услышит Грейс?

Он улыбается.

— Я уверен в этом. Грейси, это для тебя, — подняв взгляд к потолку говорит Гас.

Я встаю и прислоняюсь к подлокотнику кресла. Гас садиться прямо передо мной, на край кофейного столика. Все остальные остаются на своих местах.

Становится так тихо, что было бы слышно и упавшую иголку. Даже Стелла не издает ни звука. Она сидит, прислонившись спиной к груди Келлера, а он крепко обнимает ее.

Мы с Гасом понимает друг друга без слов. Так было всегда. Мы одинаково слышим и чувствуем музыку. Наше общение происходит через нее.

Он дважды проводит по струнам, давая мне знать, что готов. Я киваю и начинаю свое меланхоличное интро. Закрыв глаза, я позволяю мелодии захватить себя. Скрипка становится естественным продолжением меня и моих эмоций.

Вступает Гас с гитарой. Его голос нежный и успокаивающий. Слушая его, ты практически веришь в то, что с тобой никогда не произойдет ничего плохого. Он отвлекает меня от действительности. Мне всегда это нравилось.

Гас доигрывает свои финальные аккорды и наступает черед моего соло.

Проведя смычком по струнам в последний раз, я открываю глаза. Лицо Гаса светится от гордости и благоговения.

— Вот это моя девочка.

Я улыбаюсь.

Стелла снова начинает громко хлопать.

— Еще, Кейт. Сыграй еще.

Я смотрю в ее сияющие голубые глаза. В нескольких дюймах от них — такие же, но Келлера.

— Ты никогда не перестаешь удивлять меня, Кейт.

Господи, я люблю его.

Перевожу взгляд на Дункана и Шелли, стоящих с разинутым ртом.

— Что за фигня, Кейт? Почему ты не говорила нам, что играешь? Это феноменально.

Пожимаю плечами.

— Я больше не играю. Моя сестра любила слушать, как я... — Замолкаю, не договорив. Я рассказала Дункану о сестре в тот вечер, после концерта. Уверена, он поделился с Шелли.

Она с пониманием кивает.

Гас хлопает в ладоши.

— Мы не можем так просто закончить. Стелла хочет продолжения. Что следующее, Опти?

Несмотря на то, что боль в районе поясницы становится все сильнее, я наслаждаюсь происходящим. Даже, если я больше никогда не возьму в руки скрипку, сегодня я хочу

играть.

— Конечно. Мы давно ничего не исполняли вместе. Уверена, что угонишься за мной? — ехидничает Гас.

Подмигиваю ему.

— Я попытаюсь. Шелли должна узнать эту песню.

Гас поворачивается к ней.

— Мы с Опти ходили вместе в музыкальную школу. Она была на два года младше, но всегда запросто могла пнуть меня под... — перед тем, как продолжить, он смотрит на Стеллу, — попу...

— Подожди. Только не говори мне, что вы, ребята, ходили в "Академию" в Сан-Диего? — прерывает его Шелли.

— Да, — отвечает Гас.

— Что за "Академия"? — спрашивает Дункан.

— Это одна из самых престижных музыкальных школ в стране. Туда практически невозможно попасть, они принимают только самых талантливых. — Она качает головой и с улыбкой смотрит на меня. — Почему я этого не знала?

Я пожимаю плечами.

Гас, в свою очередь, продолжает:

— Так вот, в выпускном классе нам нужно выбрать песню из чарта, что-то очень популярное и сыграть ее на свой лад. Сделать ее чем-то иным, неузнаваемым. Я, как вы понимаете, привлек к этому свою талантливую подругу, — он показывает на меня, а я в ответ закатываю глаза. — Мы выбрали рок, а Опти, этот, черт возьми, музыкальный гений, с помощью скрипки превратила ее в медленную, романтическую балладу.

— Не дайте ему обмануть себя. Гас полностью переписал музыку под акустическую гитару, я просто добавила скрипку. Это все была его идея.

— Давай сыграем. Пусть они сами все решат.

Так мы и делаем. И только дойдя до припева, я замечаю искру узнавания в глазах Шелли. На ее лице расплывается ухмылка.

Келлер качает Стеллу и тихо напевает ей в ухо. К концу песни, она окончательно засыпает.

Шелли продолжает улыбаться.

— Это было поразительно. У меня нет слов. Просто. Поразительно.

Гас встает и преувеличенно низко кланяется.

— Грасиас.

Я лишь слегка опускаю голову.

— Спасибо, милая дама.

Дункан гладит Шелли по ноге.

— Нам пора идти, а то у твоей мамы будет истерика. Мы и так уже опаздываем на пять минут.

— Да, ты прав. — Она хмурится. — Просто здесь так весело, не то, что у родителей.

Дункан целует ее в щеку и аккуратно подталкивает со своих коленей.

— Верно. Но твои родители ждут нас. Так что пошли.

К тому времени, как они уходят, боль становится непереносимой. За последний час она постепенно становилась все сильнее и теперь достигла максимума. Она принесла с собой тошноту, перед глазами все расплывается. Пока Келлер укладывает Стеллу в кровать, я

извиняюсь перед Гасом и иду в ванную, чтобы принять таблетки. Сажусь на пол, потому что не могу стоять, и пытаюсь открутить крышку с банки с обезболивающим. Мне становится все хуже, голова со стуком ударяется о плитку пола и меня накрывает темнота.

Келлер

Я начинаю переживать. Кейти находится в ванной уже десять минут, а оттуда не доносится ни звука.

Гас ставит бутылку с остатками пива на стол.

— Где у вас тут туалет, приятель? Мне нужно отлить.

Я показываю на дверь.

— Там Кейти.

Гас тихо стучит в дверь.

— Опти, поторопись, мне нужно пописать. Ты что, утонула?

Я бы посмеялся, если бы не переживал. Никакого ответа. Мой пульс начинает биться как сумасшедший. Я не хочу, чтобы Гас без причины начал беспокоиться, но ничего не могу поделать. У меня такое чувство, что что-то произошло. Я стучу в дверь.

— Кейти, детка, ты в порядке?

Молчание.

Я медленно начинаю открывать дверь, но что-то мешает. Я толкаю ее сильнее и протискиваюсь в открывшуюся щель.

— Вот черт!

— Что случилось? Опти? — спрашивает он с другой стороны двери.

Кейти лежит на полу, ее таблетки рассыпаны. Повсюду рвота вперемешку с кровью. Я перемещаю ее на свои колени, так, чтобы Гас мог открыть дверь. Она без сознания, но дышит.

— Звони 911.

Голова Гаса появляется из-за двери. Когда он видит Кейти, его глаза наполняются ужасом.

— Черт возьми. — Он мгновенно достает телефон и набирает нужный номер.

Я покачиваю ее, как ребенка, убирая волосы с лица. Они покрыты какой-то красно-коричневой жидкостью. Я шепчу ей в ухо, не в силах остановиться.

— Все в порядке, Кейти. Ты будешь в порядке. Еще не время. Не оставляй меня. Не сегодня. Ты не можешь оставить меня сегодня. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Из транса меня вырывает Гас.

— Какой у тебя адрес, приятель? — Я говорю, а он повторяет за мной по телефону. Убрав его в карман, Гас хватается с вешалки полотенце, мочит его под краном, а потом аккуратно обтирает лицо Кейт. Он с ожиданием смотрит мне в глаза. Он хочет ответов на вопросы.

Я говорю ему то, что знаю.

— У Кейти рак.

Из него как будто выходит весь воздух. Он падает на пол и опирается на стену позади него. Слезы потоком текут по его лицу.

— Нет. Нет. Нет. — Гас пытается все отрицать. — Это не может случиться опять.

— Опять? — спрашиваю я, но в этот момент раздается стук в дверь. Гас с трудом встает и идет открывать ее.

Заходят парамедики, и я с неохотой отдаю Кейти им. Мне не хочется отпускать ее, я боюсь, что никогда не верну ее обратно. Рассказываю им, все что знаю и отдаю ее лекарство. Они ставят капельницу и через несколько минут Кейти уже в машине скорой помощи. Гас едет с ней.

Разбудив Стеллу и посадив ее в субурбан, я несусь в госпиталь в Миннеаполисе. Стелла быстро засыпает обратно на пассажирском сидении. Я не религиозный человек и за всю жизнь не произнес ни одну молитву, но сейчас я громко молюсь.

«Пожалуйста, Господи, пожалуйста, дай ей еще немного времени...пожалуйста, не забирай ее сейчас... она так нужна мне... Гасу... Стелле... Клейтону. Я так люблю ее... пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста»

Со спящей у меня на руках Стеллой мы находим Гаса в приемной покое. Он заполняет бумаги. Я падаю на стул рядом с ним.

— Как она?

— Она в стабильном состоянии, — с красными опухшими глазами отвечает он. — Кейт сейчас осматривают. Они собирались позвонить ее доктору, который выписал ей лекарства.

Я вздыхаю и крепко обнимаю Стеллу. Ее голова лежит у меня на плече. Она крепко спит. Ставлю сумку Кейти на соседний стул и одной рукой пытаюсь достать ее кошелек. Вытаскиваю удостоверение и страховой полис и вручаю их Гасу.

Закончив с бумагами, он относит их в регистратуру и возвращается.

— Пока нет никаких новостей. Я выйду, мне нужно покурить. Если что-то измениться, позови меня.

Я киваю головой. Он выглядит так же, как чувствую себя я: безнадежно, беспомощно и напряженно.

Гас возвращается через десять минут. Проходит, казалось бы, целая вечность и, наконец, появляется доктор.

— Родственники Кейт Седжвик?

Гас мгновенно подпрыгивает.

— Да.

— Кейт в стабильном состоянии. Мы перевели ее в отделение реанимации и интенсивной терапии, палата 313. Ей придется остаться под наблюдением на всю ночь. У нее небольшое сотрясение. Я переговорил с ее онкологом, доктором Коннелом и, как я понимаю, вы уже знаете, что у Кейт рецидив рака яичников...

— Что? — Я уже собираюсь забросать врача вопросами, но Гас поднимает руку, прося меня помолчать. Судя по всему, он знает ту часть истории Кейти, которая неизвестна мне.

— ...который распространился на другие органы — легкие и печень, — продолжает он. — Четвертая стадия, неоперабельная и не поддаваемая лечению. Кейт отказалась от терапии и предпочла обезболивающие таблетки. Мы и ее онколог доктор Коннелл делаем все, чтобы она чувствовала себя комфортно.

— Сколько у нее осталось? — первым задает вопрос Гас.

— Мы не можем сказать точно, но доктор Коннелл говорит, что около двух месяцев, может быть, три. Рак — штука агрессивная. В следующие несколько недель следует ожидать серьезные ухудшения.

Гас пытается проглотить ком в горле, а потом кивает.

— Мы можем ее увидеть? Палата 313?

— Да. Мне очень жаль.

Я следую за Гасом, потому что прямо сейчас не в состоянии сфокусироваться на указателях. Я крепко держу Стеллу, она — единственное, что связывает меня с реальностью. Иначе я просто погружусь в пучину отчаяния.

Кейти выглядит такой маленькой на больничной кровати. Она все еще под капельницей. Полагаю, что таким образом ей поступает сильнодействующее обезболивающее. Ее глаза открыты, но подернуты дымкой. На левой щеке расцветает синяк, а вдоль скулы видны стежки. Видимо, этим местом она ударилась об пол. Кейти поднимает руку на несколько дюймов от кровати и машет.

— Привет. Вот и моя любимая троица, — хрипло говорит он.

Гас пытается улыбнуться.

— Как ты себя чувствуешь, Опти? — Он садится с краю кровати и берет ее за свободную руку.

— Уже лучше, — улыбается она.

Я сажусь с другой стороны. Стелла так и спит у меня на руках.

Кейти смотрит на нее и хмурится.

— Мне жаль, что тебе пришлось вытащить ее из постели, Келлер.

— Не переживай, — глядя Стеллу по спине говорю я. — Она крепко спит. Ее не разбудит даже проезжающий через комнату поезд.

Кейт все еще хмурится, но уголки ее губ слегка приподнимаются в улыбке.

— Келлер, тебе так повезло, что она у тебя есть.

Выражение ее лица разбивает мне сердце. У Кейти никогда не будет детей. У нее никогда не будет того, что есть у меня. Это так несправедливо.

— Когда ты узнала об этом? — тихо спрашивает Гас. Он не хочет ее расстраивать, но и молчать не может.

— Как раз перед тем как уехала в Грант.

Он выглядит разбитым.

— Но ты сказала, что твои анализы в порядке?

Она кивает головой.

— Почему ты не сказала мне правду? — Гас всеми силами старается сдержаться и не заплакать.

Кейти сжимает его руку.

— Потому что мне нужно было уехать сюда, а тебе — отправиться в турне. Если бы я сказала, то чтобы тогда произошло?

— Я бы все отменил или отложил, чтобы остаться с тобой, — даже не думая отвечает он.

— Именно. Ты бы отложил, а может даже и отказался бы от осуществления своей мечты, чтобы сидеть дома и ждать, когда я умру. Я не хочу этого для тебя. Ты так много работал, Гас. Ты заслуживаешь того, чтобы выступать и каждый вечер своей музыкой делать людей счастливыми. Знаешь ли ты, как я безумно счастлива знать, что твои мечты становятся реальностью?

Он кивает.

— Знаю, но ты важнее.

Кейти качает головой.

— Нет, это не так. Наша дружба значит для меня больше, чем ты можешь себе представить. Но в жизни может случиться всякое, Гас. У нас с тобой было двадцать лет.

Двадцать лет! Ты только подумай! — Она улыбается, и ее глаза начинают сиять. — С моим уходом в ней ничего не изменится. Она будет жить внутри тебя до конца твоих дней. Как будто маленький кусочек меня навсегда останется с тобой. Тебе предстоит так много сделать, познакомиться с кучей людей, встретить любовь и создать семью. Это будет прекрасно. Я не хочу, чтобы ты прекращал жить только потому, что я больна. Не нужно ничего менять. Я люблю тебя, а ты любишь меня. И не важно, сидишь ли ты здесь со мной в этой комнате или в тысяче миль отсюда.

По лицу Гаса текут слезы.

— Почему? Почему ты? Почему сейчас?

Кейти качает головой.

— Я не знаю приятель. Думаю, просто пришло мое время. Может Грейси так сильно скучает по мне, что уговорила большую шишку там, наверху, поторопить меня. — Она зевает и переводит взгляд на меня. — Келлер, если хочешь, может положить Стеллу рядом со мной. Здесь достаточно места, да и ей будет удобнее.

Мне не хочется отпускать малышку, но Кейти пододвигается, и я кладу Стеллу на ее место. Она даже не просыпается, только подползает поближе к Кейти в поисках тепла и уюта. Кейти улыбается.

— Спасибо. Мне это было необходимо. — Она целует Стеллу в лоб, зевает и снова смотрит на меня. — У меня закрываются глаза. Это все ужасная смесь, которую они вливают в меня. Подойди и поцелуй меня.

Я так и делаю, н смотря на то, что мой мир разваливается на части. Как эта великолепная, сияющая женщина может угасать прямо на моих глазах? — Я люблю тебя, детка.

— И я люблю тебя, малыш. — Она переводит взгляд на Гаса. — Ты тоже, иди сюда.

Он целует ее в лоб.

— Спокойной ночи, Опти. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, — бормочет она и засыпает.

Собрав в кулак все мужество, я хлопаю Гаса по спине.

— Пойдем, приятель, я куплю тебе чашку кофе.

Мы берем два обжигающе горячих кофе из торгового автомата на втором этаже и возвращаемся в комнату Кейти. Свободной рукой она обнимает Стеллу, которая удобно устроилась на ее плече и сопит в шею. Глядя на них, я не могу сдержать улыбку. Пытаюсь запечатлеть в памяти эту сцену, аккуратно вырезая из нее капельницу и аппаратуру. Просто два прелестных сонных лица в рамке. Подушка скрывает синяки Кейти.

Улыбающийся Гас садится в кресло на противоположной стороне комнаты.

— Она была бы отличной матерью.

Я передвигаю стул, чтобы сидеть поближе к нему.

— Даже и не сомневаюсь в этом.

— Ты бы видел ее с сестрой, Грейс. Она великолепно справлялась с ней. Я даже не знаю, как ей это удавалось. Кейти заботилась о ней каждый день. Не пойми меня неправильно, Грейси нельзя было не любить. Но заботиться о ком-то двадцать четыре часа в сутки — это тяжелая работа. Опти ни разу не пожаловалась. Их матери никогда не было рядом. Дженис предпочитала своим детям компании мужчин. — В каждом его слове сквозит осуждение. — Но даже когда она была рядом, она не заботилась о них. У нее были небольшие психические проблемы, которые требовали приема медикаментов. Я даже не

знаю, что хуже — Дженис, под воздействием лекарств или без них. К тому же, она пила... много. И очень любила коку. — Гас замолкает, а потом качает головой и насмешливо улыбается. — Жизнь Опти была сущим кошмаром. Она заботилась о Грейси, потому что ее мать не могла или не хотела этого делать. Они много времени проводили в нашем доме. Мы с мамой всегда считали их своей семьей. После того, как Дженис совершила самоубийство...

— Подожди, мама Кейти покончила с собой? — обрываю я его на полуслове.

— Да, она повесилась ночью на люстре в своей спальне. Опти обнаружила ее на следующее утро.

Я тру ладонями глаза; голова начинает раскалываться.

— Вот дерьмо.

— Да, вот такое вот дерьмо. Дженис не выпускала из рук бутылку несколько месяцев, да еще и прекратила принимать лекарства. Но, как бы ужасно это ни звучало, я вздохнул с облегчением, радуясь за Опти и Грейси. У них как будто закончился тюремный срок. Они стали свободными.

— Ей, наверное, не сладко жилось.

Гас качает головой.

— Ты даже не представляешь насколько. Мы узнали обо всем только после смерти Дженис. В один из вечеров, Кейти напилась в стельку и все мне рассказала... о таблетках... избиениях. — Он вздыхает и сжимает лежащие на коленях руки в кулак. — Если бы мы знали, то ни за что не позволили бы им оставаться с ней. Опти никогда ничего не говорила, пока Дженис была жива, так как боялась, что придут социальные службы и разлучат ее с Грейси. И скорее всего, она была права. Опти принимала весь удар на себя, чтобы защитить сестру. Господи, я даже не хочу об этом думать. Мне до сих пор плохо. — Гас делает глубокий вздох и продолжает: — Ее мама умерла, когда Кейти как раз заканчивала среднюю школу. У нее была стипендия в Грант, где она могла играть на скрипке, но Кейти отказалась, чтобы остаться в Сан-Диего и заботиться о Грейси. Через неделю после похорон она пошла к доктору на ежегодный осмотр и после ряда тестов у нее диагностировали рак яичников. «Серозный рак», так они сказали. Следующие два месяца были просто жуть. Ее прооперировали, потом она прошла курс химиотерапии. Они с Грейси остановились у нас, и мы сопровождали ее на все процедуры. Я даже и не представлял, что такое ад, пока не увидел, через что прошла Кейти. Она облысела, и ей постоянно было плохо из-за лечения. Она не могла есть, ее все время рвало. Она так похудела, что ее пришлось госпитализировать, чтобы не дать ей умереть от голода. Это было ужасно, но она никогда не жаловалась. — Гас, показывает пальцем на Кейти. — Эта маленькая женщина — настоящий боец. Она верила в то, что ей станет лучше. Ради Грейси. В конце концов, так и произошло. Она вернулась к работе и арендовала местечко для себя и сестры. — Он смеется. — Ты бы его видел.

— Она говорила, что это была квартира.

Гас опять улыбается.

— Это определенно преувеличение. Квартирой был гараж на одну машину. У них была двуспальная кровать, несколько коробок, в которой они хранили одежду и складной столик. Вот и все. Тем не менее, они, черт возьми, обожали это место. Только Опти и Грейси могли жить в отстойном гараже и считать, что они в раю.

— Разве мать не оставила им денег? — История становится все хуже и хуже.

— Черт, нет. Мы и об этом узнали только, когда умерла Грейси. Судя по всему, все эти

годы Дженис жила на алименты для Опти и Грейс. Она никогда не работала. Отец Опти ушел, когда она была ребенком, и переехал в Англию, на свою родину. Думаю, там он кого-то встретил, завел новую семью и думать забыл о той, что оставил в Калифорнии. Он никогда не связывался с Опти и Грейси, но Дженис получала от него приличные деньги на воспитание детей. Все изменилось, когда им исполнилось восемнадцать, и алименты перестали поступать. Дженис начала заниматься. Когда Опти продала дом и машину матери, этого едва хватило на то, чтобы покрыть ее долги. У Опти остался только микроавтобус и одежда. Они с Грейси жили на то, что удавалось заработать в рекламной фирме моей мамы, где мы с ней работали в отделе обработки корреспонденции. Совсем небольшие деньги, но они как-то справлялись. С этой девушкой сюрпризы поджидают тебя на каждом шагу.

— Я не знал, что все было настолько плохо.

Гас фыркает.

— Не забывай, мы говорим об Опти. Она никогда не жалуется и ненавидит, когда жалеют ее. Спорим, что если ты ее сейчас разбудишь и спросишь о раке, она скажет, что есть люди, которым куда хуже, чем ей. В этом вся Опти.

Кейт

Мой телефон, лежащий на комодке Келлера, начинает вибрировать. Еле продрал глаза, смотрю на часы. 1:37 утра. Жужжание прекращается до того, как я успеваю взять его в руки, но потом раздается вновь. Это Франко.

— Привет Франко, — такое ощущение, что язык слишком велик для рта, поэтому я говорю хрипло и медленно. Из-за нового обезболивающего мне очень сложно просыпаться. Как будто сознание, и я находимся в противоречии друг с другом.

— Кейт, извини, что разбудил тебя, но что, черт возьми, происходит с твоим дружком?

Подтягиваюсь и сажусь на кровати.

— Что? Что случилось, Франко? — Перевожу взгляд на спящего рядом Келлера.

— Гас. Вчера этот ублюдок появился на саундчеке на пятнадцать минут позже, пьяный в дрова. А потом он пропал. Мы нашли его в баре неподалеку и практически тащили на себе, чтобы успеть на начало концерта. Как оказалось, это было огромной ошибкой. Выступление полностью провалилось. Он был настолько пьян, что забыл половину слов, отказался играть на гитаре, оскорблял зрителей и дважды упал. Это было, черт побери, великолепно. Мы знаем, он может выступать выпившим. Он делал это миллион раз. Но это... просто что-то из ряда вон выходящее. Теперь он заперся в автобусе и никого не впускает. Он не хочет ни с кем говорить. На его телефоне срабатывает автоответчик. Что произошло в Миннесоте? Я никогда его таким не видел.

Черт. Это очень плохо. Гас всегда закрывается ото всех, когда расстроен. В таком состоянии он будет разговаривать только с мамой или со мной. Так было всегда. Мне не удастся сдержать вздох.

— Что такое, Кейти? Что случилось? Что-то плохое, да? — его голос немного смягчается.

— Да, подожди, — шепчу я, выползая из кровати.

Келлер начинает просыпаться.

— Что-то случилось, детка?

Убираю телефон от лица.

— Все в порядке, малыш. Я вернусь через несколько минут. Мне нужно поговорить. — Надеваю пальто и ботинки, открываю дверь и тихо, насколько это возможно, выхожу на улицу. Морозно. — Прости, Франко, мне нужно было выйти, чтобы спокойно поговорить.

— Все в порядке. Прости, что разбудил тебя, Кейт, но я не знал, что еще делать. Это — не Гас. Я переживаю.

— И я тоже. — Перед тем как произнести следующие слова, делаю несколько глубоких вдохов. — Я больна, Франко.

— Вот блять. — а потом тише, — Блять. — и чуть громче: — Пожалуйста, скажи, что это не рак.

— Рак. Он вернулся. — Мне так неприятно сообщать ему об этом, как будто я каким-то образом разочаровываю его, говоря не то, что он хотел бы услышать.

Раздается громкий стук, как будто он пнул или ударил что-то, а потом наступает тишина.

— Гас узнал об этом в четверг вечером. Мы провели всю ночь в госпитале. Когда мы

отвезли его в аэропорт сегодня утром, он был в порядке.

— Вчера утром, — поправляет он.

— Точно, сейчас же уже воскресенье.

— И какие прогнозы? — судя по его голосу, он испуган.

— Плохие.

— О, Кейт. — грустно говорит Франко. — Мне так жаль.

В темноте раздается голос Келлера.

— Кейти, на улице мороз. Заходи внутрь и разговаривай. Стелла не проснется, она спит на кресле.

Снег хрустит под моими ботинками, когда я, трясаясь от холода, направляюсь к входной двери.

— Слушай, Кейт, я должен идти. Наверное, я просто выбью эту чертову автобусную дверь.

— Мне хотелось бы хоть как-то помочь тебе... и Гасу, — шепчу я, заходя в квартиру. Келлер сразу же обнимает меня.

Франко невесело смеется.

— А вот и та Опти, которую так любит Гас. Мы позаботимся о нем, Кейт. Ты же позаботься о себе. Борись. Ты слышишь меня? Борись, черт возьми.

Я киваю, хотя он и не может видеть меня.

— Хорошо, — обещаю я, хотя бороться уже не с чем.

— Еще созвонимся.

— Пока, Франко.

Вот почему я не хотела, чтобы Гас знал. Я стала причиной его падения.

Закончив разговор, сразу же отсылаю Гасу смс: *«Перезвони мне. Это приказ»*.

Телефон звонит только в 2:25 вечера. Я ждала этого, не выпуская его из рук, больше двенадцати часов.

— Привет, Гас. Ты в порядке?

— У меня так болит голова, как будто внутри нее дерутся Брюс Ли и Майк Тайсон. — Судя по всему, ему очень плохо.

— Ну и кто выигрывает? — пытаюсь развеселить Гаса я.

Он кашляет. Думаю, на самом деле, это должен был быть смешок.

— Брюс — маленький, но быстрый гавнюк, Майк же очень энергичный. Так, что, подруга, битва будет долгой.

— Выдалась тяжелая ночка? — Мне не хочется его ругать или ворчать. Уверена, он уже достаточно наслушался.

— Так мне говорят. Хотя я с ними не согласен. Я бы запросто, в любое время променял то, как чувствую себя сейчас на ночь, которой не помню.

— Гас, не хочу казаться лицемеркой, но может, есть лучший способ справиться со всем? Способ, который сохранит группу на плаву и позволит продолжить концерты? Ты должен выступать, приятель. Это ведь твоя мечта. Не разрушай ее. — Мне жаль, но я не могу нянчиться с ним. Это ни к чему хорошему не приведет.

До меня доносится щелчок зажигалки, а потом он делает длинную затяжку и выдыхает. В первый раз в жизни, я решаю промолчать.

— Я знаю, но все так ужасно. Я просто не знаю, как с этим справиться. Я даже не знаю с чего начать.

Его грустный голос разбивает мне сердце.

— Мне жаль, что тебе приходится проходить через это. Прости.

— Прекрати. Пожалуйста, не извиняйся. Ты больна. Не нужно переживать за меня.

Несколько секунд мы молчим.

— Ты должен писать, Гас. Излей все на бумагу.

Он фыркает, как будто это плохая идея.

— Никто не захочет слушать выплеск ярости в музыке.

— А кто говорит, что кто-то должен ее слушать? Просто напиши для себя. Ты можешь поделиться ею со мной, если захочешь. Мы могли бы поработать над этой музыкой вместе. Что скажешь?

— Это вызов? — Теперь он явно раздумывает над сказанными мною словами.

Я знаю, что он никогда не избегает их, поэтому слегка задираю его:

— Да, вызов.

— Черт побери тебя, женщина. Ты — исчадие ада, ты знаешь это? — в его голосе слышится улыбка.

Мы оба слегка расслабляемся.

— Мне уже говорили об этом.

— Черт. Но терять-то нечего? Наверное, я так и сделаю. К тому же, моей печени нужно немного отдохнуть. Даже при мысли о виски мне хочется вырвать.

— Обещаю, это поможет. Я много писала после смерти Грейси.

— Ты никогда мне об этом не говорила.

— Я никому не говорила. Просто писала. В большинстве случаев для гитары, потому что просто не могла слышать скрипку. Скорее всего, вся эта музыка — просто отстой, но в то время не это имело значение. На тот момент, это была своего рода бесплатная терапия. Как раз то, что мне было необходимо.

— Гм. Когда-нибудь мне бы хотелось послушать, что ты написала.

— Конечно. Когда-нибудь. А теперь иди и отдохни перед сегодняшним концертом и обещай, что начнешь писать с завтрашнего дня.

— Так точно, мэ. — Теперь он больше похож на самого себя.

— Живи по полной.

— Живи по полной, — тихо повторяет он.

— Я люблю тебя, Гас.

— Я тоже люблю тебя, Опти.

— Пока.

— Пока.

Кейт

Мы с Гасом общаемся по скайпу. Он проигрывает мне то, что написал. Акустика в автобусе ни к черту, но мне трудно сдерживать эмоции, наблюдая за тем, как он обнажает душу. Гас прав, его музыка — чистый выплеск ярости. Но в то же время она так прекрасна, потому что я знаю, это — его настоящие чувства. Он ничего не прячет. Такая искренность вызывает у меня слезы.

Когда Гас заканчивает, его глаза тоже влажно блестят. Перед тем как пошутить, даю ему время взять себя в руки.

— Приятель, думаю у тебя проблемы с управлением гневом.

— Ты так думаешь? — тяжело сглотнув, отвечает он.

Я качаю головой.

— Нет. Я просто тянула время. Мне нужна была минутка. — Я все еще пытаюсь это делать. — Приятель, это было изумительно. Как насчет того, чтобы добавить скрипку и смягчить жестокие нотки?

Он кашляет и делает глоток воды из стоящей на столе бутылки.

— Возможно, это поможет, ну знаешь, как бы снизит истерию.

Мне не хочется смеяться, но Гасу необходимо ободрение.

— Я только за то, чтобы снизить истерию с помощью струн. Ты можешь записать музыку на своем невероятно умном телефоне и отослать мне видео? Кое что крутится в голове, но мне нужно прослушать ее еще раз.

— Будет сделано.

— Отлично. Я позвоню тебе завтра. Продолжай писать.

— Спасибо, Опти. За все. Это действительно помогает.

— Мне тоже, приятель. Люблю тебя, Гас.

— Я тоже люблю тебя.

— Пока.

— Я больше не говорю "пока". Люблю тебя.

Скайп отключается и изображение Гаса исчезает.

Кейт

Я уже несколько дней не была в своей комнате в общежитии. Мне нужно взять порошок для стирки.

Засовываю ключ в замочную скважину, но дверь оказывается незапертой. Странно. Первое правило общежития — всегда закрывай дверь.

Шугар лежит на кровати, но она не спит. Я решаю поприветствовать ее, хотя и не ожидаю ничего в ответ.

— Как дела, Шугар?

В ответ — тишина. Она молчит. Отлично. Не то, чтобы мы были лучшими подругами. Черт, да мы даже и не подруги совсем, так что я быстро делаю то, зачем пришла.

Запихивая одежду, сложенную кучкой возле кровати в сумку, слышу какое-то хлюпанье со стороны Шугар. Я оказываюсь в положении, когда мне нужно сделать выбор — признать, что она плачет или нет? Мне хочется проигнорировать ее, но я не могу. Оглядываюсь и вижу, что она свернулась в клубок и тихо плачет в подушку. На лице — никаких эмоций. Это — самое страшное, маска, за которой скрывается шок. Маска, которую надевает на себя тело, когда ты переживаешь что-то слишком серьезное, и оно предпочитает просто отгородиться от всего мира, чем встретиться с проблемой с высоко поднятой головой.

Черт, судя по всему мне не удастся в обед заняться стиркой.

Так как мы не подруги, то я не слишком беспокоюсь, но все же встревожена.

Ненавижу, когда люди плачут.

— Шугар, ты хочешь поговорить об этом?

Молчание. Она даже не мигает.

Делаю еще одну попытку, потому что не могу просто уйти.

— Слушай, знаю, я последний человек, с которым ты хотела бы поговорить, но я — хороший слушатель.

Она мигает и смотрит на меня так, как будто только что заметила. Слезы так и текут по ее лицу.

— Что случилось, подруга?

Она снова хлюпает носом, и я передаю ей коробку с салфетками со своего стола. Закончив сморкаться, Шугар смотрит на меня с выражением нечто среднего между грустью и смущением.

— Я беременна, — снова плачет она.

"И ты еще удивляешься этому, мисс нимфоманка?" на секунду мелькает у меня в голове мысль, но она исчезает так же быстро, как и появляется. Все-таки я и сама не святая. Только девственницы могут осуждать ее в такой момент. И уж точно не я.

— Какой срок?

— Я не знаю. У меня должны были быть месячные на прошлой неделе, но они так и не наступили. Я сделала три теста. Все положительные, — стирая ладонями со щек слезы, говорит она.

Начинаю быстро обдумывать ситуацию, поставив себя на ее место. Господи, чтобы делала я, если бы была Шугар? Пытаюсь оказать ей поддержку, не выглядя при этом фальшиво.

— Ты разговаривала с отцом?

Она качает головой и издает смешок, в котором смешалось и отвращение и доля ненависти к самой себе.

— Я даже не знаю, кто отец.

— Но ты можешь как-то сузить круг? Может, если ты будешь знать срок, то это как-то поможет.

Шугар закатывает глаза, а потом смотрит на салфетку, которую она рвет на мелкие кусочки.

— Ты же и сама знаешь, сколько разных парней прошли через эту комнату. — Она снова начинает плакать. — Я такая идиотка, Кейт.

Мне хочется как-то успокоить ее, потому что все совершают ошибки. Все. Я сажусь на кровать и предлагаю ей еще одну салфетку.

— Ты не идиотка, Шугар. Сексуально озабоченная, но не идиотка.

Она громко сморкается и пристально смотрит на меня.

Я улыбаюсь, потому что в первый раз я по-настоящему разговариваю с настоящей Шугар.

— Что ты собираешься делать?

— Я не могу позволить себе иметь ребенка, — без раздумий говорит она. — Я просто не могу.

Мне становится больно от этих слов. Я абсолютно уверена, что такое решение каждая женщина должна принимать сама, но в данный момент я все еще представляю себя на ее месте. В глубине души я знаю, что хотела бы сохранить своего ребенка. Я сглатываю ком в горле и напоминаю себе, что речь идет не обо мне, а о Шугар. И только Шугар знает, что лучше всего для Шугар.

Тем не менее, я исполняю роль некоего адвоката дьявола, потому что именно это я сделала бы для своей подруги.

— А ты сможешь жить с этим решением? Один года, два, десять лет? Ты сможешь с этим жить?

В ее глазах страх, но она повторяет

— Я не могу позволить себе сейчас иметь ребенка.

Я киваю. Она думала об этом.

— Ты уже была в клинике при кампусе? Может, они могут помочь?

Она качает головой.

— Нет. Я... я боюсь.

Не могу самой себе поверить, но я говорю это.

— Иди, умойся и оденься. А потом мы пойдем и все разузнаем, Шугар.

В клинике ей дают сделать еще один тест. Он только подтверждает то, что она уже знает. Она разговаривает с дежурной медсестрой и берет брошюры, которые они обычно вручают при беременности, усыновлении или аборте.

Когда мы выходим на улицу, Шугар выглядит довольно уверенно. У нее есть план. Тем не менее, ее руки трясутся так сильно, что она даже не может набрать номер, чтобы договориться о приеме у доктора.

Я забираю телефон и делаю это за нее.

— Я бы хотела записать на прием подругу, — говорю я, когда на другом конце трубки раздается женский голос.

Мы договариваемся на утро, в следующий четверг.

Кейт

Шугар сделала аборт. Я возила ее в клинику. Все закончено. Финал.

Потом я довела ее до комнаты в общежитии и заставила поесть и попить. Она поблагодарила меня, а потом я ушла. Я не злюсь на нее. И не сужу. Правда. Но в желудке у меня все сжимается, и я не могу перестать думать о Стелле. А что, если бы Лили и Келлер приняли такое же решение? И не было бы никакой Стеллы. Даже при мысли об этом мне хочется плакать.

Я бегу к машине и еду домой. К тому времени, как я добираюсь до квартиры Келлера, мне все еще тяжело дышать. Я не знаю, на что похожа паническая атака, но мое состояние должно быть близко к ней. Сердце как будто собирается выпрыгнуть из груди. Такое ощущение, что я теряю разум. Это страшно. Я никогда раньше не чувствовала ничего подобного. Залетаю в квартиру, кладу руки на колени и сгибаюсь пополам, пытаюсь отдышаться и успокоиться. Но единственное о чем я могу думать — это небытие. Оно равноценно смерти.

Келлер оказывается рядом со мной в долю секунды.

— Кейти, что случилось.

Я поднимаю на него взгляд.

— Стелла. Мне срочно нужно поговорить со Стеллой. — Выдавливаю я из себя, тяжело дыша. — Позвони ей, пожалуйста. Прямо сейчас.

Ничего не понимая, Келлер достает телефон из кармана и сразу же набирает номер. Пока устанавливается связь, он подводит меня к своей кровати и садит.

— Привет, Мелани. Дай мне поговорить со Стеллой, пожалуйста. — Он улыбается мне, но это улыбка какая-то напряженная. Его брови сведены вместе. Я пугаю его. — Привет, малышка. Как поживает моя любимая Стелла?

До меня доносится голос Стеллы, и я начинаю успокаиваться.

— Стелла, Кейти хочет поздороваться с тобой. Я сейчас отдам ей трубку, чтобы она могла поговорить с тобой.

— Привет, сладкая.

— Привет Кейт. Чем занимаешься? — она говорит совсем как взрослая.

— Я просто думала о тебе и поняла, что мы давно не разговаривали. Как мисс Хиггинс? — Вот так хорошо. То, что мне и нужно.

— В порядке. Утром она ела яблоки. Она любит яблоки. — Она растянула «любит» на добрых три секунды и от этого мне хочется улыбаться.

— Ну и отлично. Я рада это слышать. А что ты сегодня делала? — Я успокоилась и уже могу дышать нормально, но мне нужно поговорить с ней еще хотя бы минутку.

— Мы с Мелани ходили на каток, а потом она читала мне книжку про пони. Но у нее не получается так хорошо, как у тебя, потому что она не может ржать как лошадка. Так что было скучно.

— В следующий раз, когда мы увидимся, я обязательно почитаю тебе. Хорошо? — Я знаю, что не стоит давать обещаний, которые я могу не исполнить, но ничего не могу с собой поделать.

— Хорошо.

— Я собираюсь передать трубку твоему папочке. Спокойной ночи, Стелла.

— Спасибо.

Закончив разговор, Келлер берет мое лицо в свои руки и с беспокойством смотрит мне прямо в глаза.

— Что это было, детка?

— Я не знаю. Я просто испугалась. Прости. Я просто... Я коего кого возила кое что сделать... и это было так тяжело... я почувствовала себя... — осознав, что говорю бессвязно, я замолкаю и смотрю на прекрасное лицо Келлера. — Думаю, у меня впервые проявился страх смерти. Прости.

Кейт

Последние полторы недели я и Гас работали над его песней. Вчера мы исполнили ее перед остальными членами группы. Гас решил (и здесь нужно сказать, что его ничто не остановит) записать ее.

На часах восемь утра, а он уже звонит мне. Судя по всему, это будет только первый звонок из множества за сегодня.

— Привет, Гас, как дела в Портленде?

— Дожливо. А в Гранте?

— Я еще не была на улице, но на сто процентов уверена, что запросто можно отморозить задницу.

Он смеется.

— Я не задержу тебя надолго, просто хочу убедиться, что ты свободна в следующие выходные?

— Определенно. У меня выпускные экзамены на этой неделе. Насколько я помню, последний — в четверг. После этого я свободна. А в чем дело, приятель?

— Я разговаривал с МДИЖ по поводу этой песни, и он договорился с звукозаписывающей студией в Миннеаполисе на следующие выходные.

— А как же твои концерты?

— Отложены. Мы все прилетим в пятницу утром, и у нас будет время до вечера воскресенья.

Гас совсем не теряет времени. Это хорошо, потому что боль становится все сильнее, даже новые лекарства больше не помогают. Я заметила, что иногда мне становится даже трудно дышать. Легкие уже не работают, как раньше. Не знаю, как долго я еще смогу играть или петь.

— Хорошо. А парни к этому готовы?

— Они будут готовы. — По-деловому отвечает Гас.

— Вау, только не нужно давить, приятель.

— Прости, Опти. А ты будешь в порядке? Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он, запинаясь на каждом слове, потому что не хочет произнести не тех слов.

Нужно как-то приободрить его.

— Я в порядке, Гас. И на следующей неделе буду в порядке. Мне так хочется увидеть вас, парни.

Келлер

Всю ночь мы пьем кофе и готовимся к экзаменам. Кейти выглядит измотанной, но держится бодро.

— Келлер?

— Да детка?

— Давай передохнем несколько минут?

Этот вопрос вызывает у меня в голове кучу образов того, чем я предпочел бы заняться прямо сейчас.

Только скажи, Кейти.

Кладу учебник на пол рядом с креслом, встаю и протягиваю ей руку.

Она вопросительно смотрит на меня и в недоумении поднимает брови.

Я еще раз предлагаю ей руку.

— Потанцуй со мной, милашка.

На ее губах появляется улыбка, которую я так люблю. Улыбка, которая как будто затягивает в ее маленький мирок. Мое любимое место. Она берет мою руку и медленно встает.

— Ты серьезно?

Достаю из кармана телефона и пролистываю свой музыкальный список. Выбрав "Pictures of You" The Cure, я увеличиваю громкость, ставлю его на кофейный столик и веду ее за руку к свободному пространству за креслом.

— Я никогда не шучу о таких вещах.

Кейти смотрит на пол, а потом переводит взгляд своих невероятных глаз на меня. Я знаю, она собирается сказать что-то очень важное для нее. Она может рассказать половину истории с помощью глаз, даже не открывая рта.

— Я никогда раньше не танцевала медленные танцы.

Левой рукой обнимаю ее за талию и притягиваю к себе, а правой — беру ее руку и кладу себе на грудь.

— Тебе нравится двигаться под музыку. Что ты тогда имела в виду, говоря, что никогда не танцевала медленные танцы?

— Я танцевала с парнями, — говорит она, прижимаясь щекой к груди и целуя тыльную сторону моей ладони. — Но не настоящие медленные танцы. Это так консервативно. И мило.

Это и правда мило. Музыка, наполняющая комнату грустная и эмоциональная, но именно это делает ее абсолютно прекрасной. К тому же, она играет почти восемь минут. Все медленные танцы должны длиться, по меньшей мере, восемь минут. Мы покачиваемся в такт музыки и практически растворяемся друг в друге. Я могу держать ее вот так всю ночь напролет. Песня заканчивается, Кейти слегка отстраняется и смотрит на меня.

Я знаю этот взгляд.

Я люблю этот взгляд.

Он такой... возбужденный.

Ее пальцы уже оттягивают ворот моей футболки. Я наклоняюсь и целую ее в губы.

— Мы все еще отдыхаем?

Она кивает и развязывает завязки на моих шортах.

— Ммм, хмм.

Я стягиваю футболку и избавляюсь от шорт. Наклоняюсь и, поглаживая ее бедра, медленно продвигаюсь по обнаженным ногам вверх, пока руки не оказываются под ее пижамой.

— Есть предложения?

Она начинает тяжело дышать, когда мои пальцы пробираются под ее трусики.

— Ты решай. У тебя всегда... — она замолкает, из ее горла раздается стон. Черт возьми, этот звук. От него мне одновременно хочется и преклониться, и наброситься на нее. Кейти откидывает голову назад и закрывает глаза. — ...самые лучшие идеи.

Я убираю ее растрепанные волосы с шеи. Теперь я могу насладиться ее вкусом. Она такая сладкая, что я не могу остановиться.

Кейти не против.

В этот раз у нас все случилось намного нежнее и медленнее. Тем не менее, развязка не заставила долго ждать.

Мы оба не готовы вернуться к учебе. Кейти предлагает одеться и сходить в общежитие.

На часах 11:45 вечера, но во время экзаменационной недели все бодрствуют ночи напролет.

Мы едем на ее машине, потому что Дункан припарковал субурбан у Шел.

В общежитие какое-то столпотворение. Большинство дверей приоткрыто, из-за некоторых доносится музыка. Люди слоняются по коридору с чашками кофе. Судя по всему, многие из них напряженно готовились и теперь просто делают перерыв.

Сначала мы заходим к Клейтону и Питеру. Клейтон отличный парень, дружелюбный и всегда говорит что-нибудь смешное. Они с Кейти отлично дополняют друг друга. Питер — до ужаса серьезный, но от этого не менее приятный молодой человек. И Кейти он нравится. Он, в свою очередь, очень заботится и уважает ее. За это я его и ценю.

Потом мы останавливаемся в комнате Кейти. Ее соседка дома. Мне не слишком нравится Шугар. Сказать по-честному, она просто самодовольная дура. В те несколько раз, когда я был здесь с Кейти, она вела себя как испорченная сучка. Как будто она слишком хороша, чтобы снизойти до Кейти. Шугар пыталась говорить с ней в оскорбительной манере, но Кейти быстро ставит на место в таких случаях. Она не позволяет людям относиться к ней как к дерьму. Признаюсь, это невероятно сексуально. Даже при мысли о Кейти, я уже готов ко второму раунду нашего "перерыва". Нужно убираться отсюда. Срочно.

— Ты готова, детка? Я — да. — Подмигиваю ей, когда она смотрит на меня.

Кейти улыбается.

— О, думаю, я могла бы быть готова, если бы ты дал мне несколько минут, чтобы переговорить с Шугар.

Черт. Вот теперь я определенно готов.

Она тихо разговаривает с Шугар. Я не могу ничего разобрать, но голос Кейти звучит обеспокоенно. Думаю, лучше всего подождать в холле и предоставить им немного уединения.

Попив воды из фонтанчика, я иду обратно. Неожиданно до меня доносится стук закрываемой двери. Оборачиваюсь и вижу Кейти, которая вместе с Клейтоном идет в обратном направлении к лестнице. Я уже открываю рот, чтобы окликнуть ее, когда из одной из комнат, спотыкаясь, выползает Бен Томпсон. Что, черт возьми, он тут делает? Он учится

на предпоследнем курсе и живет в общежитии на другой стороне кампуса. Мне никогда не нравился этот мудака. Он тупее, чем мешок с камнями. На самом деле, я его ненавижу из-за того, что произошло на первом курсе. Мы оба жили вот в этой самой общежитии и девушка, Джина, из комнаты напротив, обвинила его в изнасиловании. На следующий день она отказалась от своих слов, собрала вещи и родители увезли ее домой. Я знаю, что этот ублюдок был виноват. Он должен был оказаться в тюрьме, но вместо этого все еще здесь. Ходили слухи, что Джина была не единственной жертвой, что были и другие. Этот парень настоящий говнюк.

Пьяный в стельку Бен следует за Кейти по коридору. Я не отвожу от нее взгляд, потому что, клянусь, если он даже подумает о том, чтобы дотронуться до нее, я оторву ему руки.

Кейти останавливается и поворачивается к нему лицом. Наверное, он что-то сказал ей. Могу только представить себе ее убийственный взгляд.

В следующий момент, Бен хватается за рубашку и прижимает его к стене.

— Убирайся с моей дороги, я хочу пообщаться с этой "динамо". А потом, пидорок, я займусь тобой.

— Ты больше не сможешь запугать меня, — кричит Клейтон.

Расталкивая людей, я бегу по коридору.

В шести шагах от Кейт до меня доносится ее громкий, уверенный голос.

— Отстань от меня, придурок. — Она не выглядит испуганной. Но она не знает, на что способен этот парень.

Осталось четыре шага. Я вижу, как она поворачивается, чтобы уйти, а он кладет руку на ее зад. Ну все, этот ублюдок — покойник.

Еще два шага. Я набрасываюсь на него сзади. Кейти вскрикивает и отпрыгивает с дороги. По счастливой случайности мы не задеваем ее, когда падаем. Лежа сверху Бена, я ни секунды не раздумывая, начинаю бить его по лицу. Снова и снова. Костяшки пальцев уже красные от крови, его или моей, я не знаю. Мне все равно. А потом кто-то стаскивает меня с него.

Бен медленно встает на колени. Из его носа хлещет кровь, заливая лицо и рубашку.

— Что за черт? — говорит он, сплевывая у моих ног.

Я пытаюсь снова ударить его, но трое парней крепко держат меня.

— Ты, кусок дерьма. Даже и не думай дотронуться до нее снова. Ты понял меня? Если я только увижу тебя рядом с ней, клянусь, я вырву тебе глаза.

Бен поднимает руки вверх, как будто он просто невинный младенец.

— Прости, босс. Без обид. — Он поворачивается, чтобы уйти, как будто ему только что не надрали задницу.

Проходя мимо Кейти, он останавливается и шлет ей воздушный поцелуй. Он только что посмеялся над ней прямо на моих глазах.

Я уже готов вырваться и разорвать парня на мелкие кусочки, когда Кейти хватается за Бена за плечи и бьет его коленом прямо по яйцам. Согнувшись от боли, он падает на пол. Нужно признаться, это было великолепно.

Она склоняется к его уху.

— Карма — такая сука, приятель. Надеюсь твоя жалкая молодость того стоила, потому что, поверь мне, для такого куса дерьма, будущее будет адом. Наслаждайся им, ублюдок, потому что ты заслужил каждую его секунду.

Господи, моя крошечная, сорокапятикилограммовая девочка — невероятно храбрая

засранка. Бен встает и, спотыкаясь, уходит, держа руку на своей промежности.

А потом маленькие нежные ручки Кейти обхватывают мое лицо, и она с беспокойством смотрит на меня.

— Ты ранен?

Я качаю головой и не могу сдержать расплывающуюся на лице улыбку. Я практически в нирване, что просто абсурдно, учитывая тот факт, что я только что избил человека... а я никогда в жизни не поднял ни на кого руку. Наверное, это все из-за адреналина.

А может быть, из-за Кейти.

На ее лице сияет божественная улыбка.

— У тебя довольно хороший правый хук, малыш. Сейчас мы пойдем домой, и помоем тебя.

— Мы? Ты будешь помогать? — выгибаю я бровь.

Она прикусывает зубами нижнюю губу. Боже, обожаю, когда она так делает.

— Мне нравится помогать. Что еще я могу сказать? — пожимает плечами она.

Кто-то хлопает меня по плечу и спрашивает:

— Извините? Вы в порядке?

Я поворачиваю и вижу Джона, старшего по общежитию, стоящего передо мной в пижамных штанах и университетской футболке, которая выглядит так, как будто ее стирали миллион раз. Когда я жил тут на первом курсе, он уже был старшим. Не знаю, помнит ли он меня, но глядя на него, становится понятно, что он все такой же ворчун.

Никогда не видел на его лице даже намек на улыбку.

— Ты в порядке? — повторяет он.

Я киваю, несмотря на боль, пульсирующую в костяшках.

Он показывает большим пальцем через плечо.

— Вот и хорошо. А теперь иди, умойся и убирайся отсюда. И чтоб я больше тебя тут не видел. — Я уже и забыл, как этот парень любит выставлять напоказ свой авторитет.

Я беру Кейти за руку.

— Пошли.

Джон качает головой.

— Мне нужно поговорить с Кейт и Клейтоном. Она встретит тебя на улице.

Кейти вопросительно поднимает брови и смотрит на прислонившегося к стене Клейтона, который все это время пытался остаться в стороне от бедлама.

— Хорошо. Встретимся на входе через минуту, Келлер, — наконец соглашается она.

Очистив руки от крови, я опять начинаю злиться. Как Джон посмел меня выгнать. Он ни слова не сказал Бену, хотя я практически уверен, что он все видел. Резко открываю дверь и спускаюсь по лестнице. Кейти стоит на тротуаре вместе с Клейтоном и Джоном.

— Ты... — с обвиняющим видом тычу в него пальцем.

Кейти обеими руками толкает меня в грудь.

— Стоп. Одного боя без правил на сегодня достаточно, тигр.

А потом я замечаю на лице Джона то, что никогда раньше не видел — улыбку. Ну, не столько улыбку, сколько маленькую, кривую ухмылку. Но для него это эквивалентно улыбке от уха до уха, обнажающей все тридцать два зуба. Он смотрит на стоящую к нему спиной Кейти, потом переводит взгляд на меня и его лицо становится серьезным.

— Простите за сцену, но я должен делать свою работу. — Откашлявшись, говорит он. Джон смотрит мне прямо в глаза. — Что касается меня, то ничего не было.

Я ничего не понимаю, да и адреналин в крови никак мне не помогает.

— Чего не было?

— Именно так. Тебя никогда тут не было. — Он дает мне возможность выйти сухим из воды.

— Ты не станешь сообщать в службу безопасности кампуса?

— Нет. Я долго ждал возможности выпнуть Бена Томпсона из Гранта. Сегодня вечером он решил совестно и физически надругаться над двумя студентами, проживающими в общежитии, а потом подрался с неизвестной личностью.

— Неизвестной? — с нажимом спрашиваю я.

Джон пожимает плечами.

— Все произошло очень быстро, поэтому я не рассмотрел парня, с которым он дрался. Если подумать, Бен был настолько пьян, что, скорее всего, схватился с кем-то уже вне стен общежития, по пути домой.

Кейти кивает головой.

— С незнакомцем, — задумчиво произносит она.

— С незнакомцем, — поддакивает Клейтон. На его лице появляется странная маленькая улыбка.

— С незнакомцем, — соглашается Джон. — К тому же, нападения на Кейт и Клейтона достаточно, чтобы его выкинули из общежития. Я все видел и слышал. Он вел себя отвратительно. Мне даже не придется упоминать о драке. Список нарушений Бена длиной с мою руку, и это станет последнем гвоздем в его гробу. К моему удовольствию. Я ждал расплаты три года.

Может, этот парень не так уж и плох.

— Джина?

Он грустно кивает головой.

— Да.

— Клейтон тоже согласился написать заявление, — встречается Кейти. Она улыбается Клейтону так, как будто невероятно гордится им. — Мы пойдем с Джоном в службу безопасности.

— Я отвезу вас, — даже не раздумывая, говорю я.

Кейти внимательно смотрит на мои костяшки и кровь на рубашке.

Я следую за ее взглядом.

— Я, хм...я подожду в машине, когда мы приедем.

— Отличная идея, — улыбается она.

Джон уже ведет нас в сторону парковки. Он снова стал резким, властным самим собой.

— Бен Томпсон свалит отсюда еще до восхода солнца. Ставлю свое MBA на это.

Кейт

Джон оказался прав. По слухам, Бена Томпсона выселили из общежития рано утром, еще до того, как начались занятия. Они даже упаковали все его вещи. Я рассматриваю случившееся как победу Клейтона над всеми Придурками.

Карма — такая сука, Бен Томпсон.

У меня был только один экзамен с утра, поэтому перед тем, как отправится к Келлеру, я иду в общежитие, чтобы проведать Шугар. Я переживаю за нее.

Беременность и ее последствия очень сильно повлияли на нее. Кажется, она искренне хочет изменить свою жизнь, но в ней нет необходимых для этого качеств. Во-первых, решительности. Шугар важно, что о ней думают другие и в этом основная причина ее проблем. Она напрочь убивает в ней чувство самооценки. Во-вторых, активности. Она просто плывет по течению реки. За нее все время кто-то что-то делает.

Она даже не знает, как составить план, а уж тем более исполнить его. И наконец, самооценки. Девушки, подобные Шугар делают все, чтобы только привлечь внимание. Дурное внимание. И это ведет к тому, что они, в конце концов, начинают ненавидеть самих себя. Порочный круг.

В глубине души, я знаю, что она не такой уж и плохой человек. Просто у нее нет стержня или ролевой модели, на которую можно было бы ориентироваться. Но не могу не признать, что у нее есть яйца. Она постоянно это доказывала, даже если и была полной сучкой большую часть времени. Если бы она применила свою энергию для того, чтобы измениться, то стала бы рок-звездой.

Теперь мы с Шугар подруги. Это немного странно, но в хорошем смысле этого слова. Да я и сама странная, что уж тут говорить.

Кейт

Сегодня последний день экзаменов, поэтому мы с Келлером решили пригласить на ужин всех наших друзей — Шелли, Дункана, Клея и Пита. Мы насладились овощной лазаньей, салатом “Цезарь” и чесночным хлебом. Еда была великолепной, но наше общение оказалось еще лучше. Когда за столом собираются шесть абсолютно разных людей, всегда весело.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Так, по крайней мере, говорят. И я начинаю думать, что это мудрые слова. После ужина, я сообщаю всем шокирующую новость. Келлер просил, чтобы я рассказала им еще несколько недель назад, но я не хотела, чтобы они переживали, особенно накануне экзаменов. Я пытаюсь казаться оптимистичной, но наблюдать за тем, как кто-то из присутствующих уходит в себя, а кто-то готов крушить все на свете, мне удается с трудом. Видеть как люди, которые тебе не безразличны страдают из-за... тебя? Это больно.

Шелли вздрагивает несколько раз, а потом ее начинает трясти так, как будто она пытается отвергнуть полученную информацию. Закусив нижнюю губу, и качая головой из стороны в стороны, она старается не расплакаться. Как только Дункан перемещает ее к себе на колени, Шелли начинает громко рыдать у него на плече.

У Пита такие большие глаза, что я даже вижу белок вокруг его зрачков. Он смотрит на меня молча и не мигая, по крайней мере, десять минут.

А Клейтон? Как только я произношу слово «рак», на его восхитительном личике мгновенно появляется выражение боли, а по щекам начинают течь слезы.

— Это не может произойти с тобой, Кэтрин. Просто не может.

Когда все немного отходят от шока, мы обнимаемся. Мне это чрезвычайно помогло. Надеюсь, что и им тоже.

Я рада, что все закончилось, и мы снова можем просто продолжать дружить.

Келлер

Рано утром я, Дунк, Шел и Клейтон приезжаем на студию. Кейти осталась вчера ночевать у Гаса в отеле, в люксе вместе с группой. Я всю ночь не спал. Не мог.

Каждый раз, закрывая глаза и не ощущая ее рядом с собой, я начинал паниковать. У меня было такое чувство, что она уже покинула меня.

Я устал. Кейти тоже выглядит изнуренной, но она теперь постоянно так выглядит. Тем не менее, ее усталые глаза светятся от счастья. Как и практически всегда. Не имею понятия, как у нее это получается. Она веселится и подшучивает над группой. В принципе, они все классные ребята, и так непринужденно ведут себя друг с другом. Они, включая и Кейти, — профессионалы, но одновременно и работают, и развлекаются. За последние два дня я столько раз слышал, как они смеются, сколько большинство людей, скорее всего, не услышат за всю жизнь. И парни обожают Кейти.

Особенно Франко, которой постоянно безжалостно подшучивает над ней. Но она отлично отбивает его насмешки. В этом вся моя Кейти. Она такая темпераментная.

С огромной чашкой кофе в руке заходит Том и приветственно кивает группе. Он отнюдь не ранняя пташка, поэтому все тоже просто кивают в ответ, избегая слов. Кейти с группой называют его МДИЖ. Не знаю, почему. Нужно будет спросить у нее. Том садится на стул рядом со звукооператором за микшерным пультом и прочищает горло.

— Вам всем нужно очень хорошо потрудиться сегодня. Я не для того проделал весь этот путь в Миннеаполис, чтобы вы меня разочаровали. Вчера вы были невероятны, но сегодня, — он смотрит прямо на Гаса, — вы должны постараться и сделать лучше, чем вчера. У нас осталось совсем немного времени. — Тому нравится Гас, он просто настраивает их. Если они собираются закончить сегодня, то запись должна быть идеальной.

— Понятно, — откашлявшись говорит Гас. Супер-пупер рок — звезда нервничает.

Том резко кивает головой, но потом выражение его лица слегка смягчается.

— Тогда тащите свои задницы сюда и давайте работать.

— Я хочу, чтобы Опти находилась в другой кабинке. Мне нужно, чтобы вы записывали нас одновременно. Слишком много аккордов. Я не смогу спеть идеально, если не буду слышать ее. — Кейти исполняет роль бэк-вокалиста и подпевает практически в каждой строчке куплета, а припев они выводят вместе.

— Но мы же решили, что все будут записываться по отдельности, а потом мы просто наложим полученное во время микширования.

Гас пожимает плечами, но я вижу, как он слегка хмурится и облизывает нижнюю губу. Того добродушно-веселого парня, которого я видел последние два дня больше нет. Гас выглядит так, как будто вот-вот сойдет с ума, и я думаю, что это не имеет ничего общего с записью. Дело в Кейти, все стало слишком реальным для него.

— Она нужна мне, — тихо говорит он.

Том вздыхает, но выражение его лица смягчается. Он в курсе обстоятельств, которые собрали нас в эти выходные и не собирается с ним спорить. Он даст ему все, чтобы помочь Гасу пройти через это.

— Хорошо. — Не думаю, что хоть кто-то сможет отказать этому парню прямо сейчас. Даже я.

После коротких переговоров Тома со звукооператором, микрофон устанавливают в кабинке, стоящей напротив Гаса.

Все молчат. Это немного непривычно, потому что за практически 48 часов, которые мы здесь находимся, не было ни секунды тишины. Шел сидит на коленях у Дунка в большом кресле в углу. Клейтон, Джейми и Робби — на диване позади микшерного пульта. Франко и я стоим в стороне и через стекло смотрим за происходящим в звукозаписывающих кабинках.

Кейти и Гас находятся прямо перед нами. В ожидании, они о чем-то тихо беседуют. Кейти выглядит расслабленной и счастливой, как будто делала это миллион раз. Она пытается расслабить и Гаса. Парень выглядит таким напряженным. Я даже не могу представить себе, что происходит в его голове. Я слышал слова. Они репетировали несколько раз в пятницу вечером. Песня — сплошные эмоции. Она о боли и агонии, попытках справиться и взять себя в руки, но все оказывается тщетно...и финалом становится...отказ от борьбы. Я знаю, Гас писал ее о себе, но это с легкостью могла бы быть и песня Кейти. Как ни крути, она очень грустная. Не зная истории, ее можно интерпретировать по-разному: смерть, разрыв отношений, какая-нибудь потеря. В словах — смесь чистой ярости и отчаяния. Это очень поэтичное, глубокое и невероятно личное трехминутное буйство. Будет очень сложно пройти через это, но Кейти справится. Ей как будто подарили шанс рассказать свою историю. В ее глазах, она совсем не грустная. Даже если в песне и говорится, что она сдается, в ее эксцентричном и оптимистичном мозге, в данном случае, это нормально. Смерть — это нормально.

— Вы двое, мы готовы, — говорит Том в микрофон.

Гас и Кейти смотрят друг на друга. Кейти что-то говорит ему и вытягивает свой крошечный кулачок. Гас улыбается и отбивает его.

Все присутствующие, кажется, задерживают дыхание. Джейми и Робби встают, как будто не могут больше сидеть и становятся позади меня. Франко перекачивается с пятки на носок и тихо разговаривает сам с собой.

— Давай Гас, ты сможешь.

Кейти и Гас одевают наушники и занимают места за своими микрофонами. Кейти выглядит расслабленной, но ее взгляд изменился. Она готова. Гас с закрытыми глазами наклоняет голову из стороны в сторону, пытаясь снять напряжение.

Звукооператор сдвигает несколько переключателей, и теперь мы можешь слышать, как они дышат в микрофоны. Тон нажимает на кнопку и говорит:

— Вы готовы, ребята? — Кейти делает глубокий вдох и кивает. Гас молчит.

— Густов, ты готов? — еще раз спрашивает Том.

Наконец он вздыхает и сцепляет руки за шей так, что напрягаются мышцы на бицепсах. Его глаза крепко сжаты.

— Мне нужна чертова сигарета. — Не знаю, с кем он разговаривает — с собой или Томом.

— Это будет длинный день, — бурчит Том перед тем, как снова нажать на кнопку, чтобы поговорить с Гасом. — Тебе нужна еще минутка?

Кейти снимает наушники и идет в кабинку Гаса. Мы слышим, как они разговаривают.

— Гас, приятель, ты в порядке?

Он чуть-чуть расслабляется.

— Ты думаешь это хорошая идея?

— А ты думаешь, что я стояла бы тут, если бы так не думала? — шутит она.

Гас кивает.

— Ради меня? Да.

Кейти склоняет голову, соглашаясь с ним, и вздыхает, но потом на ее лице появляется усмешка.

— Да, ты возможно прав. Но не волнуйся, все будет просто великолепно. А теперь, Густов, надевай на себя штанишки большого мальчика, и давай уже, черт возьми, сделаем это.

Он усмехается в ответ, забавляясь ее командирским тоном.

Кейти подмигивает и уже на выходе подтрунивает над ним.

— Серьезно, тебе лучше собраться, потому что я — готова.

— Она такая сексуальная, — говорит Джейми, стоящий позади меня. Он не груб, просто констатирует факт. — Кого-нибудь еще это завело?

Все присутствующие — даже Клейтон и Шелли — в унисон отвечают — Да.

Франко толкает меня локтем.

— Ты счастливый убудок, Келлер.

Да. Я такой.

Кейти снова надевает наушники.

— Теперь все нормально? Густов, ты готов? — спрашивает их Том.

Гас делает еще один глубокий вдох и смотрит на него через стекло.

— Да, приятель, — и оттянув пояс джинсов, продолжает, — я надел штанишки большого мальчика. — Он смотрит на Кейти и подмигивает ей.

Она в свою очередь хлопает в ладоши и смеется.

Том переводит взгляд на Кейти.

— Кейт, ты в порядке? — спрашивает он.

Она показывает ему два больших пальца и добавляет в придачу к этому глупую ухмылку и выпученные глаза. Все, включая Тома, раздражаются смехом.

— И во что только я втянул себя? — качает он головой. — Откуда взялась эта девица? — Это комплимент с его стороны. За выходные мне стало очевидно, что Том уважает талант Кейти. Он, как и все, с кем она пересекается в жизни, попал под ее чары.

— Из космоса, — говорит Робби. — Другой такой нет. На самом деле, они оба оттуда.

— Полностью с тобой согласен, — смеется Франко.

Звукорежиссер сдвигает еще несколько переключателей, и помещение наполняет музыка. Мелодия, заранее записанной скрипки Кейти, тихая и запоминающаяся. Вступление довольно длинное и это хорошо, потому что я мог бы слушать ее игру целую вечность. Наконец, к ней присоединяется акустическая гитара, а следом барабаны, басы и электрическая гитара.

Кейт и Гас не отводят друг от друга взглядов. Мы все внимательно смотрим на них, но, думаю, они забыли о том, что в этом мире существует кто-то еще, кроме двух лучших друзей, которые стоят в десяти шагах друг от друга, разделенные лишь стеклом. Они оба полностью поглощены музыкой. Подбородок Гаса опускается и поднимается в такт звукам, издаваемым акустической гитарой. Тело Кейти двигается медленно, под стать скрипке. Правая рука произвольно отбивает ритм, как будто ее подбородок — это рука. Я смотрю на Франко, который стоит рядом — он в свою очередь отбивает указательным пальцем по бедру ритм барабанов. Не думаю, что хоть кто-то из них осознает, что делает.

Том показывает пальцам на Гаса и он затягивает первые две строчки песни. Они —

только его. Голос Гаса звучит хрипло, приглушенно и невероятно грустно. Кейти присоединяется к нему в оставшихся строчках припева. Ее голос звучит едва слышно, как эхо, усиливающее эмоции, льющиеся из Гаса.

Он переходит к припеву, его голос становится громче, а Кейти добавляет ему глубины.

Во втором куплете эмоции нарастают. Несмотря на то, что Кейти все еще на бэк-вокале, ее голос тоже усиливается, чтобы быть наравне с Гасом. Его — на грани боли, ее — дает ему опору. Странная комбинация, но она работает. Ты чувствуешь борьбу, которая происходит внутри них и плавно переходит в припев. Они оба поют, выкладывая себя полностью. Следующий куплет — Гаса. В этом месте — кульминационный момент всей песни. Не знаю, как можно излить душу больше, чем он уже это сделал.

Теперь мы знаем, как. Гас закрывает глаза и обхватывает руками наушники, чуть согнув при этом спину. Тело Кейти двигается в такт барабанов, которые ведут эту часть песни. Такое ощущение, что музыка течет по ее венам, и она находится в ее власти. Жаль, что я не могу вот так полностью уходить в себя. По мере того, как мука в голосе Гаса усиливается и уже практически граничит с криком о боли, ее улыбка все ширится, и наконец, она выбрасывает кулаки вверх, подбадривая его. Все начинают хлопать и свистеть. Каждый из присутствующих поражен тем, что видит и слышит.

Кейти закрывает глаза и снова вступает, на этот раз ее голос по напряженности может соперничать с Гасом. Финальный припев — ее, а Гас выкрикивает строчки из предыдущего куплета поверх ее пения. Напряжение в звукооператорской кабине можно пощупать руками. Если я так заведен, что же тогда чувствуют Гас и Кейти?

Кейти громко допекает финальные строки. Гас сопровождает их выкриками: «I've given up life. Or life's given up on me. Either way I'm done». А потом его голос срывается и затихает. — «Finish me».

Кейти все еще покачивается на месте. Ее глаза закрыты, на лице сияет широкая улыбка, руки сжаты в кулаки, а грудь тяжело поднимается и опускается. Концовка песни — полностью инструментальная. Это как бы начало песни, но наоборот. Сначала вступает электрическая гитара и басы, за ними — барабаны. Наконец, гитара издает последний аккорд и захватывающая мелодии скрипки начинает выводить свой танец.

Когда музыка заканчивается, Гас и Кейти открывают глаза. Он улыбается со смешанным чувством облегчения и изнеможения.

— Я люблю тебя, Опти, — шепчет он.

Она улыбается в ответ.

— Я тоже люблю тебя, Гас, — так же тихо произносит она.

Этот момент не был частью песни, но был записан и меня это очень радует. Стоило бы начать переживать, что другой мужчина говорит твоей девушке о любви, но я не обращаю на это внимание. Я хочу, чтобы Кейти была окружена людьми, которые любят ее.

В помещении снова все приходит в движение и становится шумно. Том подбрасывает в воздух бумаги, свернутые в трубочку, которые он держал в руке, а потом откидывается на стуле и качает головой. Он смотрит на Джейми, а потом на Робби, Франко и обратно.

— Что, черт возьми, это было? — Парень находится в шоковом состоянии. — Откуда они взялись? Я никогда не видел Густова таким, как сейчас. Это было невероятно. — Он моргает несколько раз, не в силах поверить в увиденное.

— Это Кейт, мужик, — говорит Франко. — Она его муза. Так было всегда. Ты же сам видел, что они только что сделали вместе. Никто другой не может так влиять на него. Они

как будто подпитывают друг друга. Я никогда не видел ничего подобного. В музыкальном плане они настолько настроены друг на друга, что, кажется, могут читать мысли друг друга. Но ты прав. То, чему мы были свидетелями сегодня — охренеть как невероятно... даже для них. — Он улыбается. — Полагаю, мы не заставим их проходить через это еще раз?

Том прочищает горло, качает головой и нажимает на кнопку, чтобы поговорить с Кейти и Гасом.

— Я думаю, что все хорошо. Вы двое идите сюда и послушайте.

Несколько секунд спустя, Гас встает позади Джейми и Робби и кладет руки им на плечи, как будто ему нужна опора, чтобы держаться на ногах. Кейти подходит и прислоняется ко мне спиной, я обнимаю ее и целую в макушку, чувствуя, как тяжело она дышит.

— Ты — рок-звезда, — шепчу я ей. — Я только что был этому свидетелем. Ты была изумительна.

Она гладит мои руки своими маленькими и мягкими ладошками.

— Спасибо, малыш.

Мне нравится, когда она меня так называет.

— Черт возьми, Опти, эта тема со штанишками сработала, — говорит Гас, наконец-то отдышавшись.

Ее смех как будто пульсирует во мне.

Запись звучит также феноменально, как и исполнение живьем. Я чувствую мурашки, бегущие по рукам Кейти.

После того, как затихают взаимные признания в любви, Том внимательно смотрит на Гаса.

— Что ты думаешь? Ты доволен?

Перед тем, как ответить, Гас смотрит на Кейти. Она кивает головой. Он улыбается.

— Да, мы довольны.

Том облегченно выдыхает.

— Отлично, потому что я в любом случае не дал бы вам даже попытаться сделать еще одну запись. — Он показывается на микшерный пульт. — Это было великолепно.

Потом Робби, Джейми и Франко встают вокруг микрофона в одной из кабинок, чтобы записать бэк-вокал. Через час и несколько попыток им это удастся. Эта часть композиции второстепенная, но смикшированная со всем остальным, она станет вишенкой на торте.

Придя с ланча, мы слушаем окончательную, необработанную версию песни. Франко и Кейти сразу же начинают говорить друг другу, как ужасно звучит их голос. Это помогают немного снять стресс, который мучает Гаса. Он настаивает на ее прослушивании пять или шесть раз. Том отбивает любые предложения Гас по изменению. Наконец, когда Кейти соглашается с тем, что все нужно оставить так как есть, Гас сдается.

Вскоре прибывает такси, чтобы отвезти группу и Тома в аэропорт. Это значит, что настала пора попрощаться с Кейти. Они не знают, увидят ли ее еще.

Том обнимает Кейти и говорит о том, как он рад, что ему довелось поработать с ней еще раз.

Джейми, не стесняясь, плачет, обнимая ее. Он даже не может произнести ни слова, поэтому поворачивается и садится в машину.

Робби обнимает ее осторожно, как будто боится сломать. Его глаза блестят от слез, когда он говорит ей:

— Держись, Кейт, — а потом ныряет на заднее сидение такси, рядом с Джейми.

Франко смотрит на небо и моргает.

— Я говорил себе не делать этого. — Слезы текут по его щекам. Он хватается ее за плечи и притягивает к себе, в большое медвежье объятие. — Я буду так сильно скучать по тебе, Кейт. Я не могу сказать «прощай». Это так, черт возьми, неправильно.

Она пытается улыбнуться, но ее губы начинают трястись.

— Я тоже буду скучать по тебе.

Он целует ее в лоб и крепко сжимает руку, перед тем как идти в машину.

Она останавливает его, пока он не исчез в салоне.

— Франко?

Он поворачивается.

— Да.

— Прости за все то дерьмо, которое я постоянно на тебя вываливала. Надеюсь, ты знаешь, что я просто шутила. Ты один из самых замечательных людей в мире.

Франко улыбается сквозь слезы.

— То же могу сказать и про тебя, Кейт.

Смотреть на это просто невыносимо.

Гас стоит в нескольких шагах и курит. Он делает одну длинную затяжку, а потом щелчком отбрасывает сигарету, поворачивается и идет к Кейти. Она берет его огромные ручки в свои. Они так подходят друг другу, несмотря на огромную разницу в размерах.

— Знаешь, ты должен бросить, — говорит она ему.

Он кивает с самым серьезным видом.

— Я знаю. Поверь мне, я знаю.

Никто из них не хочет прощаться, как будто если один заговорит, то все закончится. Поэтому они молча стоят и смотрят друг на друга. По лицу Гаса начинают медленно катиться слезы, которые быстро превращаются в стремительный поток. Он резко отрывает Кейти от земли и прижимает к себе.

Несмотря на слезы, его голос довольно спокоен.

— Мы не прощаемся. Я увижу тебя после Рождества. — Их тур заканчивается за несколько дней до праздников.

Она согласно кивает поверх его плеча.

— Это не прощание. Мы увидимся через несколько недель.

Гас сжимает ее еще крепче и его голос срывается.

— Обещаешь?

— Я обещаю, Гас, — невнятно и глухо отвечает она.

Он аккуратно ставит Кейти на землю, прижимает ее щеку к своей груди и дважды проводит по ее волосам, перед тем, как отпустить. Она держится за ворот его футболки так, как будто не хочет, чтобы он уходил. Гас берет ее лицо в свои ладони и наклоняется так, чтобы их глаза оказались напротив друг друга.

— Я люблю тебя, Опти. — И легко целует ее в губы.

— Я тоже люблю тебя, — шепчет в ответ она.

Он делает большой шаг в направлении такси, распахивает пассажирскую дверь и забирается в внутрь. Никаких «пока».

Кейти шлет воздушные поцелуи и машет рукой отъезжающему такси. Она поворачивается ко мне, и я вижу, что по ее лицу тихо текут слезы. Наконец-то, она

разрешила себе поплакать.

Кейти так крепко обнимает меня, как будто пытается слиться в одно целое. Я круговыми движениями успокаивающе поглаживаю ее по спине.

— У тебя отличные друзья, Кейти.

— Я знаю, что мне невероятно повезло.

Я целую ее в макушку.

— Это нам повезло.

Келлер

Мама не разговаривает со мной уже месяц. Она все еще расстроена, что я поменял специализацию и... всю свою жизнь. Знаю, это не должно меня волновать, потому что так было все время: я стараюсь изо всех сил, но для нее это недостаточно хорошо, и она разочаровывается, я же чувствую себя так, как будто потерпел неудачу... и так продолжается снова... и снова... и снова.

Но сейчас... первый раз в своей жизни я горжусь собой. Я чувствую себя сосредоточенным, уверенным и храбрым. И все это благодаря Кейти. Ее присутствие в моей жизни изменило меня за последние несколько месяцев. Я стал лучше.

Почему мать не видит этого?

Чуть раньше я и Кейти приехали в Чикаго из Гранта на машине. Мы поужинали со Стеллой и Мелани в доме родителей. Отец сегодня дежурит в скорой помощи, а мама отказалась присоединиться к нам.

Ужин прошел немного грустно, потому что, это, скорее всего, последний раз, когда мы видим Мелани. Она переезжает в Сиэтл. Мы пообещали друг другу быть на связи, но оба знаем, как это бывает. Обещания давать легко. Мелани будет жить с родителями и продолжит учиться в университете. Я рад за нее. Она хороший человек. Не знаю, что бы я делал без нее. Она была ангелом-хранителем для Стеллы практически четыре года. Я никогда не смогу отблагодарить ее за это.

Стелла плачет, когда Мелани уходит. Это разрывает мне сердце. На долю секунды я даже засомневался в своем решении.

На часах чуть больше одиннадцати. Стелла спит уже более двух часов, а мама сидит в кабинете, где она закрылась, как только мы приехали.

Кейти ушла отдохнуть в гостевую комнату час назад. Прошедшая неделя была насыщена событиями, и она плохо спала. Теперь я могу сказать, что она борется. Кейти такая сильная, самый сильный человек, которого я встречал в жизни, и она пытается быть храброй и держаться, но когда остается одна, позволяет боли взять над собой верх. Я видел это. Осознание того, что я потеряю ее, становится реальнее с каждым днем.

Я не хочу терять ее.

Если бы мог, я бы поменялся с ней местами. Она единственный человек, кроме Стеллы, за которого я готов умереть. Даже без раздумий. Я бы принял пулю за любую из своих девочек.

Отбрасываю одеяло с кровати. Я просто не могу больше тут лежать. Хожу из угла в угол и грызу ногти. От них уже ничего не осталось. Я переживаю и ничего не могу с этим поделать.

Надеваю пижамные штаны поверх боксеров и иду проверить Стеллу. Она крепко спит и выглядит такой спокойной, что от любви к ней у меня сжимается сердце. Кейти была права. Я счастливчик.

Следующая остановка — комната Кейти. Она тоже спит, лежа на левом боку, как и всю прошлую неделю. Она говорит, что ей так удобнее, но я знаю настоящую причину. Боль убивает ее. Она настолько сильна, что Кейти больше не может лежать на спине или животе.

Я ненавижу этот чертов рак.

Сейчас она крепко спит, но я знаю, что это ненадолго. Как и всегда. За ночь она просыпается около дюжины раз.

Когда она только переехала ко мне, я любил наблюдать за спящей Кейти. Она настолько прекрасна, что иногда я лежал и просто смотрел на нее. Как поднимается и опускается ее грудь. Как дрожат ее веки, когда ей что-то снится. Как спокойно она дышит. Иногда я мечтал: Каково было бы прожить с ней вечность, жениться? Как бы она выглядела, вынашивая моего ребенка? На кого был бы похож наш ребенок?

На прошлой неделе я перестал наблюдать за ней — боль начала скручивать Кейти и по ночам. Ее тело как будто деревенеет, а лицо искривляется, пытаюсь противостоять мучениям. Иногда она кричит. Того спокойствия больше нет. И это вдребезги разбивает мне сердце.

Поэтому я не смотрю.

Сегодня я не могу заставить себя находиться где-то еще. Я должен быть в этой комнате, с ней, У меня такое чувство, что у нас осталось немного времени. Я не хочу беспокоить ее, поэтому сажусь на диван напротив кровати. Темнота скрывает ее, но я все равно ощущаю присутствие Кейти. Откидываю голову назад, закрываю глаза и впиваюсь в себя. Не знаю, сколько я так просидел, час или больше, но, в конце концов, решаю идти в свою комнату и попытаться отдохнуть. Уже дойдя до двери, понимаю, что не смогу. Я знаю, что не смогу дышать, если переступлю через порог. Поэтому я иду к кровати, медленно откидываю одеяло и ложусь рядом с Кейти. Эта двуспальная кровать просто гигантская по сравнению с той, к которой мы привыкли. Между нами куча свободного места.

— Ты же не собираешься спать так далеко от меня? — спрашивает Кейти хриплым и сонным голосом.

Ее слова вызывают у меня улыбку и тревога, которая нарастала в груди последние несколько часов, куда-то исчезает.

— Как ты узнала, что я здесь, с тобой?

Она смеется.

— Ты не настолько бесшумный как думаешь, Келлер Бенкс. Из тебя бы вышел ужасный воришка. Или ниндзя. Даже не думай менять свою специализацию еще раз.

Я перебираюсь поближе, прижимаюсь к ее спине и крепко обнимаю. Она такая теплая. Я мог бы лежать так целую вечность. Дважды целую ее в макушку.

— Спокойной ночи, Кейти.

— Спокойной ночи.

Наступает тишина, и я практически уверен в том, что она снова уснула.

— Келлер?

— Да?

— Спасибо за то, что пришел. Терпеть не могу спать одна. — Она переплетает наши пальцы, подносит их ко рту и целует тыльную сторону моей ладони.

— Я люблю тебя, детка. — Я должен был сказать эти слова, пока они не застряли у меня в горле, как и множество других.

— Я тоже люблю тебя, малыш... Я тоже люблю тебя, малыш, — повторяет она дважды, чтобы мне не пришлось просить ее сказать эти слова еще раз.

Я действительно люблю ее. Очень. Сильно.

Келлер

Мы практически заканчиваем грузить вещи Стеллы в машину Кейти. (Она сама предложила. Ей, конечно, нравятся пуфы в моей машине, но она посчитала, что сидеть на них несколько часов будет не слишком удобно для задницы. Ее слова, не мои.) Мы не можем взять с собой слишком много, потому что в квартире мало места, но у Стеллы будет все необходимое.

Кейти помогает малышке кормить мисс Хиггинс. Они собрали клетку и все для ухода за черепашкой. Господи, такое чувство, что мы перевозим чертов зверинец, а не одну маленькую мисс Хиггинс. Скажем так, она очень хорошо устроилась. Наверное, мисс Хиггинс уделяется столько внимания, сколько не получила ни одна черепаха за всю историю существования. Я еще раз обхожу гостиную, чтобы убедиться, что Стелла не оставила ничего, о чем потом будет скучать.

— Келлер, — неожиданно раздается голос отца, отчего я вздрагиваю. Он прочищает горло.

Папа всегда так делает, перед тем как что-нибудь мне сказать.

— Я могу поговорить с тобой до того, как ты уедешь?

Я знаю, к чему он ведет и не в настроении спорить сегодня. Он собирается попросить меня пойти с ним в кабинет матери, потому что именно здесь она лучше всего чувствует свою власть. Отец как мальчик на побегушках, который, как только мы переступим порог, закроет рот и не произнесет ни слова. Мать же станет высказывать мне, в чем я не прав. Я буду пытаться защитить себя. Она начнет повышать голос и будет пытаться запугать меня. Я проходил через это миллион раз.

Как уже было сказано, сегодня я не в настроении.

— Пап, без обид, но я в курсе, что "перекинуться пару словечек с тобой" и "разговор с матерью" — одно и то же. Так что спасибо, не сегодня.

Он еще раз прочищает горло.

— Это никак не связано с твоей мамой, сын. Это по поводу Кейт.

К этому моменту я уже стою спиной к нему, намереваясь уйти, но, когда я слышу ее имя, то разворачиваюсь. Я не могу не реагировать на это имя.

— Что такое?

Еще одно прочищение горла.

— Просто скажи то, что хочешь, отец.

Он сурово смотрит на меня, однако в выражении его глаз присутствует и мягкость, которую он обычно приберегает только для Стеллы. Папа обожает ее.

— Кейт очень больна?

Я киваю. Я ничего не сказал родителям о состоянии Кейти, но отец проводит достаточно времени среди больных людей, чтобы сразу распознать их. К тому же, он наблюдателен.

Он резко выдыхает.

— Я боялся, что это так. Какой у нее диагноз?

Я способен выдавить из себя только одно слово, потому что не хочу расклеиться прямо перед ним.

— Рак. — Ненавижу это чертово слово.

— Она получает лечение? — С деловым видом спрашивает он, но мягкость в его глазах никуда не исчезает.

— Последняя стадия, — все, что мне удастся сказать.

Отец кивает головой.

— Сколько?

Я знаю, о чем он спрашивает, но не хочу говорить, поэтому просто показываю один палец.

— Один год? — делает предположение папа. Он знает, что это слишком оптимистично.

Я качаю головой.

Он вздыхает и снова кивает.

— Один месяц. — Это уже не вопрос.

Несколько секунд мы внимательно смотрит друг на друга, пытаюсь осознать этот факт.

А потом в гостиную заходит Кейти, держа клетку с мисс Хиггинс в руках. Она вся сияет, не зная о том, что мы только что говорили о ней.

— Думаю, мисс Хиггинс готова к путешествию, Келлер. Она только что поела. Стелла говорит, что у нее нет таблеток от укачивания для рептилий, так что тебе придется ехать поаккуратнее, приятель. Ее хрупкая пищеварительная система в твоих руках. Ты готов принять вызов?

Это смешно, но я не могу выдавить из себя улыбку.

Отец просто стоит и смотрит на нее. В его глазах мягкость граничит с грустью, но присутствует что-то еще — восхищение. С легкой улыбкой на лице он поворачивает и пожимает мне руку.

— Позаботься о них, Келлер.

Я киваю и сглатываю ком в горле. Это не напутственное прощание, но, наверное, в первый раз отец обратился ко мне, как к равному, как к мужчине.

— Позабочусь.

В ответ на это он просто кивает.

— Звони, если понадобится.

— Мы будем в порядке, папа. Спасибо.

И мы уходим, так и не сказав "до свидания" матери.

Кейт

Сегодня я попрощалась с Питом. Ему было очень неловко, а мне грустно. Не люблю быть причиной мрачных чувств, особенно у тех, кто мне небезразличен. Он уезжает домой и вернется только в середине января, когда начнется новый семестр.

Пит сказал, что тогда мы и увидимся.

Но это не так.

И мы оба понимаем это. Он просто не знал, что еще добавить. Я сказала ему, что буду скучать.

Мы крепко обнялись.

Клейтон помог мне упаковать остатки вещей из общежития и сложил их в багажник моей машины, потому что я не смогла поднять их сама. В первый раз за все время я была смущена своей болезнью. Стать беспомощной — это так унижительно.

Я пытаюсь не грустить о том, что эта страница моей жизни заканчивается, но так тяжело знать, что Клейтон тоже скоро уезжает. Он собирается провести месяц с родителями, а потом переедет вместе с Моррисом в Лос-Анджелес. Я буду скучать по нему. Я знаю, что ему тяжело помогать мне, но я просто не могу просить об этом Келлера. На него столько навалилось, и я не хочу добавлять лишнего стресса, чтобы вычеркнуть еще один пункт из своего "последнего" списка. Сейчас все кажется "последним". Мы так быстро добрались до этой стадии в наших с Келлером отношениях, что просто несправедливо нагружать его еще и упаковкой вещей.

Кейт

— С Рождеством, Кейт. — Голос Одри всегда звучит для меня ангельски, даже по телефону. Я помню, как в детстве приходила домой к Гасу и с нетерпением ожидала встречи с ней, потому что Одри всегда беседовала со мной. И была очень милой. Моя мать не особо разговаривала с нами, а если и делала это, то только в виде крика. Одри никогда не повышала голос. Я всегда думала, что если когда-нибудь встречу ангела, то он будет говорить, как мама Гаса.

— С Рождеством, Одри. Вы с Гасом уже полакомились с утра булочками с корицей?

— Да. — Она улыбается, я слышу это. Гас приехал домой вчера. Она очень скучала по нему, пока он был на гастролях.

Булочки с корицей на пляже — это утренняя рождественская традиция семьи Хоторн. Каждый год в этот день, перед восходом солнца, Грейси и я приходили в пижамах к ним домой. Гас никогда, потому что был слишком возбужден. Он любит Рождество. Потом мы все вместе будили Одри, и она ставила в духовку противень булочек. Когда они были готовы, она вела нас на пляж недалеко от их дома и расстилала одеяло. Мы садились и ели, Одри не разрешала нам открывать подарки, пока мы не съедим все булочки. Так происходило из года в год. Это мои самые любимые воспоминания о Рождестве. Нам с Грейси всегда было грустно идти домой после этого. Мама обычно поднималась не раньше полудня, и Рождество не было исключением. Когда мы возвращались домой, она все еще спала и никогда не готовила для нас булочки с корицей.

— В этот раз меня не было с вами. Хотя я испекла булочки для Келлера и Стеллы, а потом заставила их съесть весь противень и только после этого мы открыли подарки. Пришлось только слегка изменить правила — мы не выходили на улицу. Десять градусов — это слишком.

Она смеется.

— Празднование в помещении, вероятно, лучший вариант для Миннесоты. Я рада, что ты поделила эту традицию с ними.

— Я тоже. — Мне хочется разделить с ними абсолютно все. Подобные вещи очень важны.

— Ты уже разговаривала с Гасом сегодня? Я могу позвать его. Он смотрит телевизор, пока я готовлю ужин.

— Нет, все в порядке. Мы общались чуть раньше. Я попозже свяжусь с ним еще раз. Я хотела поговорить с тобой, Одри.

— Конечно, дорогая. В чем дело? — Одри, как и Гас, никогда не скрывает своих чувств, но гораздо лучше держит себя в руках. Спорю, что она изо всех сил старается выглядеть просто обеспокоенной, но никак не испуганной.

— Помнишь, мы разговаривали о моем возвращении домой, когда станет слишком плохо?

— Конечно.

— Я думаю, что это время практически настало. — Я пытаюсь сдержать слезы, потому что не хочу плакать. Это — реальность, просто еще один шаг вперед.

Она громко втягивает в себя воздух.

— Хорошо, милая. Хорошо... Да... — В ее голове сейчас должно быть форменная каша, потому что эти слова не могут принадлежать той Одри, которую я знаю. Та Одри никогда не запинаяется, она всегда знает, что сказать.

В груди как будто все сжимается. Во мне поднимается страх, что, может быть, она не знает, что делать со мной. Может быть, я прошу слишком многого.

Наконец, она оживает:

— Я поселю тебя в гостевой комнате, так у тебя будет собственная ванная. Отправь мне по электронной почте имена лечащих врачей и их контакты. Обоих, и местного, и которого ты посещаешь в Миннесоте. Я немедленно свяжусь с ними по конференцсвязи и удостоверюсь, что у меня все есть для нормального ухода за тобой. Не забудь также составить список лекарств, которые ты сейчас принимаешь. Я знаю, что у тебя аллергия на пенициллин, но если есть на что-то еще, не забудь включить и эту информацию. И данные медицинской страховки. У тебя есть какие-нибудь специальные пожелания? Если да, то дай мне знать. Тогда я все подготовлю к твоему приезду.

Даже не знаю, почему я сомневалась в ней. Это же Одри. Чудеснейшая из женщин, черт возьми.

— Спасибо Одри. Я думаю приехать поближе к Новому Году. Это нормально?

— Кейт, ты для меня как ребенок. Ты же об этом знаешь. Я бы очень хотела, чтобы ты вернулась при других обстоятельствах, но я всегда рада видеть тебя. Я бы сдвинула горы для тебя. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя. Очень.

— А теперь я крепко-крепко обнимаю тебя по телефону. Ты чувствуешь? — Одри — любительница пообниматься.

Я чувствую.

Я не могу сказать Келлеру, что говорила с Одри. Он знает, что близится час X и когда он наступит, Келлер будет сокрушен. Я не хочу этого. Совсем. Я не могу так поступить с ним и Стеллой. Я знаю, что конец будет страшным, и не хочу, чтобы кто-то проходил со мной через это, но... кого еще просить, если ни маму. Я всегда думала об Одри как о маме. Дженис была моей матерью, а Одри — мамой. Но сегодня, в первый раз за всю жизнь, я захотела, чтобы это было не так. Такой человек как она не должна переживать подобное.

Кейт

Сегодня я зла. Хотелось бы, чтобы это было не так. Черт, хотелось бы, чтобы я не была... но это так.

Вчера утром я виделась с доктором Коннелом. Он просмотрел мою карту, последние анализы, а потом перевел взгляд на меня. Его выражение лица нельзя было назвать беспристрастным. Черт, как бы мне хотелось, чтобы хоть один человек не смотрел на меня с сожалением.

Келлер старается, очень старается, но даже у него это иногда проскальзывает.

Поэтому, сегодня я зла.

Очень.

Черт возьми.

Зла.

С самого утра я мысленно кричу Господу. Почему именно я должна умереть? Почему ни кто-нибудь еще? Кто-то, кого я никогда не встречала, кто живет где-нибудь далеко?

Знаю, это звучит ужасно, но сегодня я чувствую себя именно так. Именно поэтому я пока не могу вернуться домой. Келлер и Стелла не заслуживают видеть и чувствовать мой гнев.

В субботу я возвращаюсь в Сан-Диего. Вчера я купила билеты и ночью, после того, как Стелла пошла спать, сказала об этом Келлеру. Сказать, что он хорошо это воспринял, было бы явным преувеличением. Он был разбит... на миллион кусочков... прямо на моих глазах, хотя и пытался... изо всех сил пытался сдержаться. Видеть такое и осознавать свою ответственность за состояние мужчины, которого безумно любишь... в тот момент я ненавидела себя.

Прямо сейчас я сижу в машине на парковке возле какого-то офиса в пригороде Миннеаполиса и не знаю, что дальше делать.

А если я не знаю, что делать, то говорю с Гасом. Мне бы не следовало звонить ему, будучи злой, но других идей нет. Если я не сделаю хоть что-то в следующие пять минут, то просто не смогу, черт возьми, больше держаться. Поэтому я звоню ему. Он отвечает после первого гудка.

— Опти, как дела?

— Я не хочу умирать, — говорю я с вызовом.

— Опти, что ты сказала? — он ничего не понимает.

Конечно же, не понимает, кто же начинает беседу с таких слов.

— Я, черт возьми, не хочу умирать, — повторяю я.

— Черт, Опти. — Я слышу, как он делает глубокий вдох, готовясь к предстоящему разговору. — Поговори со мной. Что происходит?

— Я умираю, Гас. Я не хочу умирать. Вот что, черт побери, происходит. — Ударяю ладонями по рулю. — Черт побери! — кричу я. За всю жизнь я пугала Гас всего дважды. Один раз, когда нашла мать подвешенной к потолку и второй, когда умерла Грейси. Гас не заслуживает этого, но я знаю, что он справится лучше других.

— Успокойся, подруга. Где ты?

— Я не знаю. Я сижу в машине на парковке в центре чертова Миннеаполиса в

Миннесоте. — Это было грубо.

— Ты одна?

— Да, — резко говорю я.

— Ты не должна водить под действием обезболивающего.

Мне не хочется, чтобы он говорил со мной отеческим тоном.

— Я знаю это.

— Тебе угрожает опасность? Ты ранена?

Я раздражаюсь смехом, одновременно удивляясь тому, что я даже это я не могу делать без злости в голосе.

Какой абсурдный вопрос. Я умираю.

— Опти, заткнись на минутку и поговори со мной. Мне звонить в 911? Что, черт возьми, происходит? — Его голос звучит испуганно.

Я качаю головой, как будто он может видеть меня.

— Нет, нет, просто... я в бешенстве, Гас. Ничего более. — Не знаю, что еще сказать, поэтому просто повторяюсь. — Я, черт возьми, в бешенстве.

— Хорошо, можешь оторваться на мне, я справлюсь. — Он понимает, вот почему я позвонила ему. — За последний месяц я расчистил в себе достаточно места для ярости. Так приятно знать, что не у одного меня проблемы с управлением гневом в сложившихся обстоятельствах. Так давай, Опти. Оторвись на мне.

Я так и делаю. Из рта вырывается бурный поток ругательств. Я бранюсь, визжу, стучу по рулю и вытираю с лица горячие, злые слезы. В конце концов, ко мне присоединяется Гас, воплями подтверждая мои заявления. Он-то ждет, когда я на секундочку остановлюсь, и только тогда берет дело в свои руки, то просто перекрикивает меня.

Он не кричит на меня, он делает это со мной.

Наконец, через несколько минут, показавшимися мне часами, я замолкаю. После такого всплеска эмоций, я потеряла чувство времени и места. Через пару минут пульс начинает замедляться, а в голове проясняется. Я прекращаю плакать, и мое дыхание выравнивается. В горле чуть-чуть першит, и голова болит, но я спокойна. Гас, на другом конце линии, тоже замолкает. Между нами повисает тишина.

Я знаю, он дает мне время. Он мог бы просидеть весь день и не сказать ни слова, если бы мне это было нужно.

— Гас? — говорю я скрипучим голосом, решая прервать наше молчание.

— Да, Опти. — Судя по голосу, он пришел в себя. Успокоился.

— Спасибо. — Такое ощущение, как будто с моих плеч только что упала тонна груза. А теперь пора извиниться. — Прости, приятель.

Он смеется.

— Не переживай. Тебе лучше?

Теперь я уже могу улыбаться как раньше.

— Да, очень.

— Хорошо. И мне тоже. Думаю, нам стоило сделать это несколько недель назад.

— Думаю, мне стоило это сделать несколько месяцев назад. — Я действительно имею это в виду. Выпустив пар, мне стало так хорошо.

— Опти, ты же знаешь, что мне нравится, когда ты счастлива и прекрасна в своем маленьком мире, где всегда светит солнце и сияет радуга, но, когда ты злишься, то такая сексуальная. Обожаю агрессивных цыпочек. А ты была агрессивна до сумасшествия.

Он знает, что я на это скажу, тем не менее, мне не удастся сдержаться.

— Ради бога. — Я даже закатываю глаза.

— Думаю, что нужно переименовать тебя. Будешь у меня Дьявольским Отродьем.

— Что? Я всего лишь показала тебе свою темную сторону, а ты уже выставляешь меня антихристом? Мне это не нравится. Почему я не могу быть просто Злой Сучкой?

Он хохочет, а у меня сжимается сердце, потому что я не слышала такого смеха целый месяц. Обожаю, когда он так смеется.

— Чувак, судя по всему, психологическая консультация закончена, так что мне пора идти. Нужно отправляться домой.

— Конечно. Езжай медленно и скинь мне смс, когда доберешься. И больше никакого вожделения.

— Есть, сэр. Я люблю тебя, Гас.

— Я тоже люблю тебя, Злая Сучка, — низким голосом деланно говорит он. — Я просто попробовал как это звучит, — с невинным видом добавляет Гас после небольшой паузы.

— Не думаю, что мне это нравится.

— И мне, — сухо произносит Гас. — Я тоже люблю тебя, Опти.

— Вот это уже лучше. — Мне нравится быть Оптимисткой. Очень.

Кейт

— Гас завтра полетит домой с тобой, — говорит Келлер, сложив на груди руки и ожидая, что я буду с ним спорить.

Он прав.

— Гас прилетает сюда? — В обычной ситуации я была бы счастлива его видеть, но то, что со мной собираются нянчиться, как с ребенком до ужаса раздражает.

Келлер кивает.

— Во сколько прибывает его самолет? — Теперь я тоже складываю руки на груди, пытаюсь продемонстрировать свое недовольство. Даже Стелла так себя не ведет. Что на меня нашло?

— За два часа до твоего рейса. Он встретится с нами в терминале и после этого будет все время рядом с тобой, потому что я не смогу пройти мимо контроля безопасности. — Келлер говорит прямолинейно. Он хочет поскорее закончить этот разговор, потому что знает, что я весь день в ворчливом настроении и данный факт только ухудшит его.

Знаю, они просто переживают за меня, но я ненавижу, когда со мной обращаются, как с неполноценной.

— Я, черт возьми, не ребенок, Келлер.

Он ладонями трет виски.

— Детка, я знаю это. — Я испытываю его терпение. — Ты хочешь есть? Пора ужинать. Я могу что-нибудь приготовить, и ты примешь лекарство. — Он пытается сменить тему, пытается помочь мне, но я все еще расстроена.

Поэтому продолжаю ему высказывать.

— Чья это идея?

— Наша. — Его голос звучит раздраженно. Он хочет поскорее с этим покончить.

— Значит ты и Гас, вместе все спланировали. А мое мнение не в счет? Мне всего лишь нужно сесть на самолет, Келлер. Думаю, я и сама могу это сделать. — Я не хочу быть такой. Это не я, но сегодня я не могу ничего с собой поделаться. Слава Богу, что утром Шелли и Дункан забрали Стеллу к себе с ночевкой. Я не хочу, чтобы она меня видела в таком состоянии. Никто этого не заслуживает. Особенно Келлер. Боль и страдание превращают меня в одну из тех человечешек, которых я презираю.

— Господи, Кейти, чего ты от меня хочешь? Ты не достаточно больна, чтобы сопровождать тебя домой, но достаточно плохо себя чувствуешь, чтобы не оставаться здесь? Ты бросаешь меня ради Сан-Диего и Гаса?

Эти слова открывают во мне новую зияющую рану вины, поэтому я огрызаюсь.

— Прекрати. Это не какое-то соревнование. — Я настолько раздражена, что в голове появляется пульсирующая боль. Я не выбираю, не предпочитаю одного другому, потому что он мне дороже. Я должна выбрать место, где смогу донести свой груз до конца. Огромная разница.

Келлер отворачивается, кладет руки на бедра, а потом снова поворачивается ко мне лицом.

— Сердцем я знаю это. Я знаю это. Но я ревную. Все, я это сказал. Я, черт возьми ревную.

— Это глупо.

Его раздражение куда-то испаряется и Келлер опускает лицо. Я вижу, что оно уступает место грусти.

— Не буду с тобой спорить. Это глупо. Глупо и по-детски. Я работаю над этим. У вас с Гасом были десятилетия. У меня — только несколько месяцев. Поэтому я ревную. Я просто... хочу больше. Я хочу провести с тобой больше времени.

Его слова звучат душераздирающе, но я все еще злюсь. Сердце отчаянно требует, чтобы мой рот заткнулся, но, тем не менее, я огрызаюсь.

— А ты думаешь, мне этого не хочется?

Он качает головой и делает шаг вперед, чтобы положить руки мне на плечи.

Я, в свою очередь, делаю шаг назад.

— Детка, я знаю, что и ты этого хочешь. Я не имел в виду...

Тяжело дыша, я обрываю его и прищуриваюсь, преодолевая боль.

— Отлично. Ты хочешь, чтобы я осталась здесь? Ты хочешь наблюдать за тем, как мои легкие ведут борьбу за каждый вздох? Ты хочешь наблюдать за тем, как все станет еще хуже, и моя печень начнет разлагаться? Ты хочешь наблюдать за тем, как меня начнут так накачивать наркотиками, что я не смогу думать и говорить, как нормальный человек? Ты хочешь наблюдать за тем, как от меня останутся кожа да кости, и я буду близка к смерти от истощения, потому что не смогу больше пить и есть? Это же будет так, черт возьми, чудесно... — кричу я, но Келлер не дает мне договорить.

Он закрывает руками уши, а в глазах стоят слезы.

— Остановись! Просто остановись. Я не хочу ругаться с тобой, детка. Я хочу помочь. Я хочу забрать твою боль. Я хочу любить тебя. Это все, чего я хочу. — В его глазах отчаяние. Он смотрит так, как будто снова хочет дотронуться до меня. Вместо этого Келлер берет пальто, перекинутое через спинку кресла, надевает его и направляется к двери. — Я собираюсь прогуляться. Постарайся успокоиться. Тебе не стоит нервничать. Я вернусь через несколько минут.

Я не могу смотреть на то, как Келлер выходит за дверь, но слышу, как он потихоньку закрывает ее за собой. В горле стоит ком, который я никак не могу проглотить. Я начинаю рыдать, не издавая ни звука, просто хватая ртом воздух и стараясь сделать хоть один вдох. Мои плечи сильно трясутся, а в голове стучит. Тело пытается бороться с болью, которое приносит каждый новый всхлип. Напряжение в мышцах только усиливает ее. Никогда не верила, что можно умереть от боли. Я была уверена, что нет ничего настолько сильного, что может заставить твое сердце перестать биться.

Теперь я так не думаю.

Мне нужны таблетки.

Я делаю два шага в направлении ванной, но неожиданно меня пронзает такая боль, что я падаю на пол. Такое ощущение, что я потеряла контроль над телом и разумом. Я слышу свой крик, пытающийся прорвать тишину, когда кислород, наконец, пробивает себе дорогу к моим легким. Второй, а может быть, третий крик сопровождается подступающей рвотой. Несколько секунд спустя я заливаю пол содержимым своего желудка. Первая еда, которую я смогла съесть за последние два дня. А теперь и ее нет.

Я все еще всхлипываю, но злость уже ушла. Сейчас, единственная эмоция, на которой я могу сфокусироваться — это страх. Боль доминирует, но потихоньку, как хищник, готовый атаковать и убить, подкрадывается страх. Я не могу повернуться к нему спиной, иначе он

меня уничтожит. Неужели к этому теперь сводится моя жизнь? Лежать на полу в луже собственной рвоты и рыдать, не переставая, не в состоянии успокоиться и не имея сил, чтобы встать?

Перед глазами все начинает чернеть и это еще больше пугает меня. Неожиданно мое тело каменеет от боли. «Теперь я понимаю, почему моя мать решила со всем этим покончить.» Это последняя мысль, которая мелькает у меня в голове.

Иногда, когда происходит что-нибудь ужасное, я стараюсь изо всех сил сконцентрироваться на чем-нибудь абсолютно несущественном, что не имеет никакого отношения к ситуации, в которой я нахожусь. В данный момент — это грязь под креслом.

Я лежу на полу, пытаюсь осознать произошедшее, но единственное на чем могу сфокусироваться, что Келлер и Дункан, судя по всему, никогда не подметали под креслом.

Следующая мысль, которая мелькает в моей голове, о том, как болит челюсть. Такое ощущение, что я всю ночь крепко сжимала зубы. Веки как будто покрыты липкой коркой. А пахнет так, как будто кто-то умер. Тухлой едой и мочой. В голове — туман. Так чувствуешь себя, когда просыпаешься от глубокого сна.

Повторяю, эту мысль еще раз. Так чувствуешь себя, когда просыпаешься.

Я только что проснулась?

С большим усилием переворачиваюсь на спину и смотрю на потолок. Что, черт возьми, произошло? Мои конечности как будто наполнены желе, а суставы болят так, как будто я только что пробежала марафон. Я пытаюсь сесть, но у меня кружится голова, поэтому решаю лечь обратно на пол.

Посмотрев на одежду, понимаю, откуда идет этот ужасный запах. Пол и одежда заляпаны моей рвотой. Черт. Это одна из моих любимых футболок. Теперь она стала историей. Я уверена, что переработанный соус для спагетти отстирывается не лучше, чем его оригинал. Чувствую, что между ног мокро. Отлично. Вдобавок ко всему еще и обмочилась.

— Келлер? — Горло болит, потому голос звучит хрипло. Совсем не похож на мой.

Молчание.

Мне удастся оттолкнуться и встать на четвереньки. Ползу в ванную, принимаю таблетки и встаю под душ. Сил ни на что не осталось, но я просто не могу больше терпеть этот запах. Под струями воды мне становится лучше, поэтому я сворачиваюсь на полу и позволяю ей залить одежду и волосы.

Беспорядочные отрывки воспоминаний в голове, начинают выстраиваться в логическую цепочку. Я помню, как ругалась с Келлером, как кричала. Помню, как он ушел. Помню плачь и боль, и то, как меня трясло и рвало. А потом — ничего.

— Кейти? — Голос Келлера звучит приглушенно, как будто вдалеке. В нем явственно слышится паника. Он практически срывает с петель дверь в ванную. — Кейти? — Келлер плачет. В этом плаче на 95 процентов чувствуется страх, а на 5 — отчаяние. Когда он видит меня, все меняется, теперь это 5 процентов страха, а 95 — отчаяния. — Детка, что случилось? — Он выключает воду, встает на колени и одной рукой аккуратно поднимает мою голову из воды, а другой пытается найти в кармане джинсов свой телефон. — Черт, где он? Нужно вызвать скорую.

Я качаю головой.

— Нет, не надо скорой. — Чувствую себя куском дерьма за то, как обращалась с ним весь день. Какими бы ужасными не были чувства, которые я переживала чуть раньше, теперь они ушли. Я смотрю ему в глаза, и мне не нравится то, что я вижу.

— У меня просто была паническая атака, а потом я упала в обморок. Я не собираюсь возвращаться в чертов госпиталь.

На лице Келлера появляется грусть. Он убирает свои волосы назад, а потом забирается в душ, прямо в одежде, и передвигает меня к себе на колени. Он держит меня и баюкает, как ребенка.

Моя щека лежит на его груди, и я слышу, как бьется его сердце.

— Малыш?

— Да?

— Извини за то, что я тебе наговорила. Я не злюсь на тебя, просто настроение было дерьмовым. Очевидно, помощь и забота мне все-таки необходимы, — говорю я, показывая на мокрую одежду.

Келлер еще крепче прижимает меня к себе.

— Мне так жаль, Кейти. Я не должен был вот так уходить. Я должен был остаться, — ругает себя он.

Поднимаю подбородок так, чтобы видеть его лицо.

— Это не твоя вина.

— Ох, Кейти. Мне так жаль. Я ненавижу твою болезнь и то, что ничего не могу сделать, чтобы облегчить ее. Я просто хочу, чтобы все это ушло.

— Ты облегчаешь ее каждый день. Может, ты и не можешь исцелить тело, но ты исцеляешь мою душу. Думаю, именно поэтому я весь день ходила такая расстроенная. Я не хочу оставлять тебя. — Мои глаза наполнятся слезами. — Я не хочу. Но я должна. Я не могу быть обузой для тебя, особенно в присутствии Стеллы. Мой конец будет ужасным. Я приняла это. Я знаю, что если бы я попросила тебя, ты бы прошел со мной через все. Но я не могу так поступить с тобой. Одри уже договорилась с медсестрой из хосписа, она будет приходить к ней домой и присматривать за мной. Я хочу, чтобы ты запомнил хорошие времена, а не дерьмовые. Не конец.

Он пересаживает меня повыше, и мы со слезами на глазах смотрим друг на друга.

— Я бы все сделал ради тебя, Кейти. Я бы прошел через ад и обратно. Все, что тебе нужно — просто попросить.

— Думаю, ты просто должен отпустить меня, малыш. — Я сжимаю полные от слез глаза. Это самые тяжелые слова в моей жизни.

Лицо Келлера искажается от боли, и он пытается сдержать рыдания.

— Но у нас ведь еще есть сегодняшняя ночь? Правда?

Я улыбаюсь и киваю.

— Правда.

Келлер снимает с нас мокрые тряпки и заворачивает меня в полотенце. Он возвращается с чистой одеждой, одевается сам, помогает мне натянуть шорты и футболку, а потом расчесывает мои спутанные мокрые волосы.

Я закрываю глаза.

— У тебя хорошо получается.

Мне не видно его лица, но я знаю, что он улыбается.

— Годы практики. Я ведь отец.

Представляю, как он заботится о Стелле — ребенку. Как дает советы ей уже подростку. Как всегда, готов поддержать ее взрослую. Все это делает меня счастливой. У Келлера есть цель, причина продолжать двигаться дальше после того как меня не станет. И это в какой-то

мере немного успокаивает меня. Нужно напомнить ему какой он замечательный отец.

— Для меня это одна из твоих привлекательнейших черт.

В ответ на мои слова Келлер приподнимает бровь.

— Правда?

Я киваю.

— Определенно. — Я измотана, и тело все еще болит от произошедшего ранее.

— Давай закончим наш разговор в кровати.

Он берет мою руку и помогает встать.

— Сначала нам нужно сделать кое-что еще, — говорит он и ведет меня через дверь в «Граундс». Кофейня уже закрыта, поэтому в ней тускло и тихо. Возле окна он останавливается и сжимает мою ладонь.

— Давай посмотрим на закат.

Я улыбаюсь, беру его руку в свои, и устремляю взгляд на горизонт. По мере того, как цвета меняются и становятся ослепительно розовыми и голубыми, мой захват становится все крепче и крепче. Лишь, когда опускается темнота, я понимаю, насколько сильно сжимаю ее.

В глазах Келлера светится любовь.

— Мне нравится твое пылкое отношение к важным вещам в жизни? Например, к закатам. — Он улыбается. — И к людям.

Я встаю на носочки и целую его в подбородок.

— Закаты и люди — это самое главное. Особенно люди. И мое отношение особенно пылкое, если кое-кого зовут Келлер Бенкс.

Он чуть присаживается и поднимает меня на руки. Я не успеваю опомниться, как мы уже стоим рядом с его кроватью. Он откидывает одеяло, взбивает подушки, помогает мне забраться, а потом устраивается рядом. Я упираюсь затылком в стену и смотрю на него. Мне хочется запомнить Келлера именно таким.

— Жаль, что я не узнала тебя лучше, Келлер. — Мне правда жаль.

Он обнимает меня и притягивает поближе к себе. Моя щека лежит на его груди, и я слышу, как бьется его сердце, медленно и спокойно. Он целует меня в макушку.

— Кейти, ты знаешь меня лучше, чем кто бы то ни было. Может, ты и не в курсе каких-то обыденных вещей, но ты знаешь меня. Настоящего меня, изнутри. Ты знаешь, как я думаю, чего боюсь, как люблю. Никто никогда не видел меня таким. Даже Лили.

Я улыбаюсь.

— Давай поиграем?

Келлер смеется.

— Ты хочешь сыграть в игру?

— Да. Какой твой любимый цвет? Я хочу знать что-нибудь обыденное о тебе.

— Хорошо. Гм...

— Это не сложный вопрос, малыш, — подстегиваю я его.

Он снова смеется.

— Я знаю. Я бы сказал, что черный. А твой?

Я даже не задумываюсь.

— Оранжевый. Как закат над Тихим океаном. Твоя очередь.

— Гм. Хорошо... твоя любимая еда? Кофе не считается.

— Шоколад...или тако.

— А поточнее? Нужно выбрать что-то одно. Это не сложный вопрос, детка. — Ему

нравится эта игра.

— Хорошо. Вегетарианское тако. А у тебя?

— Домашняя лазанья по рецепту бабушки.

— Со стороны мамы или папы?

— Мамы. Они — были полной противоположностью друг друга. Стеллу называли в честь бабушки. — Келлер улыбается. — Каждое Рождество она приезжала к нам в гости и всегда готовила лазанью. Ее не стало, когда мне было десять.

— Мне жаль.

— Да, она была замечательной. Я скучаю по ней. А какое твое любимое животное?

— Хм, кошки. Я всегда хотела сиамца по имени Мистер Мияги.

— Мистер Мияги?

— Ага. Ну знаешь, как тот пожилой чувак из оригинальной версии "Парень-каратист".

Келлер качает головой. Он не понимает, о чем речь.

— Ты что, никогда не видел этого фильма? — Я в шоке. Мы с Грейси практически выросли на маминой старой коллекции фильмов 80-х и могли бы продублировать "Девушку в розовом" слово в слово.

— Нет. — Он не шутит.

— Ну, тогда ты просто обязан его посмотреть. У тебя явные пробелы в культуре 80-х.

Он улыбается.

— Явные.

— Ну а теперь, когда мы это выяснили, скажи, какое твое любимое животное?

— Судя по увлечению Стеллы, мне стоило бы сказать, что черепахи. — Келлер смеется и продолжает. — Но, на самом деле, это дельфины. Мне всегда хотелось поплавать с ними.

— А ты увлекался спортом в школе?

— Нет, я был ботаником. Но я бегал и много катался на велосипеде, только бы быть подальше от дома. А ты каталась на серфе. Что-то еще?

— Нет, музыкальные школы не делают особого упора на спорт. Так что только серфинг. И танцы.

Теперь очередь Келлера.

— Хорошо, следующий вопрос: Элвис — молодой или взрослый?

— О, это действительно хороший вопрос. Взрослый Элвис.

— Почему? — спрашивает он.

— Потому что молодой Элвис был красив, а взрослый — отлично пел. "Suspicious Minds" — его самая лучшая композиция. Ты ничего не видел в жизни, если не слышал ее запись в "живую". Он был великолепен. А что насчет тебя? Молодой или взрослый?

— Мне нравился взрослый Элвис, но в основном благодаря своим комбинезонам.

— О да, у него были замечательные сценические костюмы, — соглашаюсь я.

— А теперь следующий вопрос. Если бы тебе выпал шанс поехать в любую точку мира, то что бы ты выбрал?

— Хм. Однажды я хотел бы свозить Стеллу в Египет, посмотреть на пирамиды. Когда я был ребенком, то всегда хотел этого. Они казались чем-то необыкновенно волшебным. Да и до сих пор кажутся. Так что да, в Египет. А ты?

— Когда я была в седьмом классе, то видела документальный фильм о бухте Халонг во Вьетнаме. С тех пор она стало тем местом, на которое я мечтала взглянуть лично. Картинки не всегда отражают действительность. Мне нужно увидеть ее своими глазами и убедиться,

что такая красота действительно существует.

Несколько секунд Келлер молчит и ерошит волосы. Я ничего не имею против, но его молчание немного раздражает мое любопытство. Я скатываюсь с его груди на подушку. Теперь мы лежим нос к носу. Он выглядит задумчивым.

— Что такое, малыш?

Он колеблется.

— Мы можем на время забыть о реальности и еще немного поиграть в вопросы? Я не хочу, чтобы ты грустила. Я просто хочу представить себе, что мы оба будем жить еще очень долго. Что все еще впереди.

Я улыбаюсь.

— Ты имеешь в виду, что я смогу немножко пожить в сказочном мире, где всегда светит солнце и сияет радуга?

Он расслабляется и тоже улыбается.

— И единороги.

— Ну, конечно же. Единороги. Я всегда о них забываю.

— В моей сказке прошел еще один год. Я заканчиваю учебу и прошу тебя выйти за меня замуж. Что бы ты на это сказала?

— А ты встанешь на одно колено? — даже не задумываясь, спрашиваю я.

— Без сомнения.

В груди нарастает волнение, как будто все и вправду происходит именно так.

— Я бы сказала "да". Черт, да.

Уголки губ Келлера растягиваются в улыбке, и он целует меня в нос.

— Ты даже не представляешь, насколько я счастлив.

Теперь моя очередь. Меня очень беспокоит этот вопрос.

— У нас были бы дети? Братик или сестренка для Стеллы?

— У нас были бы и мальчик, и девочка. И они были бы похожи на тебя.

— Так не честно. Я считаю, что у них должны быть твои волосы и глаза. И рост. Ах да, и губы тоже. — Я целую их.

Он в ответ тоже прижимается к моим губам и тихо спрашивает между поцелуями

— Тебе нравятся мои губы?

Я утвердительно мычу и углубляю наш поцелуй.

— Мммм, хммм.

Спустя минуту мне приходится прервать его, потому что я чувствую себя уставшей и мне тяжело дышать. На этой стадии секс просто нереален. Черт, даже поцелуи — уже слишком для меня.

Келлер все понимает и просто пристально смотрит мне в глаза.

— Твои дети были бы красивыми, талантливыми и умными. Но учить их водить было бы моей обязанностью.

Милая беседа и его подшучивание снова вызывают на моем лице улыбку.

— А я и не была бы против. Ты отличный инструктор. Но, несмотря на то, что наша семья была бы идеальной, я бы ни за что не позволила тебе наклеить на заднее стекло нашей машины эти наклейки с изображением членов семьи.

Он смеется.

— Согласен. Никаких наклеек.

Мне сразу становится легче. Он преподнес мне замечательный подарок.

— Я люблю тебя, детка.

— Ммм, повтори.

— Я люблю тебя, детка.

— Я тоже люблю тебя, малыш. Всегда.

Кейт

Доктор Коннелл выдал мне инвалидный талон для машины. Я никогда им не пользовалась до сегодняшнего дня. Он лежит на приборной панели, потому что мы с Келлером молча согласились выставить его только в самую последнюю минуту.

Келлер паркуется поближе к терминалу, а потом ждет, когда я открою пассажирскую дверь, чтобы быстро передвинуть талон на ветровое стекло.

Я помогаю Стелле выбраться из детского кресла, а Келлер в это время достает из багажника мой чемодан на колесиках. Он отправит скрипку и остатки вещей — их не так уж и много — на адрес Одри в понедельник.

Я смотрю не терминал, он находится довольно близко. Несмотря на это, как черт возьми, я смогу пройти весь этот путь. Даже от того, что я вижу, мне уже тяжело дышать. Келлер видит мой настороженный взгляд и осматривается в поисках чего-нибудь, подходящего для передвижения.

— Кейти, почему бы тебе не сесть в машину, а я посмотрю, если здесь инвалидные коляски. Уверен, что мы можем одолжить одну, чтобы довезти тебя. — Он выглядит грустным, говоря это; как будто боится ранить мои чувства.

Я знаю, что мне не стоит возражать. Что нужно просто позволить ему найти эту чертову коляску. Но я не могу принять даже мысль об этом, поэтому просто встаю, выражая свой молчаливый протест. Он знает, как это для меня тяжело.

Келлер подходит к Стелле и встает перед ней на колени.

— Эй, большая девочка, как думаешь, сможешь мне помочь?

Она с энтузиазмом кивает.

Он берет ее руку и подводит Стеллу к моему чемодану.

— Ты сможешь дотянуть его до аэропорта?

Она опять кивает и уверенно берется за ручку. Стелла наклоняет его, и ручка практически ударяется о землю, но малышка успевает опомниться и находит баланс.

Она поднимает взгляд и улыбается Келлеру во весь рот.

— Получилось. Готов, папочка?

Он улыбается ей в ответ.

— Почти. — Келлер поворачивается ко мне и присаживается на корточки. — Забирайся, детка.

Я не могу сдерживать смех.

— Келлер, ты ведь не собираешься нести меня.

Он пожимает плечами.

— Я не собираюсь тебя нести; это называется катание на закорках. Разные вещи. Спроси Стеллу.

Малышка хихикает. Она думает, что это смешно.

— И в чем же разница, Стелла?

Хихиканье прекращается, но улыбка так и сияет на ее лице.

— Носят, когда так хочется спать, что не можешь идти. А на закорках катают, когда хотят повеселиться.

Келлер тоже улыбается.

— Хорошо сказано, Стелла. Вот видишь? Давай же, детка.

Ну как я могу оспорить столь логичное разъяснение.

Даже несмотря на то, что Стелла тащит чемодан, а Келлер — меня, мы быстро проходим регистрацию и прибываем в зону досмотра на пятнадцать минут раньше. Мы устраиваемся на сидениях, и Келлер отправляет Гасу смс с данными нашего местоположения.

Я не успеваю моргнуть, а Гас уже стоит передо мной. Я рада его видеть, но сама ситуация тяготит меня. Это еще один шаг вперед, к финалу. Я не очень хорошо реагирую на это.

— Привет, Опти. — Он садится на корточки и целует меня в лоб.

— Привет, Гас. — Я пытаюсь быть сильной, но меня начинает одолевать грусть.

Гас пожимает руку Келлеру, а потом Стелла забирается к нему на колени.

— Привет, Гас.

— Ну привет, мисс Стелла.

Она смотрит на него, моргая своими большими голубыми глазами.

— Кейти будет теперь жить с тобой и твоей мамочкой?

Он судорожно сглатывает и кивает. Ему тоже тяжело.

— Да.

— Папочка говорит, что она болеет.

Гас только и может, что кивнуть.

— Ты будешь хорошо заботиться о ней?

Он опять сглатывает и встречается взглядом с Келлером.

— Обещаю. Мы будем хорошо заботиться о ней.

Келлер кивает. Это его «спасибо».

Гас тоже кивает. «Рад стараться».

Гас встает и берет Стеллу на руки.

— Пойдем, купим что-нибудь попить. Я умираю от жажды. Как насчет тебя? — Они идут по коридору в направлении ларька с газетами и буфета.

Я смотрю на Келлера и не знаю, что сказать. Я испуганна и мне грустно, но я знаю, что он чувствует то же самое. Я хочу быть сильной для него, но ком в горле делает это практически невозможным.

Он берет мою руку, достает из кармана пальто маркер, снимает колпачок и пишет на ладони левой руки. Ты храбрая.

По моему лицу ручьем текут слезы, когда я говорю ему «Спасибо».

Келлер нежно обхватывает мое лицо ладонями. В его глазах тоже слезы.

— Нет, Кейти. Это тебе спасибо. За все. Ты самый храбрый человек, которого я знаю.

Спустя, как нам показалось, мгновение возвращается Стелла с бутылкой сока и Гас с пустыми руками. Он не хотел пить, просто давал нам время побыть наедине.

Гас смотрит на часы.

— Нам, наверное, пора идти, Опти. На досмотре длинные очереди.

Я киваю, а потом опускаю взгляд и вижу, что Стелла протягивает мне пальто.

— Кейт. — Она держит его на вытянутых над головой руках.

Мне бы так хотелось поднять ее, но у меня нет на это сил. Поэтому я становлюсь на колени и обнимаю ее. Она такая маленькая и сладенькая. Сегодня ее волосы пахнут лавандой.

— Веди себя хорошо, Стелла.

Она крепко прижимается ко мне.

— Обещаю. А ты будешь звонить нам по телефону или разговаривать по компьютеру?

Я еще сильнее сжимаю ее в объятиях.

— Обещаю. Каждый день. Я люблю тебя.

Стелла чуть откидывается назад и целует меня в губы.

— Я тоже люблю тебя.

С полными слез глазами я поворачиваюсь к Келлеру. Он прижимает меня к груди и просовывает руки под расстегнутое пальто, а потом под футболку и кладет их мне на поясницу. Медленно, круговыми движениями он гладит мою обнаженную кожу. Мне сразу же становится немного спокойнее. Я закрываю глаза и утыкаюсь носом в его шею. Его губы щекочут мое ухо.

— Позвони мне, когда вы приземлитесь, детка.

— Позвоню.

Он целует меня в ухо и шепчет.

— Я люблю тебя больше, чем ты себе можешь вообразить.

Я чуть-чуть отодвигаюсь и целую его мягкие и такие желанные губы. Келлер обхватывает мой затылок, притягивает меня еще ближе, и мы упираемся лбами друг в друга.

— Мое воображение не имеет границ, — говорю я. В наших глазах блестят слезы. Я обеими руками сжимаю его футболку. Господи, я не хочу его отпускать.

— Как и моя любовь. — Келлер улыбается и это одновременно и самая счастливая, и самая грустная улыбка, которую я когда-либо видела. Сложно себе представить, что две такие различные эмоции могут жить в одной улыбке. Но они могут. Он тому подтверждение. Этот момент — все, что сейчас имеет значение.

— И моя тоже. Я люблю тебя, малыш.

— Скажи еще раз, — шепчет он с закрытыми глазами.

— Я люблю тебя, малыш.

Стелла опять стоит рядом с Гасом и тянет его за футболку.

— Гас, ты должен покатать Кейт на закорках. Не потому, что она хочет спать. Просто ради веселья.

Гас ерошит ее волосы.

— Да я только за, ребенок. — Он поворачивается и присаживается. — Заползай, Опти.

Я забираюсь на него, а Келлер вручает Гасу мой чемодан.

— Спасибо, мужик.

Гас мажет рукой и делает несколько шагов задом в направлении зоны досмотра.

— Всегда пожалуйста, чувак. Всегда.

Гас поворачивается, и я оказываюсь спиной к Келлеру и Стелле. Я оглядываюсь назад и наблюдаю за тем, как они постепенно исчезают. Мы машем друг другу до тех пор, пока Гас не заходит за угол и их становится не видно.

Кейт

Я общаюсь с Келлером и Стеллой по скайпу каждый день, утром и вечером.

Занятия у Келлера начнутся только через неделю, поэтому, когда он не на работе, и я не сплю, мы так же разговариваем по телефону.

Я стала много спать. Тэмми, медсестра, которую наняла Одри, говорит, что ее работа заключается в том, чтобы я чувствовала себя комфортно. А комфорт для меня на данный момент — это оксикодон. С его помощью я не чувствую мучительную боль.

Подключение к аппарату с подачей кислорода тоже помогает. До него мне приходилось бороться за каждый глоток воздуха. Так что носовая канюля теперь у меня в любимицах.

Гас должен был отправиться в тур по Европе на прошлой неделе, но он отказался. Их тур-менеджер был ужасно зол. Гас стал называть его Гребаный Гитлер. Остальные члены группы на стороне Гаса, поэтому им пришлось перенести концерты. Я чувствую свою вину за то, что он откладывает свою жизнь "на потом". Но в то же время я счастлива, что он здесь, со мной.

Он проводит в моей комнате все двадцать четыре часа в сутки. Его присутствие неизменно, оно дарит покой. Мы слушаем музыку, играем в карты (и да, он разрешает мне мухлевать) или просто разговариваем (но по большей части предаемся воспоминаниям). Практически каждый день приходят Франко, Робби и Джейми. Иногда на несколько минут, а иногда на час. Все зависит от того, как долго я могу бодрствовать.

Раз в день Тэмми разрешает Гасу выносить меня на веранду, чтобы подышать свежим воздухом. Он тащит меня и тянет за собой тележку со всей необходимой аппаратурой (для капельницы и оксикодона). Я уже не могу ходить. Даже походы в туалет — в прошлом, отчего я чувствую себя такой несчастной. Мало мне катетеров, так теперь еще и мочеприемники в придачу.

Одри вернулась около часа назад. Она пока работает из дома, и через день ходит в офис на час или два. Помимо всех этих неприятностей со мной, ей еще надо вести свой бизнес. Не знаю, как она справляется.

Одри стучит в дверь с чашкой кофе в руках. Как и каждый день, в это же самое время.

— Привет, милая. Как дела?

Я улыбаюсь, потому что ничего другого у меня при взгляде на нее не выходит. Я всегда думала, что она ангел, но теперь даже не сомневаюсь в этом.

— Великолепно.

Она улыбается в ответ и целует меня в лоб.

— Рада это слышать. — С этими словами она вручает мне кружку с овощным бульоном.

— А теперь настало время поужинать. — Одри переводит взгляд на Гаса.

— Дорогой, я и тебе кое-что приготовила. Посмотри на кухне.

Гас хлопает рукой по кровати.

— Я быстро. — Ему не нравится есть передо мной, потому что я, по правде сказать, уже практически не могу этого делать. Поэтому обычно он кушает один, на кухне. Клянусь, Гас просто вдыхает пищу, потому что максимум через пять минут, он снова в комнате.

— Не торопись, Гас. Мне нужно поговорить с Кейти. — мягко, но в то же время строго говорит Одри.

Он кивает, а потом, подняв брови смотрит на меня.

— Подруга, думаю у тебя неприятности.

Я смеюсь. Последние несколько недель мы много веселились. Гас выглядит измученным, и я знаю, что он мало спит, но к нему вернулось его чувство юмора. Мне это нравится. Он немного расслабился. Я же чувствую себя как будто в коконе. Мне комфортно, я довольна. И спокойна, как никогда в жизни. Наверное, это из-за Ксанакса, который Тэмми добавляет в содержимое капельницы. Я настаивала на том, что не нуждаюсь в нем (у меня не было никаких приступов после панической атаки в Гранте в прошлом месяце), и она поняла мои чувства, но сказала, что так мне будет комфортнее. Поэтому я решила попробовать. Наркотики или нет, главное, что мне хорошо. Мне хорошо.

Одри садится на край кровати рядом со мной и, как в детстве, когда она пыталась утешить меня, потирает мне лоб. Она улыбается.

— Ты выглядишь сегодня получше. Даже щеки разругались.

— Я сегодня хорошо себя чувствую, Одри. Рада, что это видно. Как у тебя дела?

— Все хорошо, милая. — Она снова целует меня в лоб. — Не переживай обо мне.

Я так не могу. Я переживаю за всех. Эта ситуация высасывает из них все силы.

— Что случилось? У меня неприятности?

Одри смеется.

— Нет. Мне нужно обсудить с тобой несколько вещей. Думаю, мы больше не можем откладывать их "на потом". Мне жаль говорить об этом, но моя обязанность как матери состоит в том, чтобы убедиться, что у тебя все в порядке.

— Спасибо. Так по поводу чего нам нужно пообщаться?

Она кладет бумаги, которые держит в руках, на прикроватный столик.

— Пей бульон, а я буду говорить.

— Хорошо. — Я так и делаю, несмотря на то, что он мне до ужаса надоел. Но в последние дни это единственное, что я могу есть.

— Ты выдала мне доверенность на то, чтобы я представляла твои интересы. Я хочу уделить внимание финансовым вопросам. Твоя медицинская страховка предполагает низкую франшизу. В прошлом году ты ее покрыла полностью. В этом — счета будут минимальные. После того, как ты выплатишь франшизу, все остальные расходы будут погашены на 100 %. На твоём счету достаточно сбережений для этого. У тебя есть еще какие-нибудь еще долги?

Мне не хочется делиться с Одри этой информацией, потому что я знаю, что ей будет больно от того, что я не рассказала об этом еще несколько месяцев назад. Но я просто обязана сделать это.

— Только расходы на похороны Грейси. Я выплачиваю заем каждый месяц. Осталось около двух тысяч долларов. Я не знаю, хватит ли у меня средств, чтобы погасить эту сумму после оплаты всех медицинских счетов.

Она моргает, как будто ничего не понимает.

— Ты же сказала, что похороны Грейси полностью оплачены. Что у тебя остались деньги после продажи дома Дженис.

Я не могу смотреть ей в глаза.

— Я лгала.

— Господи, Кейти, почему ты ничего не сказала? Я бы с радостью помогла тебе.

Я продолжаю пялиться на покрывало.

— Поэтому я и не могла сказать. Грейси была моим обязательством. Она была моей

сестрой. Я должна была сделать это.

Одри качает головой.

— Хорошо, не переживай по этому поводу. Я обо всем позабочусь. Что-нибудь еще?

— Ничего, кроме мобильного. Страховка на машину оплачена до апреля.

— Отлично. А теперь следующий пункт из моего списка. Твое завещание. — Она пристально смотрит на меня и ее глаза наполняются слезами. — Извини, Кейт. Это тяжело.

Я слегка хлопаю ее по ноге.

— Все в порядке, Одри. Не думаю, что завещание так уж и необходимо. У меня же ничего нет. Я отдала машину Келлеру, хотя он до сих пор спорит по этому поводу. А скрипку, ноутбук и свою музыку я хочу оставить Гасу. Это все.

Она прочищает горло.

— Не совсем. Есть кое-что, о чем ты не знаешь.

Я приподнимаюсь на кровати, потому что на лице Одри появляется обеспокоенное выражение мамочки-медведицы, защищающей свое дитя. —

В прошлом месяце я разговаривала с твоим отцом.

— Ты что? — Я намеревалась произнести эти слова куда громче, чем вышло, но из меня как будто вышибли весь воздух.

— Несколько лет назад Дженис дала мне его имя, адрес и номер телефона на случай, если мне когда-нибудь нужно будет связаться с ним от имени Грейси или твоего. Я звонила ему только три раза: когда умерла Дженис, потом, когда нас покинула Грейси и в прошлом месяце, когда узнала о твоей болезни.

Я слышу, как что-то говорю, но у меня такое ощущение, что это не мой голос.

— Что он сказал?

Она склоняет голову на бок, и выражение ее глаз смягчается. Могу поспорить, что она раздумывает над тем, как сказать мне, что он бессердечный ублюдок.

— К смерти Дженис он, как мне показалось, отнесся безразлично. Он ничего не сказал по этому поводу, просто поблагодарил за то, что я дала ему об этом знать. Когда я позвонила по поводу Грейси, он расстроился. Я рассказала ему, когда состоятся похороны, и он прислал цветы.

— Я не видела их. Не было никакой карточки с его именем. — Я в шоке.

Одри качает головой, словно извиняясь.

— Он отправил их анонимно. Большой букет гвоздик.

Я горько усмехаюсь.

— Как символично. Грейси ненавидела гвоздики. Она говорила, что они воняют и больше подходят для бабушек. Она любила тюльпаны. Желтые тюльпаны.

Одри улыбается уголками губ.

— Я знаю.

Теперь я начинаю нервничать. Следующий звонок был по поводу меня.

— Что он сказал обо мне?

— Кейт ты такой замечательный человек. Одобрение отца или его интерес к тебе никогда не значили...

— Просто скажи мне, Одри.

Она вздыхает.

— Он сказал, что это очень печальная новость и ему жаль, что он никогда тебя не знал. Я предложила устроить встречу или, чтобы он прилетел из Англии, но твой отец отказался.

Мне очень жаль, дорогая.

Я не помню своего отца, поэтому на самом деле никогда и не скучала по нему. До сегодняшнего дня. Теперь я чувствую себя преданной и ужасно злюсь на то, что он предпочел нам другую семью.

— Он просто ублюдок. Ты согласна, Одри? — сжав зубы, бурчу я.

— Думаю это подходящее для него имя. Я бы могла предложить и другие, но ублюдок тоже не плохо. — Одри очень редко ругается. Она в бешенстве.

Я бы посмеялась, если бы не кипела от злости.

Она протягивает руку и берет конверт со столика.

— Он послал тебе это. Я уже открыла его. Надеюсь, ты не возражаешь. Мне хотелось быть уверенной, что содержимое не расстроит тебя.

Трясущимися руками я беру конверт. За долю секунду мой гнев сменяется испугом. Я раскрываю его и заглядываю внутрь. Никакого письма, только маленький клочок бумаги. Я хватаюсь за него большим и указательным пальцами и медленно вытаскиваю.

— Чек?

Одри кивает.

Я смотрю на сумму.

— Одри, тут пятьдесят тысяч долларов. Я никогда не видела столько нулей.

Она опять кивает.

Я убираю его на столик.

— Да пошел он на хрен, Одри. — Я снова зла. Я стараюсь не использовать это выражение перед ней, потому что знаю, оно ей не нравится, но не могу сдержаться. — Пошел на хрен он и его деньги. Отправь их обратно. Скажи, что я не хочу их.

Одри выглядит напряженной.

— В любое другое время я бы согласилась с тобой, Кейт и похвалила бы тебя за гордость и достоинство. Но я думаю, что сейчас, тебе стоит принять их.

Может, она и права.

— Забери их себе. Я перепишу деньги на тебя. Так я хоть как-то смогу отплатить тебе за то, что ты делала для меня все эти годы. — Во мне говорит не злость.

Я действительно так думаю, и она знает это.

— Кейт, я не могу их принять. Мы с Гасом никогда не испытывали недостатка в финансовом плане. Мы оба были очень удачливыми. Может, ты знаешь кого-то еще, кому они не помешают?

У меня не уходит много времени, чтобы принять решение. Я подписываю чек и отдаю его Одри вместе с особыми инструкциями. Потом я пишу короткую записку отцу.

Томас,

Спасибо за Грейс. Жаль, что ты ее не знал. Она была самым милым и невинным человечком на планете.

Несмотря на то, что от твоих денег пахнет чувством вины и мне бы не хотелось их принимать, я знаю, что они послужат благому делу.

И напоследок, я надеюсь, что ты хорошо относишься к жене и детям и каждый день говоришь им о своей любви. Детям это очень нужно. Одри Хоторн научила меня, что такое любовь родителя к своему ребенку. Она замечательная женщина. Я всегда чувствовала себя любимой. Надеюсь, эти слова принесут тебе облегчение.

Кейт.

После того, как я закончила писать записку и Одри ушла, решаю поговорить с Богом. Мне немного стыдно, потому что я уже довольно долгое время избегаю его.

Привет, Большой Человек. Я и правда думаю то, о чем написала Томасу. Я не знаю, могу ли просить тебя об этом, но все же попытаюсь. Пожалуйста, прости его. Я очень надеюсь на то, что он любит свою жену и детей, а они любят его. Спасибо тебе за то, что в моей жизни столько людей, которых люблю я.

Кейт

С тех пор, как я переехала к Одри, Келлер присылает мне цветы каждые четыре-пять дней. Гас всегда ставит их на столик возле кровати, чтобы я могла смотреть и наслаждаться их запахом. Я всегда говорила, что мне не интересны все эти сентиментальные штучки. Но теперь мое мнение поменялось. Теперь я двумя руками «за» них.

Вчера я получила коробку от Келлера. На ней было написано «Каникулы Мечты Кейти». Внутри он положил DVD диск о бухте Халонг, две пары очков, два маленьких бумажных зонтика для коктейлей и написанную от руки инструкцию. Следуя ей, мы с Гасом надели очки и смотрели видео. Гас сидел рядом со мной на кровати и пил виски с колой, а я наслаждалась овощным бульоном, представляя, что это пина колада. Нашу выпивку мы украсили зонтиками. Не думаю, что когда-либо видела что-нибудь смешнее Гаса, потягивающего напиток с крошечным коктейльным зонтиком сбоку.

Все было просто идеально. Намерение, которое вложил Келлер в этот подарок, было идеальным.

Вечером, как и всегда, я, Келлер и Стелла общались по скайпу. Он показал мне билеты на самолет. Они стоили ему кучу денег, которых у него и так нет. Келлер потерял большую часть стипендии, к тому же на его плечах забота о Стелле, так что его расходы сильно выросли. Он хотел приехать на этих выходных, но я знаю, что смогу увидеть его только один раз и мне не хочется, чтобы это произошло слишком скоро. Иначе мне больше нечего будет ждать. Это будет «последний раз» для меня, и я хочу оттянуть его насколько возможно. Поэтому они со Стеллой прилетят в пятницу вечером и останутся до утра воскресенья. Не могу дождаться, чтобы увидеть их, дотронуться, втянуть в себя их запах. Прошло уже две недели, которые кажутся мне вечностью. Расстояние — это хреново. Я скучаю по ним. Я скучаю по нему.

Кейт

Привет, Боженька. Это я, Кейт. Мы никогда по-настоящему не говорили о том, что происходит со мной, ну кроме тех гневных слов, которые я высказала в прошлом месяце. Хочу, чтобы ты знал, что я не злюсь по поводу всей этой истории с чертовым раком. Он не изменит того, как я вижу свою жизнь. Она была счастливой. Я бы ни капельки не хотела поменять ее. Грейси, Гас, Одри, Келлер, мои друзья и музыка были подарком от — ну ты знаешь, от тебя. Я его получила, так что спасибо. Встреча с каждым из них была счастьем для меня. Говоря об этом, хотелось бы попросить тебя об одолжении. Пожалуйста, присмотри за ними, особенно за Келлером и Гасом. Они мои любимчики и да, я требую особого к ним отношения. И к Одри тоже. Пусть это будет моим завещанием тебе. Заранее благодарна. И еще. Знаю, я, наверное, переступаю черту, но мне подумалось, что ты к этому уже должен был привыкнуть. Не думай, что я трусиха, но когда придет время, пожалуйста, дай мне уйти безболезненно, во сне или что-нибудь типа этого? Честно сказать, мне уже надоели мучения. К тому же, я знаю, что когда это случится, Гас и Одри скорее всего будут со мной. Мне бы не хотелось напоследок оставить такое травмирующее психику впечатление о себе. Ах да, скажи Грейси, что я скоро приду. Если она уже не знает об этом. Скажи ей, что мы будем петь и танцевать, читать книжки, есть «Твикс» и смотреть на закат. Наверное, это последнее, что ты услышишь от меня, пока я не окажусь на твоём пороге, тарабаня в дверь как какая-нибудь противная давно потерянная родственница. Я знаю, в душе ты ждешь-недождешься, чтобы повеселиться со мной. Небеса станут менее тихим, но куда как более веселым местом, когда я попаду на них. Я тебя предупредила. Не беспокойся, тебе понравится. Ладно. Спокойной ночи.

Келлер

Меня будит звонок телефона в руке. На часах 1:10 утра. Звонит Гас. Именно по этой причине я ложусь спать с трубкой.

От страха и горя я не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Я не хочу этого звонка. Слишком скоро. Я разговаривал с ней только несколько часов назад. Телефон не должен звонить. Еще не утро.

Звонок заканчивается.

И начинается снова.

Наконец, мозг передает сигнал пальцам, и я принимаю вызов, не издавая ни звука. Мне нужно, чтобы говорил Гас.

Я слышу, как он тяжело дышит и мое сердце «падает в желудок».

— Пожалуйста, только не говори, что ее больше нет, — наконец, произношу я.

— Нет. — Он даже не пытается сдерживаться и плачет. — У нее был приступ. Она не может говорить. Не может открыть глаза. Не может двигать правой стороной тела. Тебе нужно брать свою задницу в руки, садиться на самолет, и лететь сюда. Срочно.

О Господи.

— Мы прилетим первым же рейсом.

Ближайший самолет отправляется в 6:50 утра. Из-за смены поясов, мы прибываем в Сан-Диего около 7:30. К тому времени, как мы садимся на такси и находим дом, на часах уже 8:15.

Гас сказал, что входная дверь будет не заперта, так что мы можем входить. Она оказывается очень тяжелой и с громким стуком закрывается за нами. Мы проходим в коридор и останавливаемся в гостиной. Дом большой и я не уверен куда идти, но в комнату входит высокая, светловолосая женщина средних лет. Они очень похожи с Гасом.

У нее красные, опухшие глаза.

— Вы должно быть Келлер и Стелла. Я — Одри. — У нее уставший, но, тем не менее, радужный голос.

протягиваю ей руку, чувствуя себя при этом неловко, потому что все чего я хочу — это срочно бежать к Кейти.

— Привет, Одри. Меня зовут Келлер Бенкс, а это моя дочка Стелла. Спасибо за все, что вы делаете для Кейти.

Я оказался не готов к тому, что увидел. Мы с Кейти общались по скайпу каждый день. Я знал, что она сильно похудела и побледнела. Но ее вид на экране компьютера оказывается полной противоположностью тому, как она выглядит «вживую». Она истощена. У нее выступают скулы. Впали виски. Кожа тусклая, с желтоватым оттенком. Ее крошечные ручки сложены на животе, поверх покрывала. На прозрачной, тонкой коже проступают синие вены. Я аккуратно беру ее левую руку. Она прохладная, как и всегда. Провожу губами по тыльной стороне, а потому целую ее в губы.

— Привет, детка. Мы со Стеллой приехали навестить тебя пораньше. Гас сказал, что у тебя была тяжелая ночь.

Она слегка, практически незаметно, дергает рукой, а потом переплетает свои пальцы с моими, и сжимает их. Совсем слабо, но мое сердце тает. Я ценю это.

Остаток дня я, Одри, Гас и Стелла проводим рядом с Кейти. Мы по очереди разговариваем с ней. Можно подумать, что общаться с человеком, который фактически никак не реагирует тяжело, но с Кейти это не так. Мы знаем, что она слушает.

Среда, 18 января

Келлер

Мне бы хотелось думать, что она все еще слушает, но я не знаю, так ли это теперь.

Медсестра сказала, что Кейти впала в кому. Ее тело «отключается». Органы перестают функционировать. Она больше не сжимает мою руку, когда я держу ее.

Собравшись вокруг кровати, мы с Одри говорим ей, что она может уходить, когда будет готова. Что ее ждет Грейси. И что мы любим ее.

Гас не говорит ничего.

Келлер

Три часа утра. Стелла спит на диване в гостиной. Одри потихоньку выпроваживает меня и Гаса из комнаты, говоря, что нам нужно подышать свежим воздухом, пока она проверяет катетер, который вызвал инфекцию у Кейти. Этот ритуал занимает около часа. Обычно мы с Гасом отказываемся уходить, но сейчас мы на пределе и нам нужно передохнуть.

С веранды открывается изумительный вид на океан. Такое ощущение, что он бесконечный. Я начинаю бояться, что из-за того, через что я прошел за последний месяц, реальность для меня навсегда останется искажена. Передо мной — красивый вид, но эта не та красота, которую я бы видел два или три месяца назад. Тогда, она была бы живой и вибрирующей, как Кейти. Мир для меня опять окрашивается в черные, белые и серые краски. И это пугает.

Гас стоит, опираясь локтями о перила, и с закрытыми глазами курит сигарету. Его волосы напоминают желтое птичье гнездо. Я знаю, что сейчас он все делает механически. Гас практически не спал несколько недель. Он с трудом переставляет ноги и выглядит полностью разбитым. И он практически не разговаривает, только если с Кейти или Стеллой. Но последние два дня Кейти молчит.

— Какое твое первое воспоминание о ней?

Он отвечает, несмотря на меня и даже не открывая глаз.

— За последнюю неделю я постоянно вспоминал о том, как мы росли вместе — я, Опти и Грейси. Почти каждое мое впечатление о детстве связано с ними двумя. У меня нет первого воспоминания, потому что они были со мной всегда. Я не помню другого. Но я помню, то, что мы делали впервые. Когда Опти впервые ужалила медуза, ей было четыре. Когда я впервые услышал, как она играет на скрипке, ей было восемь. Когда она впервые обматерила меня, ей было одиннадцать. Когда я впервые понял, какая она красивая, ей было шестнадцать. И да, на ней тогда было белое бикини.

Слушать это и горестно, и сладко одновременно, но мне хочется еще.

— А двадцатилетняя Кейти сильно отличается от десятилетней? Она кажется такой взрослой в духовном плане. Как будто родилась с удивительной мудростью и милосердием.

Он смеется, но перед тем как что-то ответить, докуривает и начинает еще одну сигарету.

— Опти всегда отличалась от других детей. Она была умнее, милее и смешнее, — говорит он. А потом, наконец, поднимает на меня взгляд и улыбается. — И болтливее.

— Рот когда-нибудь доводил Кейти до неприятностей? — Разговор о ней расслабляет меня.

Он качает головой.

— А медведь какает в лесу? Как сам думаешь? Хотя это и своего рода дар божий, люди всегда отступают, когда она стоит на своем. И они любят и уважают ее за это, потому что в ее словах всегда есть правда. Эта хрупкая маленькая женщина может заставить прогнуться под себя любого мужика. Поверь мне, я это видел. Черт, да я сам это делал. — Гас начинает смеяться.

Я подхватываю его смех.

— Как и я.

Теперь и я стою, упираясь в перила всего в нескольких шагах от Гаса. Мы наблюдаем за тем, как волны разбиваются о берег, и молчим. Он бросает вторую сигарету в пепельницу и подкуривает третью.

— Келлер, я хочу задать тебе вопрос и хочу услышать честный ответ. Никакой лапши на уши, чувак.

Он мельком смотрит на меня уголком глаз, и я киваю.

— Ты любишь ее, ведь так? И сердцем, и душой?

Я опять киваю.

— Люблю. И сердцем, и душой.

Он секунду размышляет над моим ответом, а потом смотрит на волны.

— Это хорошо, потому что она заслуживает того, чтобы ее любили всем гребаным существом. Я бы пнул тебя под зад, если бы это оказалось не так. — Никаких шуток, он действительно имеет это в виду.

Мне бы следовало промолчать, потому что при любых других обстоятельствах мои слова были бы неуместны, но Гас должен высказаться.

— Ты тоже любишь ее. — Это не вопрос.

Он пристально смотрит на волны на горизонте и делает еще одну затяжку.

— Конечно. Она же моя лучшая подруга. Как можно не любить Опти?

Я, как и он, наблюдаю за теми же волнами, потому что не хочу видеть лицо Гаса, когда я дожму его.

— Это не то, что я спрашиваю. Ты любишь ее — и сердцем и душой?

Его плечи резко опускаются.

— Ты не хочешь услышать этот ответ, чувак.

— Наверное, нет. Но я вижу, как ты смотришь на Кейти. Все происходящее рвет тебя на части на совершенно другом уровне. Когда я смотрю на тебя, то мне кажется, что ты — мое отражение в зеркале.

Он фыркает, приглаживает волосы рукой и собирает их в хвост. Ему хочется высказаться, но он сдерживается ради меня.

— Гас, тебе нужно с кем-нибудь поговорить. Может, я и не идеальная кандидатура для этого, но все, что ты скажешь, останется между нами.

Наконец он поднимает голову и пристально смотрит мне в глаза, а потом моргает несколько раз и вздыхает.

— К черту все. Да, я люблю ее. Честно признаться, я даже не помню, когда это было не так.

Как я и подозревал все это время.

— А ты говорил ей, как оно есть на самом деле?

Гас поворачивается спиной к воде и садится на поручни лицом к дому.

— Нет.

— Почему нет? — На часах три утра. Я сижу и разговариваю о любви другого мужчины к своей девушке. И, черт возьми, мне жаль его. Наверное, мне нужно поспать.

— Потому что я всегда думал, что она заслуживает лучшего. И я знал, что однажды она встретит кого-нибудь такого же удивительного, как и сама Опти. Это все, чего я для нее хотел. — Никогда в жизни я не слышал более искренних слов.

Перемещаюсь на другую сторону веранды, потому что не смогу смотреть на него, когда скажу то, что должен.

— Я знаю, что вы с ней переспали. В ту ночь, перед тем, как она уехала в Грант.

Я жду, что он потребует объяснить, откуда я узнал столь личную информацию.

Но Гас этого не делает.

— Лучшая гребаная ночь в моей жизни, чувак. Прости, я знаю, что говорить тебе такое

— идиотизм, но так оно и было.

Я поворачиваюсь к нему лицом и киваю. Это странное чувство товарищества может быть только результатом длительного отсутствия сна и надвигающейся смерти.

Гас качает головой, как будто раздумывает над тем, стоит ли открывать рот во второй раз. Как бы то ни было, он делает это.

— Келлер, чувак, ты не обязан мне отвечать, но тебя когда-нибудь терзала мысль о том, что после того, как она уйдет, ты уже никогда не будешь прежним? Что остаток твоей жизни будет бесконечной черной дырой, лишенной счастья и любви?

Я киваю.

— Мне не нравится об этом думать, но иногда я ничего не могу с собой поделать. Я знал ее очень короткое время, но она полностью изменила меня. Я чувствую, что не должен подводить ее. Но да, это будет очень тяжело. Каждый чертов день, мужик.

Он подходит и хлопает меня по спине. Его глаза опять выглядят уставшими.

— Пойдем в дом. Спасибо, что выслушал, чувак. У нас никогда не было этого разговора. Согласен?

Я опять киваю.

— Согласен.

— И спасибо за то, что не врезал мне по лицу и не оторвал яйца. Не уверен, что сделал бы то же самое, если бы был на твоём месте. Ты хороший чувак, Келлер. Не удивительно, что Опти так сильно любит тебя.

Мне приходится посмотреть ему в глаза, чтобы он поверил в то, что я собираюсь сказать.

— Ты и сам не плох. И она тоже любит тебя, Гас.

Он кивает и толкает раздвижную стеклянную дверь.

— Мне не нравится заставлять Опти ждать. Никогда не нравилось. Пойдем.

Келлер

Кейти умерла сегодня.

Она ушла тихо и спокойно. Как и должно было быть, ведь она ненавидела привлекать к себе внимание. Она просто вдохнула, а потом выдохнула. И все. Следующего вдоха Кейти так и не сделала.

На часах было 1:37 вечера. На улице светило солнышко. Окно рядом с ее кроватью было распахнуто, чтобы она могла вдыхать пропитанный морской солью воздух и чувствовать легкий ветерок на своем лице.

Гас сидел с левой стороны кровати, держа двумя руками ее ладонь. Я — с правой и сжимал другую руку. Одри сидела в кресле у нее в ногах, со Стеллой на коленях. Кейти была окружена теми, кто больше всего ее любил.

Когда линия на кардиомониторе стала прямой, и он начал подавать сигналы, тихо вошла медсестра из хосписа и проверила пульс. Его не было. Она с сочувствием кивнула, а потом оставила нас одних.

У Гаса моментально потекли слезы. Он в последний раз сжал ее руку, поцеловал в лоб, сказал «прощай» и «я люблю тебя», а потом ушел. Мы слышали, как через мгновение хлопнула дверь, а потом визг колес, когда он умчался на своем грузовичке.

Я несколько минут продолжал гладить Кейти по волосам, не желая оставлять ее. Когда Стелла слезла с колен Одри, забралась на место Гаса и попрощалась с ней, я больше не смог сдерживать слезы. Я слез с кровати, обхватил ее лицо руками, закрыл глаза, в последний раз нежно поцеловал ее в губы и прошептал на ухо: «Спасибо за доверие. Спасибо за то, что позволила мне любить себя»

Перегнувшись через Кейти, я взял на руки Стеллу. Интересно, должен ли я считать себя плохим отцом, из-за того, что разрешил ей при всем этом присутствовать.

Стелла крепко цеплялась за меня. Но, несмотря на грусть, висящую в воздухе, она была спокойна. Я подошел к стулу, на котором сидела Одри и положил руку ей на плечо. Она накрыла ее своей и сжала. Это был одновременно и жест благодарности, и душевного потрясения, и утешения.

Мы со Стеллой пошли на пляж и построили из песка замок. У нас ушло на это несколько часов. Мы были в песке с ног до головы и только, когда стемнело, решили, что наше творение закончено.

Кейти бы оно понравилось.

Келлер

Сегодня похороны Кейти. Они начнутся через несколько минут. Последний час я провел в церкви, с Одри, помогая ей все подготовить. Стелла осталась с моим отцом, Дунком и Шел. Они прилетели вчера вечером.

Я захожу в часовню и вижу, что она полна людей. Так странно находится с кем-то в очень близких отношениях, но узнавать всего лишь несколько лиц. Я занимаю место рядом с Дунком и Стелла перебирается с его коленей на мои.

— Привет, папочка.

— Привет, малышка. Ты утром хорошо вела себя с дядей Дунком?

Она кивает.

— Мы ходили на пляж. Я нашла две ракушки. — Она засовывает руку в карман на юбке и достает двух плоских морских ежей. — Я принесла их для Кейт. Ей ведь нравятся ракушки, правда папочка?

Я киваю.

— Ей нравятся ракушки. Это очень мило с твоей стороны, Стелла. — Я целую ее в кудрявую макушку и вдыхаю сладкий запах своей маленькой девочки.

Большую часть службы я «отсутствую». Не знаю, длинная она была или короткая. Я просто не могу сконцентрироваться. В голове быстро сменяются образы и воспоминания, но в то же время в ней какая-то пустота. А потом священник передает микрофон Одри, и я прихожу в себя.

Она прикладывает к глазам платочек и всхлипывает перед тем, как прочистить горло.

— Меня зовут Одри Хоторн. Кейт была нашей соседкой большую часть жизни. Я всегда считала их с сестрой Грейси своими дочерьми. В Кейт мне нравилось очень многое. Нам будет не хватать ее. Мы решили не произносить прощальных речей и вместо этого написали ей письма. Сейчас я бы хотела их зачитать.

Одри делает вдох и разворачивает первое письмо.

Дорогая Кейт,

Когда я думаю о тебе, то представляю себе шестилетнюю девчушку, играющую на пляже с Гасом и Грейс. Радость, которую ты излучала, была физически осязаемой. Все, кто был рядом с тобой, чувствовали ее. Я горжусь тем, какой женщиной ты стала. Ты была такой сильной, умной, талантливой, преданной, харизматичной и прекрасной.

Нам по настоящему повезло, что ты была в нашей с Гасом жизни и что мы могли называть тебя семьей.

Я тебя крепко-крепко обнимаю. Ты чувствуешь?

Я люблю тебя,

Одри

Дражайшая Кэтрин,

Могу с абсолютной уверенностью сказать, что влюбился в тебя (платонически, конечно же) с первого взгляда. Сначала я думал, что это из-за

твоего необычного чувство стиля, но потом ты подошла, чтобы поговорить со мной, действительно поговорить, и тогда я понял, что ты без сомнения добрейшая душа, которую я когда-либо встречал. Я тогда переживал очень непростой период в жизни, а ты села за мой столик в тот день и буквально украсила его своим присутствием. Твоя дружба открыла для меня мир возможностей, о которых я даже не мечтал. Твое мужество из раза в раз доказывало мне, что не всем жизнь дается легко. Нам всем нужно бороться, чтобы сделать ее такой, какой мы хотим. Я никогда не забуду тебя. Ты — прекраснейшая из всех людей в моей жизни, и снаружи, и изнутри. Ты — мой ангел.

*Со всей любовью,
Клейтон*

Дорогая Кейт,

Я скучаю по нашим играм. По твоей щекотке и объятиям. Я скучаю по твоим песням. И чтению. Мисс Хиггинс тоже скучает по тебе.

*Люблю,
Стелла*

Кейт,

Как группа, мы будем скучать по твоему невероятному таланту. Твоя самоотдача помогла всем нам стать лучше, как музыкантам. Твое присутствие заставляло нас выкладываться по полной. В одном твоём маленьком пальчике было больше таланта, чем в нас всех вместе взятых. Если бы не ты, мы бы никогда не добились того, что имеем сейчас. Спасибо тебе.

Как твои друзья, мы будем скучать по всему: твоему упорству и бескомпромиссности, поддержке и доброте. А больше всего мы будем скучать по твоему чувству юмора. Никто не мог рассмешить нас так, как ты. Особенно, если это было за счет Франко.

*Мы скучаем по тебе,
Джейми, Робби и Франко.*

П.С: Мы надеемся, что на небесах есть трасса Формула 1 и что в твой первый день Господь разрешит тебе сесть за руль, потому что ты сможешь порвать всех.

Счастливого пути, Кейт.

Дорогая Кейт

Ты научила меня, как выходить за пределы зоны своего комфорта и делать вещи, которые до этого пугали меня. Ты научила меня, что не страшно выглядеть глупо и совершать ошибки. Что не страшно смеяться по поводу и без.

Ты не знала об этом, но я боролась с демонами всю свою жизнь. Благодаря тебе я теперь встречаюсь с ними лицом к лицу. Спасибо за то, что вошла в мою дверь шесть месяцев назад, подруга. Это самое лучшее, что когда-либо случилось со мной.

Ты изменила мою жизнь.

*Люблю,
Твоя партнерша по танцам.
ПС: Ты самая крутая среди крутых.*

Кейти,

На словах очень сложно передать, что ты значишь для меня. Я восхищаюсь твоим отношением к жизни. Оно вдохновило меня. Оно влюбило меня в тебя. Ты заставляла меня проявить себя, как никто и никогда в моей жизни. Ты показала мне, что такое мужество и храбрость. Твоя искренность, открытость, бесконечная поддержка и любовь сделали меня лучше, как человека, отца, партнера, мужчину.

*Я до боли скучаю по тебе.
Я всегда буду любить тебя, детка.
Келлер*

Опти,

Я не очень хорош в этой фигуре, но ты и сама это знаешь, поэтому буду краток и мил. Я надеюсь, что прямо сейчас ты сидишь с Грейси на облаке, и вы едите «Твикс», один на двоих. Я надеюсь, что на небесах солнце светит каждый день, волны всегда громадные, а рассветы захватывающие. Я надеюсь, что там каждый день утром, в обед и вечером наливают крепкий черный кофе и подают вегетарианские тако по четвергам. Я также надеюсь, что специально для тебя у них припасена скрипка, и ты каждый день играешь на ней.

Ты сказала мне «жить на полную катушку». Я стараюсь. Ты же в этом преуспела. Ты делала каждый день сказочным. Я буду скучать по этому.

*Я люблю тебя,
Гас*

Я слышу, как присутствующие начинают хлюпать носами и всхлипывать. Одри отчаянно старается сохранить самообладание, и когда мне кажется, что она вот-вот сорвется, она делает несколько глубоких вдохов.

— Кейт провела последние недели в моем доме. Она дала мне это, — Одри держит в руках запечатанный конверт, — и попросила прочитать содержимое только в конце службы. — Ее руки так сильно трясутся, что я не уверен, сможет ли она его открыть. Очень медленно она отрывает одну из сторон конверта и достает сложенный лист бумаги. Одри быстро пробегает глазами по странице и прикрывает рот рукой.

— Извините. Я не могу.

Мне хочется встать и прочитать его, но я знаю, что не смогу сдержать слезы, которые уже и так текут ручьем, и проглотить ком в горле. Священник встает рядом с Одри и кладет ей на плечо руку, мягко убеждая ее передать конверт ему, чтобы он мог громко озвучить содержимое.

— Подождите, — говорит кто-то сзади. Под взглядами всех присутствующих он идет по проходу и прочищает горло. — Я прочитаю его. — Это Гас. После смерти Кейти он исчез, и мы его не видели два дня, хотя он и присылал несколько раз смс Одри. Его не было на службе, и я уже начал бояться, что он собирается все пропустить.

Несмотря на костюм, Гас выглядит ужасно. Судя по всему, он еще не спал.

Гас обнимает Одри за плечи и целует ее в макушку перед тем, как взять конверт. Он несколько раз сглатывает и начинает читать послание Кейти:

Мне бы очень хотелось, чтобы сегодня мы все собрались в каком-нибудь другом месте. И делали, что-нибудь другое, потому что похороны — это так печально, да и вообще просто отстой. Но раз уж вы все были так добры и собрались здесь ради меня, я хотела бы воспользоваться этой возможностью, чтобы установить несколько правил. Они начинают действовать сию же секунду и до тех пор, пока вы живы.

Номер один: Не плачьте обо мне. У меня была замечательная жизнь. Ее стоило бы, наоборот, отпраздновать, это я вам говорю. Поэтому, когда вы вспоминаете меня, улыбайтесь, смейтесь и будьте счастливы. Никаких слез.

Номер два: Каждый день проживайте как последний. Я знаю, это избитая фраза и вы, наверное, думаете, что я прочитала ее на чьем-нибудь бампере (если подумать, то это вполне возможно), но она правильная. Так что давайте, дерзайте.

Номер три: Будьте легкими на подъем. В жизни слишком много правил и ограничений. Меняйте свои планы, чтобы освободить место для веселья. Иногда опаздывайте (я наблюдаю за тобой, Келлер) и наслаждайтесь каждым моментом жизни.

Номер четыре: Не судите друг друга. У нас у всех есть свое дерьмо. Следите за своим носом, не суйте его в чужое, если только вас об этом не попросили. А если вы все же получили приглашение, то помогите, но не судите.

Номер пять: Отрывайтесь на танцполе (я слежу за вами, Шелли и Клейтон).

Номер шесть: Живите на полную катушку (это для вас, «Rook»). Музыка украшает мир. А ваша — особенно. Продолжайте. Каждый день. Мы любим вас именно за это.

Номер семь: Относитесь к друзьям как к семье. Этому меня научили Гас и Одри. Передайте это и другим.

Номер восемь: Наблюдайте иногда за закатом. Дополнительные баллы, если делаете это с тем, кто вам не безразличен.

Номер десять: Не плачьте обо мне.

Помните, я сейчас на небесах и наблюдаю за вами. Следуйте правилам. Если вы их нарушите, то я об этом узнаю.

Так что не злите меня.

Я хочу поблагодарить вас всех за то, что благодаря встрече с вами моя жизнь была такой замечательной.

Всех вас люблю. Счастливо.

Опти

На губах Гаса играет улыбка.

— Моя девочка. — Но она быстро сменяется грустью. Он кивает, отходит от микрофона, ведет Одри на ее место в переднем ряду и устраивается возле нее.

Священник заканчивает службу молитвой и все встают, чтобы выйти. Эту часть я боюсь

больше всего. Целую Стеллу в щеку.

— Малышка, иди с дедушкой и дядей Дунком. Я встречу вас снаружи.

Она кивает своей маленькой головкой и кудряшки подпрыгивают в такт ее движениям.

— А куда мы пойдём?

Я моргаю, пытаюсь сдержать слезы.

— Мы все собираемся проводить Кейти на кладбище. Там у нее будет специальное место, куда любой может прийти и пообщаться с ней.

— Как у мамочки?

— Да, также, как и у мамочки.

Дунк забирает Стеллу, когда видит, что я вот-вот расклеюсь.

— Пошли, Стелла. Пойдем на улицу и побегаем за голубями.

Я смотрю, как Стелла, Дунк и Шелл уходят и жду, когда за ними последует отец. Он останавливается передо мной и кладет руку мне на плечо.

— Мне жаль, сын. Никто не заслуживает стольких потерь, сколько пережил ты за свою короткую жизнь.

Я киваю.

Закрываю глаза и пытаюсь очистить разум, но все, что я вижу — это улыбающиеся глаза цвета нефрита. Я бы хотел просто сидеть и смотреть на них целую вечность.

Но я не могу.

Гас, Джейми, Робби, Франко и Клейтон ждут меня.

Мы молча встаем вокруг ее гроба. Он гораздо легче, чем я себе представлял и это только напоминает мне о том, какой хрупкой и тоненькой она была в последние дни. Ее вес составлял, наверное, около 75 фунтов. Это было душераздирающее зрелище.

Дорога к катафалку — короткая.

Дорога на кладбище — длинная.

Это все, что я помню. Остальное — размыто. Я чувствую, как во мне поднимается паника.

Священник еще продолжает что-то говорить, когда я передаю Стеллу отцу и выхожу из-под тента, чтобы подышать свежим воздухом. Замечаю желтые тюльпаны и «Твикс» возле надгробия Грейс, рядом с могилой Кейти

Я обхожу тент сзади и вижу Гаса, который стоит и курит. Даже не взглянув на меня, он вытаскивает пачку из кармана и протягивает ее мне открытой стороной.

— Хочешь?

Я ни разу в жизни не курил. Но сейчас я не могу мыслить трезво и соглашусь на что угодно, если это облегчит страх, который душит меня. Я достаю одну сигарету и беру зажигалку, которую передает мне Гас. Не имея понятия, что делаю, я прикуриваю и глубоко затягиваюсь. Легкие обжигает огнем, и я не могу сдержать внезапный кашель.

— Первый раз? — спрашивает Гас.

Я снова кашляю.

— Это так очевидно?

— Бросай это дело, — мягко говорит он.

Отдаю ему свою сигарету.

— Да, наверное, ты прав.

Последняя затяжка и он бросает сигарету на землю и тушит ее каблуком, одновременно начиная докуривать мою.

— Тебе нужно бросить, — говорю я.

— Я знаю. Опти всегда мне говорила об этом. Каждый раз, когда я теперь курю, чувствую себя чертовски виноватым. Но я не могу отказаться. Я пытался. — Потом он переводит взгляд на меня. Ма отдала тебе конверт?

— Да. — Сегодня утром Одри передала мне конверт от Кейти. Она сказала, что несколько недель назад Кейти оставила ей два CD диска; один для меня, второй для Гаса, и попросила вручить их нам сегодня.

— Ты уже прослушал свой?

— Нет еще. А ты? — Я планирую включить его сегодня вечером, когда мы вернемся в Миннеаполис, и Стелла пойдет спать. Мне нужна тишина и уединение, потому что я знаю, чтобы это ни было, оно разбередит мне душу.

— Нет еще. — Судя по голосу, Гас нервничает.

Толпа начинает разбредаться по своим машинам.

Я показываю на тент.

— Пошли, нужно со всем этим закончить.

Гас пристально смотрит на землю под ногами. Такое ощущение, что он полностью отключился. Но потом он, наконец, мигает несколько раз и говорит:

— Я не могу, чувак. Я попросился с ней два дня назад. Я должен поскорее убраться отсюда. Я больше не могу этого видеть.

— Хорошо. Тогда увидимся у тебя дома. Мы заедем забрать чемоданы перед тем, как отправимся в аэропорт.

— Меня там не будет.

— Куда ты собираешься?

— Не знаю. Мне нужно сбежать на какое-то время. — Его взгляд становится холодным и отстраненным.

Я должен дать ему возможность справиться со всем самому. Нам всем это нужно. Я подаю ему руку, и он пожимает ее.

— Оставайся на связи, мужик. Если нужно, звони.

Он хлопает меня по плечу.

— Спасибо чувак. И ты тоже.

Я смотрю как Гас идет по кладбищу и наконец исчезает на горизонте. Я не имею понятия, куда он идет — пешком. Его грузовичок все еще стоит возле церкви, в нескольких милях отсюда. Смерть Кейти продолжает обрушиваться на меня, как ударяющиеся о берег волны. И в этом самый момент меня накрывает с головой. Она ушла. Я никогда не увижу ее. Не услышу ее голос. Не дотронусь до нее. От осознания этого, я падаю на колени и начинаю рыдать. Я плачу, потому что хочу, чтобы она вернулась. Я плачу, потому что ненавижу рак. Я плачу, потому что жизнь ужасно несправедлива.

Чья-то рука мягко ложится мне на спину, и я скорее чувствую, чем вижу, как кто-то приземляется рядом со мной.

— Сын?

Мой отец. Я пытаюсь остановиться, но не могу. Смотрю на него и хватаю ртом воздух.

— Я... хочу... чтобы... она... вернулась, — всхлипывая, говорю я. Он ничего не отвечает, и я продолжаю. — Почему Кейти?

Я жду от него логического, медицинского объяснения, но вместо этого он берет меня за руку, помогает встать на ноги, а потом обнимает.

Отец обнимает меня.

И позволяет выплакаться у себя на плече.

Когда слезы перестают течь, он отпускает меня, достает из кармана платок и передает его мне. Я протираю лицо и высмаркиваюсь. Не говоря ни слова, он ведет меня к арендованной машине и помогает устроиться на заднем сиденье, где уже ждут Стелла и Дунк.

Ты думаешь, что знаешь человека, а потом раз — и он меняется. Или меняешься ты. А может быть, меняются оба. И это меняет все.

Келлер

Сегодня я получил письмо от Одри. Ее имя на конверте берedit мою незаживающую рану. Я дожидаюсь, когда Стелла пойдет спать и открываю его. Выпадает маленький клочок бумаги. Я оставляю лежать его на полу.

Дорогой Келлер,

Одним из последних желаний Кейти было оставить тебе это. Она рассказала мне о твоей ситуации, и я полностью с ней согласилась. Я надеюсь, что это поможет тебе достигнуть своих целей и стремлений.

Я была рада провести время с тобой и Стеллой, хотя и предпочла бы, чтобы это происходило при других обстоятельствах. Твоя дочь — восхитительна. Люби и лелей ее. Я скучаю по ее голосу и смеху. В доме без нее стало тихо. Мои двери всегда открыты для вас двоих, если вы когда-нибудь решите навестить меня. Пожалуйста, передай привет Стелле.

Я надеюсь, что время излечит твое разбитое сердце и оставит только приятные воспоминания о Кейт. Она была прекрасным человеком.

*Люблю,
Одри*

Я снова плачу. Сейчас я так часто плачу, что иногда даже не осознаю этого, пока слезы не начинают катиться по щекам ручьем.

Клочок бумаги с пожеланием Кейти лежит на полу перед комодом. Я поднимаю, переворачиваю его и вижу согнутый на две половинки чек. К нему приклеена написанная рукой Кейти записка.

Келлер,

Недавно отец прислал мне деньги. Я отдала часть из них Одри, на похороны, и хочу, чтобы остальное забрал ты. Надеюсь, эта сумма покроет оставшуюся оплату за учебу. Ты будешь отличным учителем!

*Я люблю тебя, малыш.
Кейт.*

Отклеиваю записку. Хорошо, что я стою прямо перед кроватью, потому что у меня подгибаются ноги. Чек на сорок тысяч долларов. На мое имя.

На память сразу же приходит то, что написал о Кейти Клейтон на похоронах. Она и вправду ангел.

Келлер

Мы дома вот уже пять дней. Я вернулся на работу и учебу, а Стелла начала посещать детский сад. Ей нравится. Я знал, что так оно и будет. Она очень подвижная, дружелюбная и любознательная девочка и могла бы преуспеть где угодно.

Все это время я избегал CD, который передала для меня Кейти. Он лежит на комодке рядом с нашей с ней фотографией с тех пор, как мы приехали, и я вытащил его из чемодана. Три раза я держал его в руках, намереваясь открыть, но так и не смог заставить себя сделать это.

Сейчас я снова смотрю на диск.

А он смотрит на меня.

На часах больше одиннадцати, и я уже должен спать, но без нее это очень трудно. Последние несколько ночей я провел в кресле.

Откидываю одеяло и залезаю в кровать. Утыкаюсь лицом в подушку и делаю глубокий вдох. Она все еще пахнет ей. Кейти не было в квартире вот уже месяц, а я так и не решился постирать ее наволочку. Я до сих пор сплю в футболке, в которой спала она. От нее тоже пахнет ею, но запах постепенно тускнеет. Иногда я думаю, что его уже совсем не осталось, что он лишь в моем воображении. Я перекатываюсь на спину и пристально смотрю на потолок.

— Кейт, я скучаю по тебе. Очень сильно. Каждую секунду каждого дня я думаю о тебе. Сейчас я собираюсь прослушать твой CD. Я знаю, что буду плакать, но я работаю над тем, чтобы быть сильным и храбрым. — Трясущимися руками я беру конверт, провожу подушечками пальцев по буквам, написанными ее изящным, отчетливым, не похожим ни на чей другой, почерком. Таким же, какой была она сама.

Просунув палец под отворот конверта, я начинаю сомневаться. Неожиданно он кажется мне чем-то ужасно страшным. Мне становится жарко, к горлу подступает тошнота. Дыхание ускоряется, как будто я только что пробежал спринт. Я крепко сжимаю глаза, пытаюсь выбросить все это из головы.

— Ты — храбрый, — напоминаю я себе. Повторив это несколько раз, я открываю слезящиеся глаза и еще раз смотрю на диск. — Ты — храбрый. Я храбрый.

Я открываю конверт и достаю из него CD. Он абсолютно чистый. Никаких надписей, никаких опознавательных знаков. Никаких подсказок, чего мне стоит ожидать.

Из сумки рядом с кроватью я достаю ноутбук и включаю его. Перед тем как вставить диск, открываю папку с фотографиями. Сначала мне необходимо посмотреть на ее лицо. За последние пару месяцев я сделал несколько дюжин снимков — нас двоих, ее и Стеллы и просто Кейти. Подключаю наушники и вставляю их в уши.

Вытираю глаза, открываю меню и нажимаю на воспроизведение. Я оказался не готов к тому, что услышал. Это ее голос. Она говорит со мной. Если я закрою глаза, то могу представить себе, что она находится вместе со мной, в комнате. Именно это я и делаю.

— Привет, Келлер. Я знаю, что ты услышишь это только после того, как я уйду. Наверное, это немного странно, но, если бы я оказалась на твоём месте, то хотела бы еще раз услышать твой голос. Так что начнем, детка.

— Я всегда думала, что забота о других — это моя работа. Я была нужна своей

сестре. Я была нужна матери. Я всегда верила в любовь, как принимающую, так и отдающую. Грейси, Гас, Одри, мои друзья...я любила их, а они любили меня. Они помогли мне не превратиться в жестокого и измученного жизнью человека. Человека, каким я никогда не хотела быть. Я выросла с верой в то, что должна быть сильной. Мне нужно было держаться, потому что от меня зависели люди, и я хотела быть рядом, чтобы помочь им.

— Сожалею ли я об этом? Нет, черт возьми. Я ни о чем не сожалею. Благодаря этому я стала тем, кто я есть.

— Но в тот день, когда я вошла в «Граундс» и увидела тебя, говорила с тобой, флиртовала — что-то изменилось во мне. Это был один из лучших дней в моей жизни. Правда. Ты меня дико привлек физически, потому что — давай признаем это, Келлер, — ты сексуальный: глаза, лицо, волосы, задница...ммм... Но кроме этого, в тебе было кое что более привлекательное, чем просто внешний вид. Что искреннее и неподдельное. Ты был дружелюбным, казался немного ранимым, нервным и очень, очень настоящим. Я знала, что мы должны были стать друзьями.

— Я боролась со своими чувствами. Боролась изо всех сил, потому что я — Кейт Седжвик и не вступаю в отношения. К тому же я умирала.

— Но я не смогла ничего с собой поделать. Каждый новый день я влюблялась в тебя чуточку больше. Мне нравилась твоя улыбка и то, что ты читаешь классику. Мне нравилось, что ты ненавидел, когда я опаздывала. Я любила твою терпеливость и то, как ты слушал меня — как будто я была единственным человеком в мире. Я любила то, что ты играешь на гитаре и то, что тебе нравится черный кофе (лучший способ пить его). Мне нравилось, что ты не просто папочка, а изумительный папочка. Твоя преданность дочери — это ужасно сексуально. Знаю, звучит странно, но это так. Мне нравилось, что ты вдумчивый и романтический. Мне нравилась твоя настойчивость и неспособность принять «нет» за ответ. Мне нравилось, что твои эмоции всегда у тебя на лице, и ты никогда не мог их спрятать. Ты бросил мне вызов. Люди никогда так не поступали со мной. Мне это было нужно. И мне это понравилось.

— Ты подарил мне мою собственную сказку. Я доверила тебе свое сердце. Я никогда этого не делала, но благодаря тебе, это того стоило. Твоя любовь и то, как ты заставлял меня чувствовать ее каждой клеточкой тела, была раем. И физически, и эмоционально. Я ощущала себя такой...любимой. Когда ты разговаривал со мной, смотрел на меня или дотрагивался — я чувствовала себя обожаемой. Красивой. Бесценной. Я чувствовала твою преданность и страсть. Она была ошеломляющей. Я надеюсь, что ты тоже ощущал ее с моей стороны.

— Благодаря тебе я узнала, что не страшно зависеть от другого человека. Не страшно позволить себе разделить свою ношу проблем с ним. Я могла расплакаться перед тобой. А ведь я не плачу. Я могла быть слабой и ранимой, когда мне это было нужно. А ты не осуждал меня. Ты мог быть сильным для нас обоих. Я могла высказать свои страхи вслух. Я могла говорить о своей семье и прошлом. Ты даже не знаешь, какое это было для меня облегчение. Твоя поддержка была...просто невероятной.

— Я уехала в Миннесоту, чтобы вычеркнуть колледж из своего «последнего» списка. Но я никогда даже не представляла, что встречу там тебя. Спасибо за все, Келлер Бенкс.

— А теперь нам нужно поговорить о твоём будущем. Мне очень важно, чтобы ты это услышал. Закончи учебу и начни преподавать английскую литературу в средней школе. У

тебя есть дар, который ты должен разделить с другими. Ты будешь как Сидни Пуатье из «Учителю, с любовью». Найди в этом мире особое место для себя и Стеллы. Место, в котором она вырастет в невероятную женщину. Я даже не сомневаюсь, что она станет именно такой. Поощряй, поддерживай и люби ее... И пожалуйста, пожалуйста найди ту, с кем сможешь разделить свое огромное сердце. Потому что, когда ты отдаешь себя любви, малыш, это невероятно. Ты любишь и ум, и тело, и душу. Без сомнений. Без вопросов. Без ограничений. Полюби так же еще раз. И когда это случится, я надеюсь, что она сделает тебя такой же счастливой, какой сделал меня ты. Стелле нужны братья и сестры, Келлер. Мисс Хиггинс великолепная черепаха, но он их не заменит.

— Я знаю, что сейчас ты грустишь. Ты можешь оплакивать меня, но не держись за это. Горе разбивает жизнь. Позволь ей продолжаться. Помни меня и будь счастлив. Впереди тебя ожидает невероятная жизнь. Наслаждайся каждой минутой, начиная с этого момента.

— Ты — храбрый. Повторяй вместе со мной: ты храбрый.

— Я люблю тебя, малыш... Я люблю тебя, малыш.

У меня болит сердце, а лицо мокрое от слез. Но неожиданно, я понимаю, что улыбаюсь... улыбаюсь, в то время как разбитое сердце угрожает расколоться на две половинки. Улыбка — это маленькая частичка счастья, которая никогда не оставит меня, это Кейти, снова и снова. До встречи с ней, я не знал, что счастье может быть таким. Долгое время мое сердце было закрыто, но она открыла его в тот день, когда переступила порог «Граундс». Это заняло всего лишь несколько мгновений. С растрепанными волосами, пронзительными глазами и в этой чертовой самодельной футболке она была не только восхитительной, но и уверенной, смешной и доброй девушкой. Она была самым честным человеком, которого я встречал. Она знала жизнь и как относиться к людям, чтобы они чувствовали себя особенными и нужными. Я дал ей все, что у меня было. Я позволил ей увидеть и плохое, и хорошее. Я показал ей вещи, которые не видела ни одна живая душа. Она заставила меня пристально посмотреть на себя и свою жизнь. А ее любовь дала мне мужество изменить ее.

Я до сих пор не могу поверить в то, что она ушла. Та черная дыра, о которой мы говорили с Гасом — я борюсь с ней каждый день. Я борюсь ради нее... ради себя... и ради своей дочери.

У Кейти был невероятный дар видеть лучшее в любой ситуации, и плохой, и хорошей. Звучит легко, но в условиях далеких от нирваны, это тяжело. Счастье, излучаемое Кейти, ее постоянный оптимизм были работой для нее. Не думаю, что она стало бы это отрицать. Для того, чтобы нести это в себе каждый день, нужно мужество. Веселость, заботливость и чувство юмора было не только частью ее, но и намеренным, обдуманым выбором. На ум приходит то, что сказал Гас несколько месяцев назад. Кейти не просто выглядит оптимисткой... она так живет.

Он был прав.

И это делало ее самым храбрым человеком, которого я когда-либо знал.

Ты — храбрая...

Больше книг на сайте — Knigolub.net